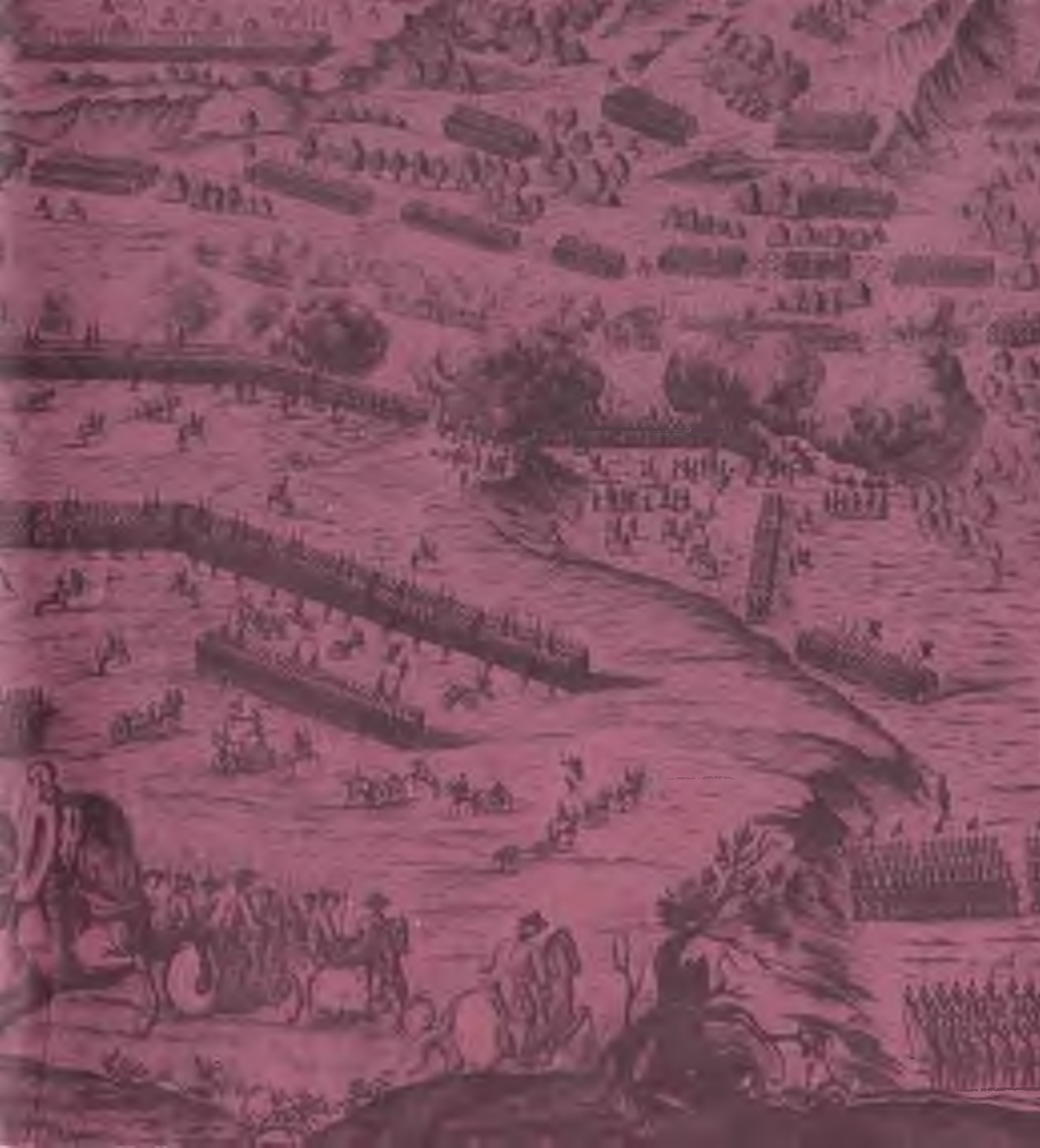

А. МИТЯЕВ
ВЕТРЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**ВСЕ МОЖЕТ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ:
МОЖЕТ НАКОРМИТЬ СВОИМ ХЛЕБОМ,
НАПОИТЬ ИЗ СВОИХ РОДНИКОВ,
УДИВИТЬ СВОЕЙ КРАСОТОЙ.
ВОТ ТОЛЬКО ЗАЩИТИТЬ САМА СЕБЯ НЕ МОЖЕТ.
ПОЭТОМУ ЗАЩИТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ —
ОБЯЗАННОСТЬ ТЕХ, КТО ЕСТ ЕЕ ХЛЕБ,
ПЬЕТ ЕЕ ВОДУ,
ЛЮБУЕТСЯ ЕЕ КРАСОТОЙ.**

А. МИТЯЕВ

ВЕТРЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ

РАССКАЗЫ О ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ ПРЕДКОВ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

P2
M67

Научный редактор
доктор исторических наук
Б У Г А Н О В В. И.

М 4803010102—341 390—83
М101(03)84

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СЛАВНАЯ РЕКА РОСЬ

7

ПОХОД НА ЦАРЬГРАД

13

ОБОЮДООСТРЫЙ МЕЧ СВЯТОСЛАВА

21

БОГАТЫРСКАЯ РУСЬ

31

«...НЕ СНИМАЙТЕ ОРУЖИЯ, НЕ ОГЛЯДЕВШИСЬ»

39

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

53

ВЕТРЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ

79

НА РЕКЕ УГРЕ

101

ПЕРВЫЕ ШАГИ К МОРЯМ

111

«В ПОТЕ, В ПЫЛИ, В ДЫМУ, В ПЛАМЕНИ...»

129

ПОЛКОВОДЕЦ СУВОРОВ И ФЛОТОВОДЕЦ УШАКОВ

227

Буганов В. И. П о с л е с л о в и е

314

СЛАВНАЯ РЕКА РОСЬ

чего начиналась Рос-
сия? От какого корня по-
шел жизнестойкий ро-
сток?

Название родительско-
го дерева — славяне. Они
расселились в далекие
времена между Днестром
и Лабой — Эльбой, меж-

ду Карпатскими горами и Балтийским
морем. От славянского дерева, прикрыв-
шего своей кроной огромные простран-
ства Европы, отходили в самостоятельную
жизнь многочисленные, как побеги, пле-
мена.

Молодые дубки укреплялись на земле.
Одни счастливо жили. Иные же погибали.
Так, под натиском германцев исчезли бо-
дричи, руяне, лютичи, хижане, стодоряне,
смолинцы... Памятью о них остались лишь
названия основанных ими поселений.

Русь — предшественница России — дала
росток в юго-восточном краю славянской
земли, в Приднестровье, в том числе в По-
росье. Через всю теперешнюю Киевскую
область, пересекая ее с запада на восток,
течет река Рось. На берегах этой реки и
жили люди, которых звали росами или
русами.

О том, что они есть, знали в далеких от
Роси странах. Сирийский историк в VI ве-
ке, перечисляя народы к северу от Черного
моря, упоминает народ hros — рос. Гот-
ский историк тогда же делает запись о ро-
сомонах, населяющих Приднестровье.

Волгарами, волжанами называют тех,
кто живет у Волги, донцами называют ка-
заков с Дона. Нет ничего особенного в том,
что людей, живших на берегах Роси, назы-
вали росами.

А что значит рось?

Любопытное исследование этого слова

Русский
конный
воин,
Старинная
литография

Охота
на медведя.
Фреска
из Софийского
собора в Киеве,
XI в.

есть у советского поэта Сергея Сергеевича Наровчатова. В лесах у Роси и ее притоков Росавы и Роськи водились в большом числе медведи. Ни в русском языке, ни в украинском этот зверь своим точным именем не называется. Называется иносказательно: мед ведающий или мед едящий¹. Так, иносказательно, называли только священных животных, от которых племя будто бы вело свой род. Назвать священное животное точным именем — значило навлечь на себя страшную беду. Истинное название зверя поэтому забылось. А можно ли восстановить его, если с той поры прошло полторы тысячи лет? Можно. И с достаточной достоверностью.

Надо обратиться к языкам, родственным славянским.

На латыни медведь *ursus*, по-французски — *ours*, по-итальянски — *orso*, на древнеперсидском — *arsa*. Очень схоже с «рось». Зная это, можно предположить:

¹ По-украински медведь — ведмідь.

«рось» — «медведь»... Интересны местные названия реки Рось: Россь, Росса, Русь и Урьс. Росью в старину называлась река Оскол. Один из притоков Сейма назывался Русой. Такие же названия имели и другие реки в том районе. Так что мы можем думать, что наши далекие предки считали своим прародителем и покровителем медведя — зверя сообразительного, сильного.

Каким образом арабские историки узнали о существовании русов? Ведь на Роси, судя по древним документам, арабы не бывали. Славяне сами навещали южные края. Их корабли плавали в Средиземном море. От главного города русов — Родень, что стоял при впадении Роси в Днепр, путь в Средиземное море не близкий: сначала по Днепру, потом по Черному морю, через пролив Босфор в Мраморное море, оттуда через Дарданелльский пролив в море Эгейское...

На глазах у многих народов проходили торговые и военные плаванья наших далеких предков. И надо было действительно иметь силу, храбрость, мужество, чтобы выдержать морские бури, отбиться от врагов.

Не меньшего мужества требовала от русов жизнь в родных местах. К югу от лесостепного Поросья до моря лежала широкая

КИЕВСКАЯ РУСЬ, IX—XI вв.

Синие стрелки — водный торговый путь «из варяг в греки».

Скрененные мечи — места сражений киевских дружин.

Красные стрелки — походы Святослава.

Границы Киевского государства:

1 — государство при Олеге к 912 г.,

2 — земли, вошедшие в Киевскую Русь

при Игоре и Ольге к 957 г.,

3 — при Святославе к 972 г.,

4 — при Владимире к 1015 г.,

5 — при Ярославе к 1054 г.

Оружие
далеких
предков.

степь. По ее просторам из Заволжья к Дунаю, к богатым черноморским городам двигались, сменяя одна другую, орды кочевников — с медлительными стадами, скрипучими повозками, юртами, с быстрыми конными отрядами впереди. По пути они были не прочь разграбить селения русов, выжечь, истоптать нивы, угнать в полон людей... Есть разница в значении слов «плен» и «полон». Старое слово «полон» страшнее: оно означало рабство до конца дней несчастного полонянина или полонянки, продажу на торгу, изнурительную работу, жизнь без радости и надежды.

Так, вынужденное своим местоположением постоянно быть готовым к битвам, племя русов окрепло настолько, что стало во главе союза славянских племен, который назвался Русью, Русской землей.

Русь стала щитом, прикрывшим от сабли и стрелы кочевников своих единокровных соседей, живших севернее, — полян, древлян, дреговичей, северян, полочан, кривичей.

Русь успешно отбила нашествие обров — аваров. Это было губительное нашествие. Перед ним не устоял другой военный союз славян — во главе с дулебами, жившими в Прикарпатье. Побежденные до конца испили горькую чашу. Множество славянских воинов и их вождь Маджак были убиты. Не зная, чем потешиться, обры запрягали в телеги женщин и заставляли везти себя и поклажу...

Ко многим племенам и народам природа была ласковее, чем к восточным славянам. В теплых странах не нужно заботиться о зимней одежде, запасать корм для лошадей и волов; поля давали там по два урожая в год. А тут, чтобы прибавить клочок пашни, надо было вырубать лес, корчевать пни... Но в постоянном преодолении трудностей заключалось и благо: в характере русов закладывались стойкость, терпение,

мужество. Унынию от первой неудачи, как и радости от случайного успеха, тут не могло быть места.

Византийский император и писатель Маврикий в VI веке писал об этих качествах восточных славян: «...Они любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Храбры, в особенности в своей земле, выносливы; легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и пище. Юноши их очень искусно владеют оружием». Другой византиец, историк Лев Диакон, несколькими столетиями позже вновь отметил главные черты характера русов: «Сей народ отважен до безумия, храбр, силен». Выразительный портрет русов нарисовал сирийский историк Ибн-Русте: «Русы мужественны и храбры... Ростом они высоки, красивы собою...»

Нет, не была природа мачехой нашим

предкам. Была она строгой и требовательной матерью, готовившей своих детей к долгой жизни, наполненной великими трудами и свершениями.

Верно, не заняла бы Россия такого почетного места среди народов земли, каким оно есть теперь, если бы не еще одно качество русского характера, заложенное и воспитанное издревле. Это уважение к другим народам. У Маврикия находим запись о славянах: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как другие народы, в течение неограниченного времени... предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей».

Таким было наше далекое прошлое, а лучше сказать — таким было наше начало.

ПОХОД НА ЦАРЬГРАД

дним из красивейших и богатейших городов мира был в IX—XI веках Константинополь — столица государства Византии, Царьград, как его называли русские. За долгие столетия греческие архитекторы по-

строили в нем множество великолепных зданий. Особенно значительной была главная улица с триумфальными колоннами, статуями императоров, с крытыми галереями. Она вела к храму святой Софии, в самый центр города. Храм был велик и прекрасен, его огромный купол как бы парил в воздухе, высокие стены были украшены мозаиками, росписями, мрамором. Дальше от городского центра размещался ипподром, где состязались колесницы, а также

рынки, мастерские ювелиров, ткачей, оружейников. На самых окраинах в узких улочках жила беднота.

Купцы съезжались в Царьград со всех концов земли: венецианцы, арабы, евреи, болгары, скандинавы, русские — все везли сюда товары, а домой увозили товары купленные. На царьградском рынке меч, выкованный франками, соседствовал с китайским шелком, индийский перец с русским медом, сирийская сабля с греческим вином. Соседствовали потому, что Царьград располагался на главном торговом пути из Западной Европы в Индию и Китай, из стран, лежащих по берегам Черного моря, в страны Средиземного моря. Он стоял на берегу неширокого Босфорского пролива, отделяющего Европу от Азии, у выхода в Мраморное море.

Город, а жило в нем сто тысяч — число

Русские
пешие
воины,
X—XI вв.
Старинная
литография.

Русский
ладейный флот
осаждают
столицу
Византии.
*Рисунок
по иконе
Симона
Ушакова,
XVII в.*

очень большое по тем временам, — был надежно укреплен: его окружали земляные валы, рвы, высокие каменные стены. Дополнительной защитой служили воды пролива Босфор и бухты Золотой Рог, омывавшие подножия крепостных стен. Вход в бухту в случае опасности перегораживали толстой железной цепью, непреодолимой для кораблей.

Византийцы имели большое войско: конницу, пехоту, отряды метательных ма-

шин — баллист и катапульт, бросавших тяжелые копья, заостренные бревна, многопудовые камни и сосуды с горючей жидкостью. Для морских боев и перевозки десантов у них были корабли-триеры с парусами и веслами. Воины Византии, их начальники сражались искусно и беспощадно, бывали и невероятно жестокими. Однажды, напав на соседнюю Болгарию, они взяли в плен пятнадцать тысяч человек, всем им выкололи глаза и слепых отпустили домой. Расчет был прост: о таком жутком деле узнают соседние с Византией народы и будут ее бояться.

Византийские императоры сами жили в постоянной тревоге. В империи часто восстанавливали бедняки и рабы, выходили из повиновения завоеванные страны, дружины разных племен направлялись в Царьград за добычей. Беспокоило их и то, что у восточных славян образовалось свое государство. Им правил князь, у князя была большая дружина. Называлось государство Киевской Русью. Его центром, главным городом, стал Киев, построенный, как и древний Родень, на берегу Днепра, но севернее километров на двести.

Почему это беспокоило византийцев? Им не хотелось иметь рядом сильного, полноправного соседа. Так или иначе с ним придется считаться, в чем-то уступать, что-то делить — хотя бы то же Черное море. Раньше у моря было греческое название — Понт Эвксинский, море Гостеприимное. Теперь же зовут его многие народы Русским морем — так часто и в большом числе плавают по нему русские суда.

Внешне поддерживая с Киевской Русью мирные отношения, Византия скрытно подговаривала кочевников нападать на ее города и села. На своих рынках византийцы брали с русских купцов огромные пошлины. А часто товары отнимали, купцов и мореходов убивали.

Константинополь.
Фрагмент
турецкой
миниатюры,
XVI в.

Девять больших походов, защищая право на свободное мореплавание и торговлю, совершили русские дружины на Царьград. Самый грандиозный из них возглавил летом 907 года князь Олег.

Еще с зимы в разных землях Руси начали готовиться к походу. Оружейники ковали копья и боевые топоры, вязали из проволочных колечек кольчуги. В лесах валили толстые дубы, обтесывали их, выдалбливали середину — делали основания ладей. Затем наращивали борта досками. Шили паруса. Тесали мачты и весла. Меньшая

часть войска пойдет к Царьграду по суше на конях. Основная — в ладьях. От того, сколько успеют сделать кораблей, будет зависеть сила войска. А народу собирается много. Не только дружинники, дело чьей жизни — война и походы, но и вои — крестьяне и горожане, умеющие владеть копьем, топором, луком.

В конце весны, пока в малых реках была высокая вода, из Смоленска, Любеча, Чернигова, из других местностей поплыли в Киев ладьи. Никогда еще не собирались на Днепре корабли в таком числе — по свиде-

«Славяне
на Днепре».
Картина
Н. Рериха,
1905 г.

тельству летописца, их было две тысячи! И люди были разные: поляне, на чьей земле Киев, древляне, северяне, кривичи, радимичи, дулебы, вятичи, хорваты, словене с Ильмень-озера, воины неславянских племен — чуди и мери, отряд воинов-варягов.

В июне бесконечной вереницей ладьи двинулись вниз по реке. Киевляне провожали их, стоя на высоком берегу, и тревожились: сила большая, но и путь далекий, море грозное, Царьград неприступный...

У крепости Витичев ладьи сделали остановку. Несколько дней ждали, пока подтянутся отставшие. И снова двинулись в путь. С холмов Витичева, со сторожевой башни, далеко просматривается степь. Видно, если появятся хазарские всадники. На этот раз чисто в степи, только орлы парят в небе, будто удивляются несметному числу кораблей и воинов. Разве безумцы решились бы напасть сейчас на русских!

Широк Днепр, полноводен. Весело плыть вдоль его зеленых берегов. Но есть на реке места, где стремительная вода бежит по мелям, между камней. Тут люди выходят из ладей, а те, что остаются, сильные и искусные, проталкивают ладьи шестами. Девять таких порогов. Предпоследний — самый опасный. Зовется Ненасытцем: сколько бы ни потопил судно, сыт не бывает. Ненасытец обошли берегом. Вытаскивали ладьи из реки, ставили на катки и шестьсот шагов катили по земле. На плечах несли продовольствие и другие припасы.

Искоре за Ненасытцем — большой остров Хортица. Ладьи причалили к его каменистым берегам. Здесь отдых после трудной работы. Но сначала не отдых. У русских много богов: Волос — скотий бог; Дажьдбог — бог солнца; Семаргл — бог подземного мира, где покоятся предки; богиня Мокошь, ведающая хозяйством, и

Боевой топор
и наконечники
русских копий,
X—XII вв.

самый суровый — Перун, бог грозы, войны, покровитель дружинников. В поселениях вокруг идолов Перуна горят неугасимые костры. Погаснет костер — быть беде... Под огромным дубом, росшим на острове, дружинники и вои, по обычаю, просили Перуна успокоить море, даровать победу над византийцами. В дар богу воткнули вокруг священного дерева стрелы, разложили куски мяса и хлеб. В благодарность за будущую победу принесли в жертву петухов. Бросали жребии, по которым определяли, что желательнее Перуну — зарезать ли петуха, выпустить ли у дерева живую птицу.

Ничем не нарушив заведенного порядка и тем успокоив себя, доплыли через четыре

дня до острова Березань, что в устье Днепра. Здесь опять отдыхали. Чинили ладьи, ставили мачты с парусами — отсюда путь по морю, вдоль его западных берегов. До самого Царьграда.

Девятьсот километров прошли по Днепру от Киева. Морем идти еще семьсот.

В начале второго месяца пути перед войском Олега возникли очертания византийской столицы. И византийцы увидели русских — на море и на суше. Чтобы не подпустить дружинников к городу, они разрушили легкие мосты, перекинутые через рвы, наполненные водой, а вход в бухту Золотой Рог перегородили цепью.

Конные отряды русских преодолели рвы и осадили город со стороны суши. Ладьи не

Осада
Константинополя.
Фрагмент
росписи
Смоленского
собора
Новодевичьего
монастыря
в Москве,
XVI в.

могли проникнуть в бухту и подойти к крепостным стенам — из-за цепи. Тогда мореходы в том месте, где цепь крепилась на берегу, вытащили ладьи из воды и, как прежде камни Ненасытца, обошли препятствие — протащили ладьи на катках по берегу и снова спустили в воду¹. Русский летописец рассказывает: «Повеле Олег во всем своем колесе изделати и восстановить на колеса корабля, и бывшу покосну (попутному) ветру, вспяша (подняли) паруса с поля, и идяше к граду».

Встревоженные византийцы смотрели со стен и башен, как с распущенными парусами движутся ладьи по земле...

Спустив ладьи в бухту, русские замкнули кольцо вокруг города. Потрясенные грозной силой, императоры (их было два одновременно) и военачальники не решились воевать в осаде и предложили Олегу закончить дело миром.

Мир был принят. И был заключен договор. Византия обязалась не препятствовать плаванию русских по морю. Пошлины на товары русских купцов отменялись. В Царьграде торговым людям отводились дома. По полгода купцы Руси получали от города мясо, рыбу, овощи, хлеб, вино. В обратную дорогу снабжались продовольством.

---

¹ Интересный факт. Пятью веками позже турки овладеют Константинополем. Их легкие суда тоже будут остановлены цепью. Чтобы преодолеть препятствие, турки сделают бревенчатый настил на берегу и по настилу перетащат суда из пролива в бухту.

вием, парусами, веревками, другими необходимыми вещами. Ограничение устанавливалось одно — русские должны входить в город без оружия и не более пятидесяти человек одновременно.

Прочность договора подтвердили взаимными клятвами. Византийцы, как христиане, целовали крест. Русские, как язычники, клялись мечами и богом Перуном.

За снятие осады войско Олега, по свидетельству летописца, получило с византийцев дань — по 12 гривен на воина, а также богатые дары Киеву, Чернигову, Смоленску, Ростову, Любечу и другим городам, участвовавшим в походе.

Дань византийцы уплатили очень значительную. В войске Олега, как считают военные историки, было 80 тысяч человек. А гривна — кусок серебра — весила 160 граммов или 400 граммов. Если иметь в виду меньшую гривну, и то общий вес серебра составит полтора-два тонны! Вынужденные отдать такое добро, византийцы не посмели противиться и тому, что боевой щит Олега был прибит над главными воротами города.

За время похода под ветром и дождями ладейные паруса обветшали, изорвались. Царьград, чтобы поскорее избавиться от грозных гостей, выдал им новые паруса: на ладьи простых воинов — полотняные, на ладьи знатных дружинников — шелковые.

До холодов и бурь русское войско вернулось на родину.

ОБОЮДООСТРЫЙ МЕЧ СВЯТОСЛАВА

ыдающимся полководцем Руси в X веке был Святослав, сын князя Игоря и княгини Ольги. О его походах, победах и гибели знали в близких и далеких от Киева странах. Вся его жизнь,

начиная с детства, прошла в борьбе за обеспечение безопасности восточных и юго-западных границ Древнерусского государства.

Отец Святослава был убит древлянами, когда хотел взять с них чрезмерно большую дань. Доведенные до крайнего гнева, древляне истребили княжеский отряд, а самого Игоря подвергли жестокой казни. Иащренно, по преданию, отомстила за смерть мужа Ольга. Она потребовала с древлян пустяковую дань — по голубю и

ласточке с каждого дома. Воины Ольги прикрепили к лапкам птиц паклю, подожгли ее и выпустили голубей и ласточек на волю. Птицы устремились к своим гнездам под крышами. Селения древлян, их главный город Искоростень (теперь Коростень) сгорели во всеобщем пожаре.

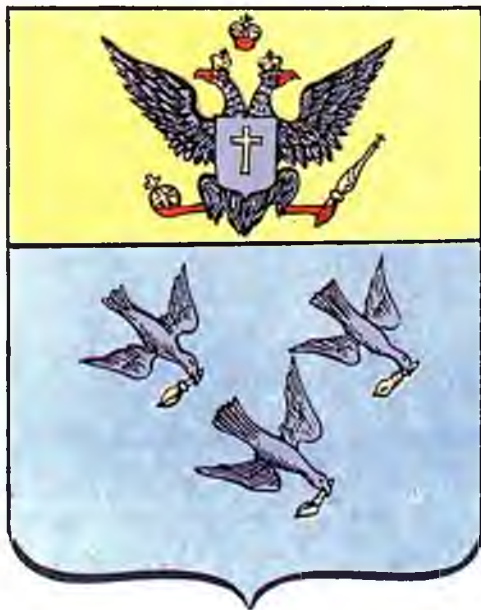
В карательном походе Ольги будто бы был ее четырехлетний сын Святослав. Когда две рати сошлись на широкой поляне среди дремучего леса, из киевской дружины выехал вперед на коне маленький мальчик и бросил копье. Это, как повествует легенда, послужило сигналом к сече, в которой древляне были разбиты.

Византийский историк оставил достоверное описание Святослава зрелого возраста. После сражений на Дунае Святослав вел переговоры об окончании войны с императором Византии Цимисхием.

Одежда
русского
князя,
X—XI вв.
Старинная
литография.

Старинный герб
Радомышля.
Город
расположен
и далеко
от Коростеня,
сожженного
княгиней Ольгой.
Птицы с
«пламенниками»
напоминают
о мести Ольги
древлянам.

«Видом он был таков: среднего росту, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритую бородою и с густыми длинными волосами на верхней губе. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие, и весь стан довольно стройный. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная».

Переговоры проходили у реки. Русский князь сидел на скамье ладьи, причалившей к берегу, а византиец приехал на коне. Император был в золоченых доспехах. Золоченая сбруя украшала коня. Блестала дорогим убранством многочисленная сви-

та. Внимание византийцев привлекли «волосы на верхней губе» и «локон» на бритой голове Святослава. Это усы и оселедец. Длинные усы и оселедец впоследствии будут украшать головы запорожских казаков.

То, что Святослав не отличался от своих воинов одеждой, дело не случайное. Кроме серьги с жемчугами и рубином, богатый князь не хотел обременять себя ничем, мешающим походной жизни. Суровый и простой быт во все времена отличал многих знаменитых военачальников. Задолго до Святослава Александр Македонский делил в походах со своими воинами жару и холод. Намного позже Святослава Александр Суворов, даже будучи стариком, спал на охапке сена, покрываясь плащом, и не надевал теплого мундира до тех пор, пока зимнюю одежду не получали его солдаты.

Князья и дружинники приобщали своих сыновей к воинскому делу сызмалства. Совсем маленьким мальчикам дарили мечи. В присутствии закаленных бойцов первый раз сажали на коня — совершался обряд посвящения в воины.

Меч получал каждый, но не у каждого потом, когда он вырастал, хватало силы отказаться от теплой и сытой жизни. Святослав отказался. В двадцать два года, возмужав, он набрал себе дружину из таких же мужественных людей. «Котлов он за собой не возил, — пишет летописец, — мясо в походе не варил, но, тонко изрезав конину или зверину, запекал на углях и ел. Шатров у него не было; ложась спать, клал под себя потник с коня, а под голову седло».

Дружина молодого князя не тащила за собой большого обоза. Легкая, подвижная, она в любое время была готова к бою. С чем не расставались дружинники — это с длинным копьем, с мечом, с луком и стрелами, со щитами в рост человека, с кольчугами,

с островерхими шлемами. И еще — с храбростью. А их военачальник владел особым качеством, без которого даже при оружии, при храбрости победы не одержишь. Святослав владел военным искусством.

Кажется, не так уж важно, каким образом известить неприятеля о готовящемся на него нападении. И нужно ли извещать? Лучше напасть внезапно. Внезапность — первый шаг к победе. Однако Святослав уведомлял противника: «Иду на вы!» За чем?

Малочисленные отряды древних греков неизменно побеждали персов, превосходивших греков численностью. Персы нападали толпой. Когда сшибаются две толпы, то, конечно, побеждает та, что больше. Но у греков был воинский строй — фаланга, сомкнутые шеренги воинов. Передняя шеренга, выставив длинные копья, загорожившись щитами, прикрывала весь строй; вторая и третья тоже направляли копья вперед, воины последующих шеренг были готовы заменить убитых и раненых товарищей. О такой строй все наскоки персов разбивались, как волны о скалу. Выдержав первые атаки, фаланга коротким броском сама устремлялась вперед и копьями опрокидывала врага, довершала разгром мечами.

Фаланга была придумана за полторы тысячи лет до Святослава. Никто нам сейчас не скажет, знал ли о ней русский князь. Но в боях с кочевниками и другими племенами, восставшими толпой, он применял сходный с фалангой боевой порядок.

У русских построение называлось «стенн» — рать перед боем становилась двадцатью шеренгами; небольшие отряды находились у краев основного строя и позади него, охраняли фланги и тыл. Преследовать противника «стена», как и фаланга, не могла. При движении по местности, особенно неровной, шеренги разрывались,

в разрывы могли вклиниться вражеские всадники, само движение совершалось крайне медленно. Вот Святослав, больше всего обеспокоенный тем, чтобы не пришлось искать войско противника, не гнаться за ним, и посылал свое «Иду на вы!» — дерзкое, краткое, безоговорочное приглашение к бою. «Лишь бы собрался противник в одном месте, победа будет на нашей стороне!» — рассуждал Святослав.

Так он воевал на Волге, на Северном Кавказе и в Причерноморье. На Дунае же, где противником были византийцы — наследники греческой и римской военной науки, — Святослав действовал иначе: грозное предупреждение «Иду на вы!» не посылал, старался сделать удар внезапным.

Если на юго-западе соперником и частым противником Киевской Руси была

«Святослав»
Бронзовая
скульптура
Е. Лансере,
1886 г.

Византия, то на востоке соперником и постоянным противником была Хазария — государство тюрок-кочевников.

Главный хазарский город Итиль стоял при впадении Волги в Каспийское море, примерно там, где сейчас Астрахань. Он, конечно, был не чета Царьграду. Но о нем тоже знали далеко по свету. И через него проходил важный торговый путь. Сюда шли караваны верблюдов из Средней Азии, по морю плыли суда из Персии и стран Закавказья, а по Волге — из Скандинавии и Руси. Не только товары везли на рынки Итиля, но рабов и пленников. Итиль был одним из главных центров торговли людьми.

Город располагался на обоих берегах реки. Как две подковы, окружали его крепостные стены. В каждой «подкове» двое ворот.

От Итиля владения хазар тянулись широкой полосой на запад до самого Днепра. И получалось, что все устья русских рек, значит, и все выходы к морям — Каспийскому, Азовскому, Черному — были в руках Хазарии. Редко когда торговые караваны русских не подвергались в пути нападению. Чтобы кочевники не разграбили товаров, не убили купцов, приходилось для охраны посылать конные отряды. Они двигались по берегам реки, не теряя из виду свои суда, провожая их до самого моря.

Хазары были воинственные люди. Они воевали с грузинами и армянами и со своими северными соседями болгарами. Для болгар война сложилась неудачно. Часть их подчинилась хазарам, платила дань. Другая часть во главе с князем Аспарухом решила вовсе уйти из родных мест; Аспарух далеко увел свое племя — за Карпаты, там основал Болгарию, которая существует и теперь.

На восток от Хазарии, между Волгой и

Мечи русской
работы.
X—XIV вв.

Яиком (Уралом), кочевали печенеги. Хазары и печенегов заставили сняться с кочевий и тоже двинуться на запад — в степи между Доном и Дунаем.

Платило дань хазарам славянское племя вятичей, жившее на Оке, Москве-реке и Угре. Вятичи находились ближе других славян к Хазарии. Но хазарские отряды иногда доходили и до полян. Летописец рассказывает: «Нашли хазары полян в лесах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Подумали поляне и дали с каждой избы по мечу. Понесли эту дань хазары к своему князю и старейшинам. Сказали старейшины хазарские: «Не добра эта дань, мы доискались ее оружием односторонним — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи, они будут брать дань с нас и других. Что и сбылось».

Сбылось при князе Святославе: если прежде хазары получали только отпор, то молодой князь своим обоюдоострым мечом вовсе перерубил хазарскую саблю. Поход Святослава на восток длился с 965 года по год 967-й. Двухлетние военные действия Святослава сравнивают с молниеносным ударом меча, прочертившего дугу, крайние точки которой — Кама, устье Волги, Северный Кавказ и Крым. Три тысячи километров прошла с боями русская дружина по суше и полторы тысячи по рекам в ладьях.

Вначале Святослав подчинил Киеву вятичей, плативших дань хазарам. Из владений вятичей дружина доплыла по Оке до Волги и достигла столицы волжско-камаских болгар. Город Булгар сдался Святославу, и болгары вышли из подчинения хазарам.

Спускаясь вниз по Волге, русские воины вошли в пределы самой Хазарии. В 965 году Святослав овладел Итилем. Чтобы покончить с извечным опасным врагом, город был разрушен и сожжен.

Сабля
кочевникова,
X—XII вв.

Славянский
боевой цеп.

Былинный
богатырь
Вольга
с дружиною.
Рисунок
И. Билибина,
1902 г.

Затем, совершив бросок на юг вдоль берега Каспийского моря, Святослав овладел хазарской крепостью Семендер на Северном Кавказе (теперь на его месте дагестанский город Тарки). От Семендера рать пошла к Азовскому морю вдоль Кубани. Закончился поход у пролива, соединяющего Азовское море с Черным. На землях Таманского и Керченского полуостровов Святослав основал русское княжество с главным городом Тмутараканью.

Потеряв своих данников, лишившись столицы и городов, важных для обороны и торговли, Хазарское государство распалось, на этом его история прекратилась. Для Киевской Руси открылся путь к морям по Волге и Дону. Русским торговым центром на самом море стала Тмутаракань (теперь Тамань). Город имел удобную гавань. Он был обнесен кирпичными стенами, облицованными для прочности камнем.

Вернувшись в Киев и не пробыв там, вероятно, и года, Святослав с десяти тысячной дружиной отправился в новый поход. Торопила его мечта о переносе столицы Руси в низовья Дуная, поближе к богатым странам, к природному теплу, в местность, где сходились многие торговые пути. Поход проходил успешно. Но из Киева привезли тревожную весть — город осадили печенеги, предместья разграблены; если не будет помощи, враги войдут в город.

«Пришли печенеги впервые на Русскую землю, — пишет летописец, — а Святослав был в Переяславце [дунайском]¹, и затворилась Ольга со внуками своими, Ярополком, Олегом и Владимиром, в городе Киеве. И обступили печенеги город силой великой, бесчисленное множество их около города... И послали киевляне к Святославу, говоря: «Ты, князь, чужую землю ищешь

¹ В квадратных скобках здесь и далее пояснения автора.

и охраняешь, а свою бросил, чуть было не забрали печенеги нас, мать и детей твоих... Неужели тебе не жаль своей отчины, ни старой матери, ни детей своих?» Поход был прерван. Дружина возвратилась с Дуная на Днепр и дала острастку печенегам.

Знал ли Святослав, что печенеги осадили Киев по желанию Византии? Знал, конечно. Он был не только искусным полководцем, но и проницательным политиком. Византия, настороженная разгромом Хазарии, бдительно следила за действиями Святослава.

Святослав опять недолго оставался в Киеве. Его дружина снова на Дунае. Уже не просто о переносе столицы в город Переяславец, что на берегу реки и недалеко от моря, думает он. Мечта у него грандиозная, ее осуществление сделает любого врага не опасным для славян: мечта о соединении Руси и Болгарии в одно государство.

Такого Византия не могла допустить. Против Святослава, союзниками которого были болгары и венгры, выступил опытный полководец император Цимисхий с войском вдвое большим.

Основные военные действия развернулись у болгарской крепости Доростол (теперь город Силистрия) на правом берегу Дуная. Было 23 апреля 971 года. Византийцы подходили к городу. Их ждало войско Святослава. Оно стояло обычным боевым порядком, сомкнув щиты, выставив копья.

Свое войско построил и Цимисхий. По сторонам византийской пехоты встали всадники в железных латах, а сзади расположились стрелки и пращники, которым император приказал беспрестанно осыпая стрелами и камнями противника.

«Войска сошлись, и началась сильная битва, которая долго с обеих сторон была в равновесии,— рассказывает византийский историк Лев Диакон.— Росы, приобретшие славу победителей у соседственных

народов, почитая ужасным бедствием лишиться оной и быть побежденными, сражались отчаянно. Римляне [византийцы], побеждавшие всех врагов своих оружием и своею доблестью, также стыдились быть побежденными... Питая в себе такие мысли, оба войска сражались очень храбро... Весьма многие с обеих сторон падали за смертью». Двенадцать византийских атак отбили за день дружинники. В сумерках русские отошли в крепость, византийцы — в свой лагерь.

Весь следующий день византийцы укрепляли лагерь и местность вокруг него. На холме расположили шатры, вокруг них выкопали ров, на насыпи воткнули копья, а на них повесили щиты. Под таким укрытием от неожиданных атак русских они начали готовиться к штурму хорошо укрепленного Доростола.

Утром нового дня император повел войско к стенам крепости. Стоя на башнях, русские засыпали стрелами и камнями противника. Стреляли не только из луков — были пущены в ход баллисты и катапульты, у русских эти метательные машины назывались пороками. Штурм противнику не удался. Вскоре византийцы, понесшие потери, ушли в свой лагерь.

Вечером на Дунае показался флот противника — множество огненосных кораблей. Дружинники поспешили к реке, вытащили свои ладьи на берег и откатали их к самым стенам города. Доростол теперь был окружен: с суши пехотой и конницей, со стороны реки — кораблями.

26 апреля в сгустившихся сумерках Святослав вывел своих дружинников из городских ворот и неожиданно напал на лагерь Цимисхия. Всю ночь у рва и насыпи шло сражение. Оно продолжалось до полудня. Снова с обеих сторон было много убитых и раненых. И опять ни одна из сторон не добилась заметного перевеса.

Минуло два месяца осады. Редкий день обходился без стычек и боев. У русских кончалось продовольствие. Была темная, ненастная ночь. Лил дождь, над рекой гудел ветер. Две тысячи воинов в эту пору сделали вылазку за продовольствием. Они незаметно спустили ладьи на воду, незаметно миновали сторожевые корабли противника и напали на обозный лагерь. Дружинники благополучно вернулись с запасами в город. Но после этого византийцы стали лучше охранять подходы к реке. А все дороги и даже тропы, ведущие к Доростолу, перекопали рвами и поставили там охрану.

Не давали покоя осажденным баллисты и катапульты византийцев. Сотни снарядов каждый день летели через стены: камни, стрелы, копья, бочки с горящей смолой. У противника был отряд таких машин. Однажды в середине июля дружинники открыли ворота и бросились к метательным машинам. Воины противника, работавшие у этих машин, побежали. Начальник отряда задержал бегущих и повел их на русских. «Магистр Иоанн Куркуас, ближний родственник императора, бывший тогда начальником при этих орудиях, сел на коня и быстро устремился [на русских]. Конь на бегу оступился в яму и сшиб его с себя. Скифы [русские], увидя превосходные доспехи, конскую сбрую с вызолоченными бляхами, сочли [всадника] за самого императора и, прибежавши к нему, мечами и секирами изрубили вместе с доспехами без всякой пощады...» Далее Лев Диакон, будучи человеком набожным, добавляет: «Таким образом магистр Иоанн сделался добычей ярости варваров и тем потерпел достойное наказание за безумные преступления против священных храмов: он ограбил многие [в Болгарии] церкви, ризы и святые сосуды переделал в собственные вещи». В том бою дружинники сожгли и

сломали много орудий, так вредивших городу.

Положение осажденных ухудшалось, силы их таяли. А Цимисхий, наоборот, получал подкрепления. Святослав советовался со своими военачальниками, как быть дальше. Одни предлагали попытаться проскользнуть в глухую ночь на ладьях мимо кораблей противника и уйти в Киев. Другие советовали примириться с Цимисхием и этим сохранить войско. Князь решил еще раз попробовать пробиться из окружения. «Выбирать нам не из чего, — сказал Святослав на совете. — Волей или неволей мы должны драться. Не посрамям же земли Русской, но ляжем костями, мертвые бо срама не имут. Станем крепко. Я пойду впереди вас, и если глава моя ляжет, то промыслите собой».

«Итак, — пишет Лев Диакон, — в шестой день недели, 22 июля, при заходе солнца [русские] вышли из города, построились в твердую фалангу и, простерши копья свои, решились идти на подвиг. Император также построил войско в строй и вывел его из стана. Открылось сражение. Скифы [русские] сильно напали на римлян [византийцев]; кололи их копьями, поражали коней стрелами и всадников сбивали на землю. Тогда Анемас [византийский воин], увидев Святослава, с бешенством и яростью стремящегося на наших воинов и ободряющего полки свои, поскакал прямо на него, поразил его в самую ключевую кость и повергнул ниц на землю. Но не смог умертвить: кольчужная броня и щит, которым он вооружился от римских мечей, его защитили. Конь Анемаса частыми ударами копий сражен был на землю; тогда, окруженный фалангою скифов, упал сей муж, превосходивший всех своих сверстников воинскими подвигами. Росы, ободренные его падением, с громким и диким криком бросились на римлян. Устрашен-

ные необыкновенным их натиском, римляне начали отступать».

Цимисхий, опытный полководец, увидел, что наступили решающие минуты битвы. Он поспешил на помощь отступавшим с отборным отрядом конницы — отрядом «бессмертных». В это время вдруг поднялся вихрь, тучей пыли ударил в глаза дружинникам, ослепил их. «Внезапно восставшая и разлившаяся по воздуху буря с дождем расстроила россов, ибо поднявшаяся пыль вредила их глазам» — так записал этот момент боя Лев Диакон. Наступление русских приостановилось. К тому же они отделились от города. Цимисхий воспользовался и этим. Его конница поскакала в тыл русского строя. Святослав был бы разгромлен на этот раз, не оставь он позади себя вторую линию из своей конницы. Всадники, в основном болгары и венгры, сшиблись с византийцами и отбросили их. Но на большее сил не было. Святослав укрылся с войском в крепости.

На другой день Святослав и Цимисхий вели переговоры о прекращении войны. По договору русские уходили с Дуная, отдавали Доростол и отпускали пленных. Византийцы обязались пропустить дружину к морю, выдав каждому дружиннику по две меры хлеба на дорогу. Подтверждалось право русских купцов на свободную торговлю в Царьграде.

С двадцатью двумя тысячами воинов, из которых половина была больных и раненых, Святослав спустился в ладьях в устье Дуная. Там он с частью дружины остался

зимовать. А воевода варяг Свенельд, служивший еще его отцу — Игорю, отправлен был в Киев за новой ратью: Святослав не оставил мысли вернуться к Доростолу. По какой-то причине Свенельд не возвратился к Святославу. Считают, что это было предательством. Свенельд рассчитывал занять более высокое место при князе Ярополке, сыне Святослава, но для этого нужно было погубить князя-отца.

Зимовка в устье Дуная оказалась тяжелой. Дружинники голодали. Были съедены все лошади. Весной Святослав с маленьким отрядом двинулся на ладьях в Киев. Печенеги, извещенные византийцами, ждали русских у порогов. Святослав знал об этом, но коней, чтобы обойти степью опасное место, не было.

Когда строили Днепровскую гидроэлектростанцию, на осушенном дне реки нашли истлевшие русские мечи. Кто знает, не теми ли мечами отбивались Святослав и его воины от печенегов? Малочисленные дружинники проталкивали свои ладьи шестью — навстречу бурной воде, между камнями и мелями. А с двух берегов в них летели сотни стрел, и сотни всадников, размахивая саблями, гнали своих коней в реку, чтобы первыми завладеть добычей и пленниками.

Святослав был убит в той схватке. Печенежский князь Куря отдал череп Святослава мастерам, чтобы те оковали его золотом и сделали из него чашу. На пирах Куря хвастался, что такой редкостной чаши нет ни у кого, и пил из нее вино.

БОГАТЫРСКАЯ РУСЬ

русские люди когда-нибудь поставят памятник архангельской ели и северному кружеву. Не за то, что они высоки качеством, а за то, что помогли сохранить в народной памяти старины, то есть былины.

Ко времени записи старин литераторами и учеными они сохранились лишь на берегах Белого моря, на Печоре, на Онеге. Почему сказания о богатырском времени Руси, о событиях, происходивших в Киеве и близлежащих к нему землях, не помнили ни на Украине, ни в центральной России? Причин тому много. Тут и нетронутость севера монголо-татарами, и то, что здесь крестьяне — творцы и пересказчики былины — не были в царское время под крепо-

стным правом. Но в конечном итоге сохранность старин определилась занятиями беломорских крестьян. Шагая в борозде за сохой, песню не запоешь, работа у пахаря такая, что дыхания не хватает, да и слушателей рядом нет. Другое дело — занятия поморов: у них земля не родит, средства к жизни давали промыслы.

Зимой валили лес. По замерзшим болотам бревна стаскивали к реке, чтобы весной сплавить в Архангельск, а оттуда на судах отправить в Англию, в Голландию... Осенью ловили рыбу. Осенью и зимой дни короткие: шесть, пять, а то и четыре часа работы, остальное время — вынужденный отдых, изнурительное безделье, когда некуда девать себя. В лесной избушке сидят на лавках, лежат на нарах артельщики. В светце, в железной рогульке, горит лучина, угли падают в корытце с водой.

Русский
ратник
в калантыре
(доспехе
из крупных
металлических
пластин)
с бармицей,
XII—XIII вв.
*Старинная
литография.*

Шлем
и кольчуга
русского
воина,
XII—XIII вв.

Избушка наполнена то ли разговором, то ли пением — человек сурового вида, широкоплечий, бородатый, рассказывает старину. Сказителя, если удавалось заполучить в артель, работой не обременяли, а долю заработка давали такую же, как всем. Люди на севере почитали талант, чувствовали красоту напевного разговора о подвигах богатырей, о княжеских потехах, о злых врагах и страшных чудовищах — о давней жизни русского народа... В поморских селах дома обширные. Женщины-соседки собираются у кого-либо вязать кружево — и тут своя рассказчица.

От отца сыну, от матери дочке, от мастера и мастерицы подмастерьям — без записи (ведь неграмотные), а только по памяти — передавались народные предания. Так они сохранились до нашего времени.

В былинах много выдумки, фантазии. Но в них и реальные события далеких дней.

На горах, горах дак было на высокиих,
Не на шоломя было окатистых —
Там стоял-де ноне да тонкий бел шатер,
Во шатре-то удаленьки добры молодцы:
Во-первых, старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Микитич млад,
Во-третьих-то, Алешенька Попович-от.
Эх, стояли они на заставе на крепкой,
Стерегли-берегли они красен Киев-град;
Как по утречку было по раннему,
А на заре-то было на раннеутренней,
Ай как выходит старый казак из бел шатра.

Он завидел-де, — во поле не дым стоит,
Кабы едет удалый да добрый молодец,
Он прямо-де едет в красен Киев-град,
А не поворачивает на заставу на крепкую;
Он едет, молодец, дак потешается:
Он востро копьё мечет да по поднебесью,
Он одной рукой мечет, другой схватывают;
А впереди его бежит да два серых волка,

«Богатыри».
Картина
В. Васнецова,
1898 г.

Два серых бежит волка да серых выжлока,
А на правом плече сидел да млад ясен сокол,
На левом плече сидел да млад бел кречет...

Былина эта — сплав чистой поэзии с точными деталями воинского дела того времени. «Не на шоломя» — не на холмах выбрано место заставы, а на горах, с которых видно все далеко. Но «шоломя окатистые» не только подчеркивают высоту гор — они вызывают зрительный образ богатырских шлемов с безупречным, окатистым переходом от верхушки, от шишака, к низу, что удавалось сделать не каждому оружейнику. Конечно же, у трех знаменитых богатырей шлемы превосходные; у них и шатер

из тонкого, дорогого полотна, грубую ткань проще ткать, и стоила она дешевле.

«Старый казак Илья Муромец» — он же и «добрый молодец». Для народной поэзии это не странно. Тут «молодец» синоним силы и отваги, а не уточнение возраста.

Великолепно описание чужого богатыря. Он вызывающе игнорирует заставу — едет прямо в Киев. Он ловок, силен. Два волка, серых выжлока, добавляют к облику незнакомца что-то таинственно-грозное. Выжлоками называют гончих собак. Выходит, что волки послушны и преданы богатырю.

По очереди, по степени силы, выезжают навстречу незнакомцу богатыри. Возвра-

Вольга
и Микула.
Рисинок
И. Билибина,
1940 г.

щается Алеша Попович, убедившись, что не одолеть противника. Возвращается Добрыня Никитич, ему удастся лишь узнать намерения незваного гостя:

Еще прямо я еду в красен Киев-град,
А еще столен град да во полон возьму,
А еще князя Владимира живьем схвачу,
А княгинюшку Апраксию за себя замуж
возьму...

Тогда выезжает на бой Илья Муромец.
Долго бьются богатыри. Подсокольник —
так зовут незнакомца — повалил Муромца.

Он расстегивал латы его кольчужные,
Он вымал из нагалища кинжалый нож,
Он хочет пороть его белые груди,
Он и хочет смотреть дак ретиво сердце.

Но удалось Илье высвободиться. Сам навалился на противника, уже достал свой «кинжалый нож», однако «старый что-то призадумался». Стал спрашивать Илья, откуда богатырь родом, кто его мать? А дальше:

...стават старый казак на резвы ноги,
Становит Подсокольничка на резвы поги,
А целует в уста его сахарные,
А называт Подсокольника своим сыном...

Бились, оказывается, не на жизнь, а на смерть отец с сыном.

Утомившись боем, старый богатырь двое суток спал в шатре. Сыну это показалось обидным. К обиде примешалась горечь за детство без отца. Подсокольник ударил спящего копьем в грудь. Копье скользнуло по нательному кресту Ильи. Илья пронулся.

А он схватил Подсокольника во белы руки,
Вышибал он выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.
Еще падал Подсокольничек на сыру землю,
И разбился Подсокольничек...

Трагическая встреча отца с сыном не романтическая выдумка сказителей, а тоже деталь того сурового времени. Она имеет прямое отношение к борьбе Киевской Руси с печенегами.

В городе Любече — он стоял на Днепре выше Киева — жил Мал Любечанин. У Мала были дети: сын Добрыня и дочь Малуша. Добрыня был княжеским дружинником, а красавица Малуша служила у старой княгини Ольги ключницей. Малуша и родила князю Святославу сына Владимира. Того, которого Подсокольник похвалялся «живьем схватить» и который, будучи еще мальчиком, с братьями Ярополком и Олегом и с бабушкой Ольгой сидел в Киеве, осажденном печенегами.

Владимир, один из самых известных деятелей Киевской Руси, получил от народа прозвание — Красное Солнышко. Народ не разбрасывается почетными званиями, они у него на строгом счету. Незаметного правителя он никак не назовет. Для выдающегося подберет высокие слова. А тому, кто позором своего правления бросит тень на русский народ, даст прозвище — как клеймо на лоб. Святополк Окаянный, например, в борьбе за власть убил своих братьев Бориса и Глеба, привозил на Русь то поляков, то печенегов, расплачивался с ними за выгодное ему одному дело страданиями простых людей.

Конечно, деятельность князя Владимира не была безупречной; как говорится, и на солнце есть пятна, князь — это князь. Вот

и былины отмечают его высокомерие, несправедливость. Но он избавил Русь от печенежских набегов, и это было такое благо, что прозвание «Солнышко» показалось людям недостаточной благодарностью, они добавили еще «Красное».

Народные предания отметили также родного дядю Владимира, брата его матери Добрыню, назвав этим именем одного из любимых богатырей. Реальный Добрыня вместе с князем управлял военными делами Киевской Руси, был участником победных походов на поляков, вятичей, литву, радимичей, болгар, хорватов, на византийский Херсонес в Крыму, вложил он свой воинский талант и в укрощение печенежской орды.

Русские
воины.

*Рисунок XVI в.
из книги
С. Герберштейна
«Записки
о московских
делах».*

Былинный
богатырь
Алеута Попович.
Старинный
русский лубок.

Илье Муромцу — старейшине русских богатырей — не находится реальный двойник, хотя воин с таким именем упоминается и в древних сказаниях других народов — немцев и норвежцев. Был ли реальный двойник, не был — не так важно. Важно, что люди, подобные былинному богатырю, выходцы из простых крестьян, оставили свой глубокий след в русской истории.

Печенежские конные рати не были так опасны в прямом бою, как во внезапных набегах. Прокравшись степными оврагами, в мгновение ока опустошали села и деревни и быстро исчезали вместе с награбленным добром и пленниками. Чтобы упреждать такие налеты, иметь время для сбора войска, Владимир построил у южных границ Руси оборонительные рубежи — с новыми городами и крепостями, с земляными валами и сигнальными вышками; на их верхушках, обнаружив врага, зажигали дымные костры. Крепостей было много. Так, по берегу реки Сулы они стояли одна от другой на расстоянии 15—20 километров. Были крепости на Десне, Остре, Трубеже, Стугне. На реке Ирпени стоял город-лагерь, в котором находились воинские резервы, готовые направиться в угрожаемое место.

Но откуда же взялись воины, чтобы служить во всех этих крепостях и на заставах? Дружинниками ведь были люди знатного происхождения, из богатых. Владимир набирал себе на службу и простых людей. И не только из ближних земель, но из Новгорода, Смоленска, из поселений на Москве-реке и Оке... Из приокского лесного края, который никогда никаких печенегов не видал и не слышал, из села Карачарова, что в трех верстах от города Муром, и отправился, как повествует былина, в Киев на службу к князю Владимиру крестьянский сын Илья Муромец.

Отдав себя ратному делу, оторвавшись

навсегда от отчего дома, от детей и родителей, несли воины всех русских земель нелегкую службу на южной границе своего государства. Не мудрено, что воин-отец и воин-сын, встретившись, не узнавали друг друга, как это случилось с Ильей Муромцем и Подсокольников.

О подвигах богатырей рассказывают и летописи. В 992 году большое войско печенегов подошло к реке Трубежу около города Переяславля. Предупрежденный заставами, Владимир занял противоположный берег. Три дня оба войска стояли в выжидании: тот, кто стал бы первым переходить реку, попал бы в невыгодное положение. Владимиру торопиться было некуда, и печенежский князь, чтобы ускорить схватку, предложил биться богатырями. От зачина зависело настроение войска, зачин был как примета удачи или неудачи всей битвы. Владимир спросил дружину, не назовет ли кто достойного воина. Назвали Яна Усмаря¹, сына киевского кожевника. Ян, понимая, какое ответственное дело предстоит ему, попросил испытать его силу. Привели быка, разъярили каленым железом и пустили бежать. Усмарь схватил быка за бок и вырвал кусок кожи с мясом. Владимир подивился такой силе и ободрил Яна перед схваткой.

Печенег огромного роста стал смеяться над русским, который был меньше. Насмешками можно вывести противника из равновесия. Передние ряды печенегов, покатываясь от хохота, держались за животы. Русские молчали. И вот бойцы сошлись. Долго они жали друг друга в могучих объятиях. Наконец Усмарь сдавил врага до смерти и ударил им о землю. С криками ликования русские воины бросились на печенегов. Те, не приняв боя, обратились в бегство.

¹ Усма — выделанная кожа. Усмарь — кожевник, скорняк.

Отмечая такую победу, князь приказал обнести Переяславль крепостной стеной. Народ с памятью о богатырском поединке, в котором русский богатырь отнял, «перейал» славу у печенега, связал само возникновение города.

После другой успешной битвы с печенегами, в 996 году, Владимир учредил особый праздник. Ежегодно после окончания полевых работ на княжеский двор созывались люди — от бояр до крестьян. Князь с боярами и дружиной пировал на открытой галерее дворца — на сених, для остальных столы были во дворе.

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимира
Было пированье почестен пир
На многих князей, на бояров,
На могучих богатырей,
На всех на купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских...

Выкатывались бочки с медом, выносились сосуды с вином, подавались жареные быки и бараны, всякая птица, рыба. Скоморохи играли на дудках, пели, плясали, славили князя.

Князь подносил собственноручно удалым хабрецам чарку.

Владимир-князь да стольнокиевский
А берет он полную чару да во белы руки,
Наливал он полную чару зелена вина,
Да не малую стопу он — в полтора ведра,
Разводил медами все стоялыми,
Подносил к молодому Добрынюшке.

Кроме чарки, удалцы получали от князя кто кунью шапку, кто золотые деньги, кто расшитый кафтан, кто дорогое оружие, а кто и деревню. Раздавались высокие должности. Княжеским воеводой стал богатырь Ян Усмарь, он отличался не только огромной силой, но и умом, так нужным военачальнику.

Печенежские набеги нет-нет да и возобновлялись. Но это были вспышки угасающего костра. Сорок печенежских племен истощили свои силы. На юге против них крепко стояла Византия, на западе — дунайские народы, на севере — Киевская Русь. А с востока, из-за Волги, двигались новые массы кочевников — половцы. Для печенегов они были опасны и своей многочисленностью, и тем, что также нуждались в обширных пастбищах для скота. Половцы, перейдя Волгу, давили на печенегов, сжимая их в степном коридоре.

Пройдет еще время, и печенеги будут просить у русских князей защиты. Им, а также торкам и берендеям, будет разрешено селиться в приграничных районах, с обязательством участвовать в обороне Руси от половецких вторжений. Так из врагов эти тюркские кочевые племена станут союзниками Руси, вольются в ее население, построят свои города для оседлой жизни — Торческ, Корсунь, Дверен, Юрьев. Народные сказания-старины донесут до нас имя богатыря (торка или берендея) Сухмана. Он был, как поется в былине, храбрым защитником Киева, другом Добрыни Никитича и Ильи Муромца.

«...НЕ СНИМАЙТЕ ОРУЖИЯ, НЕ ОГЛЯДЕВШИСЬ»

иевская Русь, когда пришли в Причерноморье половцы, была крупнейшим и сильнейшим государством Европы. Одно из подтверждений тому — браки, заключавшиеся русскими князьями. Короли, цари,

князья и прочие коронованные и титулованные особы не вступали в родство без расчета. Женитьбами, выдачей дочерей мужья приобретались союзники, скреплялись договоры, сглаживались ссоры и обиды, достигались многие иные выгоды. Русские княжны-невесты были, как говорится, парасхват. Три короля — французский Генрих I, норвежский Гаральд Смелый, венгерский Андраш — взяли в жены трех дочерей великого князя киевского Яросла-

ва Мудрого. Сестру Владимира Мономаха взял замуж германский император Генрих IV, дочь Евфимью — венгерский король Коломан. Сам Владимир Мономах был женат на Гите, дочери английского короля Гарольда. Византийский император Константин Мономах доводился Владимиру дедом.

От деда-императора русский князь получил, как живописует легенда, знаки царской власти: бармы — оплечья, украшенные золотом и драгоценными камнями, и корону — золотую шапку с крестом на маковке, опушенную собольим мехом¹. Князь, которому легенда приписывает дорогой головной убор, был выдающимся политиком, выдающимся полководцем, и

¹ Шапка Мономаха, как установлено, не византийской работы, а восточной, изготовлена она несколькими веками позже княжения Владимира.

Ратники
в юнманах
(калантирях
с кольчужными
рукавами)
и шишаках,
XIII в.
Старинная
литография.

отблесками его славы старались пользоваться российские монархи, все они венчались на трон шапкой Мономаха.

Монархи монархами, у них свои мерки и оценки. А как относились к Владимиру Мономаху простые люди? Об их отношении мы можем судить по тому, что Владимир Мономах славился в былинах, как и его тезка, живший почти на сто лет раньше. В былинах два Владимира соединились в одного киевского князя Красное Солнышко — защитника Русской земли от кочевников: Владимир Святославич был грозой печенегов, а Владимир Всеволодич — грозой половцев, победителем Идолища Поганого и самого Тугарина Змеевича.

Киевская Русь, как уже говорилось, была огромнейшим, сильнейшим государством Европы, и все же унять половцев было очень трудно. Борьба с противником, кочевья которого тянулись от Иртыша до Днепра, осложнялась распрями русских

князей. В конце концов, став великим князем, Владимир безжалостной рукой пресек и внутренние ссоры и нанес сокрушительный удар половцам.

Окидывая мысленным взором всю свою долгую жизнь, князь Владимир мог бы с полным основанием раньше других сказать: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» Жизнь князя на самом деле была насыщена труднейшими обстоятельствами. «...Много пота он утер за Русскую землю», — свидетельствует летописец.

На что, кажется, безмятежное дело охота. Можно в днепровских заводях пострелять уток и лебедей, половить зайцев, другого мелкого зверя тенетами, то есть сетями. Но князь искал других ощущений, такой охоты, где мог бы набрать силы и закалить мужество. В те времена многое решалось оружием. И князь должен был быть не только правителем, но и полководцем. Бои тогда были рукопашные, а это обстоятельство обязывало полководца отлично владеть копьём, мечом, луком. Иначе как подать пример дружине и рати в кровавой сече! Охота, повседневные дела служили Мономаху подготовкой к походам и битвам.

В «Поучении», в автобиографии, как бы мы назвали этот литературный труд князя, Владимир писал:

«Вот когда я жил в Чернигове, я своими руками стреножил в лесных пущах три десятка диких коней, да еще когда приходилось ездить по степи, то тоже ловил их.

Два раза туры поднимали меня с конем на рога. Олень бодал меня рогами, лось ногами топтал, а другой бодал; дикий вепрь сорвал у меня с бедра меч, медведь укусил мне колено, а рысь однажды, прыгнув мне на бедро, повалила вместе с конем».

В прошлом веке нашли в черниговских лесах золотой змеевик-амулет, который на шнурке носили на шее. На одной стороне

Древнерусское знамя. В середине изображено великое князя Владимира киевского.

таких вещиц, как бы предохранявших владельца от беды, изображался святой, на другой — человеческая голова, обвитая змеями, и заклинательная надпись. Надпись свидетельствовала, что находка принадлежала Владимиру Мономаху. Может, лось копытом или олень рогом в том лесу сорвал амулет с отважного охотника?

Князь хорошо бегал на лыжах. Он был неутомимым всадником. Из Чернигова, где княжил сам, до Киева, где княжил отец, доезжал за день, меняя на 140-километровом пути нескольких коней.

«Своими руками стреножил», — писал князь о ловле диких коней. Своими руками, сам он делал много такого, что, кажется, можно было поручить другим. В «Починении» читаем:

«То, что мог бы сделать мой дружинник, и делал всегда сам и на войне и на охоте, не давая себе отдыха ни ночью, ни днем, не-

взирая на зной или стужу. Я не полагался на посадников¹ и бирючей², но сам следил за всем порядком в своем хозяйстве. Я заботился и об устройстве охоты, и о конях, и даже о ловчих птицах, о соколах и ястребах».

С врага не возьмешь обещания, что он будет биться с тобой в чистом поле. Враг может напасть на город. Владимир Мономах сам продумывал систему обороны своих городов. Мы уже упоминали город Любеч. В нем по приказу князя был построен замок, который мог выдержать долговременную осаду.

И замок, и сам город до наших дней не сохранились, есть только село Любеч. В той местности двадцать лет назад работала археологическая экспедиция академика

¹ Посадник — наместник князя.

² Бирюч — человек, оглашавший княжеские указы, глашатай.

Княжеская
одежда
времен
Киевской
Руси.
*Старинная
литография.*

Бориса Александровича Рыбакова, велико-
лепного знатока Древней Руси. Экспеди-
ция раскопала замок Владимира Моно-
маха. Вот что пишет об этом замке сам
академик:

«Могучие стены из глины и дубовых
срубов большим кольцом охватывали весь
город и замок; но замок, кроме того, имел
и свою сложную, хорошо продуманную
систему обороны... Замок был отделен от
города сухим рвом, через который был пе-
рекинут подъемный мост. Проехав мост и
мостовую башню, посетитель замка оказы-
вался в узком проезде между двумя стена-
ми; мощенная бревнами дорога вела вверх
к главным воротам крепости, к которой при-
мыкали и обе стены, ограждавшие проезд.

Ворота с двумя башнями имели довольно
глубокий тоннель с тремя заслонами, кото-
рые должны были преграждать путь врагу.
Пройдя ворота, путник оказывался в не-
большом дворике, где, очевидно, размеща-
лась стража; отсюда ход вел на стены, здесь
же находились помещения с маленькими
очагами на возвышениях — для того, чтобы
мерзнувшие стражники могли около них
согреваться... В глубине «двора стражи»
возвышалось самое высокое здание зам-
ка — башня-вежа. Это отдельно стоящее,
не связанное с крепостными стенами
сооружение являлось как бы вторыми воро-
тами и в то же время могло служить в слу-
чае осады последним прибежищем защит-
ников...

Перед огромным княжеским дворцом за
башней открывался небольшой парадный
двор, на котором стоял шатер, очевидно,
для почетной стражи; здесь же был потай-
ной спуск к стене. Дворец представлял
собой трехъярусное здание с тремя высо-
кими теремами. Нижний этаж дворца был
разделен на множество мелких помеще-
ний; здесь находились печи, жила челядь,
хранились запасы. Парадным княжеским
был второй этаж с широкой галереей —
сенями, где проходили летние пиры, и
большой княжеской палатой, украшенной
майоликовыми цитами и рогами оленей и
туров... В этой палате можно было поста-
вить столы примерно на сто человек.

В замке была небольшая церковь, кры-
тая свинцовой кровлей. Стены замка со-
стояли из внутреннего пояса жилых клестей
и более высокого внешнего пояса заборол¹.
Плоские кровли жилищ служили боевой
площадкой заборол, пологие бревенчатые
сходы вели на стены прямо со двора замка.

¹ Заборол — деревянная стенка; поверх нее
или через специальные щели можно вести стрельбу.

Вдоль стен были вкопаны в землю большие медные котлы для «вара» — кипятка, которым поливали врагов во время штурма. В трех разных точках замка — во дворце, в одной из медуш [погреб для вина] и рядом с церковью — обнаружены глубокие подземные ходы, расходившиеся в разные стороны от замка. Во всех помещениях замка, кроме дворца, найдено много глубоких ям, тщательно вырытых в глинистом грунте. Часть ям могла служить для хранения зерна, но часть предназначалась и для воды... Общая емкость всех хранилищ измеряется сотнями тонн. Гарнизон замка мог просуществовать, не пополняя своих запасов, более года».

Все, что ни делал Владимир Мономах — строил и укреплял города, управлял княжеством, — все это происходило в обстановке тревоги, как бы в отсветах пожара, отдаленного или близкого, маленького или с пламенем во весь горизонт. Пожар этот — половцы.

Владимиру было пятнадцать лет, когда хан Шарукан с огромным конным войском вторгся в южные земли Руси. На реке Альте произошла кровавая битва, в которой отец князя-подростка Всеволод и два дяди — Изяслав и Святослав — были наголову разбиты и едва спаслись от плена бегством. Неудачливым братьям, которые втроем правили в Киеве, пришлось бежать и из своей столицы. В Киеве вспыхнуло восстание горожан, к которому примкнули крестьяне. Люди требовали оружия для изгнания половцев, опустошавших киевские земли. Князья боялись вооружить ремесленников и смердов. Это и послужило начальной причиной народного восстания. Затем последовало его кровавое подавление. Потрясение, пережитое Владимиром в те месяцы, осталось в памяти на всю жизнь.

Последующие годы, проведенные князем

в Переяславле, который по своему положению первым оказывался на пути врага, тоже были тревожными и грозными.

В 1093 году половцы нанесли русским новое жестокое поражение. Это случилось под Трипольем, что на берегу Днепра, всего в полустах километрах от Киева. Русскими силами командовал великий князь киевский Святополк. Человек во всем заурядный, жадный и жестокий, он неумелыми распоряжениями обрек дружины и ратников на гибель. Сам он лишь с двумя дружинниками, бросив все, бежал с поля боя. Половцы в тот раз дошли до предместий Киева, «стучались в ворота саблей». В этой битве участвовал и Владимир Мономах, княживший уже не в Переяславле, а в Чернигове. Его дружина тоже оказалась разбитой. Владимир видел, как тонет в реке брат Ростислав, и ничем не мог помочь ему. Это было первое и единственное поражение, которое потерпел Мономах в бою. А провел он за свою жизнь восемьдесят три похода...

Боясь новой войны с половцами, Святополк выдал свою дочь замуж за могущественного хана Тугоркана. Принеся в жертву несчастную девушку, великий князь ничего не добился. Кочевники продолжали грабить земли Руси, уводить в полон людей. Разгулу половцев способствовало то, что многие мелкие князья ради корыстных целей заключали сделки с ханами и приводили половецкие войска для расправы с соседями.

Особенно отличался этим Олег Святославич. Вероломный и вздорный, разжигавший усобицы и ссоры, князь был, как никто, дружен с половцами. В «Слове о полку Игореве» он именуется Олегом Гориславичем. Горе русских людей было славой Олега.

Олег Гориславич, княживший в отдаленной Тмутаракани, не замедлил воспользо-

ваться бедственным положением южных городов Руси. С половецким войском он вошел в Черниговское княжество своего двоюродного брата Владимира Мономаха. Держа город в осаде, половцы сожгли предместья и монастыри. Села и деревни были отданы Олегом на разграбление половцам в уплату за помощь. Владимир со своей дружиной восемь дней отбивал штурм врага. Помощи от Святополка ждать не приходилось. Чтобы уберечь жителей города от уничтожения, Мономах уступил Чернигов Олегу. В «Поучении» он потом писал: «...и пошел я из Чернигова на день святого Бориса и ехал сквозь полки половецкие лишь с сотней дружины, с детьми и женами. А половцы, стоявшие у перевоза

и на горах, облизывались на нас, как волки...»

Владимир Мономах не пал духом. Только энергичнее действовал против врагов. Пройдет три года, и Олег Гориславич побежит от Мономаховой кары из Чернигова в Стародуб, потом в Смоленск, потом в Рязань, потом в Муром — будет искать и не найдет себе пристанища. А в тот несчастливый 1094 год Владимир, обосновавшись снова в пограничном Переяславле, употребит весь свой ум и опыт на борьбу с половцами и разобьет половецкое войско за рекой Сулой.

Зная цену Мономаху, половцы искали с ним примирения, рассчитывали исключить его из общей борьбы русских князей.

Современный
макет
древнего
Киева.

В Переяславль приехал посол Тугоркана Итларь. Владимир Мономах не поддавался лживым предложениям, не променял на личную выгоду выгоду общего дела. Итларь был убит, что означало войну.

В следующем, 1095 году Тугоркан, одолеваемый жаждой мести, привел свое войско к Днепру. Сеча произошла у Зарубинского брода. Владимир разбил войско врага. Был убит и сам Тугоркан.

В былинах факт гибели двух половецких предводителей отразился как победа Алени Поповича и Добрыни Никитича над Идолищем Поганым — Итларем и над Тугарином Змеевичем — Тугорканом. Слово «поганый» (от латинского «поганус») означало в те времена «иноверный», «другой веры». Было тогда в употреблении слово «туга», означавшее печаль, и теперь мы говорим «тужить». Имя жестокого хана народ выводил из туги — много печали, горя принес этот половец на Русскую землю.

На Руси было немало князей-книжников, или тихих, как их называли, проводивших время в светелках за чтением русских летописей, книг церковных и светских, переведенных с греческого и латинского, за собственными сочинениями. Владимир Мономах тоже прекрасно знал литературу, знал историю славян, историю других народов, умел вести полемику. Он был образованным человеком, чему способствовал отец, знавший пять языков, и мать — византийская принцесса Мария. Как тесто подходит на дрожжах, так знания способствуют созреванию дела. Это справедливо и для дела воинского. Все великие полководцы обладали обширными знаниями. Не «тихий» Владимир Мономах, к счастью, был «книжником». Благодаря просвещенному уму он начал по-новому вести войну с половцами.

Прежде борьба с врагом сводилась к схваткам на границе или погоне, чтобы

Старинный герб Киева — крылатый воин.

Софийский собор в Киеве — выдающийся памятник древнерусского зодчества. Построен в 1017 (?) — 1037 гг. в честь победы над печенегами.

отбить пленных и имущество. Мономах перенес военные действия в глубь территории врага. К обычным для русских пешим войскам он добавил отряды конницы, которые действовали так же быстро, как половцы, и не менее искусно владели луком, саблей, легким копьем.

Труднее было добиться, чтобы все князья действовали согласованно. Киевская Русь по существу уже была не одно государство, а полтора десятка небольших государств, и каждое со своим правителем. Страстное желание Мономаха объединить князей для отпора кочевникам осложнялось и тем, что он не был великим князем, авторитет которого все еще ценился. Великий же князь Святополк, как уже говорилось, ничем, кроме жадности, не блистал.

Весной 1103 года Владимир предложил Святополку начать совместный поход в половецкие степи. Однако дружина великого князя возражала, считая, что нельзя отрываться от пахоты и сева ратников. Обе дружины с князьями собрались на берегу Днепра недалеко от Киева, чтобы продолжить разговор. Летописец пишет, что «долго все молчали». Пока длится молчание, посмотрим внимательно на внешность князей. Вот Святополк: «Сей великий князь был ростом высок, сух, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрение острое». А вот Владимир: «Он был красив лицом, глаза у него были большие, волосы рыжеватые и кудрявые, лоб высокий, борода широкая. Ростом он был не особенно высок, но крепок телом и очень силен».

Владимир прервал молчание. «Брат! — обратился он к Святополку. — Ты старший, начини же говорить, как бы нам промыслить о Русской земле?» — «Лучше ты, братец, говори первый», — ответил Святополк. «Как мне говорить? — рассердился Мономах. — Против меня будет и твоя и моя дружина. Скажут: хочет погубить по-

селян и пашни. Но дивлюсь я одному, как вы поселян жалеете и лошадей их, а того не подумаете, что станет поселянин весной пахать на лошади, и придет половчанин, ударит его самого стрелой, возьмет и лошадь, и жену, и детей, да и гумно зажжет, — об этом вы не подумаете!»

Трудно было не согласиться с таким доводом. К походу двух князей присоединились пятеро. Великий князь Святополк уступил общее командование Владимиру.

Полки собрались и двинулись вниз по Днепру: в лодках плыла пехота, конница шла по берегу. За порогами лодки были оставлены. Войско стало углубляться в степь и двигалось степью четыре дня.

Половцы, обнаружив русских, собрали большие силы. Хан Урусоба, осторожный и проницательный, предложил своим: «Пошлем просить мира у Руси; они станут биться с нами крепко, потому что мы много зла наделали их земле». Верх в суждениях взяли молодые, заносчивые ханы: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся. Избави этих, пойдем в их землю, возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?»

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В НАЧАЛЕ XIII в.

1 — Владимиро-Суздальское.

2 — Смоленское.

3 — Полоцкое.

4 — Турово-Пинское.

5 — Черниговское.

6 — Муромо-Рязанское.

7 — Новгород-Северское.

8 — Галицко-Волинское.

9 — Киевское.

10 — Переяславское.

11 — Земли, зависимые от Галицко-Волинского княжества.

Фиолетовые стрелки — походы монголо-татар.

Синие стрелки — походы шведских и немецких рыцарей.

Красные стрелки — походы новгородского князя Александра Невского.

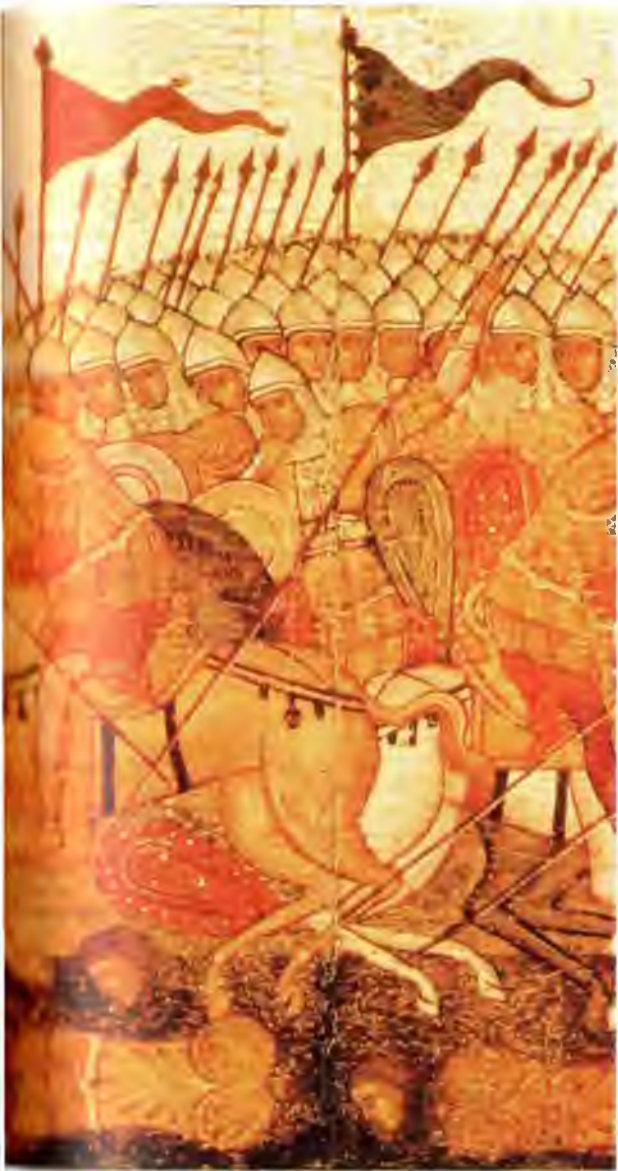

В княжеских
междоусобицах
ослабевала Русь.
Битва
новгородцев
с суздальцами.
*Фрагмент
новгородской
иконы XV в.*

Половцы послали вперед отряд храброго хана Алтунопы. Русский передовой отряд встретился с половцами и истребил их. После этого сошлись главные силы. Полки русских стояли в две линии. Владимир умело вводил их в сражение. Сеча была жестокая. Степь давно не видела такой ярости противников, не слышала такого стука и звона оружия, земля давно не впитывала в себя столько человеческой крови. Только ханов тогда было убито двадцать. Хан Белдюз попал в плен.

Пленник думал откупиться, предлагал скот, коней, золото, серебро. Решить его судьбу князь поручили Владимиру Мономаху. «Сколько раз вы клялись не воевать и потом все воевали Русскую землю? — ответил Владимир Белдюзу. — Зачем же ты не учил сыновей своих и родичей соблюдать клятву, а проливал кровь христианскую? Так будь же кровь твоя на голове твоей!» Вероломный хан был убит.

Этим победным походом война против половцев не кончилась. Нужен был еще ряд последовательных ударов, чтобы закрепить в сознании ханов почтительное отношение к Руси. И Мономах наносит эти удары — в 1109, в 1110 и в 1111 годах.

Последний поход был во всех отношениях примечательным.

Обычно русское войско выходило в степь в апреле, когда путь по Днепру очищался ото льда и можно было водой перебросить продовольствие и военные грузы. И получалось, что сражения с половцами происходили в жаркое время. Переходы в жару были изнурительные, воинам приходилось идти в тяжелых доспехах, готовыми в любую минуту отбить налет половецких конников. На этот раз Владимир Мономах с тридцатитысячным войском выступил в степь в феврале — имущество, доспехи и оружие везли по снегу на сани. На реке Хороле, уже в половецких владениях, сан-

ный обоз был оставлен, так как обнажилась земля.

Раннее выступление обеспечило русским внезапность. Продвижение княжеских дружин и ратей было быстрым и беспрепятственным. Они легко дошли до Северного Донца и двинулись к главному городу половцев Шаруканю.

Жители Шаруканя, не видя никакого толка в сопротивлении, вышли навстречу русским с дарами. Через несколько дней был взят еще один большой половецкий город — Сугров.

Ханы к этому времени собрали силы, намного превосходившие по численности войско русских князей. 24 марта произошел бой передовых отрядов. Он закончился победой русских. А через четыре дня на реке Сале — в семистах километрах от Киева по прямой — сошлись главные силы обеих сторон. Конные массы половцев окружили русские полки. Одна за другой следовали атаки вражеских конников. Ратники, стоявшие плотными шеренгами, отбили атаки. В решающий момент Владимир Мономах ввел в действие свою дружину. Опытные, мужественные воины, зная, что от них зависит успех всего похода, врубились в половецкие ряды и прорвали кольцо окружения. Половцы в этом месте побежали, увлекая за собой и соседей. Вскоре отступление превратилось во всеобщее бегство. Русские всадники преследовали бегущих. Победа была одержана блестящая.

Походы русских князей в половецкую степь, организованные и возглавляемые Владимиром Мономахом, сделали свое дело. Теперь уже половцы жили в тревоге перед приходом дружин северного соседа. Ханы уводили своих соплеменников со скотом и жилищами за Дон, за Волгу, в степи Южного Урала. Часть половцев отодвинулась в степи Северного Кавказа и даже переправилась через Кавказские горы. Так.

сорокатысячное конное войско Атрака, сына Шарукана, разбитого Мономахом, поступило на службу к грузинскому царю.

Авторитет Владимира Мономаха в те годы был очень высок и среди князей и бояр, и среди простого люда. В 1113 году, после смерти Святополка, Владимир стал великим князем киевским. Произошло это при обстоятельствах чрезвычайных. В Киеве вспыхнуло восстание ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты. Не один год копилось возмущение ростовщиками, дававшими деньги под такие высокие проценты, что выплатить долг становилось невозможно. Взявший заем превращался в раба, в собственность ростовщика. Гнев вызывали и приближенные умершего Святополка, подкупленные ростовщиками. Вооруженные горожане вышли на улицы, начали чинить свой суд над алчными богатыми: громили лавки менял, разорили двор тысяцкого Путяты. К восставшим присоединились крестьяне, которые были в долговой кабале у своих феодалов-землевладельцев. Тогда-то киевские бояре и воеводы, не видя иного выхода из грозных событий, принялись упрашивать Владимира занять «стол» в Киеве и стать посредником между богатыми и народом.

Владимиру Мономаху было ясно, что одной силой не остудить народный гнев, нужны серьезные уступки богатым бедным. В необходимости уступок Владимир убедил тысяцких важнейших городов Поднепровья. Обеспечив себе такую поддержку, Мономах издал законы, смягчавшие долговое право, установил определенный долговой процент, который никто не мог превышать. В совокупности новые правила назывались «Устав Владимира Всеволодича о росте». Значение «Устава» было так велико, что он вошел в «Русскую правду» — свод законов того времени.

Само собой разумеется, этим Владимир

Мономах привлек на свою сторону простых людей. Положение его еще больше упрочилось. И, поскольку половцы теперь были смиренными, он употребил военную силу на прекращение усобиц внутри своего государства. Редкий князь осмеливался перечить ему. Киевская Русь обрела мир внешний и мир внутренний, что было полезно всему населению государства.

Рассказ о человеке, который «много поту утер за Русскую землю», закончим словами из его «Поучения»:

«Пойдя на войну, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; не предавайтесь ни питью, ни еде, ни спанью. Стражей сами наряжайте. Только поставив их со всех сторон, ложитесь ночью около воинов; не снимайте оружия, не оглядевшись».

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Владимир Мономах для своего времени был долгожителем. Он прожил семьдесят два года. Средняя продолжительность жизни тогда составляла всего тридцать лет. Будто бы чувствуя малое время, отпущен-

ное для свершений, люди в те века рано мужали. Им было бы странно видеть, как сейчас молодежь тратит уйму лет на раскачку и обретает самостоятельность к третьему десятку, когда в прежние времена люди уже завершали свое главное дело.

Праправнук Владимира Мономаха новгородский князь Александр жил сорок три года, но уже в двадцать разбил шведов и получил прозвание Невский, в двадцать два стал победителем рыцарей-кресто-

носцев, подвергнув их небывалому разгрому.

Подвиги молодого полководца восхищают. Восхищение возрастет, когда мы представим себе положение, в котором тогда находилась Русская земля. Не страшно выйти за порог своего дома навстречу врагу, если в доме порядок и лад. А в русском доме было разорение, в нем хозяйничали монголо-татары.

На протяжении многих лет до Руси доходили вести о непрерывном движении с востока к Волге и Каспийскому морю какого-то воинственного народа, о взятых им неприступных крепостях, о стражах, в которых не осталось ни целого города, ни живого человека. Вести казались страшной выдумкой. Им не очень верили. Успокаивало и то, что все это было в далекой дали, из которой до Рязани, до

Воевода
в зеркале,
в плаще-
приводе
и племе-
ерихонке,
XIV в.
*Старинная
литография.*

Старинный
герб
Владимира

Владимира, до Чернигова, до Киева надо скакать не меньше года. Вспоминали нашествия минувших времен: трудно пришлось, но в конце-то концов от врагов отбились, с соседними народами ужились. Взять тех же половцев. Многие князья и ханы породнились, сдружились, русские князья знают половецкий язык, ханы знают русский. Выдавая дочь замуж за русского, хан отправляет ее в город с родичами и слугами, с отрядом храбрых воинов. В подобном окружении едет на жительство в степь и русская княжна...

Пребывая в таких рассуждениях, князья — короли в своих независимых королевствах — украшали церквями и хоромами стольные города, чтобы, к примеру, Владимир не уступал красотой Киеву; охотились, чтобы похвалиться выучкой кречетов или ястребов или диковинным охотничьим зверем гепардом; правили суды над смердами, чтобы добро в княжеские амбары поступало без задержек; встречали иноземных послов, сами ездили с посольствами, чтобы связями с могучими правителями подкрепить свой «стол». А еще ходили друг на друга — разоряли владения соседа, теряя в междоусобных стычках так нужных для будущей большой войны отважных бойцов.

Гром не грянет — мужик не перекрестится. Весной 1223 года гром грянул. Из-за Кавказских гор появилась армия монголо-татар. Войско половцев, лезгин, осетин и черкесов мужественно вышло навстречу врагу, но было сокрушено в предгорной степи. Пока всадники Субудая — знаменитого полководца Чингисхана разоряли селения черкесов и осетин, разбитые отряды половцев вместе со своими кочевьями уходили на северо-запад. Так они дошли до самого Днепра, и хан Котян стал просить помощи у князя Мстислава Удалого.

Золотые
ворота
во Владимире.
Построены
в 1164 г.
Один из
укрепленных
входов
в крепостной
стене города.

Князь был женат на половчанке, но не столько родственные чувства поторопили его к союзу с половцами, как сознание великой опасности. Он был опытный полководец, прозвание Удалой получил за многие победы над немцами, венграми и теми же половцами и, конечно же, понимал, что лучше встретить врага в степи, чем дожидаться вторжения в населенные русские земли.

К походу против монголо-татар присоединились киевский и черниговский князья — по имени тоже Мстиславы.

Противники сошлись у реки Калки, что впадает в Азовское море. Мстиславы не смогли договориться о едином действии. Киевская дружина не захотела перейти Калку, осталась на ее западном берегу в наспех укреплённом лагере. Она вступила в бой лишь после того, как основные силы русских были разбиты и, поспешно перебравшись через реку, стали отходить.

Киевский Мстислав надеялся один разбить Субудая, понесшего урон в бою с другими Мстиславами и Котьяном. Но вылазки из укрепления киевлянам не удались. Им пришлось трое суток отбивать непрерывные атаки монголо-татар. Пользуясь численным превосходством, Субудай давал отдых одним отрядам, тогда как другие продолжали штурм. И все же киевская дружина держалась. На четвертый день коварный Субудай предложил снять осаду, за выкуп пропустить войско домой. Мстислав согласился. Как только воины вышли из лагеря, на них со всех сторон налетели всадники и всех истребили. Попадали князей и воевод. Для них смерть отодвинулась до пира победителей. Пленников бросили на пол юрты, накрыли досками. На этом помосте и пировал Субудай со своими приближенными. Несчастные пленники умерли мучительной смертью — задохлись под пирующими...

Итак, гром грянул. Русские князья перекрестились. Но перекрестились не в тревоге. Успокоенно. Войско монголо-татар, изнуренное в долгом походе, повернуло к Волге. А там волжские болгары задали Субудая хорошую трепку, и монголо-татары ушли в Среднюю Азию.

Не тревожились южные княжества, примыкавшие к причерноморской степи, к извечному коридору, по которому двигались кочевые орды. Тем более не опасались беды княжества лесной Руси, выдавшие кочевников на протяжении веков лишь в роли послов или союзников. К тому же были у них заботы, отличавшиеся от забот южных соседей: с северо-запада все сильнее и сильнее нажимали на Русь германцы — враг сильный, жестокий, жадный, объединенный католической церковью. Папа римский именем Христа заранее прощал своему воинству все мерзости: «Завоюйте пруссов, латышей, литовцев, эстонцев, займите Псков, Новгород, очистите земли от коренного населения — и будете там королями».

Как представить нам Русь того времени?

Лагерь войск
Чингисхана.
Старинная
гравюра.

В каком облике? Представить надо в облике пахаря. Он стоит, отняв руки от сохи, взгляд его встревожен.

Два всадника — с востока и с запада — устремились на него. Один на приземистой лошади, со щитом из бычьей кожи, с натянутым луком и каленой стрелой, другой — с тяжелым кошем, одетый в доспехи.

Труднейшие обстоятельства. В них решалось — быть России или не быть.

О России как таковой тогда еще не шло речи. Я сейчас пишу, а ты читаешь «русские князья», «русские земли», «русские люди». Это еще не русские в сегодняшнем смысле слова, это — древнерусская народность, из которой через два с половиной века выйдут самостоятельные, кровно близкие народы: великороссы — русские, украинцы и белорусы. Еще через несколь-

ко веков три народа-брата объединятся в составе России, чтобы еще через несколько веков вместе со многими народами — тюркскими, финно-угорскими, кавказскими, прибалтийскими и другими — образовать Советский Союз.

Войско Субудая исчезло в пространствах за Волгой — прошел огненный вихрь, сжигая на пути города и селения. Снова у русских границ воцарилась тишина. То было затишье перед жестокой бурей. Причиной затишья стала вновь вспыхнувшая война монголов с чжурчжэнями — предками маньчжуров; Субудай со своим воинским талантом потребовался Чингисхану на другом краю земли.

После победы над чжурчжэнями Чингисхан умер. Родственники и полководцы усопшего властелина отложили военные дела, поспешили в Каракорум — монгольскую столицу. Надо было отдать последние почести умершему и решить, как без него управлять завоеванными народами: остановиться ли у достигнутых границ, продолжать ли движение во все стороны света?

Чингисхана погребли. Чтобы ему веселее жилось на том свете, отправили с ним в загробное царство сорок самых красивых девушек. Империю поделили между сыновьями; делить было что — владения монголов простирались от берегов Желтого и Японского морей до моря Каспийского от сибирской тайги до Гималайских гор. И было решено продолжать завоевательные походы — так завещал Чингисхан. Надпись на его печати, оставленной потомкам, гласила: «Бог на небе, а хан — могущество божье на земле. Печать владыки

Чингисхан
Старинный
китайский
рисунок.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО.
XII — начало XIII в.

НОВГОРОДСКАЯ
ЗЕМЛЯ

ВЛАДИМИРО-
СУЗДАЛЬСКОЕ
КНЯЖЕСТВО

МАРИЙЦЫ

МУРОМО-
РЯЗАНСКОЕ
КНЯЖ.

МОРДВА

МОЛЕНСКОЕ
КНЯЖ.

ЧЕРНИГОВСКОЕ
КНЯЖ.

Воложе

оз. Белое

КЕЛМАНЬ-УСТЬЕ

МОНОХ

УГАНУ

КАШИ

КНЯТИН

АМИТОВ

ЮРЬЕВ-ПОДСКАЯ

ВЛАДИМИР

СТАРОДУБ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Теша

МОСКВА

ЗВЕНИГОРОД

ВОЛОЖИЦКАЯ

ШАША

ТВЕРЬ

ПЕРЕСЛАВ

КОСТИ

ПРОСЛАВ

КОСТРОМА

ГАЛИЧ

КОСТРОМА

ШУСКИНА

МОЛОД

МОЛОД

ЧАГОДА

САР

СЕРП

оз. Олехское

Мозаика
из киевского
Михайловского
монастыря, XI в.
Св. Дмитрий
Солунский
изображен
в виде воина.
Считался
покровителем
тех,
кто боролся
с монголо-
татарами.

человечества». Не всем человечеством владели монгольские ханы, жили своей жизнью народы Европы, арабы, индийцы...

Прошло чуть больше десятка лет после битвы на Калке, и снова из-за Волги появились всадники на косматых лошадях. Мощная конная армия во главе с внуком Чингисхана Батыем, ведомая старым Субудаем и молодым полководцем Бурундаем, приближалась к Руси. Батыевы послы, опережая войско, растекались к стольным городам княжеств, предлагали совместно выступить против половцев. Половецкая степь нужна была монголам и как пространство для кочевий, и как плацдарм для завоевания европейских городов; половцы были первыми, кто оказался на пути завоевателей.

От Галицко-Волынского княжества на западе до Владимиро-Суздальского на востоке — всюду монголо-татары получили отказ. Отношения с половцами — предками казахов и башкир — устоялись, первоначальная вражда сошла, русские не хотели предавать соседний народ. К тому же 1237 год был на исходе, приближалась зима, а зимой кочевники не воевали.

По всем расчетам монголо-татарам надлежало быть где-нибудь в низовьях Волги, у берегов Каспийского моря, там их скот — лошади, верблюды, бараны — мог кормиться подножным кормом. Но вопреки такому, казалось бы, верному суждению, армия Батыя пошла на север.

Первым на Руси испило горькую чашу Рязанское княжество. Оно просило помощи у Владимира и Чернигова. И не получило. Противник действовал стремительно, не давая русским времени на сборы ратей. После семи дней осады монголо-татары ворвались в Рязань. Князя, воеводы, воины погибли в бою. Горожане частью были убиты, частью сгорели в домах и церквах. Молодая княгиня красавица

Евпраксия, которую перед штурмом враги потребовали в подарок Батыю, бросилась вместе с маленьким сыном Иваном с колокольни. За Рязанью пали Пронск, Ростиславль, Борисов-Глебов, Ожск, Ижеславец, Зарайск...

«...Град и земля Резанская изменился и отиде слава ея, и не было в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел».

Несмотря на зимние метели, на снеговые заносы, монголо-татары по руслам замерзших рек, как по дорогам, продвигались на север и вторглись в земли Владимиро-Суздальского княжества. Разорили Коломну, взяли городок Москву — ее вал, укрепленный бревнами, не был серьезным препятствием войску, бравшему первоклассные крепости. У Владимира, окруженного высоким земляным валом и каменной стеной, неприятельское войско остановилось: часть его стала готовиться к штурму, а часть в это время брала другие города. Отказавшись сдаться, пали Суздаль, Боголюбово, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Тверь... Стенобитными таранами воины Батые пробили бреши в стенах Владимира, а еще подвели к стене примет — настил из бревен и хвороста. По примету и через бреши ворвались в город. Очень уж велико было численное превосходство врага. Защитники города во главе с сыновьями великого князя Юрия, сражались, погибли. Женщины и дети княжеской семьи, духовенство, горожане искали спасения, укрывшись в Успенском соборе. Враги подожгли собор, потом выломали двери и перебили уцелевших от огня и дыма людей...

Сам великий князь в это время собирал войско на реке Сити, что впадает в Мологу, и готовился дать монголо-татарам сражение. В самом начале весны 1238 года владими́ро-суздальские полки были окружены огромным войском противника и полегли и кровавой сече.

В Новгород, где княжил восемнадцатилетний князь Александр, с тяжелыми вестями прибывали гонцы. Самым тревожным было то, что монголо-татары двинулись на Новгород. Пал недалекий от Новго-

рода Торжок. Он мужественно защищался на протяжении двух недель; противник подвез к нему осадные машины и взял приступом. Новгородское собрание — вече — решило: обороняться, укрывшись за крепкими стенами.

Хан Батый.
Старинный
китайский
рисунок.

Русский меч
и ножны.
XIII в.

Заманчивой добычей был этот богатый город, один из крупнейших в Европе, населенный мастерами-ремесленниками и купцами. Выдержали бы мужественные новгородцы и крепкие городские стены осаду? Вероятнее всего, выдержали бы. Но, не дойдя двухсот километров до Новгорода, вражеское войско повернуло на юг. Оно было уже не таким сильным, каким вторглось на Русь. Оно понесло большие потери. Ведь у каждого русского города шли смертельные бои. Субудай побоялся оказаться в ловушке: отрезанное от степи рыхлыми весенними снегами и разливами многочисленных рек, его войско могло быть истреблено новгородской ратью. Потом чиновники Батия с отрядом всадников появятся в Новгороде. И новгородцы все же станут данниками хана. Но северо-западная Русь избежала истребления людей, сожжения сел, разрушения городов. Это обстоятельство поможет не только самому Новгороду, но и разоренным княжествам пережить тяготы ига, оправиться от трагических поражений, снова поверить в свои силы, стать настолько сильными, что будет брошен на Куликовом поле вызов Орде и будет одержана над ней пусть еще не решающая, но вещая победа.

Новгороду в те начальные годы монголо-татарского ига выпало совершить великое дело — нанести мощный удар по германским завоевателям, остановить их у западных границ Руси.

«...Много поту утер за Русскую землю», — говорили современники о Владимире Мономахе. Эти слова можно сказать и о князе Александре Ярославиче. Четыре с небольшим десятка лет его жизни — это сгусток исключительных по важности для Руси событий, в которых многое определилось его талантом полководца, администратора и дипломата.

Сложность трудов тяжелых, выпавших на

долю этого человека, переплеталась с драмами личной жизни. Его отца, великого князя владимирского, слуги привезут мертвым из Каракорума. Туда отец был вынан для утверждения на княжение, там ханша Туракина, мать монгольского хана Гуюка, в знак высочайшей милости покормила князя из своей руки, а в еде была отрава. Внезапно умрет в день свадьбы старший брат Федор. Рано князь потеряет свою умную советчицу мать Феодосию Игоревну. Это она отсоветовала ехать в Каракорум, где Александру обещали ярлык великого князя Руси, — материнское сердце чувствовало, что постигнет сына отцовская участь...

Были, конечно, и радости. Может быть, в тревожной и трудной жизни, как это ни покажется странным, их больше, чем в жизни ровной и вялой, — солнышко заметнее рядом с грозовой тучей. Девятнадцати лет — не по расчету, а по любви — Александр женился на Александре, дочери полоцкого князя Брячислава. На Полоцко-Минское княжество, не разграбленное монголо-татарами, зарились рыцари-крестоносцы и особенно литовские князья. Так что Александр получил в приданое за невестой обязанность защищать от врагов и земли новой родни.

Недолги были свадебные торжества. Александр занялся устройством укреплений по реке Шелони, на пути, ведущем в Новгород с запада. Подновили прежние городки, поставили новую крепость Городец, окружили ее рвом, валом и бревенчатой оградой. В том же году, 1239-м, Александр выставил охрану у впадения реки Невы в Финский залив. В тех болотистых краях жило языческое племя ижорян, его старейшина Пелгусий был назначен начальником стражи.

Удивительна предусмотрительность и распорядительность молодого князя. Ведь

именно ижорская стража обнаружила шведские суда в Неве, и с сообщения Пелгусия начала рождаться победа над шведами. Удивительны и другие его качества. Князь в Новгородской боярской республике был не правителем, как в княжествах, а по существу наемным полководцем, правили же всеми делами бояре. Строительство укреплений, другие военные приготовления стоили немалых денег, и, следовательно, надо было заставлять скупых бояр раскошелиться. Он, князь Александр, был умен и красноречив. Не только боярство проникалось уважением к его

Бегство Батыя от русских богатырей.
Рисунок
И. Билибина,
1941 г.

«Александр
Невский».
Фрагмент
картины
П. Корина,
1942 г.

суждениям, Александр дважды будет говорить в Золотой Орде, в ее столице Сарае, с Батыем, ответит угрозу нового вторжения монголо-татарского войска в русские земли, добьется права для Руси не поставлять Батыю воинов, что делали все завоеванные ханами народы. Александру все же придется совершить долгое — сроком в год — путешествие в монгольский Каракорум, и он вернется оттуда не просто живым, а великим князем всей Русской земли...

Как волки следят за раненым лосем, выбирая момент для прыжка, так следили за израненной Русью короли немцев, датчан, шведов.

Была середина 1240 года. Северо-восточная Русь истреляна стрелами, иссечена саблями. Теперь монголо-татары жгут и убивают в южной части Руси. Взяты и разграблены Чернигов, Переяславль... Скоро заскрипят повозки, заревут верблюды у Киева, многотысячные отряды всадников окружают его, день и ночь будут бить в стены осадные машины, полетят в город бочки и горшки с горючей жидкостью. Продержавшись десять недель, Киев падет под напором огромного войска Батыя.

А в северо-западном краю Русской земли своя беда. Флот шведов — сотня судов, что ходят под парусом и на веслах, — вошел из Финского залива в Неву. На судах отборное войско. Шведам известен давний путь «из варяг в греки»: Финский залив — река Нева — Ладожское озеро — река Волхов — Ильмень-озеро — река Ловать — волоки — река Днепр — Черное море. Не в Черное море плывут шведские воины. Зять короля герцог Биргер ведет свой флот лишь до Новгорода. Это не так уж далеко: 74 километра по Неве, 100 — по Ладожскому озеру и 220 — по Волхову. Если даже не удастся взять сам Новгород, можно удовлетвориться захватом невских берегов

и крепости Ладоги. Новгород живет торговлей и ремеслами, лишить его выхода в море — надеть ему петлю на шею. Владения Новгорода простираются от Балтики до Ледовитого океана и Урала, многие народности и племена населяют их — у ослабленного Новгорода можно будет отторгнуть обширные территории. И надо торопиться. Пока союзники — немецкие и датские рыцари — не двинулись к Новгороду по суше. Иначе придется уступить им долю в добыче.

Гонец ижорской стражи со всей возможной поспешностью скакал в Новгород. Цена его донесения зависела от быстроты лошади. Пелгусий своими глазами видел шведский флот — и как входил он в реку, и как остановился при слиянии Ижоры с Невой. Шведы, утомившись морским переходом, устроили себе отдых. Простые воины отдыхали на судах. Начальникам и рыцарям слуги поставили шатры на берегу. У леса выгуливались сведенные с судов рыцарские кони. Конечно, не потому, что разгорячился вином, направил Биргер со своей стоянки послание Александру в Новгород: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже пленю твою землю». Биргер был уверен, что новгородцы не смогут собрать такую силу, как у него. Знал он, что Александру не поможет и родное Владимирское княжество, оно само в бедственном состоянии. Ведь и трех лет не прошло после разорения княжества монголо-татарами.

Новгород до приезда шведских послов был уже на ногах. Боярский совет одобрил решение князя — немедленно идти к Неве и, пока враги пребывают в самоуверенной беспечности, ударить на них. Александр располагал только своей небольшой дружиной и отрядом воинов-новгородцев. Недостаток сил нужно было возместить внезапным нападением на шведский лагерь.

Старинный герб Новгорода.

Задержались в городе лишь для молебна в соборе святой Софии. Полсотни лет назад новгородцы вместе с карелами, чтобы проучить шведов за грабежи русских торговых судов, совершили морской поход на тогдашнюю столицу Швеции Сигтуну. Город был взят и разрушен, в качестве трофея победители привезли с собой знаменитые сигтунские медные врата и установили

План Новгородского кремля. Фрагмент старинной иконы.

Орден
Александра
Невского.
Учрежден
Советским
правительством
в 1942 г.
Им
награждались
командиры
за победу
в боях
с фашистами.

Софийский
собор
в Новгороде —
выдающийся
памятник
древнерусского
зодчества.
Построен
в 1045—1052 гг.

их здесь, в соборе Софии. Литые львиные головы на створках врат как бы вопрошали проходивших мимо воинов — стоять ли вратам тут и дальше или шведы отвезут их к себе за море? Если дружина Александра — ядро новгородского войска — погибнет в бою на Неве, то путь к Новгороду будет открыт врагам.

Спешно шли вдоль Волхова к Ладоге. Пополнились отрядом ладожан. Затем присоединились воины-ижоряне. И успели как раз. Надменные рыцари даже не выставили постов на подходах к лагерю.

Итак, внезапность достигнута. Биргер, пируя в шатре, шитом золотыми нитями, не догадывается, что противник скрыт лесом всего лишь на расстоянии полета стрелы. Но это только часть того, что готовит шведам гибель. Недаром Александр еще мальчиком читал о походах другого Александра — Македонского, еще мальчиком участвовал в походах отцовской дружины, слушал рассуждения воевод перед боем. Таясь, он осмотрел место скорой теперь битвы и, что свойственно выдающимся полководцам, сразу увидел слабость шведской позиции. Слабость состояла в том, что часть войска была на берегу, а часть на судах; суда же соединялись с крутым берегом сходнями. Если в начальный момент боя сбить сходни, то враг потеряет свое преимущество в численности.

Новгородцы приготовились к атаке. Было утро 15 июля 1240 года. Протрубил рог. Конный отряд Гаврилы Олексича выскочил из леса и ринулся вдоль реки, сбивая сходни. Шведы, находившиеся на кораблях, не могли прийти на помощь тем, кто был на берегу. Неприятель оказался разъединенным на две части. Дружина во главе с самим Александром нанесла по шведам главный удар. Завязался жестокий бой.

Александр находился в самой гуще сражавшихся. Он распоряжался как полково-

дец и бился как воин. Летописец сообщает, что князь самому Биргеру «возложи печать на лице острым своим копием». Отважно сражались и другие.

Гаврило Олексич действовал у самой воды, не пуская неприятеля с берега на суда и с судов на берег. Когда он увидел, что шведы уводят на судно королевича, то на коне ринулся за ним. Шведы столкнули храбреца вместе с конем в воду. Дружинник выбрался на берег и оказался поблизости от шведского военачальника, сразился с ним, убил его, затем рубился с епископом и тоже убил.

Пеший отряд новгородцев разрушал суда. Командовал им Миша (кроме имени, летописец ничего не сообщает об этом человеке). Рубили топорами борта ниже ватерлинии и потопили три судна.

Дружинник Сава на коне пробился через ряды слуг и оруженосцев к шатру Биргера. Топором срубил шатерный столб, дорожное полотнище упало на землю, как выбитое из рук врага знамя.

Вечером сражение окончилось. Шведы, бежавшие на суда, подняли паруса. Неприятельский флот пошел в сторону Финского залива. А те, кто остался на берегу, были мертвы. Ими нагроулили два захваченных судна, пустили с поднятыми парусами вдогонку за живыми. Не всем хватило места на скорбных судах. Новгородцы «ископаше яму, вметаша их в ню бесчисла». В войске Александра потери были удивительно малы: погибло около двадцати воинов.

Простой кажется эта битва: застал врага врасплох и разгромил. А что, если бы Биргер узнал о подходе новгородской дружины, расставил засады, заманил русских на выгодную для себя позицию? Могло так случиться? Могло, если бы не точный, дерзкий расчет Александра. Простота битвы только кажущаяся.

Защитники
родной земли.
Фрагмент
старинной
иконы.

Обычно к имени князя прибавляли название города, в котором он княжил. К имени Александра народ прибавил название реки, на которой была одержана очень важная для всей Руси победа. Александр Невский — так и мы зовем знаменитого полководца.

В 1942 году, в разгар войны с немецко-фашистскими захватчиками, Советское правительство учредило военный орден Александра Невского. Его получали командиры за выбор «удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесения ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск». Эти слова, взятые из статута ордена, раскрывают главное в полководческом даровании князя Александра.

Поражение на Неве больно уязвило рыцарские души. Надо было бы расценить его как суровое предупреждение, а крестоносцы посчитали разгром шведов сигналом к скорейшему отмищению. Ливонский орден располагал 20-тысячным войском. И осенью того же 1240 года немецкие и датские рыцари вторглись в русские земли.

Первым они взяли приграничный городок Изборск. От него до Пскова всего

Шлем князя
Ярослава
Всеволодовича,
отца
Александра
Невского,
1216 г

30 километров. Псковичи спешно собрали пятитысячное ополчение, вооружились тем, что было, и пошли выручать соседа. Потеряв в кровопролитной сече больше полутысячи ратников, не освободив Изборска, ополчение едва пробилось назад к Пскову. Рыцари намеревались ворваться в город вслед за отступавшими. Но стража вовремя затворила ворота. После недельного стояния у города рыцари принялись грабить и жечь окрестности. Одновременно действовали послы ордена. Среди правителей города нашлись предатели. Они уговорили горожан примириться с немцами и впустить их в город.

Так невзятый Псков оказался в руках врага. Слухи о большой удаче быстро дошли до Германии, и новые рыцарские отряды, а вернее, разбойничьи шайки потянулись к Псковской и Новгородской землям.

Зимой враги заняли село Копорье, что

недалеко от Финского залива, в земле, населенной племенем воедь. Там они быстро возвели каменную крепость — опорный пункт для нападения на Новгород с севера. Вскоре в руках врага оказался городок Луга, совсем близкий к Новгороду. Небезопасными стали дороги, всюду можно наткнуться на вражеские разъезды. Захватчики кормились тем, что находили у крестьян; в деревнях не стало скотины, были отняты лошади, возникла угроза будущего голода, так как весной не на чем было пахать поля. Разоряя таким образом Новгородскую землю, крестоносцы готовились к захвату самого Новгорода.

А почему же не противодействует врагу победитель шведов Александр Невский?

После невинской победы, после встречи войска колокольным звоном бояре поссорились с князем. Он требовал большей власти, большей самостоятельности — это нужно для подготовки к войне с крестоносцами. Бояре не согласились. И Александр уехал в свой город Переяславль-Залесский.

Уже говорилось, что в Новгороде князь занимал не такое всесильное положение, как в княжествах. Новгородцы назначали себе князей сами, обговаривая в договорах их права и обязанности. Великий князь киевский Святополк как-то хотел без согласия вече посадить в Новгороде своего сына. Новгородцы ответили на это совершенно недвусмысленно: «Если у твоего сына две головы, то посылай его к нам». Не однажды они прогоняли князей. Но вовсе без князя обойтись не могли, хотя бы потому, что на бескняжий город будут постоянно зариться многочисленные претенденты. А их на Руси полным-полно. Чтобы занять новгородский богатый, хлебный «стол», могут пойти даже войной. Есть от князя и прямые выгоды — защита от военных нападений: при князе дру-

жины, отборные воины из знатных семей и родов; сила князя и в тех полках, что находятся под рукой его родственников.

Долгое время князьями в Новгороде были киевляне. Теперь же там утвердились владими́ро-суздальцы.

Владими́ро-Суздальская земля примыкает к Новгородской с востока и юга, входит в нее двумя длинными, широкими клиньями. Этот факт немаловажен для политической и экономической связи обеих земель. К тому же Владимиро-Суздальское княжество одно из самых богатых и могущественных во всей Руси.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропiti,
А Дон — шело́мы выльяти! —

читаем в «Слове о полку Игореве».

Это сказано о владимирском князе Всеволоде Большое Гнездо, деде Александра;

его воины так многочисленны, что могут разбрызгать Волгу веслами и вычерпать Дон шлемами. Когда завоеватели опасно угрожали грузинам, был позван в ту страну владими́ро-суздальский князь Георгий; царица Грузии Тамара вышла за него замуж и тем обеспечила своей стране поддержку со стороны Владимиро-Суздальской Руси... К Кавказу, к Карпатам, к Прибалтике, к Каме простиралось влияние этого княжества.

О процветании страны говорит красивый облик ее городов. И в наши дни удивляет легкая красота церкви Покрова у реки Нерли, Золотые ворота во Владимире, каменная резьба стройного Дмитриевского собора там же. Посмотреть древний Суздаль люди едут теперь за сотни и тысячи километров.

В той земле были свои поэты, писатели. Это тоже признак ее силы.

Новгород.
Фрагмент
гравюры
из книги
путешественника
А. Олсари.
XVII в.

О светло светлая
и украсно украшена
земля Руськая!
И многими красотоми удивлена еси,
озеры многими,
удивлена еси реками и кладезями
месточестными.

холми высокими,
дубравами частыми,
полями дивными,
зверьми разноличными,
птицами бесчисленными,
города великими,
села дивными...

...
всего еси исполнена
земля Руськая...

Вдохновенные строки, воспевающие родину, были написаны в Переяславле-Залесском. К сожалению, осталось неизвестным имя поэта. А Даниил Заточник в том же городе писал скорбные строки в прозе, обличая социальное неравенство той поры.

«...Богат возглаголетъ — вси молчат и вознесут его слова до облак, а убогий возглаголетъ — вси на нь кликнуть».

«Кому Переяславль, а мне Гореславль...», «Кому Боголюбово, а мне горе лютое...», «Кому Белоозеро, а мне черней смолы».

«Егда веселишися многими яствами, а мене помяни теплу воду ниюща от места незаветрена; егда лежиши на мягких постелех под собольим одеяла, а мене помяни под единым плата лежаща и зимою умирающа...»

Самое знаменитое, самое удивительное, что есть во Владимиро-Суздальской земле, — это городок Москва. Пока об этом никто не знает, не догадывается. Все, что происходит вблизи и вдали от нее, все так или иначе, прямо или косвенно связано с тем, что, пройдя череду испытаний, Москва станет сперва стольным городом

Московской Руси, потом столицей России и еще через века — центром Советской страны.

Бояре в Новгороде, уstraшенные нашествием рыцарей, долго судили, долго рядили и под нажимом простого люда просили князя Александра вернуться на новгородский «стол».

Ждал ли Александр, что его попросят вернуться в Новгород? Ждал. Он получал известия о продвижении врага и, как человек большого ума, редкой интуиции, предвидел будущие события. В смертельной опасности, надвинувшейся на северо-запад Руси, князь-полководец должен иметь власть — и над казной, и над людьми, у него должно быть право распоряжаться силами и средствами без долгих прений

Дмитриевский
собор
во Владимире —
выдающийся
памятник
древнерусского
зодчества.
Построен
в 1193 — 1197 гг.

с боярским советом. Александр ждал посольство в Переяславле-Залесском, в городе, где родился и жил еще мальчиком.

Этот город в своем названии хранит родство с Киевской Русью, с Переяславлем южным, что на реке Трубуж, впадающей в Днепр. Чтобы отличить от старшего тезки, к названию молодого Переяславля потомки Мономаха прибавили «Залесский». Он, если глядеть с Днепра, находится за лесами. Трубежем названа речка, впадающая в озеро Клешино, — это в память о днепровском притоке. Конечно, долгие века изменили родину Александра Невского. Изменились и многие названия. К примеру, озеро Клешино стало озером Плещеевым. Из «Переяславля» выпало «я», современное название города — Переяславль. Но о былом нашему сердцу верно скажут холмы, поросшие лесами, гладь озера, уходящего дальним берегом к горизонту, каменные стены окрестных монастырей, древний крепостной вал, неожиданно пересекающий современные улицы, Преображенский собор святого Спаса, что в самой середине города, — приземистый, белокаменный, с высокой главой, с узкими, как бойницы, окнами в надежно-крепких стенах. В этом соборе над маленьким княжичем Александром был совершен обряд посвящения в воины; епископ торжественно подстриг ножницами волосы мальчику, после молебствия и благословения отец князь Ярослав Всеволодич перепоясал сына мечом и посадил на коня. Гости этой многозначительной церемонии — закаленные в боях дружинники, бесстрашные бойцы — желали мальчику стать храбрым защитником родной земли.

Летом 1241 года Александр Невский приехал в Новгород.

Дружина Александра и конные новгородцы энергично очистили от врага близкие к Новгороду земли и дороги. Затем,

Церковь Покрова на Нерли — одно из самых прославленных творений древнерусского зодчества. Построена в 1164 г. в ознаменование похода на Волгу.

Суздальский кремль. Фрагмент иконы, начало XIII в.

пополнившись ладожанами, карелами и ижорянами, устремились к Копорью. Сильнейшая крепость была взята и разрушена до основания. Предателей и изменников Александр приказал повесить; часть плененных немцев отправил в Новгород, часть отпустил, чтобы те рассказали своим о первом поражении. Взятие Копорья откликнулось скорым эхом: воодушевленные победой русских, восстали эсты на захваченном германцами острове Сарема в Балтийском море. Они у себя побили рыцарей и католических попов.

Начало было удачное. Теперь очередь была за Псковом. Но вернуть его силами, которыми располагал Александр, невозможно. Тем более невозможно дать рыцарям решающее сражение. Александр попросил помощи у отца — великого князя Ярослава (отец еще не ездил из Владимира в Каракорум и был жив). Помощь пришла — войско суздальцев во главе с братом Александра Андреем. В начале весны 1242 года, верный принципу стремительности и внезапности, Александр легкими отрядами перерезал дороги, ведущие в Псков, а главными силами ударил на город. Рыцари и изменники-бояре отчаянно оборонялись — рассчитывать на снисхождение грозного князя не приходилось. В бою погиб почти весь вражеский гарнизон, в том числе семь десятков рыцарей. Восемь знатных рыцарей были взяты в плен и в оковах отправлены в Новгород. Псковских изменников и главного из них — посадника Твердилу Иванковича — вздернули на виселице.

Весь Ливонский орден был потрясен утратой Пскова, размерами потерь. В крупнейшем сражении французских и немецких рыцарей, происшедшем в 1214 году, общие потери убитыми составили 73 рыцаря. А теперь одних немецких чуть не столько! Да еще плененные...

В гневе, в ярости готовился орден расправиться с молодым князем. Предвкушая, как будут колоть копьями, сечь мечами, топтать лошадьми русских ратников, крестоносцы и подумать не могли, что скоро устелят лед на Чудском озере своими закованными в железо телами.

Александр сам хотел решающего сражения. Хотя враг изгнан почти со всей Новгородской земли, нельзя считать дело сделанным. Нужна такая победа, чтобы одна память о ней постоянно страшила врага. А битва будет нелегкой — против новгородцев идут почти все рыцари ордена, а также войско, присланное шведским королем, и пешие отряды, набранные германцами в покоренных прибалтийских землях...

Александр мог ждать врага у Новгорода имея у себя в тылу его крепкие стены. Но в таком случае придется пустить врага на свою землю, откуда он только что изгнан с большим трудом и жертвами; снова население деревень подвергнется разорению. Поэтому пригодно лишь одно решение: пойти во владения ордена и там дать сражение крестоносцам.

Войско Александра двинулось на город Дерпт (теперь эстонский город Тарту). Шли от Пскова через Изборск, огибая южную часть Псковского озера. Вскоре один из передовых отрядов встретился с противником, был разбит и отступил к основному войску. Хотя бой был проигран, он помог установить местонахождение и численность врага.

От Пскова на север лежит Псковское озеро, еще севернее — озеро Чудское. Они соединяются широкой протокой. Крестоносцы находятся на западе от озер. Где же выбрать место сражения? Где встать русским?

Александр решил отойти назад и построить свои полки у восточного берега

протоки, между озерами. В те времена не сражались на пересеченной местности, сходились на месте ровном и открытом. Здесь, на заснеженном льду, крестоносцы должны принять вызов Александра. Боевое построение немецких рыцарей называется «кабанья голова». Все войско строится в виде клина: его острие — одетые в латы рыцари, их кони тоже покрыты железом и по бокам клина рыцари, а внутри этой подвижной брони — пехота. Неудержимо и грозно движется клин — «кабанья голова» — на противника, рассекает его строй, проходит сквозь шеренги, дробит затем на части и уничтожает сопротивляющихся и бегущих. Много побед одержали таким образом рыцари над пешими войсками разных стран. У Александра войско в основном пешее. Крестоносцы, имея под собой ровную местность, а противником — пехоту, несомненно, начнут сражение в излюбленной, проверенной манере.

Александру и его воеводам прийти к такому выводу было нетрудно, они хорошо знали тактику крестоносцев. А вот что противопоставить такой тактике? Одной храбростью победы не добьешься.

В традиционном боевом построении русских самым сильным был срединный полк. Полк левой руки и полк правой руки, что по обе стороны от срединного, слабее. Это известно военачальникам крестоносцев. И Александр решил: срединный полк будет состоять из ополченцев — горожан и селян, вооруженных копьями, топорами, засапожными ножами; опытные же воины, закаленные, хорошо вооруженные, встанут на флангах, там же разместятся конные дружины обоих князей.

Что же произойдет благодаря такому поведению? «Кабанья голова» легко прошибет срединный полк. Рыцари посчитают, что главное дело уже сделано, но в это время с флангов навалятся на них

могучие бойцы. Придется рыцарям вести бой в непривычных условиях.

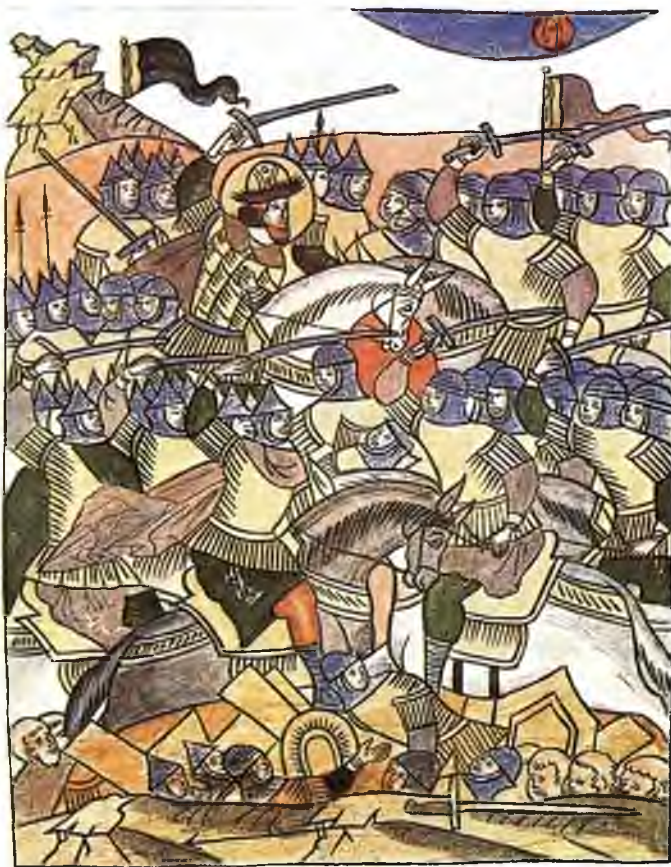
Что придумать, чтобы острие застряло позади пробитого им срединного полка? Позади срединного полка Александр распорядился поставить сани, на которых везли оружие, доспехи и продовольствие. За саями, за этой искусственной преградой, начинался берег, усеянный большими валунами — преграда естественная. Между саней, между камней не очень-то поскачешь на лошади, отягощенной железом. Зато ополченец, одетый в легкий доспех, будет действовать среди преград ловко, он сразу получит преимущество перед медлительным рыцарем.

Так, Александр Невский готовил победу своему войску.

Перед срединным полком стояли стрелки-лучники. Они первыми вступили в сражение.

Войско крестоносцев-рыцарей в шлемах с рогами, когтистыми лапами и иными устрашениями, в белых с черными крестами плащах, с длинными копьями, прижатými к бедру, прикрывшись щитами, двигалось как таран. Железные намордники, надетые на лошадей, превратили привычных животных в чудовищ. В середине клина, стараясь не отставать от всадников, бежали с секирами и короткими мечами рыцарские слуги и пехота.

Подпустив «кабанью голову» на несколько сот метров, русские лучники начали осыпать ее стрелами. Шесть прицельных стрел в минуту может прицельно хороший стрелок. Под свистящим градом стрел немецкий клин несколько сузился, на какую-то долю потерял свою разрушительную силу. Но все равно его удар по срединному полку был неудержимо мощным. Полк распался на две половины — как березовый чурак под ударом колуна... Русские называли рыцарский строй менее

Битва
на льду
Чудского озера.
Миниатюра
из Лицевого
летописного
свода,
XVI в.

почтительно, чем сами германцы, — не «кабаньей головой», а «свиньей». Летописец писал: «Наехаша на полк немци и чудь и прошибошася свиньею сквозь полк...»

Теперь, по опыту прежних сражений, рыцарям надлежало дробить боевой порядок русских на части, сечь бегущих мечами. Но картина оказалась иной. Ополченцы откатились за обозные сани и не побежали дальше. Рыцари, выскочив на

берег со льда, медленно кружили среди камней и саней, получая со всех сторон удары.

Александр не искал встречи с предводителем крестоносцев, как было принято в те времена и как поступил сам на Неве, а следил за развитием обстановки. Сейчас действовали друг против друга большие человеческие массы. В этом сражении полезнее, чем личный пример, был своевременный приказ полководца. Александр дал знак вступить в сражение полкам правой и левой руки. Новгородцы, ладожане, ижоряне, карелы с одной стороны, суздальцы — с другой навалились на рыцарскую «свинью»...

«...Трус от копий ломления и звук от сечения мечного...» — так скажет летописец о том моменте сражения.

Конные дружинники напали на противника с тыла. «Свинья» была окружена.

Сбившихся в кучу рыцарей, перемешавшихся со своими кнехтами-пехотинцами, русские воины стаскивали с коней крюками, пропарывали животы лошадей ножами. Спешенный рыцарь был уже не такой грозный, как сидевший на коне. Весенний лед ломался под тяжестью борющихся, рыцари тонули в полыньях и проломах. «Немци ту падоша, а чудь даша плеща». Подневольные пешие воины-эсты «даша плеща» — показали плечи, искали спасение в бегстве. Вскоре и рыцари, нарушив обет быть до конца стойкими, начали прорываться из кольца. Части крестоносцев удалось это. Александр приказал преследовать беглецов. До противоположного берега протоки — на многие версты — лед был усеян телами врагов.

Так закончилось сражение. Было 5 апреля 1242 года.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ. 5 апреля 1242 г.

а. Вороний
Камешь

ПОЛК ПРАВОЙ

КУРЖИ

ОБОЗ

СРЕДНИЙ

ПОЛК

ПОЛК ЛЕВОЙ

КУРЖИ

Много русских воинов в тот великий день «кровь свою прольяша». Но враг понес потери еще большие. Только рыцарей было убито полтысячи. Полсотни рыцарей попало в плен.

Полки Александра под звуки труб и бубнов подходили к Пскову. Ликующие люди высыпали из города встречать победителей. Смотрели, как ведут крестоносцев подле их коней; рыцарь, идущий около коня с непокрытой головой, терял, по правилам ордена, рыцарское достоинство.

Потрясающий урок получили германцы. Летом в Новгород приехали послы из ордена и просили у Александра вечного мира. Мир был заключен. Говорят, что тогда-то Александр произнес слова, ставшие на Русской земле пророческими: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!»

Несколько веков германцы вытесняли с исконных земель славян и прибалтов. Мало — вытесняли. Истребляли под корень. И вот впервые захватчики получили сокрушительный удар. Эта победа на многие-многое годы — на полтора века — остановила германцев у западных границ Руси.

Эхом взятия Копорья было восстание эстов на острове Сарема. Эхом Ледового побоища стало восстание против крестоносцев племени куршей на Балтийском побережье; к ним на помощь с многотысячным войском пришел литовский великий князь Миндовг. Восстали пруссы — тоже поморское племя; им помог войском польский князь Святополк. Рыцари — на этот раз Тевтонский орден — были разгромлены у Рейзенского озера.

К сожалению, народы, подвергавшиеся германской агрессии, не смогли объединиться в борьбе против общего врага. Почти совершенно были истреблены курши. Совершенно стерты с лица земли пруссы. На берегах Балтийского моря, на землях, «очищенных» от коренного населения,

германцы создадут свое государство — Пруссию. Веками там будет селиться военная знать, немецкое офицерство — с обязательством так располагать селения и так строить дома и хозяйственные постройки, чтобы они составляли линии и узлы обороны. Из государства-крепости немецкие феодалы будут грозить славянам и прибалтийским народам многие века, будут совершать оттуда кровавые походы. Так будет до весны 1945 года, когда Советская Армия, в рядах которой сражались сыны всех народов Советского Союза, завершая Великую Отечественную войну, создаст условия для ликвидации Пруссии. С весны Ледового побоища до той весны 1945 года пройдет семь долгих веков...

Князь Александр Ярославич отчетливо понимал, что сохранить в неприкосновенности северо-западные границы Руси, а также держать открытым выход в Балтийское море можно лишь при условии мирных отношений с Золотой Ордой. Воевать против двух могучих врагов у Руси тогда не было сил. Вторая половина жизни знаменитого полководца будет славна не военными победами, а дипломатическими, не менее нужными, чем военные.

Между тем многим соотечественникам Александра его политика мира с Ордой казалась ошибкой. Даже самые близкие люди — брат Андрей и сын Василий — перейдут в ряды сторонников неотложной войны против монголо-татар.

Если монголо-татарское иго было невыносимо многим князьям и боярам, что же говорить о бедном народе? На крестьян, на ремесленников давила целая гора жадных нахлебников — князей, бояр, их различных управителей и слуг. Никто из них не жал, не сеял. Всех кормил крестьянин, одевал ремесленник. Закон за убийство боярина налагал на общину, где совершилось убийство, громадный штраф-виру —

Князь
Ярослав
Всеволодич.
Фреска
из новгородской
церкви Спаса
на Нередице,
XIII в.

тест против ханских сборщиков дани, продолжались расправами со своими жадными и корыстными соплеменниками.

В родном Александру Переяславле-Залеском ударил набатный колокол. Улицы заполнились вооруженным народом. Без суда, на месте убивали монголо-татарских чиновников, княжеских и боярских слуг. И не один Переяславль восстал. Одновременно начали избивать и изгонять притеснителей — своих и чужих — в Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле. Одновременность народных выступлений говорила о всеобщем недовольстве.

Восстание на родной земле было в какой-то мере и против него, Александра, сторонника мира с Золотой Ордой. Но ведь лишь благодаря миру, обеспеченному им, восставились разрушенные города, заново обнеслись валами и стенами, отстроились сожженные села, а люди все умножались и умножались — уже было кому поднять меч, топор, рогатину на пришлых разорителей. Если бы Александр кинул клич: «На Орду!» — за ним, за победителем шведов и германцев, пошли бы люди из всех русских земель. Но он понимал, что такой поход был бы для Руси самоубийством. Монголо-татары по-прежнему обладали огромной армией. Могло случиться и так, что Золотая Орда второе нашествие на Русь совершала бы не одна, а совместно с крупными католическими державами Западной Европы; послы папы римского предлагали это ханам и в Каракоруме, и в Сарае.

Действительность была такова: нужно князю ехать в Сарай, что в низовьях Волги, в столицу Золотой Орды, и попытаться уговорить хана Берке не карать владимирцев и суздальцев за убийство сборщиков дани. Золотая Орда, к счастью, недавно отделилась от Монгольской империи, от великого хана Хубилая, а сборщики были хубилаев-

40 гривен, это годовая дань с крупной волости. Боярин же за убийство холопа отвечал лишь «перед богом», то есть не нес никакого наказания. И вот к такому гнету своих князей, своих бояр прибавился гнет ханский.

Простым людям было невыносимо жить «в работе суще и в озлоблении зле». То в одном краю Руси, то в другом вспыхивали восстания. Начинались они как про-

ские — можно представить дело так, что Русь не захотела платить дань чужому хану.

Тут и сам Берке прислал повеление — ехать князю Александру к нему. Золотоордынский хан начинал войну со своими дальними родственниками, правившими в Иране. Пусть и русское войско идет в Иран. Русь все остается непокорной, сильной. Она присмирееет, отправив своих воинов за тридевять земель...

Нет никаких сведений, что говорил князь Александр хану Берке. Но известны результаты переговоров: русское войско в Иран не пошло. Это была новая победа Александра в дипломатической борьбе с золотоордынцами.

Однако Берке назначил плату за победу — оставил князя на жительство в Орде. «...Удерживаю его Берке, не пускаю в Русь». Стал князь Александр Невский заложником, ответчиком за все, что будет в Русской земле против монголо-татар.

Многое испытал в труднейшей своей жизни князь Александр Ярославич. И вот пришло самое тяжелое — вечный плен, жизнь вдали от родной земли, среди чуждых людей. Но жил он там недолго. Заболел. И не поправлялся. По некоторым сведениям, он был отравлен. Уже вконец занемогшего князя Берке отпустил на родину. В ноябрьскую слякоть 1263 года поезд с умирающим добрался до Городца на Волге. Там 14 ноября князь умер.

Хоронили его во Владимире, в Рождественском монастыре. Множество народа сошлось, чтобы проводить в последний путь своего славного защитника.

Годом позже Александра Невского умер еще один выдающийся защитник Руси, тоже потомок Мономаха — князь Даниил галицкий. Он был гораздо старше Александра. Даниил с дружиной участвовал еще в битве на Калке, затем галичане по-

могали защищаться в Киеве. Когда монголо-татары прошли через территорию Галицко-Волынского княжества в Венгрию, Чехию и Польшу, Даниил вел боевые действия в тылу захватчиков. Ему, человеку зрелого возраста, опытному полководцу, владельцу одного из сильнейших и богатейших краев Руси, переносить чужеземное иго было очень горько. И Даниил, хотя признал себя данником хана, решил на военную борьбу с ним.

Монголо-татары, потеряв много воинов в сражениях с русскими, не смогли преодолеть сопротивление венгров, чехов и поляков. Отложив завоевание Западной Европы до лучших времен, они вернулись в степи. И Даниил тогда принялся энергично строить в своем княжестве новые города и восстанавливать разрушенные, укреплять их стенами, валами, рвами. Войско Даниила постоянно пополнялось людьми, бежавшими к нему из соседних разоренных земель. 60 тысяч ратников мог выставить против врага галицко-волынский князь. Но галичанам и волынцам пришлось сойтись в бою не с воинами хана. Подобно германцам и шведам, и здесь, на юго-западе Руси, короли-католики Венгрии и Польши решили воспользоваться трудным положением русских, чтобы отторгнуть их земли. В 1245 году, спустя три года после битвы Александра на Чудском озере, Даниил в своем краю разгромил войска западных захватчиков, пленив при этом польского полководца Флориана и венгерского полководца Фильния.

Эти победы заставили самого папу римского заговорить о Данииле с почтением. Папа римский предложил Даниилу, как и Александру Невскому, принять католическую веру, а за это обещал корону короля и помощь католических держав Европы в борьбе с Золотой Ордой. Даниил согласился.

В Сарае зорко следили за делами Европы. Конечно же, превращение Галицко-Волынского княжества в королевство не укрылось от хана. К владениям князя-короля двинулось войско монголо-татар. Ни папа римский, ни Венгрия с Польшей, ставшие союзниками Даниила, помощь ему не прислали.

Под угрозой нового разорения пришлось Даниилу галицкому выполнить требование хана — снести стены и валы, заровнять рвы, разрушить сторожевые башни вокруг своих городов.

Полководец Золотой Орды, известный воинским талантом и жестокостью Бурундай, прислал Даниилу послание: «Оже еси мирен мне, поиде со мною». В одной строке была скрыта такая жуткая угроза, что галицко-волынские полки вынуждены были ходить вместе с Бурундаем на поляков и литовцев.

Молодой Александр, не принявший королевский венец, оказался дальновиднее умудренного годами Даниила. Русь в борьбе с монголо-татарами могла рассчитывать только на себя.

ВЕТРЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ

уть ли не полтора-ст лет понадобилось, чтобы собрать силу, способную бросить Золотой Орде вызов. Сила эта крепла по мере того, как разрозненные княжества и земли объединялись в Московскую Русь.

Стара и вечно нова притча об отце, учившем сыновей быть дружными. Он попросил их сломать веник. Сломать было невозможно. Зато развязанные прутья легко ломались поодиночке. Враги покорили разобщенные княжества. И вот началось собирание русских земель в одно целое, чтобы выместить из родной земли захватчиков.

Первым князем-собирателем стал младший сын Александра Невского — Даниил.

Отец выделил ему в княжение уголок в обширной Владимиро-Суздальской Руси. Городок Москва и примыкавшие к нему районы, казалось, не были завидным уделом. На севере — граница у Александровой слободы (теперь город Александров), на юге — у Коломны, от севера до юга две сотни километров по прямой. Но через Москву в ту пору пролегали два важных торговых пути: один связывал южную Русь с Новгородом, другой — Смоленск с Владимиром и Рязанью. Пошлины за провоз товаров через Москву давали князю деньги. К оживившемуся месту стекались люди, они селились, строились, занимались ремеслами и хлебопашеством — еще прибавка казне.

Чем больше у князя денег, тем многочисленнее его дружина: князь кормит дружинника, одевает, дает ему другие бла-

Русский
воєвода
в двух
панцирях
и в срихонке,
XV в.
Старинная
литография.

га, к богатому князю дружинники сами просят на службу. Стала у московского князя и военная сила крепнуть.

В княжение Ивана Калиты, сына Даниила, в Москву из Владимира перебрался со своим двором митрополит, глава церкви. Этот факт был весьма важный: церковь в то время была и богата и влиятельна.

С Золотой Ордой потомки Невского продолжали ладить. Пришло время, и московские князья стали именоваться великими.

Владения Москвы уже простирались на север до Белоозера — не на сто километров, как вначале, на целых полтысячи. А княжество все расширялось. Но дело было не только в расширении территории. На пространствах вокруг Москвы рождалась великорусская народность — со своими чертами характера, со своей культурой, языком.

Кому приходилось видеть слияние рек, текущих по разным угодьям, тот, верно, запомнил, как разных оттенков вода сливается в одном русле. Не торопясь, перемешивается она, чтобы стать в полном смысле единой рекой. Так у города

Москвы сливались реки и речки, ручьи и ручейки различных говоров славяно-русского языка. Оканье из Суздаля, аканье из Рязани, цоканье — «ц» вместо «ч» — из Пскова... Рядом текли, и тоже не без влияния, речевые струи финно-угорских народностей, издревле живших в согласии с владими́ро-суздальцами, и струи тюркского языка, известного по связям с половцами. Но это не все еще. Свои оттенки продолжали вносить языки Византии и Болгарии, чьи церковные и светские книги в переводах ходили на Руси. Сильным родником, бьющим посредине широкого плеса, на котором сливались речевые потоки, были московские учреждения, рассылавшие в разные концы обширных земель распоряжения, сообщения, грамоты... Так, в сложнейшем сплетении потоков, высветляясь в долгом пути, рождался могучий, звучный русский язык.

Перечисляя причины возвышения Москвы, мы не можем не отметить особое место во всей Руси самого Владимиро-Суздальского княжества. Начало ему дали еще в VIII веке поселения кривичей и словен новгородских. Его ранняя связь с Киевским государством выражалась только в уплате дани и участии воинов в общих больших походах, таких, как поход на Царьград. Потом связи с Киевом упрочились. Владетелем тех земель был Владимир Мономах, он построил крепость Владимир на реке Клязьме, а сына Юрия, прозванного впоследствии Долгоруким, посадил князем в Суздале. При Долгоруком выросли в том краю новые крепости-города: Коснятин, Переяславль-Залесский, Юрьев Польский, Дмитров и город с великим будущим — Москва. Сын и преемник Долгорукого Андрей Боголюбский тоже вел градостроительство. Украшенный многими зданиями, мощно укрепленный Владимир он сделал столицей княжества.

Белокаменный
Кремль
Москвы
при Дмитрии
Донском.
Рисунок
Ап. Васнецова,
1922 г.

Больше того, Андрей Боголюбский велел считать центром Русской земли не Киев, а свой стольный Владимир. Суть не в том, правильно или неправильно этот князь распределял места городам. Важен сам факт такой переоценки, он свидетельствовал о силе Владимиро-Суздальского княжества, о его выдающейся роли в делах и жизни всей Руси. Сила княжества — духовная, хозяйственная, военная — передавалась Москве; Москва росла подобно тому, как растет крепкий, жизнестойкий побег на мощном корне.

Есть пословица: «Москва не сразу строилась». На самом деле не сразу. С 1147 года, с первого упоминания в летописи, она почти двести лет — до возведения Успенского собора — была деревянная: и княжеские хоромы, и дома ремесленников, лавки и амбары купцов, и крепостные стены Кремля — все из стволов ели, сосны, дуба. В 1367 году, при князе Дмитрии, еще не назвавшемся Донским, обнесли Кремль стеной из белого камня. С тех пор и пошло: «Москва белокаменная».

Белые стены оградили треугольник, образованный Москвой-рекой и впадавшей в нее речкой Неглинной. Со стороны Москви-реки стену поставили вплотную к воде, чтобы у врага не было места на суше, откуда он мог бы штурмовать укрепление. Белые стены хорошо послужили москвичам. Их трижды осаждало войско монголо-татар, дважды — литовского князя Ольгерда, и ни разу за сто лет белокаменные не подвели оборонявшихся.

Но не за оборону князь Дмитрий Иванович получил звание Донского. Он получил его за наступление. В средние века почти все войны на западе и на востоке сводились к обороне городов и взятию их. Дмитрий Донской как полководец ставил себе задачей иное — уничтожение неприятельского войска: если враг потеряет войско, то ему и город осаждать будет нечем.

Войско Мамая переправляется через Волгу, чтобы двинуться к владениям Москвы. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Великим князем московским Дмитрий стал девяти лет от роду. Умер его отец, князь Иван Красный, и мальчик, обремененный таким титулом, остался почти без родственников, с маленьким двоюродным братом Владимиром, князем серпуховским.

Чувствуя приближение смерти, отец просил митрополита Алексия быть наставником при Дмитрии. Митрополит обещал не оставить мальчика в беде. Поклялись служить ему всей правдой московские бояре и воеводы.

Они сдержали обещание, хотя сделать это было очень трудно. Старые князья из других городов Владимиро-Суздальской

Руси один за другим ездили в Сарай, чтобы выпросить себе ярлык на большое княжение. «Дмитрий мальчишка, какой из него великий князь!..» В Золотой Орде в ту пору ханы враждовали между собой. То воцарялся один, то другой, то третий. И заветные ярлыки, случалось, получали одновременно два русских князя на княжение в одном и том же городе. В опасное, трудное путешествие в Орду отправился митрополит Алексей. Он вернулся с подтверждением прав Дмитрия. А московские воеводы успокаивали противников своими средствами — ходили на них ратью. В результате власть малолетнего князя Дмитрия, а точнее, Москвы распространилась еще на три княжества — Ростовское, Галицкое, Стародубское.

Больше других противились росту Московского княжества князья Твери и Рязани. Оба сильные. Но не настолько сильные, чтобы одолеть московские дружины. Два князя старались натравить на Дмитрия ханов. «Смотрите, Москва стала такой крепкой, что и вам с ней не справиться. Спихватитесь, да поздно будет».

Тверской князь Михаил, пользуясь родством с литовскими князьями, звал их в поход на Москву, обещая хорошую долю из общей добычи.

Тучи сгустились вокруг Московского княжества. Казалось, что дело объединения Руси кончится на половине дороги. К тому же началась эпидемия какой-то болезни. Она опустошала города и села не хуже иноземных завоевателей. «...И не успевали живые мертвых погребать». Беда одна не приходит. Прибавилась двухлетняя засуха. Посевы высохли. Горели леса. Бушевали пожары в деревнях и городах. Люди голодали. «И был страх и ужас на всех людях и скорбь великая». А тут еще беспрерывные стычки с соседями...

Семь лет длилась борьба Москвы с

Тверью. Дважды за эти годы князь Ольгерд с литовской и тверской ратями подходил к белым стенам и оба раза отступал, посрамленный. Было много схваток в поле — тоже неудачных для Литвы и Твери. После каждого поражения тверской князь подписывал мир с Москвой, но нарушал его. А князь Дмитрий Иванович к тому времени возмужал, талант полководца в нем окреп, воинское умение отточилось в походах. Прибавилась решительность. В 1375 году двадцатипятилетний Дмитрий выступил из Москвы с сильным войском и, заняв ряд городов Тверского княжества, осадил саму Тверь. На помощь осажденным поспешили литовцы, но вернулись восвояси, узнав, что у москвичей сильное войско. Тверской князь снова запросил мира. По новому договору Тверь безоговорочно подчинялась Москве. И что было особенно важно, тверской князь дал обязательство вместе с Москвой бороться против Орды. Уладились отношения с Литвой: князь Ольгерд в знак наступившего мира и дружбы выдал свою дочь Елену замуж за князя Владимира Андреевича серпуховского — двоюродного брата и соратника Дмитрия.

Тремя годами раньше московское войско, упредив нападение рязанского князя вошло в его пределы, разбило рязанцев так, что князь Олег едва спасся бегством.

Теперь, когда один из прежних опасных противников подчинился Москве, а другой крепко побит, казалось, должны были кончиться военные тревоги. А они не кончились. Наоборот, многократно возросли. Мир Москвы с Тверью испугал Золотую Орду. Он был для нее как удар молнии. Как предвестник ее возможной гибели. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, коснемся военной организации монголо-татар и их политики в завоеванных странах.

Монголо-татары, пришедшие с востока,

при всей своей многочисленности все же были частицей среди покоренных народов. Сам термин «монголо-татары» показывал неоднородность завоевателей: монголы вовлекли в движение на запад множество племен, в совокупности называвшихся та-та или та-тал¹. Любопытно, что лучший полководец монгольских ханов Субудай был не монголом, а из урянхайцев — предков тувинцев. И вот всех, и чужих и своих, надо было держать в повиновении. Первое, на что уповали ханы, — это военная сила. Жестокая, леденящая человека жутким страхом. Их войско состояло из десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч. Если один воин из десятка бежал с поля боя, умерщвлялись другие девять. Если один бросался на приступ, а девять не поддерживали его — тоже умерщвлялись. Если бежал весь десяток, умерщвлялась вся сотня, в которую десяток входил. Винового ставили на голову и, пригибая ноги к спине, ломали позвоночник. Или у живого вырывали сердце. Так поступали со своими. Что же ждало чужих? Особенно тех, кто оказывал сопротивление? Мучительнейшая смерть.

Изоощренной была политика завоевателей. Подчиненных себе местных правителей они ссорили друг с другом, срамливали целые соседние страны. Стране ли, правителю нет нужды враждовать с соседом — тогда заставят, погонят на войну насильно, под угрозой разорения, сожжения, избия до последнего младенца. Как заставили Даниила галицкого дать войско в поход на соседние народы. Раздували вражду между мирными народами, словно угли в угасшем костре, подбрасывали в костер горючий материал. Не давали разоренным

Русский лук,
налучье
и стрелы,
XIV в.
Тетива
натягивалась
на лук
перед боем.

¹ Впоследствии словом «татары» стали называть все тюркоязычные народы: и те, которые пришли с Батыем, и те, что издревле жили в Поволжье, на юге Урала, у Каспийского моря.

окрепнуть, восстановиться в прежней силе. И не давали объединиться.

Вернемся к рассказу о князе Дмитрие. Как удар молнии, поразило правителей Орды известие о договоре Москвы с Тверью. Без малого полтора столетия удавалось держать Русь разобщенной, и вот недоглядели. Рассчитывать, что Москва при таком решительном князе будет и дальше терпеть Орду, не приходилось. Дело оборачивалось так: кто кого? Если москвичи разобьют ордынское войско, то Золотая Орда начнет разваливаться на куски; другие народы, подчиненные ей, не замедлят сбросить ненавистное иго.

Идти на Москву походом немедленно ордынцы не решились. В Сарая ханы дрались из-за власти. Но вот фактическим правителем при слабых ханах утвердился полководец Мамай. И настало время, когда многое должно было определиться.

Московский князь и правитель Золотой Орды были, как теперь сказали бы, лично знакомы. Несколько лет назад Дмитрий ездил в Сарай на переговоры. Мамай, по сути уже тогда правивший Ордой, был заинтересован в поддержке сильной Москвы и нарочито подчеркивал свое расположение к русскому князю. Теперь он сбросил маску. Великий князь Дмитрий Иванович тоже не думал скрывать враждебного отношения к Мамаю. Время вынужденного мира прошло.

Для начала противники обменялись короткими ударами. Московская рать во главе с воеводой Вельяминовым и рать нижегородских князей пошли походом на Казань и принудили ее правителей Асана и Махмет Солтана выплатить русскому войску пять тысяч рублей; в Казани остался русский сборщик податей и таможенники. Мамай ответил разорением Нижнего Новгорода. Его полководец Арапша разбил войско москвичей и нижегородцев.

Следующий удар ордынцы уже нацеливали на Москву. К ней через земли Рязанского княжества двинулось войско под командованием мурзы Бегича. Дмитрий своевременно узнал об этом. Московское войско пошло навстречу, чтобы дать сражение не на своих землях, а на рязанских. Почти одновременно оба войска достигли реки Вожи, правого притока Оки, и остановились на ее берегах. Когда всадники Бегича начали переправу, пешее войско Дмитрия уже было построено в обычный боевой порядок: полк левой руки, большой полк, полк правой руки.

Русские не мешали переправе противника, надеясь разбить его в прямом бою.

Из многих
русских
земель
шли к Дмитрию
полки.
Миниатюра
из Лицевого
летописного
свода,
XVI в.

С криками, размахивая саблями, понеслась лавина всадников на большой полк. Русские шеренги чуть колыхнулись — воины поправили копья, щиты и замерли в твердой неподвижности. Конная лавина, не докатившись двух сотен метров, приостановилась — конники, готовя удар саблями, выпустили по русским тучу стрел. И в это время большой полк бросился в атаку и ударил врага копьями. Скакать всадникам было некуда. Передние поворачивали коней, а на них давили задние, не понимавшие, что произошло. Полки правой и левой руки навалились на врага с флангов. Многотысячная масса лошадей и людей, прижатая к реке, крутилась клубком: у противника могли сражаться лишь те воины, что были по краям; находившиеся в середине бездействовали. До самой темноты длилась сеча. Погиб мурза Бегич и многие другие мурзы, луговой берег был усеян убитыми людьми и лошадьми. Уцелевшие орденыц перебрались через реку и бежали.

Дмитрий со своими воинами тоже переправился через Вожу, намереваясь с рассветом преследовать врага. Но туман, простоявший с ночи до середины нового дня, помешал этому. Остатки войска Бегича успели уйти далеко в степь.

Победителям достался огромный вражеский обоз — оружие, припасы и другое имущество. А еще им досталась слава первых победителей непобедимого дотоле врага. Важность ее отметит мировая история. Карл Маркс в своих хронологических выписках напишет о ней: «11 августа 1378 года Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже... Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими».

После сражения на Воже уже никто не сомневался в скорой большой войне. Обе стороны энергично готовились к ней.

Золотая Орда — огромное разноплемен-

ное государство — вступила, как в свое время Киевская Русь, в период феодального дробления: множество потомков великих ханов Монголии обособлялись на своих землях, не желая подчиняться кому-либо. Самые сильные в Золотой Орде боролись между собой за ханский трон в Сарае. За двадцать лет до Куликовской битвы там сменилось двадцать пять ханов. Мамай пресек распри. Своих явных противников казнил. Под угрозой смерти заставил всех золотоордынских феодалов отдать ему войска для войны с русскими. Мамай прекрасно понимал: если он проиграет битву, правителем Орды ему не быть, но если выиграет, власть его укрепит на долгие

Русские полки двинулись к месту сбора, в Коломну. Миниатюра из Лицевого свода, XVI в.

годы. В ход пошло золото и серебро, столет копившиеся в Орде. Были наняты за большую плату генуэзская пехота, отряды осетин, черкесов, армян. Множество различных мелких феодалов-разбойников со своими отрядами-шайками потянулось к Мамаю. Они верили в его победу и рассчитывали в будущем дележе ухватить хоть какую добычу — содрать ризу с иконы в московской церкви, отнять коня у крестьянина или увести с собой его детей и продать в рабство...

За год до Куликовской битвы Мамай послал войско в набег на Рязанское княжество. Враги нагрянули неожиданно, князь Олег не успел подготовиться к защите и бежал из Рязани. Пограбив города и села, враги так же быстро вернулись в степи.

Путь от ордынских становищ к Московскому княжеству лежал по рязанским землям. Набегом Мамай как бы предупредил рязанского князя: «Не вздумай быть вместе с Дмитрием. Не вздумай напасть на мои отряды, когда войско пойдет к Москве. Будет еще хуже».

В Московском княжестве, в землях, друженных Москве, тоже не сидели сложа руки. В те времена и богатые дружинники, и ополченцы — ремесленники, городская беднота, крестьяне — сами приобретали оружие, от самого воина зависело, чем он будет сражаться, каким щитом прикроется. У оружейников в тот год были большие заказы, была большая работа. Многие тысячи людей всякого звания запасались копьем или рогатиной, боевым топором или шестопером, луками и кольчугами, шлемами или мисюрками — железными шапками с кольчатой сеткой. Соседи сговаривались в будущей битве стоять рядом, защищать друг друга от вражеской сабли, живому похоронить убитого, не оставить в поле добычей волков и хищных птиц...

У великого князя Дмитрия Ивановича были свои заботы. Войска в княжествах возглавляли тысяцкие — главнокомандующие тех времен. Дмитрий у себя эту должность упразднил. В грозные дни вся власть должна быть в руках одного князя. Разгневанный боярин, претендовавший на высокую должность, поехал в Орду искать заступников. Предателя схватили на дороге и казнили.

Кроме своих врагов, были враги внешние. Их надо было перед решающей битвой обезвредить. Дмитрий опасался нападения Литвы на Москву. Оно могло случиться, когда рать уйдет на войну с Ордой. Литовское великое княжество в то время захватило обширные земли русского запада и не прочь было прибавить еще. Дмитрий послал во владения литовцев войско во главе с Владимиром Андреевичем серпуховским. Сделано это было не столько для острастки, а для того, чтобы поддержать противников литовского великого князя Ягайло — его братьев князей Андрея и Дмитрия. Между ними шла жестокая борьба за власть. Рать Владимира без серьезных боев заняла обширную территорию. Некоторые литовские князья сами захотели служить московскому князю. С дружиной и боярами перешел к Дмитрию Ивановичу князь Дмитрий Ольгердович; ему был дан город Переяславль, и он там княжил. Принял сторону Москвы и Андрей Ольгердович.

Так прошла зима. А весной 1380 года стали распространяться слухи о несметном вражеском войске, которое готово идти на Русь.

Летом войско Мамаю сосредоточилось на притоке Дона реке Воронеж, у границы Орды и Рязанского княжества.

К Мамаю, якобы для переговоров, на самом же деле для разведки, поехал посольство во главе с Захарием Тютчевым.

ЧАСТИ
ДОСПЕХОВ
РУССКОГО
ВОИНА,
XIV—XVII вв.
*Старинные
литографии:*

1
Куюк.

2
Бармица.

3
Рукавица.

4
Зерцало.

5
Зарукавье.

6
Наколенник.

7
Наручь.

8
Бутурлык,
доспех
на ногу
всадника.

Русский
воин
в доспехах,
XIV—XVII вв.
*Старинная
литография.*

Рогатины
и совня,
XIV—XVII вв.
Старинная
литография.

Копья,
XIV—XVII вв.
Старинная
литография.

Переговоры закончились безрезультатно, но Тютчев исполнил главное: ему удалось узнать, что вместе с ордынцами против московского князя выступит войско Литвы.

В район стоянки неприятеля вышла «крепкая сторожа» — сильный разведывательный отряд. Возглавляли его опытные воеводы Родион Ржевский, Андрей Волосатый и Василий Тупик. Сторожа захватила пленного. Он был доставлен в Москву и рассказал, что соединение войск назначено на начало сентября, произойдет оно около Коломны — московского города на границе с Рязанским княжеством; войско Мамай готово и только ждет союзника.

Сведения были первостепенной важности. Военный совет, собранный Дмитрием Ивановичем, принял решение: упредить противников, до прихода литовцев разбить Мамай, затем дать сражение Ягайло.

К 15 августа все русские рати должны сосредоточиться в Коломне.

Никогда еще люди не видели столько воинов. Москва полнилась ими, было им тесно на улицах и площадях. Предстояла не междоусобная стычка князей, а долгожданное сражение с ненавистным врагом всей Руси. Победа над ним была нужна всему народу, и все — от дружинника, блиставшего доспехами, до гончара, сапожника, пахаря, вооруженных топором да ножом, — были охвачены грозным воодушевлением. Во всех церквах шли богослужения, у городских ворот священники благословляли воинов на подвиг во имя родной земли.

26 августа, после смотра в Коломне, русское войско двинулось к Дону — на встречу ордынцам.

Можно было идти коротким путем, пересекая земли Рязанского княжества. Дмитрий выбрал иную дорогу, она была длиннее, но давала военную выгоду более значительную, чем выигрыш во времени.

Двигаясь почти на сотню километров западнее, русское войско наткнулось бы на литовцев, если бы они вышли почему-либо раньше, и сразилось бы с ним до схватки с ордынцами. За неделю ратники прошли пешком свыше двухсот верст — очень хороший темп, стремительный марш.

За реку Дон была отправлена конная разведка — сторожа под началом Семена Мелика. Ей надлежало войти в соприкосновение с передовыми отрядами Мамаея и слать донесения о движении врага. Стороже удалось захватить важного «языка». «Петр Горский да Карп Олексин привели пленного из числа знатных вельмож, — говорится в «Сказании о Мамаевом побоище». — Этот пленный рассказал великому князю, что хан уже на Кузьминой гати, но не спешит, потому что поджидает Ягайло литовского... а о русском войске не знает. По прежде указанному соглашению с Ягайлом на третий день Мамай будет на Дону. Князь великий спросил пленного о силе Мамаея; тот же сказал: «Несчетное множество, перечесть нельзя».

Главным вопросом для русских теперь было — остаться ли на левом, своем берегу Дона или переправиться на правый берег, к которому приближается Мамай? На военном совете мнения князей и воевод разделились. Одни предлагали стоять на месте, дожидаться, когда ордынцы, чтобы сойтись с русскими, начнут сами переходить реку, и тогда напасть на них. Русские в этом случае получали выгоду несомненную — с противником, который выходит из воды на берег, биться легче... Но ведь левым берегом Дона идет войско Литвы. Оно ударит по московскому войску с тыла. Зажатые между ордынцами и литовцами, русские могут потерпеть поражение. Правда, Ягайло еще далеко. Но Мамай дождется его: зачем ему начинать переправу через Дон до подхода союзника?

Другие предлагали перейти Дон и тем утвердить войско в мысли биться с Мамаем до победы. Ибо пути к отступлению не будет.

Второе предложение было принято. Но не столько из-за того, что отступать будет некуда. Главное, что, переправившись через Дон, Москва вынуждала Орду начать сражение в одиночку, до подхода Литвы.

«Любезные друзья и братья! — закончил совет князь Дмитрий. — Ныне же пойдем за Дон и там или победим и все от гибели сохраним или сложим свои головы».

Полководец приказал наводить мосты,

В ночь перед битвой Дмитрий выехал на Куликово поле.
Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

искать броды. В ночь на 8 сентября под охраной сторожевых отрядов войско преодолело реку. Ордынцы были всего в семи километрах. Семену Мелику и его стороже едва удалось спастись от преследователей. Мамай наконец узнал о приходе московского войска, спешно бросился к Дону, чтобы воспрепятствовать переправе, но было уже поздно. Легкие отряды неприятельской конницы, приблизившись к берегу Дона, увидели там тысячи русских воинов.

Место, где расположилось войско Дмитрия, называлось Куликовым полем. Поля в современном значении слова не было.

Было довольно широкое, непаханое степное пространство, охваченное с востока, севера и запада каймой Дона и впадавшей в Дон Непрядвы. Внутри синей водной каймы была зеленая кайма прибрежных лесов. Обе каймы — подобие подковы, обращенной выпуклостью на север, к Москве. Концы подковы обращены на юг, подкова открыта в широкую степь. Из нее, из бескрайней степи пришло войско Мамай и перегородило промежуток между концами подковы.

Осенняя ночь укрыла темнотой оба войска. Будто ночь боялась, что люди с той и с другой стороны раньше времени увидят друг друга и начнут страшную сечу. Вот как описаны те часы в «Сказании о Мамаевом побоище»:

«Уже настала ночь светоносного праздника рождества святой богородицы. После долгого и сияющего дня была ночью тишина, и выпала роса. И сказал Дмитрий Волюнец [княжеский воевода] великому князю: «Расскажу тебе, князь, о своей примете».

Князь Дмитрий Иванович... взяв с собой... своего брата Владимира и литовских князей Андрея Ольгердовича и Дмитрия Ольгердовича, выехал на Куликово поле, и стал посреди двух войск, и повернулся к татарскому войску, и слышал великий стук и клич, точно собираются на торг, точно строят, точно трубы гремят, а позади грозно волки воют. По правой стороне вороны каркают, и был великий птичий гомон, вороны играли за рекой, точно горы колебались; гуси и лебеди на реке Непрядве били крыльями, возвещая необычную грозу. И сказал Волюнец великому князю: «Слышите ли это?» И сказал ему великий князь: «Слышим, брат, великая гроза». И сказал Волюнец: «Призываю тебя, князь, обратиться в сторону русского войска». И была великая тишина

Утром
воины встали
в боевые
порядки.
Миниатюра
из Лицевого
летописного
свода, XVI в.

Волынец сказал великому князю: «Что слышишь, господин?» Он же отвечал: «Ничего, только видим многие огни, и многие зори соединяются». И сказал Волынец: «Запомнись, князь, господин, доброе предвещение, призывай бога, не теряй веры». Волынец сошел с коня, приник к земле правым ухом и пролежал долгое время, встал и вдруг поник головой. Великий князь Дмитрий Иванович сказал ему: «Что это значит, брат?» Тот не хотел говорить. Великий князь долго принуждал его сказать, и тот сказал: «Одна примета тебе к добру, другая не к пользе. Слышал я, как плачет земля на две стороны: одна сторона, как некая женщина вдовица, а другая, как некая девица, точно свирель, проплакала плачевным голосом. Жду победы над погаными, а много наших погибнет».

Утро 8 сентября было туманное. Туман опустился такой густой, что противники не видели друг друга. Под его покровом Дмитрий строил свои полки...

Мы говорили, как важно было решить, на каком берегу Дона дать неприятелю сражение. Не менее важным был выбор местом сражения именно Куликова поля. Великий князь Дмитрий и его военачальники обеспечили победу в первую очередь тем, что самым лучшим образом использовали особенности местности для устройства своего боевого порядка. Это, в свою очередь, вынудило противника действовать как бы по русскому плану, который, конечно же, не был для Мамаея благом.

В начале главы мы говорили о военной организации противника, о его железной, жестокой дисциплине. Теперь несколько слов о тактике, о военном искусстве врага. Иначе не сможем в полной мере понять историческое сражение и оценить полководческий талант Дмитрия.

Неприятельское войско было конное. Воин имел несколько запасных лошадей,

Доспехи
и оружие
татарского
воина, XIV в.
Старинный
рисунок.

пересаживался с уставшей на свежую, и войско совершало такие стремительные марши, что противник оказывался неготовым к бою. Пользуясь большой численностью, ордынцы, завязав бой по фронту, обтекали противника с флангов, окружали с тыла. Сражаться в окружении очень трудно, это известно еще с древних времен, когда полководец Карфагена Ганнибал меньшими силами окружил у городка Канны в Италии войско римлян и уничтожил его. При таком бое у окруженных могут сражаться лишь воины, соприкасающиеся с противником, те же, что в середине, бездействуют, боеспособность окруженных уменьшается чуть ли не наполовину. Как видим, тактика ордынцев была выгодной для них самих и роковой для пешего войска противника. Легко понять, что большим

конным массам нужна для маневра открытая местность — степь, поле, где можно мчаться во весь опор. Местность пересеченная, овражистая, лесистая затрудняет действия конницы или вовсе их исключает.

Теперь, зная тактику противника, его приемы боя, вернемся на Куликово поле. Вспомним подкову, к сравнению с которой мы прибегли в описании местности. Там, где середина выпуклости, на нашей речной подкове расположены мосты и броды. На юго-восток от бродов, внутри подковы, почти примыкая к берегу Дона, стоит лесок — Зеленая дубрава. Это надо запомнить. Это очень важное место.

Еще важные места — речки, которые начинаются на Куликовом поле и впадают три в Непрядву и две в Дон. Сами по себе речушки ничтожные, но они текут в лесистых оврагах, а это уже препятствие для конницы.

В широкой части подковы стоят русские войска, уперев фланги в Дон и Непрядву. Сто тысяч воинов (как считают историки).

У концов подковы возвышенность — Красный холм. На холме слуги поставили Мамаю шатер. Еще седьмого числа Мамай и его военачальники осмотрели место будущего сражения. Они, конечно же, поняли, что не смогут ввести в сражение сразу все войско; ордынцев вместе с наемниками полтора-два тысяч. Огромная масса будет вынуждена сближаться с русскими по коридору шириной всего 4—6 километров, такому расстоянию между речками, текущими с поля вправо и влево. Испытанной победоносной тактики — нападения всей массой конницы с фронта, флангов и тыла — здесь не применить.

Но темники Мамай, сам полководец увидели и слабость русской позиции. Речки, впадающие в Дон, конница преодолеть все же сможет, овраги тут неглубоки, кустарник невысок. И главный удар Мамай

наметил нанести своим правым флангом по левому флангу русских войск. Разгромив левый фланг Дмитрия, конница хлынет вдоль восточного края подковы, выйдет в тыл русского войска, почти окружит его, прижмет к Непрядве — к западной стороне подковы... Так снова восторжествует привычная и победоносная тактика, завещанная Чингисханом. И еще одно — ужасное для русских — совершится: они будут отрезаны от переправ и бродов, броды и переправы как раз за левым флангом в тылу Дмитрия. Гибель русских ратей неизбежна.

Так, правильно, рассуждали полководцы врага. Правильно по-своему. А на самом деле ошибочно. Зная тактику врага, князь Дмитрий и его военачальники, умудренные многими битвами, именно и рассчитывали на подобный ход суждений и на подобные действия противника. Конечно, Дмитрий надеялся, что полкам удастся устоять по всему фронту. Но допускал он и прорыв врага на своем левом фланге — к переправам, в тыл москвичам. Поэтому в Зеленой дубраве он спрятал от глаз противника конный засадный полк под командованием давнего друга и соратника князя Владимира Андреевича серпуховского и знаменитого воеводы Дмитрия Боброка Волынца (он был родом с Волыни). Это теперь полк состоит из определенного числа воинов. В те же времена полком называли обособленную часть войска; полк по численности мог быть и маленьким, и очень большим. Засадный полк, как сообщают некоторые летописи, включал в себя чуть ли не треть всего войска русских — несколько десятков тысяч. Выделение в резерв, в засаду такого огромного полка было делом необычным. Считалось, что вводить войско в сражение частями, а не все сразу опасно и губительно. Дмитрий нарушил это правило — и выиграл этим сражение.

...Время шло уже к полудню, когда начал редеть на Куликовом поле туман. Решающее мгновение приближалось.

Войско неприятеля стояло двумя линиями: ближе всех к русским — передовой отряд легкой конницы; за ним — генуэзская пехота; на ее флангах, справа и слева, расположились мощные конные группы. Эти конные группы состояли каждая из трех отрядов, стоявших друг за другом, «в затылок», чтобы Мамай мог наращивать по ходу сражения силу ударов конницы. Поблизости от Красного холма расположился еще конный отряд — это резерв самого Мамаея, наиболее опытные и преданные воины.

Русские войска построились обычным порядком: в центре большой полк, справа от него — полк правой руки, слева — полк левой руки. Было и необычное в этом обычном. Об одном уже говорилось — это засадный полк. И еще предполагалось, что самой жестокой атаке подвергнется полк левой руки и что может он весь погибнуть. Тогда обнажился бы левый край большого полка — основы всего русского строя. Чтобы усилить большой полк в этом месте, Дмитрий за его левым флангом поставил особый отряд — поддержку большого полка. Командовал им князь Дмитрий Ольгердович, опытный, храбрый военачальник; военный опыт должен был подсказать ему, когда вводить в дело поддержку.

Ордынцы особо сильный удар наносили в самый первый момент боя. Чтобы ослабить этот удар, чтобы он не пришелся сразу по большому полку, Дмитрий перед большим полком поставил передовой полк пехоты во главе с князьями друцкими, а еще ближе к противнику — сторожевой конный полк. Оба они — сторожевой и передовой — обрекались почти на полное уничтожение. Воины знали это. И никто не роптал...

Вооружение
дружинника
времен
Куликовской
битвы:
шлем
с бармицей,
пластинчатый
доспех,
меч в ножнах,
копье
и деревянный
щит.

Великий князь
Дмитрий
Иванович
Донской.
Гравюра,
XIX в.

мнѣ рѣшиша иже сѣсти на
древѣхъ на голыахъ

Бой Пересвета
с Темир-музой.
Миниатюра
из Лицевого
летописного
свода, XVI в.

После того как князь Дмитрий на коне объехал полки и воодушевил их проникновенным словом, он оделся в одежду простого воина, встал среди воинов передового полка. Его отговаривали. Князь возразил: «Как я скажу: братья, ударим вместе... Я хочу как словом, так и делом наперед всем быть...»

В княжеской одежде и доспехах, на княжеском месте в большом полку встал любимец Дмитрия храбрый боярин Бреннок, ему и другим отважным дружинникам надлежало охранять знамя великого князя.

Последние волокна тумана рассеялись. Заблестало солнце. Уже ничто теперь не могло отдалить начало сечи. Из ордынского войска, как говорит предание, выехал могучий воин, телохранитель Мамаея Темир-мурза (Челубей). Из русского войска выехал монах Троицкого монастыря Пересвет; до пострижения был он брянским боярином и хорошо знал воинское дело. Сжав копья могучими руками, всадники один в бараньей шубе мехом наружу и надетым поверх нее доспехом, другой в монашеской черной мантии и клобуке — ринулись навстречу друг другу. Сшиблись с такой силой, что охнули от удара кони и повалились со своими мертвыми седоками на траву.

Битва началась. «...Сошлись оба войска, крепко бились не только оружием, но и убивали друг друга врукопашную, умирали под конскими копытами, задыхаясь от великой тесноты, ибо невозможно им было уместиться на Куликовом поле, тесное ведь место между Доном и Непрядвою».

Напряженным местом сражения стала середина большого полка. Противник так яростно стремился прорвать большой

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. 8 сентября 1380 г.

С

Ю

Дон

Неправа

Дон

Полк засадный

Зеленая дубрава

Смолака

Полк правой руки

Полк вальшовой

Полк передовой

Полк поддержки в. полка

Полк левой руки

Полк

Полк

Монголо-татарские полки

Монголо-татарская пехота

Монголо-татарские резервы

Ставка Мамай

Резерв

Троице-Сергиев монастырь. Крепостные стены монастыря не раз помогали русским воинам останавливать врага на подступах к Москве. Гравюра И. Зубова, XVIII в.

полк и выйти в тыл, что уже почти раздвинул его на две половины. Князь Глеб брянский и боярин Вельяминов с владимирскими и суздальскими дружинами вытеснили врага из бреши, восстановили строй.

Полк правой руки во главе с Андреем Федоровичем ростовским и Андреем Федоровичем стародубским отбил все атаки противника и мог бы контратаковать, но стоял на месте, так как, бросившись в контратаку, обнажил бы правый фланг большого полка.

Труднее всех, как и ожидалось, пришлось полку левой руки. Основные силы ордынцев были направлены против него. Все князья белозерские, руководившие полком, и воеводы были убиты. Полегло много дружинников и ратников. Обессиленный, словно растаявший, полк начал отходить.

На помощь пошел с поддержкой боль-

шого полка князь Дмитрий Ольгердович. На некоторое время удалось приостановить вражескую конницу. Но вот полегла и поддержка. По телам убитых в образовавшуюся пустоту ринулись воодушевленные конники Мамай. Замысел как будто сбывался. Еще немного — и большой полк услышит у себя за спиной жуткие крики и храп коней, обернувшись, увидит блеск сабель...

Неудержимо летели тысячи всадников мимо большого полка, заходя ему в тыл. А в Зеленой дубраве все это видели. И сжимались сердца от горя, и от нетерпения хотелось броситься своим на помощь... Есть у Александра Васильевича Суворова, у великого полководца России, слова: «Мгновение дает победу». Вот и сейчас победа зависела от мгновения, в которое вылетят из засады русские всадники. Не раньше, не позже надо, а в нужное, единственное, победоносное мгновение. Огром-

ное самообладание необходимо, чтобы не испортить дела спешкой. Человеком твердой выдержки был в засадном полку Дмитрий Боброк.

«Князь Владимир Андреевич серпуховской не мог вытерпеть татарской победы и сказал Дмитрию Волынец: «Беда великая, брат, какая польза от нашего стояния? Разве не в насмешку будет нам оно? Кому придется нам помогать?» И сказал Дмитрий: «Беда, князь, великая, но не пришел наш час: всякий, кто не вовремя начинает, беду себе приносит. Потерпим еще немного до удобного времени и подождем, пока не дадим врагам нашим воздаяния». Тяжко было детям боярским видеть людей из своего полка убиваемыми. Они плакали и не престанно рвались в бой, точно соколы, точно приглашенные на свадьбу пить сладкое вино. Волынец же запрещал им.

говоря: «Подождите немного, есть еще с кем вам утешиться». И пришел час, внезапно потянул им южный ветер в спину. Закричал Волынец громким голосом Владимиру: «Час пришел, время приблизилось!» И еще сказал: «Братья мои и друзья, держайте!» И выехали русские из дубравы, точно выдержанные соколы ударили на многие стада гусиные; знамена их направлены грозным воеводою».

Засадный полк с яростью, со страшной силой ударил в тыл и фланг — сзади и сбоку — прорвавшимся ордынцам. В том полку не было воинов слабых или малоумелых. Дети боярские — дружинники умели бить копьем, рубить мечом, сшибать всадников с коней шестоперами. Раскаленный камень, если обдать его ледяной водой, трескается и разваливается. Накаленные боем и, казалось, близкой победой, ордынцы пришли в ужасное замешательство. Те, кто мог, поворачивали коней и скакали прочь от случившегося вдруг страшного чуда — нового мощного войска русских.

Мамай бросил в бой свой резерв. Резерв развеялся подобно дорожной пыли. Ибо в контратаку вслед за засадным перешли

Старинный герб Сергиева посада (ныне Загорск). Зубчатая стена, бердыш и крепкие ворота напоминают о военных заслугах города.

Медаль в честь 500-летия Куликовской битвы, XIX в.

Битва на Куликовом поле. Миниатюра из рукописи «Сказания о Мамаевом побоище», XVII в.

большой полк и полк правой руки. Страх обреченности охватил врагов. Началось паническое бегство. И не последним в степь от Куликова поля гнал своего коня Мамай.

Полсотни километров преследовали бегущего врага русские всадники — до реки Красивая Меча.

Потери обеих сторон были огромные.

Восемь дней не уходило с Куликова поля русское войско. Подбирали и увозили раненых. Хоронили мертвых. Около впадения Непрядвы в Дон до сих пор стоит селение Рождествено-Монастырщина. Там братские могилы героев битвы.

В старинной поэме «Задонщина» описывается скорбный доклад московского боярина Михаила Александровича великому князю:

«Государь, князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр больших московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, восьми бояр суздальских, сорока бояр муромских, восемнадцати бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр углических...»

Этот горький счет погибших военачальников не так горек, как тот, которым считали князей, перебитых монголо-татарами поодиночке. Дело, на которое совместно решились наши предки в 1380 году, было нужно русскому народу и многим другим народам.

Великого князя московского Дмитрия Ивановича поначалу считали убитым. Его нашли на поле боя в полусознании, но без серьезных ран, хотя доспехи на нем были

во вмятинах и рубцах от ударов вражеского оружия.

Летопись донесла до нас имена московских ремесленников, искавших полководца. Это Юрка-сапожник, Васька Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец... Имена простых людей писались с пренебрежительным «ка». Юрка шьет сапоги, а Юрий может править княжеством, вотчиной, быть боярином, дружинником. У Юрки, Васьки, Сеньки нет никаких надежд быть вровень с «лучшими» людьми. Им, их детям, внукам, правнукам оставаться людьми черными, чернью. Но в дни, когда решалось многое, они, простые люди, не раздумывая, вышли на битву с захватчиками. Битва-то шла за родину, за Русскую землю.

Первым о разгроме Мамай узнал Ягайло. Сорокатысячное войско литовцев повернуло назад.

А на Руси, во всех ее краях, началось ликование и была радость. Нет, не зря Москва требовала объединиться вокруг нее. Есть теперь у русских людей заступница. Теперь Москва — голова всему делу!

Множество сил народных, множество жизней людских, множество лет подготовки потребовала победа на Куликовом поле. Но и их оказалось недостаточно, чтобы окончательно освободиться от монголо-татарского ига.

Узнав о поражении Мамай, на Золотую Орду двинулся хан Тохтамыш, чья Орда кочевала в Средней Азии, по реке Сырдарье. Два войска встретились на известной реке Калке. Тохтамыш разбил Мамай, последний бежал в Крым и там был убит местными жителями.

Новый властитель Золотой Орды направил в Москву посольство с известием о происшедших переменах и с требованием платить дань ему, Тохтамышу.

Москва ответила отказом.

В 1382 году, перебив русских купцов в Сарае, чтобы не дошли до Руси сведения о готовящемся походе, Тохтамыш собрал большое войско. Вскоре оно двинулось к московским землям с юга, через Рязань, и с востока, через Нижний Новгород. Дмитрий пошел навстречу, но его войско, как выяснилось, не могло из-за малочисленности рассчитывать на успешное сражение. Великий князь поспешил в северо-восточные земли, чтобы собрать воинов, а Москва заперла ворота в белых стенах и приготовилась к осаде.

24 августа неприятель начал штурм Кремля. В город летели стрелы с горящей паклей, в стены били тараны, воины Тохтамыша лезли на стены по лестницам. Москвичи мужественно защищались: сбрасывали на штурмующих камни, поливали их кипятком и горячей смолой. Перебравшихся через стены кололи копьями, рубили мечами, топорами. Гремели и пушечные выстрелы. Пушки были установлены в бойницах кремлевских стен по приказу Дмитрия Донского, они помогали отбивать приступ.

На четвертый день штурма к городским воротам подошли сыновья нижегородского князя с приближенными хана и предложили москвичам почетную сдачу — «Тохтамыш воюет не с вами, а с непокорным князем Дмитрием. Вам он ничего худого не хочет делать. Он хочет быть в мире и любви с Москвой». Нашлись, как это часто бывает в

сложных и опасных обстоятельствах, легковверные и нестойкие. К хану были отправлены люди для переговоров. Этой доверчивостью и воспользовались враги. Они ворвались в ворота, началось убийство людей, грабеж, пожары. В горящих церквях погибло в тот раз множество книг и рукописей.

От Москвы отряды Тохтамыша двинулись к разным городам княжества. У Волоколамска большой отряд врага был встречен дружиной Владимира серпуховского и почти весь погиб. Из Костромы выходил с войском сам Дмитрий. Это известие заставило Тохтамыша спешно уйти из Москвы.

Через год к Дмитрию прибыли послы Тохтамыша с предложением добра и мира. У нового золотоордынского правителя осложнились отношения с самим Тамерланом, чья столица была в Самарканде. Между потомками Чингисхана назревала долгая кровопролитная война. Готовясь к ней, Тохтамыш предложением мира и добра хотел обезопасить себя от войны с севера.

Великий князь Дмитрий Донской не верил в миролюбие Тохтамыша, но передышка была нужна. Сколько бы она ни продлилась, все равно хорошо: можно собрать новые силы для удара по вековечному врагу.

Не суждено было Дмитрию Ивановичу Донскому нанести новый удар. В 1389 году, 19 мая, прожив тридцать девять лет, он после болезни умер.

НА РЕКЕ УГРЕ

свобождение Руси от монголо-татарского ига произошло в 1480 году, ровно через сто лет после Куликовской битвы. Не задумывался ли ты, читатель, почему победа на Куликовом поле занимает в нашем созна-

нии место более значительное, чем окончательная победа над Золотой Ордой?

Хотя все сравнения условны, обратимся к довольно близким нам событиям огромного масштаба — к Великой Отечественной войне.

Какая битва с фашистами была самой весомой? Конечно, не Берлинская, хотя после нее гитлеровцы капитулировали. Битвой, определившей победителей, стала Сталинградская битва. Война после нее не

кончилась, но ход войны и исход ее определились.

Человеку надо перенести тяжелую поклажу через гору. Как труден путь к вершине! Силы кончаются, вот, кажется, все иссякли. Хочется сбросить груз, опуститься рядом с ним на камни и умереть. Но человек, если сохранилось в нем мужество, добирается до вершины — пусть ползком, и когда оглянется он с вершины назад, когда увидит ужасную крутизну, которую преодолел, то дальнейший путь, пусть тоже опасный и нелегкий, покажется ему возможным. И он пройдет его с радостью и воодушевлением.

Сталинградская битва была для советского народа труднейшим подъемом в гору, с вершины которой открывалась дорога к победе.

И Куликовская битва для русских людей

Ратники
в «шапках
железных»
и кафтанах-
тегиляях,
XV—XVI вв.
Старинная
литография.

была труднейшим подъемом в гору, с вершины которой, пусть в далекой дали, но виднелась победа над завоевателями. Вот почему Куликовская битва, в которой русские люди ощутили свою возродившуюся силу, занимает в нашем сознании особое место.

Но как нельзя представить победу над фашистами без Берлинской битвы, так невозможно представить конец монголо-татарского ига без победы на реке Угре. Там тоже пришлось нелегко и непросто, и наш долг, читатель, наградить героев тех напряженных событий благодарной памятью о них.

Однако есть еще причина, из-за которой последняя война с монголо-татарами не запечатлелась в наших душах с достойной гордостью. Издавна утвердилось мнение, что ханская власть к 1480 году так ослабла, что русским ничего не стоило освободиться от нее. Сам ход войны, казалось, сто процентно подтверждал это.

Большеордынский хан Ахмед¹, желая привести Русь в покорное состояние, летом пошел к реке Угре и занял ее правый берег. На левом встало войско великого князя Московского Ивана III. «И пришли татары, — сообщает летопись, — начали в наших стрелять, а наши в них, а другие татары на воевод внезапно напали. Наши стрелами и из пищалей многих татар убили, а их стрелы среди наших падали и никого не ранили. И отбили их от берега, и много дней они приступали с боем, и не победили, ожидая, пока река замерзнет». Хан ждал, чтобы природа устроила ему прочные мосты на реке. И вот река замерзла. «...Были тогда холод и великие морозы, а царь Ахмед побежал 11 ноября», то

есть неприятельское войско, когда можно было дать сражение Ивану III, снялось и поспешно пошло в степь.

«Стоянием на Угре» были названы те события. Пришли, побросали друг в друга стрелы, помокли в осеннюю слякоть, а как ударили морозы, разошлись под теплые крыши. Чем же тут, действительно, гордиться?!

Современники, недруги князя, а следом многие буржуазные историки обвиняли Ивана III в нерешительности и даже в трусости: если Ахмед не рискнул переправиться через реку, то должен был сделать это Иван. Есть документ — «Послание на Угру», страстный призыв архиепископа Вассиана, горячие слова, побуждающие русского князя к быстрейшей схватке с противником. Вассиан был советником и духовным наставником Ивана III, и уж если он укорял князя в нерешительности, значит, на самом деле Иван был испуган; только еще большая трусость хана Ахмеда спасла на этот раз Москву от разорения... Вот как вкратце можно изложить мнение многих старых русских историков (да и некоторых советских) о важнейшем событии в судьбе России.

А на самом деле все было не так, все было сложно, трудно и могло кончиться не победой, а поражением, и русские еще долго платили бы дань ханам. Кончилось бы печально, если бы не храбрость русских воинов, не мудрость и твердость Ивана III.

Уже ранней весной 1480 года отряд ордынцев был замечен у реки Оки, вблизи русских владений. Московские воеводы прогнали врагов. Было ясно, что это разведка. Нужно было ждать большое войско.

В то время ливонцы напали на Псковскую землю, польский король и великий князь литовский Казимир готовился пойти походом на Москву, а младшие братья Ивана III, Андрей Большой и Борис, не-

¹ К тому времени Золотая Орда распалась на несколько ханств. Основным среди них была Большая Орда.

довольные твердой властью, уехали с семьями из своих уделов поближе к литовской границе — грозили старшему брату переходом на службу к Казимиру. Вот какой букет неприятных событий! Лучшего времени для сведения счетов с Москвой хану Ахмеду не дожидаться.

Грозная обстановка. Однако Московское государство было теперь куда крепче и обширнее, чем при Дмитрии Донском, в его составе почти все основные русские княжества, и Новгород тоже; правильнее называть государство не Московским, а Русским.

Во всех краях обширной русской земли начали собираться рати. И другие дела, связанные с войной, пришли в движение. Иван III тоже обзавелся союзником, хотя и не надежным — крымским ханом Менгли-Гиреем. Менгли-Гирей враг и соперник хана Ахмеда, он обещает вторгнуться во владения короля и князя Казимира, пока тот будет в походе на Москву; Казимиру придется какую-то часть войска обращать против крымских татар... Серьезную схватку с Ливонским орденом надо отложить на будущее, пока же выставлен против немецких рыцарей достаточный заслон... Поскольку войско Ахмеда вобрало в себя почти всех воинов и владения Орды остались малозащищенными, в глубь ордынских земель пошла по Волге «судовая рать» — сильный отряд в ладьях под предводительством хана Нурдовлета городецкого и воеводы князя Василия Ноздреватого звенигородского... Все, что нужно, кажется, сделано. Великий князь Московский Иван III Васильевич уверен, что не допустит ордынцев до Москвы и других городов, но всякое бывает, надо готовить столицу и города к обороне... И остается мятеж братьев; он опасен тем, что их полки не будут участвовать в войне. Нужно искать примирения с братьями...

Сражение на Угре. Русские пушкари у бродов. Старинная миниатюра.

Рати были собраны. Во главе с сыном великого князя Иваном Ивановичем и братом Андреем Меньшим они двинулись из Москвы к Оке и встали в районе Серпухова и Тарусы; подвижные отряды расположились непосредственно на берегу реки. Сам Иван III с частью войска пошел в Коломну, именно вблизи этого города, как правило, ходили на Москву ордынцы.

Начиналась последняя треть лета. В эти дни стало известно, что войско Ахмеда, двигаясь между верховьями Оки и Дона, повернуло на северо-запад. Если бы оно продолжало двигаться прямо на север, то и вышло бы к Коломне и Серпухову. Теперь же что-то изменилось в планах

Ахмеда. Оказалось, хан не решился идти прямо на Москву, предпочел войти во владения своего союзника — великого княжества Литовского и уже оттуда, понуждая Казимира своим примером, продолжить поход. В те времена граница между государствами Казимира и Ивана проходила на большом отрезке по реке Угре. К месту впадения Угры в Оку, что около Калуги, и шел Ахмед. Стало также известно, что Ахмед и Казимир хотят двинуться на Москву вместе.

Ордынское войско, поскольку путь его удлинился, подошло к Угре в начале октября. Промедление противника было на пользу русским. За это время войско перешло от Серпухова и Коломны в район Калуги, а сам великий князь получил возможность вести переговоры с мятежными братьями. На примирении настаивали и мать братьев, и духовенство, и бояре с воеводами. Примирение состоялось, полки Андрея Большого и Бориса 20 октября влились в общее войско и тем усилили его.

Иван III вернулся с переговоров к войску. Его распоряжения и то, как он разместил свои полки, сделали бы честь любому выдающемуся полководцу.

Князья Иван Иванович и Андрей Меньшой снова занялись обороной берега, но теперь уже берега Угры, а не Оки, как раньше. На противоположном берегу расположились ордынцы.

Основная масса русского войска сосредоточилась в городке Кременце, в шести-десяти километрах от реки. По военным правилам того времени большую часть войска полагалось сблизить с противником чуть ли не на выстрел из лука, в данном случае надо было всех подвести к берегу.

«Иван III
разрывает
ханскую
грамоту
с требованием
дани».
Картина
А. Кившенко,
1879 г.

Иван III.
Гравюра
из книги
А. Теве,
изданной
в Париже,
1575 г.

Царский конь
в парадном
убранстве.
Старинная
акварель.

участку, где начнутся серьезные действия. Позиция в Кременце хороша еще и тем, что она прикрывает дорогу на Москву от литовского войска, которое, как известно, тоже готовится к выступлению против русских. Вот тебе и трусость! Не трусость, а великая предусмотрительность...

Да, Иван III сам не спешит напасть на войско Ахмеда. А зачем ему спешить? Он дома, на своей земле. Ахмед же в литовских владениях. Пусть себе стоит там, сколько захочет. Время не в пользу Орде, во вред ей. Близятся холода. Еда для людей и корм для лошадей подходят к концу... Менгли-Гирей вторгся в южные владения Литвы. Но не столько крымские татары, сколько русские князья и бояре, живущие под властью Литвы, да и литовские князья, тяготеющие к Руси, озаботили Казимира: в среде многих русских и литовских князей, подданных Казимира, зреет заговор, простой русский люд накален так, что может вспыхнуть восстание. Польский король, великий князь литовский, так и не придет на помощь Ахмеду — послать войско на Москву рискованно, можно остаться и без

Щит,
XIV—XVII вв.
Старинная
литография.

Вот это-то нарушение устоявшихся правил и дало повод для обвинений великого князя в трусости. И в нерешительности тоже. А историки последующих времен не смогли отличить кажущееся от истинного.

В чем же правота великого князя? Русско-литовская граница по Угре чуть ли не в сто километров. В каком месте будут переходить реку ордынцы? Броды есть и у Калуги, у восточного конца границы, и у Юхнова, у конца западного, есть они и в середине. Подвижное конное войско Ахмеда может быстро переместиться из одного конца в другой. А пешее войско русских не успеет так же быстро перейти на угрожаемый участок. Ордынцы легко переправятся на русский берег, и как тогда остановить их на пути к Москве? Так что лучше держать главные силы в Кременце, оттуда они поспеют к любому

Пишаль,
отлитая
мастером
Яковом
в 1485 г.
Старинная
литография.

Гафуница
(старинное
название
русских
гаубиц),
отлитая
мастером
Игнатием
в 1542 г.
Старинная
литография.

короны и без княжеского стола... А из Орды мчатся гонцы к хану Ахмеду: «судовая рать» русских дошла до города Булгар, опустошает там земли, берет пленников, защититься от Нурдовлета городецкого и Василия Ноздреватого звенигородского невозможно; некому защищаться — все войны на Угре! Так вот развивались события осенью 1480 года. Но главное происходит на Угре...

Многие реки России знамениты подвигами, совершенными на их берегах. В числе таких рек Угра. Она не мала — 400 километров от истока до устья. Течет по смоленским и калужским землям в высоких берегах, впадает в Оку в 15 километрах выше Калуги. В те времена, о которых рассказ, Угра была полноводнее, ширина ее и глубина были такие, что без бродов не переправиться через реку. Хан Ахмед знал это; люди Казимира показали ордынцам все места, где конь со всадником может пройти по дну реки.

Бродов было достаточно. Но мало оказалось годных для переправы большого войска. Одни не годились тем, что спуски к ним и выходы из реки были круты — у таких мест русские легко побьют неприятеля; дорога от других, удобных, уходила в густой лес или в овраги, что тоже непригодно ордынцам. Тактика у ордынцев прежняя, еще батыевская — засыпать стрелами противника, тут же налететь огромной конной массой, охватить со всех сторон пешее войско, смять его, изрубить саблями. Для такой тактики тоже нашелся брод — около самого устья Угры; на пятикилометровом участке оба берега низкие, песчаные, и дорога от этого брода ведет в Калугу и в Москву. Сюда и подошли главные силы хана Ахмеда. Здесь они и стоят.

Почему стоят? Почему не переправляются? Берег Угры обороняют русские пешие воины, боярская конница и «наряд».

«Наряд» — это артиллерия. Она-то дала возможность Ивану III надежно оборонять броды, не выводя к ним главные силы. Правда, место переправы ордынцев определилось. Но из Кременца русскому войску отойти сюда, на берег, нельзя: это потом выяснится, что Казимир не пойдет на Москву, а сейчас Кременец грозит литовцам, и пока есть эта угроза, Казимир будет считаться с нею.

Как известно, еще Дмитрий Донской установил первые пушки в Кремле Москвы. За сто лет, минувших с тех дней, артиллерийское дело прижилось и развивалось в Русском государстве. В Москве есть «Пушечная изба», где льют пищали разного калибра: завесные, то есть ружья, носимые на ремне, соколики и волокнейки — орудия для полевого боя и самые крупные — стенобитные. В октябре 1480 года русская артиллерия сказала свое первое грозное слово в полевом бою. Она стоит у бродов, бьет ядрами и «дробосечным

железом» — картечью по всадникам Ахмеда, бросившимся в реку. Это запомнилось, и в «Лицевом своде», в иллюстрированной летописи, среди 16 тысяч рисунков есть такие, где русские воины на берегу Угры изображены с пищальми и пушками, а противник только с луками.

Мы коснулись летописного свидетельства, вернемся к летописным строкам, помещенным в начале рассказа: «И пришли татары, начали в наших стрелять, а наши в них, а другие татары на воевод внезапно напали. Наши стрелами и из пищалей многих татар убили, а их стрелы среди наших падали и никого не ранили». За этими спокойными строками скрыто великое напряжение первого боя. Еще не ведая страха, охваченные азартом близкой сечи, ордынцы, а было это 8 октября, выпустили со своего берега тучи стрел и привычно бросились вперед — по белому сыпучему песку в чистую воду реки. «Стрелы среди наших падали и никого не ранили» потому, что многие были в крепких доспехах, а ширина реки в том месте была такая, что стрелы достигали противоположного берега на излете. Холодная вода Угры, как путы, охватила ноги лошадей. Ордынцы двигались медленным валом. По валу, в грудь и головы коней и людей, русские воины в свою очередь выпустили тучи стрел. И одновременно грянул гром — вступили в дело «пищальники» и «огненные стрельцы».

Что тогда было в реке? Плотины из убитых и раненых. Обезумевшие лошади. Испуганные всадники. Сами ордынцы, тонувшие в реке, загородили дорогу всему своему войску. Так была отбита первая попытка переправиться через Угру.

«И отбили их от берега, и много дней они приступали с боем». Первая неудача могла быть и случайной. Хан Ахмед снова погнал войско на переправу. И снова реку за-

Западно-европейская бронзовая мортира, XV в.

прудили убитые лошади и люди. Кому удавалось достичь русского берега, того истребляла конница саблями. В этих побоищах прошло четыре дня — дни перед окончательным избавлением от монголо-татарского ига, длившегося почти два с половиной века.

«...Другие татары на воевод внезапно напали». Что скрыто за этой строкой? Хан Ахмед сделал попытку сильным отрядом переправиться через Угру по другому броду — у Опакова городища. Удайся это, и ордынские всадники вышли бы в тыл русским у основной переправы. Хотя нападение было внезапное, оно не удалось, противник и там был отброшен. Весь угрожаемый берег оборонялся надежно.

В тылу у ордынцев были захваченные Литвой русские города: Мещовск, Козельск, Белев, Мценск, Новосиль... Там начались патриотические выступления русских людей. Разве могли они, хранившие

память о героическом сопротивлении Батыю, быть безучастными в теперешней борьбе с Ордой! Выступление было обращено не столько против Казимира, сколько против Ахмеда. И хан, прервав попытки перейти Угру, направил большие силы на расправу с непокорными, на разграбление тех мест. Вот какой был октябрь 1480 года. Вот как кончалось монголо-татарское иго.

Восстание затихло. Всадники Ахмеда снова собрались у брода. Тогда-то хан и пригрозил русским, что, дождавшись ледостава, перемахнет реку единым духом, расправится с москвичами беспощадно.

Неизвестно, что думал в те недели холодной осени король и князь Казимир о союзнических обязательствах. Если даже он хотел помочь хану, пренебрегши внутренними трудностями, он помочь ничем не мог. Идти на соединение с ордынцами просто глупо — броды Угры неприступны. Двинуться одному на Москву с запада? Русское войско, сосредоточенное в Кременце, перехватит его на дороге...

В тот памятный год холода пришли очень рано. Зима словно хотела испытать крепость грозного ханского обещания. Угру быстро затягивал молодой лед. Недолго еще вода струилась в середине реки. Скоро замерзла и середина. Еще несколько дней, и переберутся по льду ордынские кони. Что будет тогда?

При начале ледостава великий князь московский Иван III приказал всем отрядам, оборонявшим берег, собраться в Кременце. Смысла в обороне берега не было, скоро по всей реке будет сплошной «брод». Дождавшись полки, Иван III отвел войско в город Боровск. На просторах около Боровска было решено дать ордынцам полевое сражение.

Река встала 26 октября. Но Ахмед-хан все не появлялся на левом берегу. В начале третьей недели такого странного поведе-

ния, 11 ноября, пришло в Боровск от русской стражи известие — неприятель пошел в степь.

Не пошел он, а побежал. Изнуренное потерями, обносившееся до дыр, голодное, обманутое Казимиром, деморализованное напрасной растратой сил и осознанием того, что Москва — неодолимая сила, подхлестываемое лютой стужей и русской конницей, — таким было воинство Большой Орды.

До своих владений хану Ахмеду надо было идти три с лишним сотни верст. В своей Орде тоже будет несладко: как волки загрызают раненого волка, так ханы загрызают хана неудачливого. Вспоминали тогда хан Ахмед конец Мамая, бежавшего с Куликова поля? Во всяком случае, судьба их сходна: в 1481 году Ахмед был убит ханом Иваком.

Русское государство после победы на Угре стало полностью независимым, самостоятельным. И снова, как после победы на Куликовом поле, во всех краях Русской земли славили Москву, взявшую на себя великий труд и завершившую его так доблестно.

Осталось в веках и имя Ивана III, выдающегося государственного деятеля, умного дипломата, искусного военачальника. Таких людей, как он, родина не забывает; он крепко связал разрозненные земли в одно государство и отбросил от него врагов. Что же касается самой битвы на Угре, о которой наш рассказ, она может служить примером того, как военачальник побеждает врага, сохранив в целости свое войско. Воины, стоявшие в Кременце, нужны были и для других дел — после Угры они воевали со Швецией, с Ливонским орденом и ни в одной войне не посрамили русского оружия.

Мы говорили, что в прежние эпохи одним из показателей авторитета государ-

ства были браки правителей. Великий князь московский Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице императора Византии. Случилось так, что этот император оказался последним — Византию завоевали турки, древнее государство прекратило существование. Иван III стал считать себя наследником византийских императоров, а свое государство — наследником Византии. Поскольку императоры имели титул «цезарь», в славянском произношении «царь», то и Иван III стал именовать себя царем¹.

Перемена титула «князь» на титул «царь» была делом важным. Власть даже сильного князя, великого, имела границы. Князю не подчинялся глава церкви. От него по своему желанию могли переселиться в другие места вассальные князья, дружинники, купцы. Царь же — самодержец, единоличный правитель всем и всеми: у него в руках власть законодательная, исполнительная, судебная, военная; он же глава церкви, больше того — «наме-

стник божий на земле», послан в цари самим богом.

Пышные титулы очень часто доставались личностям слабым, тщеславным. Один голый титул не определяет ни таланта правителя, ни силы государства. Не был ли смешон с новым титулом Иван III? Нет. Вот какая запись об этом человеке есть у Карла Маркса:

«Изумленная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвиты».

А вот что говорил В. Г. Белинский:

«Русская история есть неистощимый источник для романиста и драматика... Какие эпохи, какие лица! Да их стало бы несколько Шекспирам и Вальтерам Скоттам... А характеры?.. Вот могучий Иоанн III, с его гениальной мыслью, с железным характером, непреклонною волею...»

---

¹ В России титул царя впервые официально принял Иван IV Грозный в 1547 году.

ПЕРВЫЕ ШАГИ К МОРЯМ

опытаемся, читатель, представить себе русский народ времен становления России в образе одного человека. Каким он был? Что делал? О чем думал?

Мне он рисуется каменщиком — в длинной холщовой рубахе, волосы, чтобы не мешали работать, охвачены ремешком. Руками, державшими совсем недавно копье, он кладет прочные красные кирпичи в стену Московского кремля. Теперь в сражениях гремит артиллерия, прежние белые стены не были рассчитаны на удары осадных орудий, и московская крепость строится заново. Хорошо на душе у каменщика — кончилось чужеземное иго. Но ни тени беспечности нет у русского человека. Вме-

реди множество дел. Самое большое, самое нужное — возвращение к морям, к морю Черному, к морю Балтийскому.

Без общения с другими странами, без торговли с ними ни одно государство жить полноценной жизнью не может. Лучшее средство общения и торговли — корабли. Издревле служат людям дороги морские. Служили они и русским, да перестали. Русское государство отрезано от них. Монголо-татарское иго кончилось, но не кончились его тяжелейшие последствия.

Черное море целиком во власти турок. Балтийское — во власти шведов.

Турки, одно из кочевых племен огузов, живших в Средней Азии, сдвинулись с насиженного места под давлением монголов. Уходя от монгольских завоевателей на запад, они сами превратились в беспощадных завоевателей. Придя в Малую

Стрельцы московских стрелецких полков, XVI в. Старинная автография.

Азию, истребили там арабское, греческое, армянское население и основали таким способом свое государство. Византия не последняя жертва турецких султанов. Последовал захват Сербии, Болгарии, Македонии, Греции, Албании. Это — в западной от турок стороне. На востоке и юге они подчинили Кавказ, Сирию, Палестину, Ирак, Египет, Алжир, Ливию, Тунис. В Средиземном море захвачены острова Крит и Кипр. Две трети побережья Средиземного моря под властью султана! Турция — сильнейшая военная империя мира. С многочисленной конницей, с большим военным флотом, с пешим войском янычар — храбрых, фанатичных головорезов. Янычары по национальности не турки. В завоеванных странах султан берет себе

каждого десятого мальчика. Детей воспитывают в преданности исламу, их учат владеть ятаганом, стрелять из мушкета и пистолета. Янычар не имеет права жениться. Зато он может делать все, что запрещено обычным людям. Ему прощаются преступления. Он осыпан житейскими удовольствиями. Плата за это — беспощадность на войне к врагу. Да и к самому себе тоже...

Естественно, если султаны подчинили даже страны Африки, лежащие за Средиземным морем, они не оставляли своим вниманием страны, лежащие к северу от Турции, за Черным морем. Украина и Польша постоянно подвергались их нападениям. А некоторые из ханств, на которые распалась Золотая Орда, — Крымское, Казанское, Астраханское, — у султанов в зависимости, они союзники Турции. Особые отношения связывают султанов с крымскими ханами. Крым служит туркам плацдармом для нападения на украинские, польские и русские земли. Конница крымских татар — десятки тысяч всадников — совершает стремительные, опустошительные набеги не только на южные города Русского государства, но доходит и до самой Москвы...

Еще в то время, когда турки захватили Константинополь и переименовали его в Стамбул, они закрыли для европейских купцов старинный торговый путь, связывавший Европу с Ираном, Индией и Китаем. Средиземноморский путь в эти страны тоже закрыт. И какой же русский купец рискнет спуститься по Дону или Днепру в Черное море? Там гибель его добру и ему самому. А иноземцы разве рискнут на встречное плавание?

Киевская Русь в немалой мере была обязана процветанием и силой Новгороду, его торговле со странами Западной Европы. Теперь же русским закрыто и Балтийское

Турецкий
янычар.
Рисунок,
XV в.

море. Пока Русь боролась один на один с монголо-татарами, ее соседи прибрали к рукам русские владения у Финского залива. Польша, Литва, Ливония, Швеция, Дания, соперничая между собой, едины в стремлении не пускать Русское государство к морю, к просторной дороге, которая каждому, кто пользуется ею, дает силу.

По-доброму, миром не получить Русскому государству выхода к морям. Неизбежны новые войны.

Борьбу за право пользоваться Черным и Балтийским морями по длительности и тяжести можно поставить вслед за борьбой против монголо-татарского ига.

Весь XVI век станет для русского народа веком огромного напряжения. За сто с небольшим лет, с 1492 по 1595 год, у Русского государства будут три войны со

Швецией, семь войн с Литвой, Польшей и Ливонией. В среднем в течение века каждый второй год будет военным.

Берега какого моря отвоевывать первыми? Черного или Балтийского?

Южная граница Русского государства удалена от Черного моря на добрые полтысячи километров. Земли в этой полосе в руках Крымского ханства и Великого княжества Литовского, захватившего почти всю Украину. Но если даже оттеснить грозных противников и выйти на черноморский берег, толку будет мало: турки распоряжаются Босфорским проливом, они не выпустят русские корабли из Черного моря. Воевать же с могущественной Турцией у русских нет сил.

Значит, на первой очереди Балтийское море. Оно удобно для общения с датчанами,

Западно-европейские орудия.
Старинная гравюра.

Псков,
крепостная
Покровская
башня, XVI в.

К воинскому
служению
отечеству
призывали
художники
того времени.
На иконе
Архангельского
собора
Московского
Кремля
архангел
Михаил
изображен
в доспехах
с мечом, XV в.

немцами, голландцами, англичанами. Псков и Новгород — надежные опорные пункты для русского войска. А то, что придется там встретиться с пятью противниками — Швецией, Ливонией, Литвой, Польшей и Данией, — в этом есть и выгода. Противники Русского государства не ладят между собой, у них постоянные стычки. Кто-то из пяти может стать и союзником русских.

Свой шаг к закреплению балтийского берега сделал великий князь Иван III. Он предпринял поход против Ливонии¹.

Точнее, против Ливонского ордена. Ливонией назывались земли, населенные латышами и эстонцами. А Ливонский орден — это государство немецких рыцарей, захвативших Ливонию.

Граница Русского государства и Ливонского ордена проходила по реке Нарве, что вытекает из Чудского озера и впадает в Финский залив. На левом берегу реки, недалеко от ее устья, где удобная, глубокая гавань, у ливонцев стояла крепость Нарва. Иван III на правом берегу прямо против вражеской крепости велел построить свою. Псковские мастера в 1492 году возвели

¹ Название произошло от л и в о в — племени, жившего по берегам Даугавы при ее впадении в море.

Иван-город.
Фрагмент
гравюры,
XVII в.

Иван-город.
Современный
вид
крепостной
стены
с башнями.

мощные каменные стены с десятью башнями в срок удивительно краткий — за три месяца. Новая крепость, названная Иван-городом, стала передовым постом русских у Финского залива. Опираясь на нее, русское войско разбило ливонцев, напомнив им времена Ледового побоища. Орден обещал впредь не посягать на русские владения у моря и обязался не задерживать выплату денег Москве за пользование городом Дерптом¹.

Однако ливонцы довольно скоро оправились от потрясения. Надеясь на помощь

¹ Основанный русскими город Юрьев был захвачен ливонцами и переименован в Д е р п т. Теперь это эстонский город Тарту.

Немецкое
12-фунтовое
орудие, XVI в.
Старинная
гравюра.

Осада Казани
войсками
Ивана Грозного.
*Старинная
миниатюра.*

Пернач —
холодное
оружие
русского воина,
XVI в.

Бердыши —
оружие русской
пехоты, XVI в.

из Германии и на помощь шведов, они по-прежнему противодействовали Русскому государству — не пропускали даже в Москву приглашенных туда из Западной Европы художников и мастеров.

Царем в то время был Иван IV Грозный. Он решился на новую войну с Ливонским орденом. Иван Грозный намеревался навсегда вернуть Русскому государству его исконные земли у Балтийского моря. Но прежде чем идти на северо-запад, был необходим удачный поход на восток.

В 1552 году из Москвы вышло войско во главе с самим Грозным. Подобного войска Москва никогда еще не собирала — 150 тысяч пехоты и конницы при 150 орудиях! Стрельцы, вооруженные пищалями, ополченцы с копьями, наряд — полевая и осадная артиллерия, размыслы — специалисты минно-подрывного дела, не говоря уже о

конниках, шли очень быстро, в среднем за сутки проходили 30 километров. Войско шло к Казани, к столице Казанского ханства.

Еще только замышляя этот поход, Иван Грозный отправил в Углич городельца, говоря современным языком — военного инженера, Ивана Григорьевича Выродкова. Под начало Выродкову были даны тысячи крестьян — лесорубов и плотников. Их можно назвать саперами, так как исполняли они военное дело: валили в углических лесах сосны и ели, тесали их, возводили на волжском берегу семибашенную крепость. Бревна башен, стен, ворот переметили, спустили на воду, связали в плоты и погнали вниз по Волге. Зная, как Ивану III послужил его Ивангород на Нарве, Грозный решил построить подобный на Волге, против Казани. Крепость

Храм Василия
Блаженного
в Москве —
выдающийся
памятник
русского
зодчества.
Сооружен
в 1555—1560 гг.
зодчим
Посником
Яковлевичем
Бармой
в честь победы
над Казанским
ханством.
Старинная
гравюра.

Иван Грозный.
Старинный
рисунок.

Колчан
со стрелами,
сабли
с ножнами
служилого
дворянина.

Грозного поначалу тоже называлась Иван-городом, потом уж ее переименовали в Свияжск.

Кажется, такое долгое, кропотливое дело! Нельзя ли было обойтись без плотов? Нет. Ивангород нарвский строился на русской земле, а этот надо было возводить во владениях хана. Противник не дал бы ни часу спокойного времени строителям, масса народу погибла бы на работах. А так, тронувшись в путь весной 1551 года, летом крепость доплыла до места, до впадения в Волгу реки Свияги, и меньше чем за месяц встала на господствующей над местностью горе. Крепость постоянно расширяли,

«Великий стяг»
Ивана
Грозного.
Старинная
литография.

добавляли к ней новые сооружения, она надежно служила своему гарнизону. И не только гарнизону. Свияжск стал центром, куда стекались люди, недовольные и казанским ханом, и его турецкими властителями. С постройкой Свияжска все нерусское население правого берега Волги перешло в подданство московскому царю.

Русское войско, опираясь на крепость-городок Свияжск, осадило Казань. Врывами сильных пороховых зарядов разрушили важную для обороны башню противника, а затем, когда город отказался сдаться, разрушили таким же взрывом часть стены. После трудного штурма Казань сдалась.

Казанское, вскоре и Астраханское ханства были присоединены к Русскому государству.

Лишь после этого Грозный повел войско в Ливонию.

Почему, считая главным делом выход к Балтийскому морю, Иван Грозный прежде предпринял военные действия в противоположном краю? В Казани и Астрахани были мурзы, которые хотели сближения со своим русским соседом. Но как только ханом становился сторонник дружбы с Русским государством, по приказу из Турции его смещали, заменяли каким-либо крымским ханом. И тогда возобновлялись набеги

Осада города
во владениях
литовского
князя.

Миниатюра
из Лицевого
летописного
свода, XVI в.

на русские земли с разорением деревень и городов, с угоном людей в полон. Несомненно, пойдя русские войска на северо-запад, Москва подверглась бы опасному нападению с востока. Готовясь к трудной войне за выход к Балтийскому морю,

Иван Грозный обезопасил тыл Русского государства. Это было и завершением давней борьбы с двумя из многочисленных преемников Золотой Орды — с Казанским и Астраханским ханствами.

Войско Ивана Грозного вошло в земли Ливонского ордена. Существует в военном деле закономерность: успех той стороны, которая применяет на войне или новое оружие, или новые приемы боя, тогда как противник продолжает уповать на старое, привычное. Германские дворяне, поселившиеся среди враждебных им латышей и эстонцев, построили города-крепости и замки, стены которых были неприступны для восставших крестьян. Да и для воинов, вооруженных копьем и луком, они были тоже почти неприступны. Высокомерные и надменные рыцари не захотели учесть того, что огнестрельное оружие совершенствуется, что пушечные ядра уже способны разорвать крепостную стену, а выстрелом из пистолета можно пробить латы. Имея хорошую осадную артиллерию, русские брали ливонские крепости одну за другой. Пала после бомбардировки и штурма Нарва. За ней последовал Дерпт, затем Мариенбург, пала самая важная крепость рыцарей Феллин. У города Эрмес в полевом сражении войско ордена потерпело сокрушительное поражение. Латыши и эстонцы, коренное население тех мест, встречали русских как освободителей. Ливонцы же были охвачены страхом и растерянностью. Многие замки и города сдавались без боя.

В Ливонии жил священник Балтазар Руссов. Почитаем строки из его хроники, из его записей о том времени. Они помогут яснее представить, что и как происходило. Нарисуют они для нас и портрет немецкого дворянина:

«Московит начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли

ливонцев, он хотел только доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание [не посягать на русские земли и уплатить денежный долг за 50 лет].

...Русский подошел к Нарве с войском и сильными военными снарядами. Так как ливонская Нарва лежала очень близко к русской земле и только речка разделяла их, то русский с той стороны речки из собственной земли обстреливал Нарву, бросал бомбы и ядра. Тогда начался большой пожар в доме одного цирюльника, этот пожар сжег весь городок Нарву. При этом же пожаре москвит взял приступом Нарву. А граждане, видя, что все потеряно, отступили со своими женами и детьми в замок и вели оттуда переговоры с русскими о позволении уйти со всем, что у них еще было. Русские обещали им свободный пропуск и исполнили свое обещание. И так москвит завоевал и добыл город Нарву и замок 12 мая 1558 года.

Тем же летом 1558 года... москвит... явился и к Дерпту со своими орудиями. И хотя он ни разу не выстрелил и не поранил ни одного человека, несмотря на то, из большого страха и легкомыслия ему беспрекословно сдали Дерпт 18 июля, после того как он даже недели не стоял под ним... Дерптские бюргеры во время продолжительного мира нисколько не думали о том, что может наступить война. У них крепче всего были своекорыстие, жадность, притеснение ближнего, роскошь, тщеславие, пышные свадьбы, крестины и ежедневные гости. Хотя у них в городе была прекрасная, сильная артиллерия, орудия и боевые снаряды, но не было надлежащего вала, бастиона или бойниц, с которых можно было бы действовать орудиями. Поэтому-то эти орудия и боевые снаряды послужили больше в пользу неприятелю, чем городу.

...Москвит с сильным войском направил

Рыцарские
доспехи,
XVI в.

Ничаль
«Онагр».
Мастер
Кузьмин,
1581 г.
*Старинная
литография.*

Ничаль
«Ииброг».
Мастер
Андрей Чохов,
1577 г.
*Старинная
литография.*

Старинный герб
Москвы.
Всадник
«садец»
поражает
коньем дракона.

Старинная
печать Москвы.

свой путь к Феллину. В ночь на день Марии Магдалины он осадил замок Феллин, обвел окопами и обстреливал его. Стены городка Феллина он разрушил до основания, к тому же бросил туда большие огненные бомбы и сжег весь городок. Итак, непреодолимый замок Феллин достался москвиту. Москвит взял также и всю артиллерию страны, порученную замку Феллину. Это произошло в августе 1560 года».

Больше ливонцам терять было нечего. И магистр, глава ордена, как засвидетельствовал Балтазар Руссов, «счел самым лучшим передать себя вместе с остальными землями и городами под защиту польской короны для того, чтобы москвиту ничего не досталось». Просуществовав 324 года, Ливонский орден — грабительское государство германских феодалов — разрушился под ударами русского войска.

Польский король обрадовался, что к его владениям прибавляются ливонские города и земли. Но многие из них заняты

«Годуновский план» Москвы, издан в 1597 г. Город был защищен тремя кольцами укреплений с башнями и воротами. На внешнем кольце расположились заставы. До нашего времени сохранились названия некоторых застав (Никитские ворота, Покровские ворота и др.).

Немецкая
картауна.

русскими. И начались военные столкновения королевских войск с царскими. В Ливонию устремились шведы и датчане. Им тоже хотелось ухватить куски бывших орденских владений.

Три начальных года Ливонской войны, такие удачные для Ивана Грозного, продолжились двумя десятками неудачных лет. Грозному было досадно и горько видеть, как короли прибирают к своим рукам его победу над орденом, и он собирал новые полки, посылал их в новые походы. В некоторые годы русские снова брали завоеванные прежде и потом отданные города, но с тремя державами одно Русское государство воевать не могло.

Даже не с тремя, а с четырьмя. Четвертым было Крымское ханство. Помогая Польше вынудить Ивана Грозного вывести войска из Прибалтики, крымские татары вторгались в русские земли. Однажды они дошли до Москвы и подожгли посады. Второй набег на Москву, предпринятый вскоре после первого, закончился для них полным разгромом. Но это не удержало их от набегов на южные города Русского государства. Ливонская война длилась 25 лет, и двадцать один раз крымский

«Св. Георгий, поражающий дракона», — выдающееся произведение древнерусской живописи, новгородская икона, конец XIV в. Считался покровителем русских воинов.

хан посылал своих всадников в разбойничьи рейды. Основной добычей в таких рейдах были пленные: молодые мужчины, женщины, дети. Тысячи и тысячи русских людей угонялись в Крым и продавались на невольничьих рынках. Для выкупа несчастных со всего населения Русского государства собирали специальный налог — полоняничные деньги. На охрану южных границ приходилось посылать

Защитная одежда русского воина — кольчуга, юшман, шапка-мисюрка, XV—XVI вв.

Шлемы, XIV—XVII вв. Старинная литография.

войска, что ослабляло армию, воевавшую в Ливонии.

Была еще причина в неудаче русских. Это измены князей и бояр. Воевода русского войска в Ливонии князь Андрей Курбский бежал в Литву, проиграв накануне важное сражение. Он был принят польским королем. И не просто ласково, а получил во владение город Ковель с землями, звание члена королевского совета и пост командующего одной из польских армий, воевавших против русских. Враждуя с царем, изменяя ему из-за того, что он ограничил их привилегии, князья и бояре изменяли и делу, которое нужно было всему государству, всему народу.

Ливонская война не утвердила Русское государство на берегах Балтики. Больше того, старинные русские крепости у Финского залива — Ям, Копорье, Ивангород — перешли в руки шведов.

Однако ту войну нельзя называть неудачной. Известно, какое значение имела Пруссия для продвижения германцев на восток. Названная так по имени племени пруссов, издревле живших там и совершенно истребленных германскими феодалами, она была плацдармом в тылу славянских и прибалтийских народов. Мы вправе

Колокольня
Ивана Великого.
Строилась
в центре
Московского
Кремля
в XVI в.
как дозорная
башня
для наблюдения
за южными
окрестностями
города.
Гравюра,
XVIII в.

предположить, что не будь сокрушен русскими войсками Ливонский орден, Ливония могла стать подобием Пруссии. Коренное население — латыши и эстонцы — в конце концов были бы истреблены германскими господами, как и пруссы. Германские короли, кайзеры, потом и Гитлер имели бы еще одну мощную базу для агрессии.

Если мы посмотрим из нашего времени на события, предшествовавшие Ливонской войне, — на присоединение к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств, — то мы увидим, помимо соперничества царей и ханов, помимо сражений, в которых гибли воины той и другой стороны, помимо всего иного, — мы увидим важнейший факт нашей истории: рост национального состава Русского государства. И до этого в Русском государстве жили не одни русские. Жили еще карелы, саамы, вепсы, ненцы, коми. И вот к этому числу прибавились татары, башкиры, удмурты, марийцы, чуваша, мордва, кумыки,

Красная
площадь
и Кремль
Москвы.
Гравюра
из книги
путешественника
А. Олеария,
XVII в.

ногайцы, кабардинцы. Зарождалось сообщество различных народов, начиналось их объединение вокруг русского народа и сближение друг с другом.

Всем им в той или иной мере придется испытать невзгоды, которые выпадут народу русскому, — гнет помещиков и капиталистов, беззащитность перед государственными чиновниками, тяжесть царских законов. Но будет и такое притягательное, что поведет и многие другие народы к России. Будет природное дружелюбие русского народа, свет русской культуры, неукротимое стремление русских людей к

свободе, к социальному равенству, к справедливости, будет русская устойчивость в жизни.

В 1654 году в Переяславле, что на Трубеже, соберется рада, совет украинского народа, соберется по важнейшему делу — воссоединению Украины с Россией. «Навеки с Москвой!» — так закончится январским днем на заснеженной площади народное голосование. Город Владимира Мономаха, свидетель богатырских боев Древней Руси, станет местом, где два народа-брата поклянутся в вечном единстве.

В годы, когда Русское государство становилось многонациональным, его все чаще стали называть Россией. Название Московская Русь уже не годилось. Точнее было

название Великая Русь, то есть большая. Великая Русь видоизменилась в Велико-руссию, Великороссию. Затем уж возникло краткое, но широкое и просторное по звучанию слово — Россия.

Россией стала называться страна с огромными пространствами — от Балтики до Тихого океана, от океана Ледовитого до раскаленных пустынь, прорезанная величайшими реками, вздыбленная высочайшими горами, успокоенная тысячекилометровыми равнинами. В этом невообразимом просторе по-прежнему струила воды светлая Рось — река, на берегах которой все и начиналось.

России, государству со множеством народов, выход к морям был во сто крат необходимее, чем Московской Руси.

**«В ПОТЕ,
В ПЫЛИ,
В ДЫМУ,
В ПЛАМЕНИ...»**

еще сто лет, весь XVII век, прошли для России в безуспешных попытках выйти к морям. Были удачи у Черного моря, у Балтийского тоже, но удачи временные.

Весной 1637 года донские казаки вместе с запорожцами захватили сильную турецкую крепость Азов. Крепость стояла на берегу Дона, недалеко от впадения реки в Таганрогский залив, и запирала выход в Азовское море. Овладев крепостью, казаки на стругах, запорожцы на чайках — гребных одномачтовых судах — совершали дерзкие набеги на владения турок и крымских татар. Турки двинули к Азову сухопутное войско. Видя, что крепость не удержать, казаки предложили ее

царю Михаилу Федоровичу Романову, деду Петра I. Дело было такое, что для решения его созвали земский собор — выборных от дворян, купцов и посадских; подобное собрание избирало в цари самого Михаила Федоровича, первого из династии Романовых. В свое время казаки атамана Ермака Тимофеевича завоевали для Ивана Грозного Сибирское ханство. Теперь царю предложена вражеская твердыня на юге.

Но новый подарок был насколько желанным, настолько и опасным. Могла начаться из-за него война с Турцией. Земский собор от Азова отказался. По прошествии пяти лет казаки ушли из Азова, крепость снова стала турецкой...

При следующем Романове — Алексее Михайловиче, отце Петра — русские войска предпринимали действия в Прибалтике:

Фузилер
Преображен-
ского полка,
стрелок
из кремневого
ружья — фузеи,
начало XVIII в.
*Старинная
литография.*

осадили Ригу, взяли в 1656 году Кокенгаузен на Западной Двине, что впадает в Рижский залив. Город этот в древности назывался Кукейносом, был центром княжества, в котором жили русские и латыши и правил которым князь Вячко, погибший в рукопашной схватке с ливонскими рыцарями еще до Ледового побоища. Надеюсь, что город останется русским, немецкое название упразднили и дали название новое — Царевичев Димитриев. Взятый тогда же город Динабург (теперь латышский Даугавпилс) переименовали в Борисоглебск. Давая городам имена русских святых, Алексей Михайлович подчеркивал их принадлежность к России. Эти названия продержались недолго — завоеванные города в 1661 году пришлось отдать шведам.

В ту пору Швеция была одной из самых сильных держав Европы. Правили ею воинственные короли-полководцы; они ни с кем не хотели делить Балтийское море. К концу XVII века оно стало полной собственностью шведов. Не только русские были оттеснены от его берегов, но и поляки, и немцы. Устья почти всех немецких рек, впадающих в Балтийское море, оказались в руках шведов; лишились прежних владений на Балтике датчане.

Петр I, став русским царем, получил, таким образом, в наследство противника более сильного, чем тот, с которым вели борьбу его предшественники. Все же он решился воевать со шведами. Война, названная Северной, длилась 21 год. Закончилась она блестящей победой русских.

Если человек хочет извлечь для себя что-либо полезное из прошлого, он, изучая жизнь замечательных людей, непременно должен обратиться к личности Петра I. Титул «Великий» преподнесло ему правительство, сенат. Но такое слово ставили рядом с его именем и люди, чья объектив-

ность вне сомнения. «...Действительно великий человек...» — писал о Петре Фридрих Энгельс. «...Везде Петра Великого вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени; я не могу сам себя уверить, что один везде Петр, не многие; и не краткая жизнь, но лет тысяча...» — писал о Петре Михаил Васильевич Ломоносов.

По-своему интересен и Карл XII — противник Петра, король Швеции. В описаниях западных историков он предстает блестящим полководцем. Основания к такой оценке были, особенно на первых порах его полководческой деятельности. Полезнее же, поучительнее будет, если судить о нем как о человеке, имевшем все и растерявшем многое, низведшем свою страну из державы великой в государство рядовое. А Петр имел очень мало, с малым начиная, он вывел Россию в державу, без участия которых не решались мировые дела. И сделал это, говоря словами Ломоносова, за «краткую жизнь». Царствование Петра длилось 35 лет. Каждый год из них стоил пяти, может быть, и десяти допетровских.

Как правило, люди, которые в раннем возрасте прошли через трудные обстоятельства, получают преимущества перед теми, для кого жизнь была легка и беспечна. Только что выкованная, раскаленная сабля погружается в ледяную воду, и если не треснет при этом, закаляется до изумительной крепости. Клинок, не выданный закалки, будет перерублен закаленным оружием. Как с этим правилом соотносятся Карл и Петр?

Когда Карлу было шестнадцать лет, в Стокгольм, в столицу Швеции, приехал герцог Гольштейн-готторпский Фридрих, которому надо было жениться на старшей сестре Карла. Два титулованных гуляки, сдружившись, дали волю своим страстям. Выходкам «этих друзей не было конца: то в сеймовой зале устроят охоту

за зайцем; то днем въедут вместе торжественно в Стокгольм, причем герцог и вся свита в одних рубашках с саблями наголо, с криком и гамом; то пойдут вечером гулять по городу и бить стекла; потешались и тем, что срывали парики, шляпы, выбивали миски из рук пажей, разбивших кушанье, колотили мебель и выбрасывали за окна, однажды переломали все лавки в церкви и заставили всех молиться стоя; несколько дней сряду друзья забавлялись тем, что отсекали саблями головы баранам и телятам, пригнанным для этой потехи во дворец; пол и стены королевских комнат были улиты кровью». (С. М. Соловьев. «История России»).

Чем занимался в таком возрасте Петр? С большой неохотой исполнял он дела, положенные по ритуалу царю, — прием послов и своих государственных лиц, молебствия в церквях, выезды в монастыри. Он, верю, вовсе не появлялся бы в Кремле, если бы не настояния матери. Сняв дорогое царское облачение, Петр тут же устремлялся в Преображенское, к своим потешным полкам. Село это и дворец в нем построены были отцом Петра, большим любителем соколиной охоты. Здесь, на берегу Яузы, в 7—8 километрах от Кремля, царская охота делала остановку и отдыхала. Здесь же на дворах содержались сотни соколов, кречетов, ястребов и жили сокольники, учившие птиц и ухаживавшие за ними.

Алексей Михайлович, сам потешаясь охотой, завел для потехи маленького Петра, для его забавы потешных солдат с игрушечными ружьями и пушками. Солдаты были взрослые — из царских конюхов, спальников и иных дворцовых людей, были сверстники Петра — дети дворян, горожан, иностранцев, живших в Москве. К тому времени, о котором рассказ, потешные полки имели настоящее оружие, в том числе

ружья и пушки; на берегу Яузы стояла крепость, обнесенная рвом, валом и забором, поблизости размещались казармы. Постоянно шли военные игры: потешные учились штурмовать крепость, оборонять ее, ходить в атаки, стрелять. Слово «потешные» придется заключать в кавычки, так как Преображенский полк и Семеновский полк уже стали силой, далекой от потехи; они превращались в самые боеспособные полки русской армии.

К юному Петру пришло еще большее увлечение — флот. Началось с того, что царю-подростку привезли из Франции астролябию — прибор, с помощью которого определялись широты и долготы в астрономии. Как пользоваться астролябией, в Кремле никто не знал. Нашелся в Москве голландец Франц Тиммерман, он познакомил Петра с начатками навигационного дела. В амбаре на глаза Петру попался заваленный всякой рухлядью старый английский бот. Тиммерман объяснил, что эта лодка может ходить под парусом против ветра. Бот починили, и Петр со своим учителем плавал по Яузе. Раздразнила уозость воды. Петру сказали, что есть в 120 верстах от Москвы Плещеево озеро — широкое, полноводное. Отпросившись у матери на богомолье в Троицкий монастырь, будущий адмирал, не заезжая к монахам, махнул до самого Переяславля-Залесского.

После Яузы озеро показалось необъятным и величественным. Катание по нему под парусом при свежем ветре доставляло неизъяснимое удовольствие. Незамедлительно началось строительство пристани и дворца на берегу; на ближнем холме поставили многопушечную батарею. И самое главное, под руководством другого голландца, корабельного мастера Бранта, плотники взялись за постройку двух малых фрегатов и трех яхт.

Боярин
на коне,
XVII в.
Старинная
литография.

Петр уже умел работать топором, мастерком, молотом. У него был свой инструмент для двенадцати ремесел. Сам не отходя от дела, он торопил других, чтобы ускорить первое плавание — с высадкой десанта, с абордажным боем, при громе корабельных пушек... Потешная флотилия даст начало русскому военно-морскому флоту, как станут родоначальниками русской гвардии Преображенский и Семёновский полки.

Итак, в шестнадцать лет потехи у двух будущих противников были разные. Чем займется царь и король в семнадцать? Чтобы не прерывать рассказ о Петре, немного подождем с рассказом о Карле.

Петр в юности не был властолюбив.

Участие в управлении государством от его имени осуществляли родственники по материнской линии и близкие им вельможи. А между тем страсти, разгоревшиеся в борьбе за трон, не затихали. К трону рвалась Софья, старшая дочь умершего Алексея Михайловича — от первого брака; у Петра была другая мать — Наталья Кирилловна Нарышкина. Софья опиралась на родню своей умершей матери, на Милославских, на других бояр, рассчитывавших получить от Софьи больше, чем дал бы Петр. Противникам Петра удалось привлечь на свою сторону стрельцов, используя их недовольство порядками в стрелецком войске.

Стрельцы — пехота, похожая по привилегиям на дворцовую гвардию, — жили с семьями в своих московских слободах, службу совмещали с ремеслами и мелкой торговлей. Во времена Ивана Грозного стрелецкие полки были серьезной силой, теперь же, из-за того, что военному делу не учились, а начальники не знали новых приемов боя, они во многом уступали не только войскам западных стран, но и потешным войскам Петра.

Первый раз стрельцы взбунтовались, когда Петру было десять лет. Взбунтовались они из-за того, что их командиры присваивали солдатские деньги, брали стрельцов на свои работы, били. Требовали стрельцы выдать на расправу жадных притеснителей. Гнев стрельцов обрушился на бояр Нарышкиных, на родню матери Петра. В тот раз, попутно с неудобными полковниками, стрельцы изрубили саблями двух братьев Натальи Кирилловны, подняли на колья их сторонника князя Долгорукого, убили других бояр и думных дьяков. Кремлевский двор, заполненный толпой стрельцов, знамена, бой барабанов, крики, окровавленные бердыши, глумление над истерзанными телами — все это

Стрельцы
московских
полков,
XVII в.
*Старинная
литография.*

Офицеры —
«начальные
люди»
московских
стрелецких
полков,
XVII в.
*Старинная
литография.*

было на глазах мальчика, стоявшего с матерью на высоком дворцовом крыльце. И все это запечатлелось в памяти на всю жизнь.

Прошло с тех жутких событий семь лет. Петра женили на красавице Евдокии Лопухиной. Фактом женитьбы Нарышкины (теперь вместе с Лопухиными) подтверждали право Петра на единоцарствие: он человек самостоятельный, степенный, Софье нет необходимости вмешиваться в государственные дела¹.

¹ После стрелецкого мятежа, в 1682 году, на престол были посажены Петр I и Иван V. Матерью Ивана, как и Софьи, была М. И. Милославская. Совместное правление продолжалось до 1696 года, когда Иван V умер.

Софья понимала: власть ускользает. Стрелецкие начальники готовили против Петра заговор. Созревал заговор плохо. Основная масса стрельцов не хотела вмешиваться в распрю Софьи и Петра. И тогда им объявили, что найдено письмо, из которого следует, что в ночь на 8 августа «потешные конюхи» из Преображенского придут в Кремль, чтобы перебить царских детей от первой жены Алексея Михайловича. Сообщение возымело действие обратное, оно испугало стрельцов возможностью кровопролитной усовицы, ведь у Петра были теперь такие войска, в которых каждый — от рядового до полковника — не пожалеет за Петра жизни и никогда не изменит ему.

«Шанка
Мономаха
меньшего
наряда».
Изготовлена
для венчания
Петра, так как
одновременно
царем
провозглашался
и брат по отцу
Иван.
венчанный
старой «шанкой
Мономаха».

Торжественная
церемония
в Московском
Кремле, XVII в.
Старинная
миниатюра.

Стрельцам было приказано собраться в Кремле. Они собрались, решив держаться нейтралитета. Но случилось так, что в Кремль приехал спальник Петра Плещеев. Заговорщики, чтобы подогреть страсти, стащили его с лошади, сорвали саблю, начали избивать. Приняв это за начало бунта, двое верных царю стрелецких командиров поскакали в Преображенское предупредить царя, что «на него и на его мать умышляется смертное убийство».

«Но не один Мельнов и Ладогин спешили в Преображенское со своим изветом. Вечером вельможи узнали, что в Кремль пускают только самых известных и доверенных лиц у правительницы Софьи. Это так встревожило людей, державших сторону Петра, что они отправились немедленно в Преображенское. Немного за полночь, когда Петр спал уже крепким сном, его будят и говорят: приехали из Москвы стрельцы и другие люди с известием, что множество стрельцов собрано в Кремле, хотят приходить в Преображенское бунтом. Испуганный царь вскочил с постели как был и прямо на конюшню, сел на лошадь и в ближний лес, куда ему уже принесли платье. Одевшись, поскакал с постельничим Гаврилою Головкиным, карлою и одним из изветчиков-стрельцов к Троице, куда приехал около шести часов утра в сильной усталости и только что успел войти в комнату, как бросился на постель и, заливаясь слезами, рассказал о своей беде прибежавшему архимандриту Викентию и просил у него защиты» (С. М. Соловьев «История России»).

Троицкий монастырь (ныне Троице-Сергиева лавра в Загорске) имел высокие каменные стены, запасы продовольствия и пороха. Он был не только жилищем монахов, но и отличной крепостью на подступах к Москве. Во времена польской интервенции, во времена Лжедмитрия,

Троица выдержала 16-месячную осаду врага, имевшего много орудий и 7—10-кратное численное превосходство. Испуг Петра прошел, когда в Троицу начали прибывать его сторонники — вельможи, приехала мать с Евдокией, а главное, пришли потешные войска и стрельцы Сухарева полка. С ними да за крепкими стенами можно было противостоять сильному врагу.

День ото дня в Троицу прибывало все больше различного народу. Пришли иностранцы, жившие в Москве в Немецкой слободе. Среди них был стрелецкий полковник Патрик Гордон. Шотландец по национальности, военный по профессии, он рано покинул свою страну; сначала служил в польских войсках, в шведских, потом перешел на службу к Алексею Михайловичу. Петра с Гордоном связывали особые отношения: умудренный годами и битвами шотландец руководил мальчиком в его занятиях с потешными, он был первым наставником будущего победителя шведов.

Уход к Петру полковников-иностранцев совсем деморализовал стрельцов. Страхась жуткой расправы, они потребовали у Софьи выдать им руководителя заговора окольничего Федора Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа. Софье ничего не оставалось, как выполнить это требование.

Шакловитого, других важных заговорщиков доставили к Петру в Троицу. После допросов и пыток преступники были казнены. В ссылку, в глухие далекие городки, отправились под конвоем князя и бояре, державшие сторону Софьи. Саму Софью заточили в монастырь.

Когда Петр возвращался из Троицы в Москву, стрельцы встречали его необычным ритуалом: вдоль дороги были расставлены плахи с воткнутыми в них топорами, стрельцы лежали на плахах и вопили о помиловании.

Юный Петр с потешными полками на учении. Миниатюра из «Жития Петра Великого», XVIII в.

Так в сентябре 1689 года семнадцатилетний Петр утвердился на российском троне. Начиналась жизнь не менее трудная, череда событий не менее опасных, пора решений во сто крат сложнее.

Отъезд Петра из Преображенского в Троицу иначе, как паническим бегством, не назовешь. Бросил мать, бросил жену. Ускакал от преданных, хорошо вооружен-

«Старинный
герб
Воронежа.
Льющаяся
из сосуда вода
объясняет,
что город
стоит на рене.

ных людей. То был единственный случай, когда Петр струсил. Случай этот кажется невероятным, если знаешь, с каким бесстрашием и самообладанием Петр I встречал все последующие опасности.

Теперь пора бы возвратиться к рассказу о семнадцатилетнем Карле. Но придется еще немного подождать. Его семнадцатилетие совпало с началом Северной войны. А о Северной войне говорить еще рано. Петр I старше Карла XII на десять лет. И нам надо хотя бы кратко знать, чем был занят Петр эти десять лет — до войны со шведами, до того, как его противник станет совершеннолетним.

В 1695 году Петр совершил поход на Азов, на крепость турок в устье Дона, которую его дед не принял из рук казаков. Турки и крымские татары по-прежнему разбойничали на южных границах России, опустошали украинские земли. Людям нужна была защита от врагов. А может ли молодой царь, известный играми с потешными и распрей с сестрой, защитить? Надо было доказать — может! В случае удачи были бы достигнуты и другие цели. Россия получила бы крепость, опираясь на которую можно продолжить продвижение к черноморским берегам. И еще — в борьбе с боярами Петр рассчитывал на служилых дворян, на людей, получавших за службу царю землю; в центре страны земли уже розданы, если закрепить в Причерноморье, будет чем привлечь к себе новых сторонников.

Поход 1695 года закончился тем, что русское войско вернулось в Москву с одним пленным турком. Крепость взять не удалось.

Неудача не обескуражила Петра. Он был из тех редких людей, которые действуют тем энергичнее, чем больше опасности и неудачи. В устройстве русского войска обнаружилось много плохого. И попытка

Русская
галера,
1696 г.
«Старинная
гра в юра.

взять крепость только атакой с суши оказалась негодной. Азов, осажденный с берега, постоянно получал помощь с моря; к Азову подходили турецкие корабли с подкреплениями, порохом, продовольствием. Остановить их было нечем.

С невероятным напором Петр готовился к новому походу. В Воронеже и в других местах за зиму построили больше тысячи стругов, 2 многопушечных корабля, 4 брандера и 23 галеры. Весной 1696 года флот по

Дону, сухопутное войско степью снова двинулись на Азов.

Окружив крепость орудиями, русские принялись бомбардировать ее. Начали делать подкопы под стены, чтобы взорвать там пороховые мины. Казаки на стругах атаковали турецкие суда, разгружавшиеся у крепости. Многопушечные корабли и галеры преградили турецкому флоту вход с моря в Дон.

Дело было сделано. Турки перед штурмом сдались — при условии свободного пропуска гарнизона с оружием и имуществом в Турцию.

В этот раз русское войско возвратилось в Москву вовсе без пленных. Но в торжественной церемонии солдаты волочили по земле шестнадцать вражеских знамен. Недоверие, настороженное отношение к Петру сменялись удивлением. Шутка ли? Непобедимые турки биты!

Второй Азовский поход и год его — 1696-й надо считать той точкой во времени, с которой началась в истории России Пет-

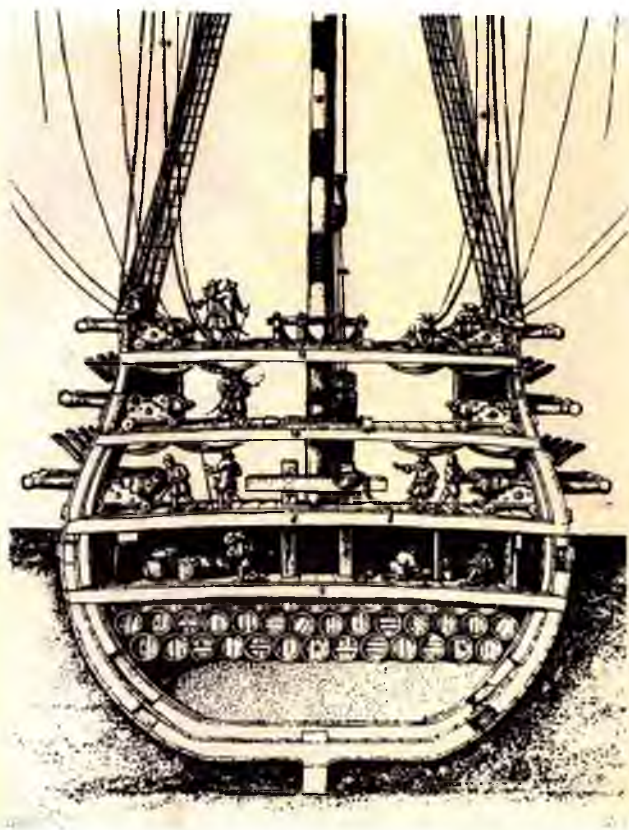
ровская эпоха — пора, когда за год делалось столько, сколько раньше и за десять не успевали. Подобно тому как за одну зиму, в морозы, метели, непогоду был построен Азовский флот, так будет делаться и все прочее — в невероятном, сверхчеловеческом напряжении. Основные тяготы и лишения, как всегда, падут на простых людей, на крестьян, на посадских. Но и дворянам, и потомкам великих князей придется считаться с характером Петра. К примеру, сыновья вельмож, посланные в Голландию учиться корабельному делу, отказались работать на верфи плотниками, и Петр, узнав об этом, приказал отрубить им головы. Только голландский закон спас молодых дворян от казни. А сам Петр? Будет отдавать распоряжения, сидя во дворце? Он будет всегда в самом напряженном месте, говоря словами Ломоносова: «...в пыли, в дыму, в пламени». При первой осаде Азова Петр не только руководил всей артиллерией, но сам снаряжал гранаты, наводил орудия,

Копейщик
иноземного
полка
на русской
службе, XVII в.
*Старинная
литография.*

Мушкетер
иноземного
полка, XVII в.
*Старинная
литография.*

Мушкетон
и патронная
сумка пехоты.

Большой
парусный
корабль
в разрезе,
XVII в.
*Старинный
рисунки.*

стрелял. «Зачал служить с первого Азовского походу бомбардиром» — так написал впоследствии о себе царь, и это была точная запись. Во втором походе шкипер Петр Алексеев вел по Дону отряд в восемь галер, он находился на галере «Принципиум», которую сам и строил. За взятие Азова отличившихся повысили в чинах — шкипер Петр Алексеев, царь Петр Алексеевич, стал капитаном.

Многие люди, не разделяя крутых мер Петра, порицая частые жестокие решения,

все равно шли за ним — на штурмы бастионов, на abordаж кораблей, на тяжкий труд, так как видели в его деятельности великую пользу России.

Петр вел и в науку. А часто гнал в нее, угрожая ленивым боярским сынам кнутом и даже топором. Разумных же, деятельных увлекал к знаниям своим примером. Он учил учиться быстро, не прерывая работы, пользоваться для приобретения знаний любой подвернувшейся возможностью. Прежде чем стать великим государственным деятелем, Петр стал великим учеником. Он хотел, чтобы о его ученичестве знали все, и слал из-за границы письма, запечатанные печатью с такой надписью: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую».

В страны Западной Европы царь отправился сразу же после Азовских походов. Там он надеялся найти союзников для борьбы с Турцией. Вынужденный задержаться у немцев в Кенигсберге, он учится артиллерийскому делу. Подполковник фон Штернфельд, знаток этой науки, выдал Петру свидетельство: «...в непродолжительное время, к общему изумлению, такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожно-го, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может». В Голландии Петр, работая плотником на верфи, изучит практику кораблестроения, а в Англии — теорию, да так, что по его проектам и расчетам впоследствии будут построены прекрасные корабли. В Амстердаме он находит время побывать в анатомических кабинетах ученых Рюйша и Боергава; биолог Левенгук, открывший мир микробов, покажет ему свои микроскопы. В мастерской голландского гравера Петр сам делает гравюру; на бумажной фабрике, присмотревшись к

мастеру, отольет безупречный лист бумаги. В Лондоне на монетном дворе, которым заведовал знаменитый физик Ньютон, Петр будет разбираться в устройстве машины для чеканки денег.

И не выезжая за границу, Петр знал, что Россия сильно отстала от передовых стран. Увиденное за границей потрясло его. Потрясло дистанцией, которую Россия должна пройти, чтобы стать вровень с сильнейшими державами. Надо догонять других не только в торговле, но и в промышленности, в науке, в культуре. И в первую очередь нужны для этого свободные, просторные морские дороги.

Он вернется на родину, и поедет смотреть, как строят корабли в Воронеже, и напишет оттуда в письме одному из соратников: «...облак сомнения закрывает мысль нашу, да не укоснеет сей плод, яко фиников, которого насаждаючи не получают видеть». Финиковые пальмы начинают плодоносить не раньше как через двадцать лет после посадки. Человек, посадивший дерево, может и не дожидаться его плодов. У Петра сомнения: будут ли сделаны хорошие корабли, будет ли при его жизни у России военно-морской флот? Но вера в возможности России крепкая. «Обаче надеемся на бога с блаженным Павлом, — пишет он в следующей строке, — подобает делателю от плода вкусити».

Был и другой «облак сомнений». Петр вернулся из-за границы, не сумев собрать союз против Турции, а собрал он союз против Швеции. Уже говорилось, что Швеция к концу XVII века одна владела Балтийским морем. И вот русский царь Петр I, саксонский курфюрст Август II (он же и король Польши), датский король Фридрих IV заключили в 1699 году соглашение против шведского короля Карла XII. Союзники обязались выступить против шведов в следующем году. Одновременно. «Облак

сомнения» — успеет ли Россия заключить к тому времени мирный договор с Турцией? Русские и турки с Азовских походов находятся в состоянии войны. Воевать сразу на Черном море и на Балтийском нельзя — не хватит сил. И нельзя долго оттягивать войну против шведов — Август и Фридрих могут отказаться от союза. Тогда будет упущена редчайшая возможность нанести шведам поражение. Политическая обстановка в Европе едва ли когда будет такой благоприятной для

Упражнения
с ружьем
по прусскому
уставу.
Старинный
рисунок.

России. В другое время на помощь Швеции пришли бы такие могучие державы, как Англия, Голландия, Франция. А сейчас им не до Швеции и не до России. В Испании умер бездетный король, королевский трон в той стране пустует. Многие европейские державы готовятся к войне между собой и за трон, и за испанские колонии.

А Карлу XII в это время было семнадцать лет. Он не переставал буйствовать, повергая в уныние придворных и правительство. Дело дошло до того, что священники в стокгольмских церквях начали произносить увещательную проповедь, смысл ее заключался в словах: «Горе стране, в которой король юн!»

Возможно, Карл безобразничал и хулиганил из-за того, что не находил другого выхода своей энергии. Правительство умело вело государственные дела, и на власть Карла никто не покушался. Рудники и заводы — железные и медные — работали хорошо: металлами, изделиями из них, в том числе оружием, шведы торговали со всей Европой. Армия была великолепной, с опытными генералами. Военный флот — не хуже: 42 линейных корабля, 12 фрегатов да еще 900 торговых судов, которые в любой момент можно вооружить артиллерией; в Стокгольме не надо было искать человека, который знал бы, как пользоваться астролябией, город и страна полнились мореходами. Все отлажено, все в порядке. Королю, кроме как развлекаться, кажется, делать нечего.

Но не зря среди развлечений Карла была рубка голов телятам и овцам. Он мечтал о военной славе, о победах над соседями, чтобы к подвигам Карлов X и XI прибавить свои. И вот такая возможность возникла. В Стокгольме снова появился герцог Фридрих. На этот раз он бежал из своего крохотного государства Шлезвиг-Гольштейна, что приютилось у южной границы

Дании. Герцог, надеясь на покровительство шведов, ввел свое войско в спорный приграничный район, а датский король, тоже Фридрих, зная, что теперь за ним Россия и Саксония, решительно изгнал гольштинцев и занял спорную землю своими отрядами. Для Карла это было сигналом к свершению мечты. А тут еще саксонский курфюрст — он же польский король — Август двинул войска в Ливонию, дошел до Риги и осадил в ней шведский гарнизон.

Известие об этом Карл получил во время охоты.

— Сначала я покончу с одним, — сказал он, — а потом поговорю и с другим.

Вечером Карл побывал у бабушки и сестер, сказал, что поедет развлечься. Бабушка и сестры спали ночь спокойно, они и не догадывались, что гуляка превратился в полководца, что во главе 15-тысячного войска той же ночью он устремился в Данию.

Переправившись на кораблях через неширокий пролив из Швеции в Данию, войско Карла осадило Копенгаген — датскую столицу. Большая часть войска датчан находилась в Шлезвиг-Гольштейне, город некому было защищать. И Фридрих IV предложил Карлу XII мир, признав все притязания гольштинского тезки и обязуясь заплатить ему 200 000 талеров. Естественно, Дания отказалась от союза с Россией. Это произошло как раз в тот день, когда Петр получил сообщение о подписании мирного договора с Турцией. Вот как досадно получилось — Россия вступала в войну со шведами, уже лишившись одного союзника.

Все эти события происходили весной и летом 1700 года. Поэтому русские войска смогли только в октябре подойти к шведской крепости Нарве и осадить ее. Одновременного удара по шведам не получилось. Надо ли говорить, как это было плохо.

«Покончив с одним» — с датским королем, — Карл XII получил возможность «поговорить и с другим». Под «другим» он имел в виду Августа, осадившего Ригу. Саксонский курфюрст, то есть князь, был сильный и большого роста. Август и Петр — рост русского царя известен — однажды в знак дружбы обменялись шляпами, камзолами и шпагами, одежда пришлось каждому впору. Но Август не отличался храбростью. Узнав, что шведское войско плывет на кораблях в Ливонию, а с войском сам Карл, курфюрст снял осаду Риги и отошел от нее — уклонился от неприятного «разговора».

Высадившись в Пернове (теперь эстонский город Пярну), Карл не мешкая двинулся к Нарве «говорить» с третьим противником.

Марш шведов был скорый. Заканчивался он в сильную метель, когда за двадцать шагов ничего не было видно. Незамеченными шведы приблизились к русским позициям и внезапным нападением обратили в бегство несколько полков пехоты и конницы. Бежать надо было через реку. Кавалеристы спасались вплавь, пехота ринулась на мост, тот не выдержал скопления людей, обвалился, множество солдат упало в воду. Шведы с берега расстреливали тонущих из ружей, по словам Карла, «как уток».

Преображенский полк и Семеновский полк, в отличие от других, не дрогнули, стойко отбивали шведов. Крепко держалась дивизия раненого генерала Вейде. (Сын иностранца, жившего в Москве, Адам Вейде был в потешных войсках Петра, там он постигал вместе с царем военное дело.)

Шведов было раза в четыре меньше, чем русских. К тому же, разграбив русский лагерь, солдаты нашли запасы вина и напились до потери боеспособности. В этот

Старинный герб Таганрога. Город заложен по указу Петра I в 1698 г.

момент Карл XII был так же близок к победе, как и к поражению. Но командовавший русским войском герцог де Кроа не смог установить связь с дивизией и полками, стоявшими твердо, и поспешил капитулировать. Карл, зная состояние своего войска, так обрадовался, что обещал пропустить русских восояси с оружием; всю ночь шведы наводили мост, чтобы поскорее спровадить русских от Нарвы.

Еще до рассвета гвардейские полки — Семеновский и Преображенский — в полном порядке переправились на правый берег реки Нарвы. И тут Карл нарушил обещание: остальные полки должны были перед мостом складывать оружие. Больше того, шведский король оставил у себя в плену генералов и офицеров — около 700 человек. Достались шведам 145 пушек, 28 мортир, 6 гаубиц — вся русская артиллерия — и 20 знамен. Полное поражение русских. Стремительная победа шведов.

Европа славил юного — уже восемнадцатилетнего — полководца Карла XII. Петр I, хотя и был во время сражения в

Новгороде, подвергался осмеянию. На шведской медали, выбитой в то время, он был изображен греющимся у своих пушек. «Это Петр стоит и греется» — гласила надпись; на другой стороне медали Петр бежал и утирал слезы — шапка падает с головы, шпага брошена.

Карлу громкая победа у Нарвы сослужила, однако, недобрую службу. Он самым серьезным образом поверил в свою полководческую звезду, в непогрешимость своих суждений и действий. В нем поселилось самое страшное для военачальника — пренебрежение к противнику. «Нет никакого удовольствия, — говорил он, — биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут; если бы Нарва была покрыта льдом, то нам едва ли бы удалось убить хотя одного человека».

«Никогда не пренебрегайте вашим противником, — советовал Александр Васильевич Суворов, — но изучайте его войска, его способы действия, изучайте его сильные и слабые стороны». «Я против того, — говорил Георгий Константинович Жуков, — чтобы отзываться о враге, унижая его. Это не презрение к врагу, это недооценка его».

Умудренные генералы советовали своему королю идти в глубь России. Деморализованное русское войско бредет к Новгороду, артиллерии у русских нет, как нет командиров. Самое время нанести окончательный удар Петру. Появившись перед Москвой, шведы ободрят врагов царя. Софья заперта в монашеской келье, но дух ее не сломен. И не все стрельцы истреблены. Ропщут крестьяне, обремененные военными поборами. И горожане тоже.

Карл соглашался с такой оценкой обстановки. Больше того, он считал положение Петра совсем никуда не годным. Поэтому поход на Москву отложил на недалекое будущее, на то время, когда разделается с Августом. В такой очередности действий был и резон: приструнив Августа, шведы обезопасят себя в дальнем походе на Москву от нападения саксонских войск с тыла; саксонские войска были боеспособнее русских и — теоретически — могли нанести такой удар.

После Нарвы Карл направил свое победоносное войско в Польшу, чтобы разделаться там с саксонскими войсками. А с поляками Карл надеялся не воевать, лишив польской короны Августа и передав ее кому-либо из своих сторонников.

Как воспринял Петр полную конфузию своих войск под Нарвой? Так же, как неудачу первого похода на Азов. Он не впал в уныние, не опустил руки, не отказался от намерения пробить выход к Балтийскому морю. Петр понимал, что виктория шведов мало чего стоит. Такую армию, какая была у русских под Нарвой, разбить легко. Еще раз перед Петром осветились печальным светом пороки и неурядицы российской жизни. Петр, начав войну со шведами, должен был одновременно повести войну с врагом внутренним — с отсталостью страны и с теми, кто был доволен существующим положением.

Российского врага петровских дел можно представить в облике длинноволосого, длиннородого боярина; он в тяжелой высокой шапке, в дорогом кафтане — с полами до пят, рукавами до колен; тучный, неподвижный, с одной мыслью в голове — не пропустить вперед кого-либо из иного рода, с одним чувством в сердце — удерживать при себе богатство и еще прибавить; готового зарубить топором, отравить ядом, задушить цепкими пальцами того, кто попытается изменить его полудикое существование.

Собственными руками Петр отрезал бороды, обрывал непомерно длинные рукава и полы кафтанов, злобно-опасных лишал и головы. Главной силой, которую Петр направил против реакционного боярства, были служилые дворяне и купцы-промышленники. Он помог им окрепнуть и увеличиться численно. Перед дворянами и купцами Петр распахнул ворота к богатству и славе. Привилегии князей и бояр, которые те получали по наследству, при Петре мог получить и «худородный». Нужно только быть преданным делу Петра, не жалеть для службы ни своей жизни, ни жизни других. И еще непереносимое, очень важное условие: приносить тому делу видную пользу. Последнее условие сужало ворота богатства и славы перед глупыми, ленивыми, неумелыми.

Если проследить взлеты государств в самые разные эпохи, мы непременно увидим во главе их умных, энергичных, высокоодаренных деятелей. И еще непременно увидим вокруг таких деятелей — на различных ключевых должностях — людей тоже высокоодаренных, умных, энергичных. Не бывает так, чтобы во главе государства был гений, а его окружение состояло из посредственных лиц. Не бывает и обратного — глава державы лицо посредственное, а окружение талантливое. Не

бывает по очень простой причине: посредственный руководитель боится талантливых, он не только не приближает их к себе, а всячески травит, изводит, унижает; у него зависть к ним и постоянное опасение, что кто-то из них займет его место. А гений не опасается такого. Гений ищет себе подобных. И дело процветает.

Руководителем, который не боялся умных, энергичных людей, так как сам обладал выдающимся умом и энергией, был Петр I. К руководству важными делами России он привлек одаренных князей, бояр, дворян. К ним прибавил и «худородных» — таких, как Александр Данилович Меншиков, Никита Демидович Демидов. Первый был сыном дворцового конюха, торговал с лотка пирогами на базаре. Второй — мастер-оружейник.

Меншиков начал службу потешным солдатом в Преображенском полку, а дослужился до генералиссимуса. Острый ум и

Пистолеты
кавалеристов.

редкостная храбрость помогли ему стать выдающимся кавалерийским начальником. Он одним из первых получил высший российский орден Андрея Первозванного. Он стал первым, кому был пожалован титул князя, до этого княжеский титул был только наследственным.

Никиту Демидова Петр увидел, когда осматривал, проездом в Воронеж, оружейный завод в Туле. У царя испортился английский пистолет. Демидов взялся починить его. Возвращаясь с воронежской верфи, Петр заехал за пистолетом. Поблагодарив мастера, царь посетовал, что русские не умеют делать такие. Демидов на это хмыкнул. Петр не любил хвастунов, мгновенно впал во гнев и хотел побить Никиту. Тогда мастер вынес пистолет с поломкой. Оказалось, что он сделал Петру новый, такой же. Петр обрадовался и вспомнил мастера. На втором году войны со шведами на Урале был построен государственный чугуноплавильный завод, царским указом его передали Никите Демидову. К концу жизни Демидов построил 25 чугуноплавильных, железоделательных и медных заводов. За верное служение он получил дворянское звание.

Петр нашел талантливых людей и для себя и оставил их во множестве на будущие времена. В Азовском походе отличился матрос Семен Руднев — его потомок Всеволод Федорович Руднев будет командовать в бою с японской эскадрой крейсером «Варяг». Денщик Петра I Василий Иванович Суворов сам станет генералом и даст России сына — генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Знаменитый полководец Петр Александрович Румянцев, адмиралы Сенявины — они тоже унаследуют любовь к родине, жажду служить ей от своих отцов — сподвижников Петра...

Так, получив в руководство деятельных людей, Россия после нарвского поражения

принялась строить заводы — металлургические, пороховые, оружейные, суконные, полотняные, чтобы были пушки и якоря, ядра и картечь, паруса для кораблей и мундиры для солдат. На реках, несущих воды в Неву, следовательно, в Балтийское море, строили верфи, чтобы, когда придет время, не мешкая, по речной воде направить корабли в просторное море. Вовсю работала воронежская верфь, на многие километры по Дону стояли фрегаты, галеры, транспортные суда — они тоже помогали воевать со шведами. Карл XII звал турецкого султана напасть на Россию с юга. Султан не решался, боялся, что воронежские корабли придут в Стамбул — Константинополь. В Преображенском полку, в Семёновском готовили офицеров для армии. В только что открытых навигационной и математической школах учили морских и артиллерийских командиров...

Но Петр не был бы Петром, если бы отложил активные военные действия до того времени, когда будут в достаточном числе командиры и обученные солдаты, пушки и ядра, порох и корабли. Как только основное войско шведов во главе с Карлом углубилось в Польшу и начало гоняться там за саксонским войском Августа, Петр отдал приказ возобновить нападения на шведские крепости и отряды у Финского залива.

Саксонское войско терпело одно поражение за другим, но лишь в 1706 году Карл принудил Августа к капитуляции. Шведы подошли к городу Лейпцигу. В своих наследственных владениях курфюрст не решился воевать — боялся, что Карл отберет их. Август отказался от польской короны, согласился заплатить шведам крупную сумму за издержки, которые те понесли в войне. И так же, как датчанин Фридрих, немец Август разорвал союз с Россией. Курфюрст, чтобы уверить Карла

в дружбе, подарил ему шпагу Петра. (Помнишь, курфюрст и царь обменялись шпагами перед войной со шведами — тоже в знак дружбы?)

Петр I был проницательный политик. Он знал, что рано или поздно с Августом это случится. Чтобы случилось как можно позже, помогал ему деньгами, войсками, припасами. И вот теперь, в шестой год войны, русские остались со шведами один на один.

Но шведы уже не были так смертельно опасны, как прежде. Русские подучились воевать. С 1701 по 1705 год войска Петра отбили у шведов старые русские крепости Ям, Копорье, овладели крепостью Мариенбург, потом взяли Дерпт, Нарву и Ивангород, Митаву. Очистили от вражеских флотилий Чудское и Ладожское озера. А самое замечательное — взяли штурмом крепости Нотебург и Ниеншанц.

Нотебург — старинная русская крепость Орешек — стоял там, где Нева вытекает из Ладожского озера. А Ниеншанц стоял при впадении Невы в Финский залив. Овладев этими крепостями, русские овладели всей Невой и получили выход в Балтийское море. После долгих-долгих лет северный участок древнего пути из варяг в греки обрел прежних хозяев. Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург — Ключгород; имелся в виду ключ от выхода к морю.

Вот сколько успели русские, пока Карл побеждал в многочисленных боях саксонцев и менял в Польше короля.

Тут нам придется коснуться еще одной грани петровского гения. Он умел стремительно развивать первоначальный успех. Другой на его месте укрепил бы получше Шлиссельбург и Ниеншанц, посадил бы в них сильные гарнизоны и на этом счел бы дело сделанным. Петр же по взятии Ниеншанца приказал немедленно строить новый город России — Санкт-Петербург. Сначала

он отводил ему роль торгового и военного порта, но вскоре определил его столицей государства.

16 мая 1703 года на острове в устье Невы начались работы, которые с каждым днем ускорялись и расширялись, перекинулись на другие острова и на оба берега. Тогда же Петр приказал строить каналы для соединения Невы с Волгой. Новый город — главный порт России — нужно было как можно скорее связать с внутренними областями страны. К слову сказать, строителем Вышневолоцкой водной системы, удобной водной дороги, был Михаил Иванович Сердюков. Петр заметил умного Сердюкова, мордвина по национальности, когда тот был в лавке приказчиком; впоследствии выдающийся гидротехник царским указом был записан в новгородские купцы.

Столицы не строят, чтобы, построив, отдать врагу. Закладкой города в опасной близости к шведам Петр извещал и Россию, и враждебную Швецию, и всю Европу о том, что русские возвратились на балтийский берег и твердо остояли на нем.

Карл XII, узнав о строительстве Санкт-Петербурга, сказал высокомерные слова: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их».

Чтобы не дать Карлу такую честь, в самом городе построили крепость — Петропавловскую, морские подступы тоже прикрыли крепостью — Кронштадтом, Коронным городом (первоначальное название — Кроншлот, Коронный замок).

Кронштадт построили на острове Котлин. Остров расположен в Финском заливе так удобно, на таком удалении от берегов, что каждый корабль, который направится к Петербургу, должен пройти вблизи кронштадтских пушек. Если это будет корабль врага, артиллеристы превратят его в щепы.

Пищаль
«Троил»,
отлитая
мастером
Яковом
Дубиной
в 1685 г.
Вес 402 пуда.
Старинная
литография.

Пищаль
«Перс»,
отлитая
мастером
Мартьяном
Осиповым
в 1686 г.
Вес 353 пуда.
Старинная
литография.

В июне 1705 года к Санкт-Петербургу направилась шведская эскадра — 24 вымпела. Истребить русских солдат в городе, взять в плен и разогнать рабочих-строителей, сжечь пожаром уже построенное — такая цель была у противника. Но прежде надо было взять Кронштадт. Корабли оставались у Котлина и принялись обстреливать крепость. Кронштадт имел меньше орудий, чем шведская эскадра, однако отогнал корабли. Шведы повторили атаку и попытались высадить десант. Русские солдаты контратаковали десантников. В жестоком бою противник потерял около 600 человек. Эскадра после такого урока ушла в море и больше не появлялась.

Медленно, но неотвратимо приближалось время решающего события Северной войны — Полтавской битвы. Ни Петр, ни Карл еще не знали, что она случится. У Петра было желание окончить войну. Он рассчитывал заключить мир со шведами, отдать им и Дерпт, и Нарву, оставив за собой, на худой конец, лишь старинные владения русских. Карл же о мире не помышлял, его занимал поход на Москву. Растрачивать силы на то, чтобы вести бои у Финского залива, он не хотел, ведь

после взятия Москвы все крепости — и Нарву, и Копорье, и Нотебург — вместе с Санкт-Петербургом и Кронштадтом он и так получит. Король ничуть не сомневался, что возьмет российскую столицу. О русской армии он продолжал судить по первой встрече с ней у Нарвы.

В странном состоянии пребывают тщеславные, заносчивые люди, им не хочется уязвлять самолюбие неприятными для себя фактами, и они живут так, будто неприятного не было. Вот и Карл жил так, будто не знал, как русские взяли Нарву во втором походе. А там было, что ни эпизод, то удар по королевскому самолюбию и самомнению.

Прежде Нарвы петровские войска взяли Дерпт. Победителям достались там шведские знамена и запасы мундиров. Меншикову пришла мысль переодеть несколько русских полков в шведскую форму. Они пойдут с развернутыми знаменами к крепости — будто помощь; такую помощь гарнизон Нарвы ждал со дня на день от Шлиппенбаха — командующего шведскими войсками в районе Финского залива. Для убедительности русские полки в русских мундирах завяжут «бой» со «шведами», будто не пускают их к крепости... Петру это понравилось. Он даже взялся командовать «шведами». Игра началась.

Комендант Нарвы генерал Горн, который оборонялся в ней и в первую осаду, разглядев в подозрную трубу «своих», выслал из крепости несколько сот пехоты и конницы, чтобы ударить по русским с тыла и тем облегчить прорыв подкрепления в Нарву. Как только истинные шведы отдалились от крепости, в тыл им ударили драгуны и солдаты Преображенского полка. К этому удару прибавился удар с фронта силами и русских и «шведов», врага охватило смятение. Мало кому удалось прорваться назад в Нарву, многие сдались

в плен, в том числе подполковник, руководивший вылазкой.

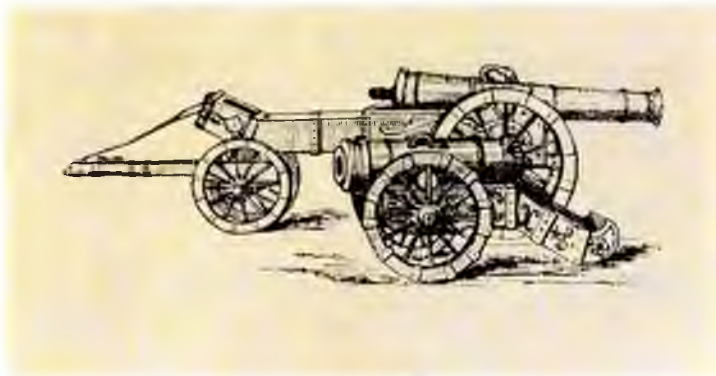
Несколько дней русская артиллерия стреляла в город бомбами и пробивала ядрами бреши в стенах. Штурм, невероятно яростный, длился всего 45 минут. И Нарва пала. На другой день, видя безнадежность сопротивления, сдались шведы в Ивангороде.

В боевом журнале Петра записаны трофеи, взятые в двух крепостях: мортир, гаубиц и пушек 634, ядер пушечных 81 396, ручных гранат 41 334, пороху 11 174 пуда, ружей, мушкетов и карабинов 11 570, пистолетов 1592 пары, шпаг и багинетов¹ 4198... Вспомнил ли Карл свою медаль с Петром, утирающим слезы, когда слушал донесение о потере Нарвы? Вряд ли. Говоря словами Петра, «перед их [шведов] очами гора гордости стала», из-за которой они у русских ничего хорошего не видели и в эту пору.

Объективные наблюдатели думали о России уже по-иному. Английский посол доносил из Москвы в Лондон, что Петр «... мощью собственного гения, почти без посторонней помощи, к 1705 году достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей».

«Могущество, грозное для соседей», достигалось огромным напряжением народных сил. Поздравляя царя со взятием Нотебурга, Андрей Андреевич Виниус, ведавший изготовлением пушек, писал ему: «...Господь... даровал нашей новой слезами окропленной артиллерии и порохам победительную силу». Фраза эта была верна лишь отчасти. Новая артиллерия (старая досталась шведам у Нарвы) кропалась не только слезами, но орошалась потом

¹ Багинет — штык, вставляемый в дуло ружья.

Западно-европейские пушка и гаубица.
Старинная гравюра.

Фитильная пицаль, пороховница, сабля с ножами — русское оружие, XVII в.

Пехотинцы-фузилеры.
Старинная
литография.

Фузилер
Преображен-
ского полка.
Старинная
литография.

Офицер
Семеновского
полка.
Старинная
литография.

и кровью крестьян и рабочих, которые работали на заводах и в рудниках, как на каторге; она была осыпана проклятиями попов и монахов, так как из-за недостатка меди на пушки переливали колокола, снятые в церквях и монастырях.

Мы говорили: Петр распахнул перед дворянством и купечеством ворота к богатству и славе. Славу энергичные люди приобретали неутомимой деятельностью на различных поприщах. А как приобреталось богатство? Большей частью за счет нещадной эксплуатации простого люда, за счет взяток, вымогательства, присвоения казенного добра и казенных денег.

Виниус, когда русские потеряли всю артиллерию, смог так наладить дело, что уже через год армия получила 300 пушек. И он, в прошлом переводчик, получил дворянское звание. Но вскоре Виниуса изобличили во взяточничестве. Денег он набрал так много, что, страшась царского гнева, бежал в Голландию. Петр жестоко

карал казнокрадов, видя в них разорителей государства. И для вороватых вельмож их плутни не всегда сходили благополучно. Петр Петрович Шафиров, в молодости переводчик у иноземного торговца, был крупным дипломатом, его гражданский чин вице-канцлера соответствовал военному чину генерал-фельдмаршала. Но за хищение государственных средств Шафиров был приговорен к смертной казни, которую, правда, заменили ссылкой. Быть бы казненным князю Александру Даниловичу Меншикову: ведая строительством Петербурга и Кронштадта, он так много наворовал, что жил роскошнее всех в России, роскошнее самого царя и царской семьи. Каким-то особым нюхом он почувствовал, что приходит конец и воровству и жизни, тогда побегал к Петру, сам рассказал о

Гренадер
Преображен-
ского полка —
солдат,
вооруженный
гранатами.
Впоследствии
гренадеры —
отборные
войска.
*Старинная
литография.*

Русские воины:
гренадер
(слева),
бомбардир
(справа),
два фузилера
(в центре),
драгун.
*Старинная
акварель.*

хищениях и, обзавшись вернуть при-
своенное, вымолил прощение.

Так наживали богатство приближенные
царя. Пропорционально чину воровали у
государства, обирали простых людей дру-
гие должностные лица. К лихоимству «на-
чальных лиц» прибавлялась тяжелейшая
работа. На заводах Демидова работало 38
тысяч крестьян. Совершенно бесправные,
собственность горнозаводчика, они не ви-
дели просвета в мрачном существовании.
За послушание, за протест — побои кнутом и
еще более тяжелая работа в рудниках без
выхода на поверхность земли, на белый свет.

Каждые десять крестьянских дворов
обязаны дать в армию солдата, каждые
двадцать — работника на завод, на верфь,
на прокладку каналов, на строительство
Санкт-Петербурга. Эта норма повторялась
по мере прибавления дел в государстве.
Петр приказал дворянам, боярам, церквям
и монастырям объединяться в компании
для строительства флота; число кораблей
определялось числом крепостных крестьян
у компании: на каждые 8—10 тысяч кре-
стьян полагалось построить, оснастить и
вооружить один большой корабль.

Было одно спасение от изнурительной

Барабанщик
Преображен-
ского полка.
*Старинная
литография.*

Мушкет —
огнестрельное
оружие
с фитильным
замком.

Карл XII.
Старинная
акварель.

жизни — бежать на Дон к вольным казакам. И люди бежали — в одиночку, с семьями, укрываясь от погони сначала в лесах, потом в степных оврагах. Добраться бы до вольных краев — там тебя не выдадут. Это великое право казачество получило от прежних царей в обмен на обязательство нести военную службу в тревожных окраинах России. Казаки берегли его как залог своей собственной вольности. Но разве Петр мог смириться с тем, что заводы, строительства и даже армия теряли таким образом людей? Последовал царский указ о поимке и возвращении беглых прежним хозяевам. Указ пролетел горячей искрой над порохом народного недовольства. И порох взорвался.

...Михаил Федорович Романов, дед Петра I, стал царем, когда затухали остатки восстания Ивана Исаевича Болотникова. Алексей Михайлович Романов, отец Петра,

воевал со Степаном Тимофеевичем Разиным. И вот теперь началось народное восстание против Петра. Вспыхнули бунты в Башкирии, в Астрахани, самый грозный — на Дону. Во главе восставших казаков и бедноты встал атаман Кондратий Афанасьевич Булавин.

Заветным желанием всех восставших в России на протяжении веков было одно: посадить в Москве своего, крестьянского царя. Такого, который знал бы, как нелегко живется простому народу. Царь дан от бога, от бога он справедлив, только вот не ведает, что творят бояре и князья, дьяки и воеводы, купцы и промышленники. Но и против несведущего царя восвать нельзя — нарушишь божью волю, будешь на том свете лизать горячую сковороду...

В каждой крестьянской войне выдвигалась какая-либо наивная идея, оправдывавшая борьбу с существующим царем. Теперь распространилась своя легенда. Петр — это вовсе не Петр, а кто-то другой. Когда настоящий Петр ездил за границу, там немецкая царица опоила его зельем, спящего положила в бочку, утыканную внутри гвоздями, бочку забила и кинула в море. Вместо Петра приехал в Москву немец. Потому-то нынешний царь так любит иностранцев, а русских людей заставляет носить немецкое платье, брить усы и бороды.

Кто-то верил в эту выдумку, кто-то не верил, но легенда освобождала от страха в противозаконном деле, она отпускала грехи, которые совершаются в схватках с царскими людьми.

Карл XII уже начал поход на Москву. Грозная туча надвигалась черным краем на северо-запад России. Шведский король

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
1708—1709 гг.

РОССИЯ

БЕЛОРУССИЯ

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

ЗАПОРОЖЬЕ

МОЛДАВИЯ

КРЫМСКОЕ

ХАНСТВО

25.9.1708

27.6.1708

после захвата Москвы намеревался расчленив Россию на несколько княжеств — отрубить великану руки, ноги, голову... С разрубленным-то справиться легче. Сколько сил ушло, сколько крови было пролито ради объединения разрозненных русских княжеств в единую державу! Разве можно допустить, чтобы исполнился замысел Карла? Русская армия приготовилась сражаться с опасным врагом.

В такое-то время на Дону началась своя внутренняя война. Булавицы — многотысячные отряды — расправляются с карателями, которые ловят беглых, со своими притеснителями — казацкой старшиной. Берут Черкасск — столицу Донского края, разбивают наголову сильные царские отряды. И уже идут 5 тысяч мятежных людей во главе с самим Булавиным к Азову, чтобы отнять крепость у Петра, очистить от царских войск низовья Дона.

Петр, как и иные правители всех времен и всех народов, пользовался властью своего класса и исполнял его желания. А класс русских дворян в ту пору не помышлял об освобождении крестьян и облегчении их жизни. Чтобы крепостное право было отменено, понадобится еще одна грандиозная крестьянская война Емельяна Пугачева, да еще поражение помещичьей России в Крымской войне. Это будет лишь через полтора века. На успехи булавицев Петр ответил ожесточенными карательными мерами.

Мы оставили Кондратия Афанасьевича Булавина на подходе к Азову. Раньше туда на помощь гарнизону пришли царские войска. Булавицы были разбиты. Сам атаман вскоре погиб. Потерпели поражение другие отряды восставших. Внутренняя война оканчивалась.

Первым в России титул графа получил генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, но не за победы над шведами,

которые он одерживал, а за то, что быстро подавил восстание в Астраханском крае.

Надо ли говорить, как был доволен Петр, особенно тем, что сохранилась Азовская крепость. Она давала опору флоту, флот же угрожал Турции, если бы та начала войну против России. О том, какая это была сила — русские корабли, можно судить по любопытному факту. Не без участия шведов на базарах Константинополя распространился слух, что Петр в Азове готовится к морскому походу. Поднялась паника. Богатые горожане начали со всем имуществом перебираться на азиатский берег, город наводнили беженцы из других приморских селений. У дворца султана собирались толпы людей и требовали защиты. Русскому послу Петру Андреевичу Толстому едва удалось успокоить визиря и доказать, что слухи о недружелюбии Петра ложные.

Неоценимую службу сослужит Азов русской армии в Прутском походе. Отдав Азов Турции, Петр тем спасет войско, оставшееся без продовольствия и окруженное многочисленными турками и крымскими татарами. Но это будет в 1711 году. Сейчас год 1708-й...

Карл XII с 50-тысячным войском в начале года занял город Гродно. Перед Петром и его военачальниками генерал-фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым, который командовал пехотой, и генералом от кавалерии Александром Даниловичем Меншиковым, который командовал конницей, встала трудная задача — определить, куда поведет Карл свою армию от Гродно. Он мог пойти в Прибалтику, чтобы отогнать русские войска от Финского залива. Мог пойти на юг, в земли Украины, чтобы усилиться за счет войск гетмана-изменника Мазепы и вовлечь в войну турок. Но оба эти движения отдаляли честолобивого Карла от главной цели

Русский
канонир —
артиллерист.
*Старинная
литография.*

войны — взятия Москвы. Вернее всего, шведы пойдут прямо на восток — к Смоленску и далее на столицу России.

Пока не стали абсолютно ясными намерения шведского полководца, русским приходилось готовиться к отпору на всем протяжении западной границы. Армия заняла оборону по широкому фронту,

готовая быстро сосредоточиться на угрожаемом участке. Населению приграничной полосы заранее было приказано спрятать излишки хлеба и сена в лесах, а при подходе неприятеля самим уходить в укромные места. Шведы везли с собой только трехмесячный запас продовольствия и корма лошадям. В российских пределах на пути к Москве должна была открыться перед армией Карла пустыня.

Молодой Петербург, старинные Новгород, Псков, Смоленск, Можайск, Тверь и Серпухов окружили себя укреплениями. На основных дорогах, по которым враг мог двигаться в глубь России, были сделаны завалы, засеки, сооружены опорные пункты. Жители знали, что предпринимать при подходе шведов, как обороняться, кому подчиняться в воинских делах. Особо тщательно готовилась оборона Москвы. Укреплением Твери на севере от столицы и Серпухова на юге ставились преграды врагу, если бы он, не одолев Можайска, попытался подойти к Москве кружным путем. Петр заранее расписал действия военных и гражданских начальников города. Были определены секретные пункты, куда надлежало вывезти из Кремля русские святыни и церковные драгоценности. Это распоряжение не оставляет никакого сомнения в том, что Петр не обольщался победами над противником у Финского залива и считал Карла грозным врагом.

Пушка «Орел»,
отлитая
мастером
Мартыном
Осиповым
в 1692 г.
*Старинная
литография.*

Меншиков
Александр
Данилович.
Старинная
гравюра.

Еще до подхода Карла к русской границе Петр снова попытался заключить мир со шведами. Посодействовать этому он просил и Англию, и Голландию, и Пруссию, но все влиятельные страны отказали в посредничестве. Они не хотели усиления России — это во-первых; во-вторых — и эта причина, возможно, была более важной — не хотели освобождать Карла от войны на востоке Европы; он, освободившись, не стал бы сидеть сложа руки, вмешался бы в дележ испанского наследства, который

уже ожесточился до военных столкновений. Европа боялась Карла.

Чтобы понять мудрость полководцев или их промахи, чтобы представить обширность и сложность военного театра, значение боев и сражений, их взаимосвязь и влияние на последующие события, надо хорошо знать карту, научиться читать ее. Советую тебе, читатель, если ты не сделал еще этого, изучить карту Северной войны. Посмотри карту на стр. 151. Особо внимательно разберись в той ее части, где обозначены действия шведов и русских в 1708—1709 годах. Наш разговор теперь о событиях решающего времени.

Синяя стрелка, обозначающая действия шведов, устремилась от Гродно к Сморгони, затем к Минску, затем к селению Головчино... Карл XII ведет свою армию на восток. Теперь уже нет сомнений — король решил достичь Москвы кратчайшим путем.

Карл не просто ведет армию. Он гонится за армией Петра, чтобы, настигнув, дать генеральное сражение и в нем истребить, пленить основную массу русских войск. У Карла, пожалуй, есть для этого какие-то возможности. И Петр, не желая рисковать, отходит в направлении на Смоленск. Но отходит тоже не просто, а ведет упорные бои с передовыми частями шведов, заставляя их атаковать русских или в укреплениях, или на речных рубежах; атакующие в таких боях несут большие потери. Изматывать врага в боях, истреблять вражеские отряды налетами украинской и калмыцкой конницы, заставить врага топтаться в землях, где не найти ни еды людям, ни корма лошадям, где население ведет партизанские действия, — так была задумана русскими военачальниками эта часть Северной войны. Конечно, если бы прорыв шведов к Москве можно было бы сдержать

лишь генеральным сражением, русские приняли бы генеральное сражение.

Первая встреча двух армий произошла 3 июля у селения Головчино. Для русских она сложилась неудачно. Доверившись рассказу перебежчика, Шереметев и Меншиков усилили свое правое крыло. А Карл атаковал середину — дивизию генерала князя Репнина. На рассвете, когда шел дождь и местность была закрыта туманом, шведы подобрались к речке, за которой стояли русские, и открыли ураганный огонь из пушек. Под прикрытием артиллерийского огня они навели в болотах pontонные мосты, переправились по ним через топи, речку перешли вброд и с азартом начали бой. Несколько часов прошло в ожесточенной схватке. Одна дивизия не могла сдержать главные силы шведов, помощи от соседних, фланговых дивизий

не было — их отделяли от центра топкие болота, и Репнин отступил, бросив свои пушки. В позиции русской армии образовалась брешь. Вся армия тоже была вынуждена отступить. Новую оборонительную позицию она заняла на левом берегу Днепра.

Петр сурово обошелся с Репниным за отступление и потерю пушек. Князя судил военный суд, Репнин был разжалован из генералов в рядовые. Но в целом царь был доволен исходом первого столкновения. Он писал одному из своих сподвижников: «...неприятель ... под Головчином потерял половину драбантов своих (которые все офицеры майорского рангу), тако ж генерал Врангель убит и два полковника, прочих офицеров со сто на месте побито (кроме драбантов) и больше тысячи рядовых; ранены генерал от пехоты, также офицеров и рядовых зело много...»

Карл хотя и выиграл бой, ни радости, ни огорчения от него не испытывал.

Знамя
Воронежского
полка.

Кавалергард —
конный
гвардеец
русской армии.
Старинная
акварель.

Пушка,
изготовленная
на Олонцком
заводе, 1723 г.

Ружейный
замок
искусной
работы.

Фузея.

Короля занимали другие мысли: скоро ли подойдет к главным силам вспомогательный корпус? Генерал граф Адам Левенгаупт давно уже вышел из Риги с огромным транспортом боеприпасов, артиллерии и продовольствия. Не так нужны добавочные солдаты или орудия, очень нужна еда. Армия съела свои запасы и теперь голодает. А голодные солдаты воюют плохо. Как ни велико было желание преследовать Петра, Карл вошел в Могилев, оставленный русскими, и стал ждать Левенгаупта.

В ожидании прошел месяц — беспокойный, в постоянных налетах легкой конницы русских, в гибели фуражиров, пытавшихся искать пропитание у жителей, в неизвестности о судьбе транспорта — конные отряды русских перехватывали курьеров противника.

И тут снова сказался характер шведского короля. Ждал долго, надо бы еще подождать, но Карл не выдержал и, покинув Могилев, переправился через Днепр.

Синяя стрелка от Могилева пошла на юго-запад, а затем, словно устыдившись, что отклонилась от истинного пути на Смоленск, круто взлетела на север. Стрелка остановилась у селения Стариши. От Старишей она повернула на сто восемьдесят градусов и, уже не делая крутых поворотов, как говорится, прямым ходом стала спускаться к Полтаве.

Изменчивые движения синей стрелки предполагают какие-то важные события. Они на самом деле произошли.

Пока Карл стоял с армией в Могилеве, русская армия с помощью белорусского населения возвела за Днепром надежные укрепления. Атаковать их — значит потерять много солдат, и Карл пошел в обход. Однако Петр, поняв маневр противника, успел переместить свои главные силы так, что они снова оказались на пути шведов. Правда, позиция теперь была не такая крепкая, но и не слабая, она прикрывалась двумя речками. Карл и на этот раз хотел проскользнуть мимо русской армии — повернул круто на север, в район Стариши — Соболево (поворот мы видели на карте).

Крестьяне, увидев шведов на полпути к Старишам, поспешили к Петру с известием. На коротком военном совете было решено атаковать авангард шведов: авангард далеко оторвался от главных сил, бой с ним обещал быть успешным.

В ночь на 30 августа войска генералов князя Голицына и Флюка напали на шведов. Ожесточенный бой длился всего два часа. Русские солдаты дрались с такой отвагой, что от авангарда ничего бы не осталось, если бы сам Карл не поспешил ему на помощь. Голицын и Флюк в порядке отошли к своим главным силам, потеряв около 400 человек. Потери шведов были очень большие — около 3000 убитых, не считая раненых.

«...я, как и почал служить, — писал о том бое Петр, — такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал (дай боже и впредь так!), и такого еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видал. Боже! не отыми милость свою от нас впредь».

Петр радовался самой неподдельной радостью. Непобедимые шведы жестоко побиты! По этой же причине Карл рвал на себе волосы, бил себя кулаками в лицо, вел себя так страшно, что самые именитые генералы боялись подойти к нему.

Знамя
Преображен-
ского полка.

Потеряв большую часть авангарда, Карл вел армию по-прежнему на север. Уже недалеко было селение Стариши. Король надеялся миновать его и двигаться дальше — на Смоленск.

Русская армия тоже шла в район Стариши — Соболево. Петр опередил Карла. Перейдя за Старишами через реку, войска Петра заняли за рекой оборонительные позиции и принялись укреплять их. А перед Старишами остался отряд прикрытия — драгуны (этот род войск передвигался на лошадях, как кавалерия, а воевал в пешем строю, как пехота).

Видно, Карл не остыл от обиды, нанесенной ему Голицыным и Флюком, хотя

Бомбардир.
Старинный
русский
лубок.

Пистолет
кирасира —
воина тяжелой
конницы.

прошло с того боя десять дней. Король, узнав, что русские драгуны преградили дорогу его армии, бросился во главе кавалерийского полка отомстить русским. Надо отдать должное королю — он не боялся ни пули, ни сабли.

Драгуны Петра отличались выучкой и стойкостью. Они не дрогнули, не побежали — встретили лавину шведской конницы хладнокровными залпами. Падали лошади атакующих и люди, на них налетали следующие ряды. Замешательство увеличилось тем, что под Карлом была убита или ранена лошадь. Король оказался спешенным перед строем драгун. Быть бы Карлу в плену, если бы проворный драбант-телохранитель не успел посадить его на свою лошадь.

Схватка длилась тоже около двух часов. И драгуны вышли из боя, когда на дороге появились главные силы шведов. Русский отряд прикрытия, отбивая налеты шведских кавалеристов, отступил за Стариши к своей армии. Потери русских были небольшие — около ста человек. Шведы снова потеряли очень много — около полутора тысяч...

Любопытно, в этом бою Петр увидел Карла с довольно близкого расстояния.

Шведский полководец привел свою армию в район Старишей. Генералы и солдаты ждали от короля важного решения — что делать дальше? Дать ли генеральное сражение русским, стоявшим за рекой в укреплениях? Вернуться ли в Могилев и дожидаться там Левенгаупта? Карл принял

третье решение, совершенно неожиданное для всех, — повернуть на юг, идти в земли Украины. Корпус Левенгаупта пусть догоняет армию.

Король-полководец никому не объяснил ни тогда, ни позже, почему он поступил так, а не иначе. Историки старого времени и нового лишь догадываются о причинах неразумных действий.

Давай и мы, читатель, вместе поищем те причины.

Почему Карл не захотел дать генеральное сражение Петру? Видимо, боялся. Шведская армия в двух недавних боях потеряла почти 5 тысяч человек. И это не встретившись с главными силами русских. Огромные потери озадачили Карла. Подобного с его войском еще не случалось. Он, конечно, не сомневался, что сражение выиграет. Но понимал, что погубит в нем много своих солдат, к Смоленску ему придется идти с жалкими остатками армии, а они не смогут взять этот город-крепость. Даже если возьмут, то уж к Москве вести будет некого. Так что лучше пока не ввязываться в генеральное, то есть главное, сражение.

А что повлекло Карла на юг? Мазепа? Крымские татары? Турки? Да, они. Но если бы только они, шведы не направились бы на Украину так поспешно. И Мазепа, и крымские татары, и турки сидят по своим домам. Придут ли шведы к ним месяцем раньше или месяцем позже, от этого ничего не изменится. Значит, не эта причина главная.

Тогда, верно, Карл поспешил увести армию от голода и начавшегося ненастья? Хлеба давно нет, деревни кругом сожжены. А на Украине села нетронутые, еда в изобилии. Надо подкормить изголодавшееся воинство, дать отдых под теплой крышей.

Но вот какая штука: крышу над головой шведы могли получить, вернувшись в Мо-

Шведские солдаты: артиллерист (сидит), гренадер (в центре), драгун. Старинная акварель.

гилев. И там же получили бы еду. Левенгаупт совсем недалеко, он в нескольких дневных переходах от Могилева. Многие тысячи телег везут продовольствие; пройдет самое большее неделя — и развязывай мешки, разбивай бочки, насыщай желудки... В Могилеве армия не только подкормилась бы, но и увеличилась бы на 16 тысяч человек, на целую треть! С такой армией можно было дать и генеральное сражение...

Об этих выгодах Карл знал сам, о них ему говорили генералы на военных советах. И все же он не пошел в Могилев. Он быстро движется на юг, будто с горы катится, в район Костеничи — Мглин.

Совсем уж загадочно получается! Может быть, король сошел с ума? Ведь, уйдя от Старишей, он, ко всему прочему, отдал корпус Левенгаупта на расправу Петру...

Генерал Левенгаунт схватился за голову, когда королевский курьер привез ему приказ следовать вдогонку уходящей армии.

Так в чем же, в конце концов, дело? Дело, считают многие историки, в чванливости Карла. Названный в своем отечестве и на западе Европы великим полководцем, утверждая себя таковым в истории Швеции и Европы, он не может позволить себе понятного движения, марш к Могилеву равносителен для него отступлению. К слову сказать, великие полководцы не боялись отступлений. Отступление тоже военный прием. Не однажды бывало и до Карла и после него, что именно отступление (конечно, временное) давало победу в войне. К Могилеву идти стыдно, атаковать русских боязно, на месте не сидится, так двину на юг. Ну и капризуля этот король шведов!

Четверть века спустя, как кончится Северная война, в Швеции будут изданы мемуары Левенгаунта под названием «Вредные последствия самодержавия и горькие плоды злобы». Мудрый генерал изложит потомкам свое, как говорится, компетентное мнение о Карле XII. А сейчас Адам Левенгаунт находится в ужасном расстройстве. Шесть сотен километров — от Риги — прошел обоз, вверенный ему. По пути ничего не пропало с телег, растянувшихся вереницей в полсотни километров. И вот, когда, казалось, встреча со своими близка и можно сдать государственное имущество интендантам, встреча отдалась на неопределенное, тревожное время.

Обратись, читатель, к карте. От Западной Двины через Оршу к деревне Лесной, что неподалеку от города Пропойска, тянется синяя стрелка с надписью «Левенгаунт». У Лесной стрелка кончается. Там же есть крестик — условное обозначение важного сражения. Красный цвет на карте — русский. Крестик красный, следовательно, победили в сражении рус-

ские. Матерью Полтавской победы назовет Петр эту победу.

Мы знаем, что войска Петра и войска Карла, еще готовясь к боям в районе Стариши — Соболево, переправились через Днепр. Карл теперь переправился и через реку Сож — приток Днепра. Значит, Левенгаунту, чтобы соединиться с Карлом, нужно переправить обоз через обе реки. Хлопотное дело — переправа огромного транспорта иод угрозой налета неприятеля! Всю энергию, всю осторожность, всю хитрость уполтребил опытный генерал, чтобы не попасть под удар русских. Начнись сражение, Карл не придет на помощь — он сейчас в Костеничах. Это километров полтора от Лесной. (Найди Костеничи на карте. Они нам понадобятся еще раз.)

А Петр в это время во главе корволанта находится между Днепром и Сожем. Царь крайне озабочен нехваткой сведений о Левенгаунте. К Днепру, по правому берегу которого где-то движется обоз, посланы разведывательные отряды, они шведов пока не обнаружили. Но вот привели к Петру торговца (не белоруса, пришлого), и тот сказал, что шведы по правому берегу Днепра идут к Орше. Петр не догадывался, что говорил со шпионом Левенгаунта.

Корволант — что это такое? Это большой отряд, способный быстро передвигаться; он не имеет обоза, все грузы везет на вьюках, пехота в нем посажена на лошадей. В корволанте Петра было около 7 тысяч кавалеристов и около 5 тысяч пехотинцев... А где сейчас главные силы русской армии? Они во главе с генерал-фельдмаршалом Шереметевым, двигаясь параллельно шведской армии тоже на юг, заняли городок Почеп.

Карл в Костеничах. Шереметев в Почепе. Петр подошел к Орше. Левенгаунт еще три дня назад в полусотне километров южнее

Орши, у Шклова, переправился через Днепр и теперь буквально крадется, чтобы избежать встречи с русскими. Шведские разведчики высланы во все стороны, им приказано все видеть, но самим оставаться невидимыми. Но разве утаишь такой транспорт от человеческих глаз? Когда Петр у Орши начал было переправлять войска на правый берег, крестьянин по фамилии Петрович рассказал, что своими глазами видел шведов на левом берегу.

Корволант, легкий отряд, бросился в погоню за Левенгауптом. Разведку на этот раз возглавил сам Меншиков. Очень скоро неприятель был обнаружен. Оказалось, что шведов не 8 тысяч, как предполагали раньше, а 16, ровно вдвое больше. Надо было хотя бы сравняться в численности со шведами. Петр послал приказ генералу Родио-

ну Христиановичу Боуру — спешить к Лесной; драгуны Боура действовали в тылу главных сил шведов и в это время находились ближе других русских войск к корволанту.

Левенгаупт, увидев русских, тотчас же отправил часть транспорта с наиболее ценным грузом к Пропойску. На охрану его выделил трехтысячный отряд, сам же с 13 тысячами занял оборону у деревни Лесной. Шведы приготовились умереть, но дать возможность обозу дойти до армии. Из оставшихся телег было сооружено скорое укрепление — вагенбург.

Сражение началось в полдень 28 сентября. Русские атаковали шведов и целый час бились с их передовым отрядом. Наконец остатки отряда откатились к главной позиции, и началась схватка основных сил. Успех приходил то на одну сторону, то на другую. Русские сражались бесстрашно, но и шведы стояли насмерть. Русским было что взять. Шведам было что не отдавать. К пятому часу боя шведы отошли к вагенбургу, но у русских не было сил, чтобы теснить их дальше. Противники так устали в непрерывном штыковом бою, что, разделенные нешироким пространством, отдыхали, не имея сил причинить друг другу какой-либо вред.

Шведы ждали, когда вернется от Пропойска отряд, сопровождавший транспорт. Русские ждали отряд Боура. Первыми подошли драгуны, и Петр, поправив строй полков, снова велел атаковать. И снова началась рукопашная схватка. К шведам тоже пришла помощь. Лишь ночь остановила кровопролитие.

Утром нового дня Петр решил возобновить сражение. Но шведов не оказалось на прежнем месте. Тихо стояли запыленные снегом телеги. Недвижные тела убитых тоже покрылись снегом. Он пошел ночью. Потом подул ветер, закружилась

Бомбардир
русской
армии.
*Старинная
акварель.*

Казак
поражает врага
пикой.
*Старинный
русский лубок.*

метель. Под ее прикрытием шведы незаметно снялись и отошли к Пропойску.

Левенгаупт рассчитывал, оторвавшись таким образом от русских, переправить по мосту через Сож остатки своего корпуса и ту часть обоза, которая ушла к реке перед сражением. Но расчет оказался напрасным — мост был разрушен. Перед ним на правом берегу стояли, насколько видел глаз, телеги, а на левом берегу разъезжали русские всадники, их было много — около тысячи.

Солдаты Левенгаупта выпрягали из телег лошадей, взбирались на них и скакали вниз по течению реки, ища безопасную переправу. За ними бежали пешие. Сзади на отступавших шведов наваливалась волнами кавалерия, посланная Меншиковым в погоню. Калмыцкие всадники прочесыва-

ли кусты и леса, вылавливая прятавшихся там шведов.

Так закончилось сражение. Победителям достались огромные трофеи: 44 знамени, 17 орудий и 7 тысяч телег с боеприпасами и продовольствием. Потери в людях противник понес ужасные: 8 тысяч было убито у Лесной и полтысячи во время преследования отступавших. В плен попали 45 офицеров и 700 солдат.

Русские потеряли чуть больше тысячи убитыми и около 3 тысяч ранеными.

«Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем» — так писал впоследствии Петр о разгроме шведов у маленькой деревушки.

В странах Западной Европы — к удивлению своему и к неудовольствию — вынуждены были отметить появление нового полководца царя Петра I, имевшего пока чин полковника.

Мы говорили, что за потерю пушек у селения Головчино был разжалован в рядовые генерал Репнин. У Лесной солдат князь Аникита Иванович Репнин дрался так храбро и самоотверженно, что Петр вернул ему прежнее звание и прежнюю должность.

...Карл, сидевший в Костеничах почти полмесяца, наконец дождался Левенгаупта. К армии шведов прибавилось около 7 тысяч измученных солдат. Голод в армии не кончился. Пушек и боеприпасов не стало больше. Война в России совсем не была похожей на войну в Саксонии.

Осень 1708 года принесла еще одну радость Петру, а Карлу еще одно несчастье. Тринадцатитысячный корпус шведов, действуя из Финляндии, попытался взять Петербург. Войска генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина отбили попытки

шведов переправиться через Неву, а затем разбили неприятеля, уничтожив треть корпуса. Опасаясь полного разгрома, шведы поспешили погрузиться на корабли и уплыли восвояси. У того отступления осталась в истории особая примета — перед отплытием шведы убили 6 тысяч своих лошадей, не имея возможности взять их с собой.

Обратимся снова к карте Северной войны. Синие стрелки — движение шведов — охвачены с обеих сторон красными стрелками, движением русских. Шведская армия от Старишей до самой Полтавы шла как бы по коридору, стены которого — русские войска. Западная стенка — это действия русской кавалерии; кавалерия мешает шведам искать продовольствие, а также следит, чтобы не подошла к Карлу помощь из Польши. Красные стрелки справа — движение главных сил русской армии. Главные силы выполняют и главную задачу — не пускают шведов на восток, к Москве.

Москва не выходит из головы короля Карла. Мы с тобой, читатель, рассуждали, почему Карл вдруг поспешно двинулся от Старишей на юг? Тогда в его воспаленном мозгу была одна здравая и опасная для русских идея. Карл полагал, что, метнувшись в район Костеничи — Мглин — Почеп, он оставит русскую армию далеко позади себя. А оставив далеко позади себя, повернет у Мглина и Почепа круто на восток. И свободно выйдет на дорогу, ведущую к Москве через Брянск и Калугу. Не так уж глупо будет с нашей стороны предположить, что ради этого он наделил корпус Левенгаупта ролью приманки. Такой дорогой приманки, на овладение которой Петр бросит главные силы. Пока главные силы русской армии будут заняты Левенгауптом, армия шведов и выйдет на московскую дорогу.

Казацья сабля
с ножнами,
XVIII в.

Гусарская
сабля
с ножнами,
конец XVIII в.

Этот план Карла был очень рискованный. Полководец, если наше предположение верно, не решился даже сказать о нем своим генералам, они отговорили бы самонадеянного короля. Рассказ о дерзком замысле Карл откладывал на то время, когда шведы будут маршировать к Москве, а Петр со своей обманутой армией будет пытаться догнать их... Для наших рассуждений интересно вот еще что: Петр, полагая, что у Левенгаупта 8 тысяч, отрядил против них 12—13-тысячный корволант. А если бы он сразу знал, что шведов вдвое больше, 16 тысяч? Сколько тогда бы он взял с собой кавалерии и пехоты? Тысяч 30, не меньше? Главные силы русской армии на самом деле были бы заняты уничтожением шведского корпуса...

Выходит, что замысел Карла сорвался

Драгун.
Старинный
русский
лубок.

лишь из-за того, что русские невольно преуменьшили численность корпуса Левенгаупта? Нет. Петр, Шереметев, Меншиков ни за что не отступили бы от своей тактики заслонять главными силами дорогу на восток. Обоз Левенгаупта постарались бы уничтожить иным способом.

Итак, Карл спешил к Костеничам, а параллельно шведской армии на юг спешила армия Шереметева. Русские шли быстрее шведов. Собираясь повернуть из Костеничей на Брянск, Карл узнал, что сделать это нельзя — в Мглине и Почепе уже были русские.

Началась для шведской армии и ее полководца настоящая война. Ты, читатель, верно помнишь, с какой быстротой Карл действовал в 1700 году против датского Копенгагена, против русских у Нарвы? В его военном таланте все отметили быстроту. Но теперь быстрее действуют русские военачальники — и в разгадке неприятельских замыслов и в движении войск.

Карл должен был бы понять это и искать какой-то новый прием для поворота на московские дороги. Но 10 октября он, повторяясь, из Костеничей спешит к Новгороду-Северскому. А русская армия, тоже повторяясь (ей-то повторение приносит успех), занимает город раньше неприятеля. Дорога на Москву — в этот раз через Курск, Орел, Тулу — опять закрыта.

Приближалась зима. Надо было подыскивать для армии зимние квартиры. Карлу увести бы армию с Украины в Польшу. В Польше король Станислав Лещинский, он посажен на трон Карлом. Так что шведская армия могла там удобно зимовать, пополняться новыми солдатами, довооружаться. Но Карл в Польшу не пошел. Все блага он рассчитывает получить на Украине от гетмана Мазепы, в том числе и казачье войско (гетман — высший чин у казаков).

Петр еще ничего не знает об измене и тоже рассчитывает на гетманское войско. Раскрыть измену помог случай. Меншиков позвал Мазепу в свою ставку для обсуждения дел. Мазепе показалось, что проницательный князь проведаль о сговоре с Карлом, и гетман прикинулся больным, таким больным, что попы собираются соборовать его — готовить к смерти. Ничуть не сомневаясь в истинности такого сообщения, Меншиков поехал проститься с верным слугой Петра. Тут уж Мазепа не выдержал и ускакал с двумя тысячами казаков к Карлу.

Войны не бывали без измены, как и без крови. Измена опаснее прямого нападения. Это удар неожиданный, исподтишка. Во все времена измена считалась самым подлым делом. Наказание за измену всегда самое суровое... Мазепа прибыл в ставку Карла 29 октября. Военный совет русской армии уже 30 октября принял решение уничтожить резиденцию гетмана — городок Батурин. Этой мерой достигалось следующее: были бы пойманы ближайшие сторонники гетмана; колеблющиеся казаки, размышлявшие, на чьей стороне быть, остались бы на стороне царя; были бы уничтожены большие запасы пороха и продовольствия, приготовленные в городке для шведов.

Посмотри еще раз карту Северной войны. Найди Батурин. Обрати внимание на синюю — шведскую — стрелку, идущую мимо Новгорода-Северского. Она изогнулась к Батурину. Это Мазепа после встречи с Карлом идет со шведским войском к своей резиденции. В небольшой, но теперь такой важный городок, упирается острым концом и стрелка красная. Кавалерия Меншикова, продолжая победный путь от Старишей, уже 31 октября окружила стены Батурина.

Сторонники Мазепы на предложение сдаться ответили туманно и ворот не

открыли. А медлить было нельзя. Петр слал к Меншикову одного гонца за другим, и в каждом новом письме росла тревога царя — успеет ли князь разрушить гнездо измены до подхода шведов? После двухчасового штурма Батурин пал — крепость была не сильная, а многие казаки, охранявшие ее, перешли на сторону Меншикова.

Шведское войско не застало у Батурина русских. И самого городка не было, его остатки догорали и дымились, пророча бесславную участь своему хозяину.

Так, второй раз за осень, Карл XII мог получить для своей армии продовольствие и боеприпасы, но не получил.

Сгорел порох, сгорел хлеб. Но войско-то казачье, разбросанное по городам и городкам Украины, не сгорело. Значит, армия шведов получила подкрепление? Нет.

Конный
гренадер.
Старинный
русский
лубок.

Старинный
герб
Полтавы.

И подкрепления не получила. Мазепа, воспитанный при польском дворе, не знал украинский народ, не понимал, как крепки духовные и кровные связи украинцев и русских. Он остался одиноким в измене. В украинских церквах проклинали гетмана-иуду, в селениях и городах люди писали Петру письма о верности союзу с Россией, о ненависти к иноверным захватчикам шведам.

Отряд казаков, бывший с Мазепой, таял, как снег в жаркую весну. Узнав о намерении Мазепы отдать Украину под власть польского короля Станислава Лещинского, даже самые верные сподвижники гетмана переходили с повинной к Меншикову и Шереметеву. Полковник Галаган привел в русскую армию свой тысячный отряд не просто готовым сражаться на стороне Петра, а с семью десятками пленных шведов, которых казаки взяли в бою по дороге.

На зиму шведская армия перешла в район Ромны — Гадяч. Русская армия тоже передвинулась на юго-восток и заняла города Сумы, Лебедин, Ахтырку. Русские гарнизоны укрепились в Миргороде и Полтаве. Найди эти пункты на карте. Если учесть, что кавалерийские отряды Меншикова и казаки нового гетмана Ивана Ильича Скоропадского совершали многочисленные рейды по тылам противника, шведы зимой наступившего 1709 года были в окружении. А зима выдалась суровая, выпадали такие дни в этих обычно теплых местах, что птицы замерзали на лету. Отряды шведских фуражиров, рыскавшие по округе в поисках еды, гибли не только от сабли, но и от холода.

Командование русской армии по-прежнему навязывало шведам отдельные бои и избегало генерального сражения, которого так хотел шведский полководец. Время развязки приближалось, и Петр хотел

перед решающими событиями покрепче измотать противника.

В начале зимы главные силы русских двинулись на Гадяч, занятый шведами. Карл, узнав об этом, поспешил к Гадячу из своей ставки в Ромнах тоже с главными силами. Двое суток шведы простояли в открытой степи на морозе, ждали, когда русские подойдут к городу и начнут штурмовать его, — тут-то Карл и навалился бы. А Шереметев в это время вел свою армию назад, в Лебедин. И в это же время сильный русский отряд, воспользовавшись уходом короля из Ромен, взял город. Операция, так хорошо разыгранная, была задумана военным советом русской армии. Полководец Карл получил еще один удар по самолюбию — это в придачу к убитым и обмороженным солдатам.

Жажда мщения поторопила Карла, не дождавшись тепла, попытаться отбросить русских от линии Сумы — Ахтырка и тем открыть себе дорогу на Москву через Белгород.

Первым перед шведами оказался городок Веприк. Под защитой невысокого вала и неглубокого рва, занесенного снегом, в нем оборонялось полторы тысячи солдат и несколько сот казаков с тремя пушками. Шведы окружили крепостцу двумя полками пехоты, тремя полками кавалерии и пушками. Карл послал коменданту Веприка подполковнику Юрлову предложение сдаться. В противном случае король обещал повесить подполковника на городских воротах. Мужественный Юрлов послал королю достойный ответ: «По велению моего государя я должен защищаться до последней возможности, и, зная, что король уважает храбрость, я не верю, чтобы его величество проявил, в случае победы, такую жестокость».

Ответ подхлестнул самолюбие Карла. 5 января он сам поспешил к Веприку, захватив еще артиллерию и драгунский полк. На вторичное предложение сдаться осажденные ответили стрельбой из всех трех пушек. Весь день четыре шведские батареи осыпали городок ядрами и бомбами. Утром 6 января тремя колоннами с разных сторон шведы бросились на штурм. Случилось так, что одна колонна подошла к валу раньше других, и Юрлов, сосредоточив все силы на ней, обратил ее в бегство. Атака других колонн тоже была отбита. В этом бою были израсходованы последние боеприпасы. После третьего предложения Карла Веприк сдался.

За взятие крохотного городка шведы заплатили невероятно высокую цену: у них было убито и ранено 46 офицеров и больше тысячи солдат. Ранения получили принц Вюртембергский, генерал Штакельберг, а фельдмаршал Реншельд был контужен. В штурме участвовал сам король, поэтому и другие знатные особы соревновались между собой в отваге. Шведский историк писал об осаде городка:

«Потери при штурме Веприка можно сравнить с потерями в большом сражении. Особенно печально для шведов было то, что они потеряли при этом цвет своего офицерства. Между тем после опустошений, произведенных в армии морозами, теперь еще меньше, чем прежде, допустима была напрасная трата людей».

Настойчивый штурм Веприка раскрывал ближайший замысел Карла. В третий раз он пытается нащупать место для поворота на Москву. (Первый раз шведы хотели повернуть на Москву в районе Мглин — Почеп, второй — у Новгорода-Северского.) Ответом на замысел Карла было перемещение главных сил русской армии из Сум в Ахтырку. Дорога через Белгород была закрыта. К слову сказать, очень важная дорога. Шведы пришли бы по ней сначала к Воронежу, а там верфь, потом бы достигли Тулы, а там оружейные заводы.

В общих чертах всю кампанию с осени 1708 года до весны 1709 года можно представить как бесплодную попытку шведов прорваться сквозь русскую армию на какую-либо московскую дорогу. Три рывка на запад — у Почепа, Новгорода-Северского и Ахтырки — это несбывшиеся планы Карла XII. Шведского полководца можно представить человеком, который молотком загоняет гвоздь в доску. Но в доске оказывается скрытый твердый сучок — и гвоздь, соприкоснувшись с ним, изгибается.

В конце апреля 1709 года Карл сосредоточил армию у Полтавы. Взятием Полтавы он думал получить следующие выгоды:

открыть путь на Харьков — для очередной, четвертой, попытки повернуть на Москву;

открыть дороги, ведущие на юг — к крымским татарам и туркам;

получить боеприпасы и продовольствие,

Русский
артиллерист.
Старинная
акварель.

которых, по словам Мазепы, в Полтаве запасено большое количество;

перед походом на Москву поднять дух в своих уставших войсках, ободрить сторонников Мазепы, склонить поляков, крымских татар и турок к активным действиям против русских;

известить Европу о том, что звезда полководческой славы по-прежнему сияет ему, Карлу XII;

понудить своих соотечественников еще туже затянуть пояса и терпеливо ждать, когда Россия заплатит шведам за их долготерпение золотом и серебром, хлебом и мехами, другим добром.

А жили шведы в то время очень плохо, война истощила страну. Все мужчины в возрасте до сорока лет были под ружьем, даже на металлургических заводах работали женщины, денег в казне у государства

не было, долг Швеции заимодавцам составлял 7 миллионов талеров. Это очень много. Серебряный талер весил 30 граммов, значит, шведы задолжали 210 тонн серебра. Для сравнения вспомним 200 тысяч талеров, которые были уплачены датчанами герцогу Фридриху, приятелю Карла, после того как Карл осадил и взял Копенгаген. Шестью тоннами серебра заплатили датчане за мир со шведами.

Крепость Полтава стояла на правом берегу реки Ворсклы, при слиянии с ней реки Коломак. Место самой крепости было высокое, а между возвышенностью и рекой тянулись топкие болота. В крепости — за земляным валом, дубовым палисадом и рвом — оборонялись 4200 солдат и 2500 вооруженных жителей. У них было 28 орудий. Командовал гарнизоном храбрый полковник Алексей Степанович Келин.

Карл в разговоре со своими генералами назвал Полтаву «ничтожной» крепостью и уверял их, сомневавшихся, что она падет при первом же выстреле.

Сначала шведы попробовали взять крепость прямой атакой. Ничего хорошего из этой затеи не вышло. И противник вынужден был вести осадные работы. Шведы ночами прокладывали ко рву и валу апроши — зигзагообразные траншеи, по которым можно подобраться к крепости перед штурмом. Русские ночами же совершали вылазки из Полтавы, сбивали пикеты, истребляли работавших или разгоняли их, разрушали сделанное.

Осада затягивалась. Нетерпеливый Карл то назначал неподготовленные штурмы, то приказывал быстрее копать траншеи. И слал к Келину барабанщиков-парламентеров с требованием сдаться.

Русские и украинцы, оборонявшиеся в крепости, отбивали штурмы с большим уроном для шведов. А барабанщиков возвращали королю с однозначными ответами.

Восьмой по счету барабанщик передал Карлу следующее:

«Мы уповаем на бога, а что объявляешь ты, мы через присланных, коих семь имеем, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступы более 3000 человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет».

Хотя осажденные несут потери меньшие, чем атакующие, гарнизон Полтавы заметно редел. Подходили к концу боеприпасы. Уже приходилось рубить на картечь железо, мешать с камнями и такими зарядами бить по врагу. Поскольку крепость была окружена со всех сторон, у русского командования для связи с гарнизоном оставалось единственное средство — пересылка писем в пустых бомбах, в полых ядрах. Последнее послание Келина было тревожное — крепость могла пасть.

Чтобы облегчить положение осажденных, Меншиков напал на близкий к Полтаве городок Опошню. Шведы перебросили часть войск туда, но, прогнав Меншикова, снова вернули войска на осаду Полтавы. В середине мая удалось переправить в крепость отряд Алексея Головина — 1200 человек. Храбрецы перешли вброд Ворсклу, преодолели километровую полосу болот и оказались перед шведами. Все русские были одеты в шведские мундиры, а Головин по-немецки объяснил неприятельскому офицеру, что отряд идет на земляные работы к крепостному валу. Шведы вскоре поняли, кто перед ними, вспыхнул штыковой бой. Потеряв три десятка солдат, заколов до двух сотен шведов, отряд пробился к воротам крепости. Радости гарнизона не было конца — такая прибавка бойцов! К тому же каждый солдат принес с собой по мешочку пороху.

Мушкетон — короткий мушкет.

Офицерская шпага, изготовленная на Олоонецком заводе в 1711 г.

Карл, который никак не хотел отказаться от высокомерного отношения к русской армии, узнав о прорыве Головина, вынужден был сказать непривычное для себя: «Я вижу, что мы научили русских воевать». Секретарь короля записал и эту фразу в дневник — для истории. Но король не подозревал, что произнес слова действительно исторические, вещие. Оставались считанные дни до битвы, в которой русская армия объявит о себе, как о первоклассной армии Европы.

Петру, Шереметеву, Меншикову было ясно, что двухмесячная осада Полтавы скоро должна закончиться. Но чем?

Взятием крепости? Для русских это плохо, потому что дает много выгод Карлу.

А если Карл отступится от Полтавы? Если он снимет осаду? Что дальше в этом случае будут делать шведы?

Первое: они попытаются вызвать русских на генеральное сражение.

Есть и второе. Ни поляки, ни турки, как доносят дипломаты, не торопятся к Карлу. Шведы по-прежнему в одиночестве. А их армия совсем уже не та, что выходила из Гродно в поход на Москву. Она уменьшилась численно. Ее воинский дух ослаб. Она уже почти год на голодном пайке. У нее крайне мало пороха. Под давлением этих обстоятельств Карл может отбросить замашки великого героя и уйти от Полтавы в Польшу. Вот какой исход может быть: вместо генерального сражения марш на запад, через Днепр, в земли Лещинского.

У А. В. Суворова есть замечательный афоризм: «Недорубленный лес снова вырастает». Под недорубленным лесом подразумевается недобитый противник. Суво-

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ. БОЙ НА РЕДУТАХ.
УТРО 27 июня 1709 г.

ЛЕС МАЛЫХ БУДИЩ

ЛЕС ЯКОВЕЦКИЙ

ЯКОВЦЫ

РУССКИЙ
ЛАГЕРЬ

В. Ворскла

ОУАСТЫРЬ

ПЕНЬ ДАХ

Старинный
герб Бендер.
Гербовый орел
России
означает
победу
над шведами,
а «печальный»
лев —
поражение
короля
Карла XII.

ров — как бы ни устали его солдаты, как бы ни были плохи дороги, снег ли валил, дождь ли хлестал, пекло ли солнце — приказывал, несмотря ни на что, истреблять или брать в плен отступающего врага. Иначе лес снова вырастет.

Вот и Карла с его армией никак нельзя выпустить в Польшу. Он ведь не захочет мира. Чудовищное самомнение и самолюбие короля! Лишь только подкрепится армия, он поведет ее опять на Москву. Значит, русским войскам снова мучиться в непрерывных походах и боях, городам снова готовиться к осадам, крестьянам снова сидеть с имуществом в глухих лесах... Если бы только это! У Англии и Голландии кончается война с Францией за испанское наследство. Французский король друг Карла. Французы помогут шведам и деньгами, и войском. Продолжение войны со шведами будет тяжелее этого тяжелого начала.

Да, время подошло... 6 июня Петр приказал гетману Скоропадскому занять со своими казаками все переправы на реках, через которые шведы могли уйти в Польшу. 7 июня царь отправил письмо Апраксину: «Получили мы от вас еще письмо и пункты, но нынче вскоре ответствовать не можем, понеже сошлись близко с соседями и, с помощью божиею, будем, конечно, в сем месяце главное дело с оными иметь».

Предельно краткий ответ свидетельствовал, что Петр целиком занят подготовкой к решающему сражению.

Мы, читатель, снова обратимся к картам. Без них не увидеть грозного сражения. На этот раз карты крупного масштаба. На них обозначены реки, леса, болота, поля, деревни. Попробуй в своем воображении представить ту местность. Она, со своими особенностями, может стать союзником полководца, а может стать и врагом — в до-

полнение к армии неприятеля. Ты, верно, помнишь: шведы выиграли бой у Головчина. Там Репнину, на дивизию которого обрушился Карл, не смогли помочь соседние дивизии, они были отделены болотами. Но болота не возникли вдруг. Шереметев и Репнин сами выбрали позицию с большим изъяном. И заплатились за это. Выбор позиции для русских войск у Полтавы был сделан безукоризненно. Петр обладал дарованием безошибочно чувствовать выгоды местности.

Русская армия, когда положение Полтавской крепости стало особо опасным, заняла позицию на левом берегу Ворсклы, напротив города. Так она стояла некоторое время, прикрываясь от внезапного нападения шведов рекой и болотами. Болота и река в одинаковой мере служили и шведам защитой от русской армии. Но вот Петр приказал переправлять пехоту и конницу на правый берег. Теперь, когда решено открыть генеральное сражение, ничто, никакие преграды не должны помешать русскому удару.

Петр действует сейчас очень осторожно. От селения Крутой Берег к селению Черняхово армия двинулась в ночь на 19 июня. Переход совершается под прикрытием реки, болот и ночной темноты. Это не считая специальных отрядов, которые следят за шведами и готовы первыми принять на себя их удар.

Для переправы через Ворсклу выбраны три брода: Семенов, Ташенков, Лыкошин и мост, что выше по течению, у деревни Петровки. Переправа вблизи неприятельской армии, полководец которой может действовать стремительно, — дело серьезное в высшей степени. Тут тоже приняты меры предосторожности. К Петровке были заблаговременно посланы 12 драгунских полков и 3 полка пехоты. На возвышенном берегу реки вдоль всей деревни они соорудили 17 редутов. Редут от редута расположен на расстоянии ружейного выстрела. Между редутами устроены куртины в виде тупых углов. Куртины своими концами до редут не доходят, следовательно, между редутами и куртинами есть проходы.

Что такое редут? Это полевое укрепление, состоящее из земляного вала, впереди и позади которого вырыты рвы. Редут может быть четырехугольным, может иметь и больше углов — все зависит от местности, на которой он устраивается. Редут — это маленькая земляная крепостца. Обороняются в ней одна-две роты, 120—240 человек. А что такое куртина? В данном случае земляной вал со рвом впереди; за куртинами, за земляными валами тоже оборонялась пехота или драгуны. Понятно, почему редуты отстоят один от другого на полет ружейной пули: атакуя, противник бросится на куртины, как на слабейшие участки обороны, тогда из редут — справа и слева — посыплются в него пули. А проходы между куртинами и редутами сделаны для того, чтобы обороняющиеся

могли контратаковать противника, не пробираясь при этом через свои валы и рвы.

Знамя
Белгородского
полка

Полевое укрепление у деревни Петровки имеет и общее название — тет-де-пон. В переводе с французского *tete* — голова, начало, а *pont* — мост. В переводе с военного языка петровских времен на современный военный язык тет-де-пон — предмостное укрепление.

Итак, опираясь на тет-де-пон, русская армия 20 июня без осложнений переправилась через Ворсклу и встала у деревни Семеновки. Тут тоже сразу же пошли в дело кирки и лопаты: новый лагерь был укреплен рвами и валами, ведь до Полтавы, до шведского лагеря, всего 8 километров.

Малое расстояние, отделявшее теперь шведов от русских, беспокоило и Карла. Поскольку гарнизон Полтавы держался уже на тонком волоске, королю показалось, что Петр немедленно бросится на помощь крепости. Шведский полководец построил армию к бою. Сутки она ждала сражения. Но кроме разведывательных отрядов, иные

русские к шведам не подходили. Можно представить, сколько сарказмов высказал Карл XII по адресу Петра I, который опять воздержался от решительных действий...

Два следующих дня — 21 и 22 июня — были днями двух ожесточенных штурмов Полтавы. Чувствуя неизбежность скорого сражения, Карл не хотел оставлять у себя в тылу крепость: в разгар битвы ее гарнизон мог ударить шведам в спину.

Оба штурма были отбиты. Отбили бы герои третий штурм? Вряд ли. Уже дети и женщины подносили солдатам на валы снаряды, бревна и камни. А пороха в Полтаве оставалось всего полторы бочки. Шведы не знали, что положение осажденных настолько бедственное, но Карл не назначил третий штурм по причине, хорошо ему известной, — у шведов тоже кончился порох; в Полтавской битве они смогут стрелять лишь из четырех орудий, для остальных не будет зарядов...

Интересная подробность: фельдмаршалы армий-противниц — Шереметев и Реншельд — договорились начать сражение 29 июня. Обе стороны обязались до этого дня не чинить друг другу никаких неприятностей. Что это? Дань рыцарским обычаям? Взаимная боязнь случайностей, могущих возникнуть до главной битвы? Видимо, обе причины, сложившись, привели противников к такому, по современным понятиям наивному, договору.

Карл, несомненно, к двум причинам прибавлял и третью, заключавшуюся в тактике шведского войска. Шведы вели бой в линейных боевых порядках — армия выстраивалась двумя линиями, по три шеренги в каждой линии. Такое построение давало шведам возможность стрелять в противника сокрушительными, густыми залпами — одновременно стреляли тысячи ружей. Если противник, несмотря на гибель многих и многих, все же атаковал шведов

и сминал их первую линию, в дело вступала вторая линия. Новые залпы второй линии неизбежно опрокидывали противника. Противник пускался в бегство, тогда с флангов шведских линий на его разгром бросалась конница. Но чтобы вести бой в линейном боевом порядке, Карлу нужно условие: армия противника должна собраться в одном месте, иначе не в кого будет стрелять из тысяч ружей. Договоренность фельдмаршалов это условие предусматривала.

24 июня к Семеновке подошел с отрядом своих казаков гетман Скоропадский. Казаки стерегут броды и лодки на Днепре, а этот отряд будет участником Полтавской битвы.

Приход казаков неожиданно повлиял на здоровье Карла XII. Ночью их небольшой кружок сидел у костра, не подозревая, что шведский король сам выехал посмотреть расположение русских войск. Из темноты хорошо видно тех, кто на свету. Карл выстрелил. Один казак был убит. Другие мигом выстрелили туда, откуда прогремел неожиданный выстрел. Шведы ускакали. Король привез в свой лагерь казацкую пулю. Медик вытащил ее из королевской ноги, но после операции Карл не мог ни ходить, ни сидеть в седле. Командовать Полтавской битвой ему придется с носилок и коляски.

Еще в сражении с Левенгауптом Петру открылась выгода лесистой, пересеченной местности. Такая местность, в отличие от ровной и пустынной, становилась союзницей русских, так как мешала шведам действовать в линейных боевых порядках. Русская армия вечером 25 июня перешла на позицию у деревни Яковцы. Петр, как увидим, выбрал для своей армии место почти идеальное. Недостатки его были исправлены инженерными работами.

Давай, читатель, рассмотрим место буду-

щей схватки двух могучих соперников. В тылу русских, за их спиной, высокий обрывистый берег Ворсклы. Это значит, что шведы не могут напасть на русский лагерь сзади, из-за реки.

Левый фланг русских войск упирается в густой, малопроезжимый лес, который тянется до самой Полтавы. Это значит, что противник не может напасть на левый фланг русских.

На правом фланге природной защиты нет. Но это и не страшно. Ведь шведы пойдут к русским позициям не с севера, а с юга.

Противник не может внезапно атаковать русских и с западной стороны — там лес, он занимает пространство от деревни Тахтауловой до деревни Малые Будищи.

Между этим лесом и русским лагерем простирается широкая, ровная поляна. На ней-то Карл может построить свою 30-тысячную армию в две линии и применить проверенную в победных боях тактику.

На заветную поляну шведы попадут, только пройдя по чистому месту между лесом Малых Будищ и лесом, что тянется от Яковцев к Полтаве. Ширина этого коридора полтора километра. Это очень узко для прохода 30 тысяч...

Петр, выбирая место будущей битвы, решил коридор еще сузить — редутами.

Посмотри, как расположены редуты. Карта на стр. 170—171. Фронтальная линия из 6 редутов. Перпендикулярна к ней фланговая линия из 4 редутов. Зачем Петр велел возводить укрепления в таком порядке?

Шведы опасны, когда движутся в боевых построениях. Редуты, перекрывающие коридор, между лесами должны разорвать боевые порядки шведов, раздробить их строй. Но как мы знаем, из редутов ведется огонь. Значит, неприятель уже здесь, не дойдя еще до главных позиций русской армии, не только нарушит строй, а понесет

потери. Русские солдаты будут стрелять навстречу шведам из фронтальных редутов и в правый фланг из фланговых, расположенных вдоль дороги Полтава — Петровка. (Найди редуты и дорогу на карте.)

Конечно, редуты не смогут остановить шведов. Неприятель в конце концов, рано или поздно, преодолеет их — эту передовую позицию русской армии. После этого он двинется к укрепленному лагерю — к главной позиции Петра. Тут встретит шведов своим ударом русская артиллерия — 72 орудия, обеспеченная порохом, ядрами и картечью.

Таким образом в основную схватку шведы войдут уже изрядно потрепанные. Главным силам русской армии будет легче справиться с ними.

Вот так (а вернее — очень похоже) рассуждал полководец Петр I, готовясь к великой битве.

Не лучше ли было сразу, без рассказа о замысле Петра, повести рассказ о самой битве? Нет. Как бы ни был точен и правилен замысел, битва в чем-то проходит по иному. Но именно хороший замысел приносит победу. Поэтому надо знать и то и другое.

Петр, как уже говорилось, сосредоточил свою армию у Яковцев под вечер. Конечная линия была выбрана для того, чтобы шведов удержала от нападения темнота, а не только джентльменское соглашение. Вечер и всю ночь войска укрепляли свой лагерь — возводили ретраншемент¹. Уже третий раз русские копают берега Ворсклы. Тяжелая это работа — в считанные часы переместить горы земли.

А нужно ли торопиться с укреплением нового лагеря? Ведь до начала сражения еще три дня!

---

¹ Ретраншемент — укрепление позади главной позиции обороняющихся.

«Полтавская
битва».
Фрагмент
гравюры
с картины
А. Коцебу,
1867 г.

На войне просто необходимо делать все как можно быстрее. И в этот раз такая истина получила веское подтверждение. К шведам перебежал унтер-офицер Семёновского полка Немчин. Карл, получив сведения о расположении и боеспособности русских войск, об инженерных работах, которые еще не закончены, решил забыть уговор фельдмаршалов и напасть на русских раньше срока — внезапно.

Петра известили о бегстве предателя в пятом часу утра 26 июня. С того часа русские получили приказ быть готовыми к бою. И без того напряженные работы на передовых редутах еще больше убыстрились. Все, что можно было изменить, менялось, чтобы снизить цену сведений, полученных шведами от перебежчика. Предвидя, что Карл нанесет главный удар по рекрутскому необстрелянному полку, переодели его солдат в зеленые мундиры Новгородского полка, известного шведам своей боевой выучкой, новгородцы же оделись в серые кафтаны новобранцев; так преимущество, которым владел противник, превратилось в ловушку для него...

Днем Петр произвел смотр войскам. 42 тысячи солдат и офицеров увидели своего полководца. Он был одет в темно-зеленый мундир с широкими красными обшлагами — такую одежду носили офицеры гвардии. Большой, на большом коне, Петр под крики «ура» объезжал полки и артиллерийские позиции. Побывал Петр у солдат, строивших редуты. К офицерам гвардии царь обратился с речью:

— Вам известно, что кичливый король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала Шпарра пожаловал уже губернатором московским и любезное наше отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?

По поручению командиров гвардии Петру отвечал генерал Михаил Михайлович Голицын, отличившийся в разгроме шведов у Лесной:

— Великодержавный царь-государь! Ты видел труд и верность нашу, когда через целый день в огне стояли, шеренг не помещали и пяди места неприятелю не уступили; четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли; ныне же войска те же и мы рабы твои те же. Уповаем иметь подвиги ныне, как и тогда.

Смотр войскам проводил и Карл. Его, полулежавшего на носилках, несли вдоль строя полков. Шведы тоже кричали «ура» своему полководцу. Речь перед войсками король закончил приглашением офицеров на пир победителей в шатрах московского царя:

— Он приготовил нам много кушанья. Идите же завтра туда, куда ведет вас слава!

О чем думали шведы в ночь перед жестоким разгромом? Верно, вспоминали родину и родных, которых не видели десятком лет... Что снилось голодным шведам? Может быть, пир в русских шатрах, обещанный Карлом? Успели ли они во сне сесть за столы, налить вино, выбрать кусок еды пожирнее? Верно, не успели. Та ночь была коротка. Уже в два часа, в темноте, Карл двинул армию к русским позициям. Тысячи солдатских сапог, тысячи конских копыт сотрясли землю. Движение огромной массы услышали и увидели русские разведчики. Гонец поскакал к Петру...

Обратимся к карте. Из лагеря у Полтавы армия шведов, обойдя лесной выступ, чистым полем идет на север. Впереди движутся колонны пехотных войск, позади — тоже в колоннах — конница. Так, в узких построениях, Карл думает быстро пройти коридор, стены которого — леса. Миновав

коридор, шведы перестроятся из колонн в широкие линии и атакуют главную позицию русских.

Ты, читатель, конечно, рассмотрел на карте положение русских редутов. Сейчас в них находятся 2 батальона пехоты — 1200 солдат и 40 офицеров. За редутами заняли позицию 17 полков конницы. Основной массой конницы командует отважный Меншиков; кавалерия первой встретит армию врага. Конной группой на правом фланге, у деревни Малые Будищи, командует Скоропадский. Казаки следят, чтобы какой-либо отряд шведов не обошел Будищенский лес с запада и не вышел бы затем у Семеновки к русскому укрепленному лагерю; казакам надлежит также истреблять неприятеля, когда он попытается укрыться в Будищенском лесу или побежит с поля боя.

От флангов русской конницы навстречу шведам устремлены две короткие стрелки. Это Меншиков, как только разведка обнаружила движение неприятеля, поставил все свои полки перед линией редутов. Шведская кавалерия обогнала свою пехоту, тоже выдвинулась вперед. И уже в третьем часу утра перед редутами закипела сабельная схватка.

Главные силы русской армии в это время приводятся в боевую готовность. Рассмотрим на карте укрепленный лагерь русских.

Конница Меншикова дралась так хорошо, что вся армия шведов почти остановилась. Фельдмаршал Реншельд понукал свою кавалерию и послал на помощь ей несколько пехотных полков. Натиск шведов после этого усилился. Русская конница постепенно стала отходить. В азарте боя Меншиков слал к Петру гонцов с просьбой тоже дать пехоту. Храброму князю казалось, что здесь, у редут, уже на передовой позиции можно нанести шведской армии решительное поражение. Петр следил

Знамя Черниговского полка.

за событиями без горячности и приказал Меншикову придерживаться принятой военным советом диспозиции — кавалерия должна после схватки перед редутами отойти к главным силам.

Шведы между тем подошли к фланговым редутам, что располагались вдоль дороги Полтава — Петровка. Два передних укрепления не были достроены до конца, на это не хватило времени, и шведы взяли их. За недостроенными и взятыми редутами противнику открылись другие. Карлу сообщили об этом и о потерях при взятии недостроенных редут. Король принялся размышлять — что делать? Атаковать редуты — значит понести потери. Обтечь их справа и слева, около лесов, очень опасно: армия разорвется на две части. Карл приказал атаковать редуты. То с криками, то молча бросались шведы в атаку, но из-за земляных валов летели пули, а когда шведы, презирая смерть, добежали до валов, натыкались на русские штыки.

Карл отдал новый приказ армии: плот-

нее сомкнуть ряды и обойти редуты, прижимаясь к Будищенскому лесу.

Первыми этот маневр начали исполнять кавалеристы. На карте поворот армии Карла обозначен двумя синими стрелками.

Повернув на запад, кавалеристы противника попали правым флангом под огонь редутов поперечной линии. Когда же они миновали зону обстрела и повернули на север, к опушке Будищенского леса, там наткнулись на конницу русских. Меншиков, как мы знаем, после боя перед редутами отходил к своим главным силам. Но, разгадав намерения Карла, отход приостановил и перекрыл проход у лесной опушки.

Снова разгорелся сабельный бой. Русские конники в этот раз вовсе остановили шведов. У Меншикова опять появилась уверенность, что он, получив в подкрепление пехоту, разобьет шведскую армию на передовой позиции. К Петру был отправлен гонец. Вместе с просьбой дать пехоту он вез знамя, отнятое у врага солдатом Авраамом Ивановичем Антоновым. За первым трофеем Полтавской битвы Меншиков отправил к царю еще тринадцать знамен и штандартов — как доказательство возможной победы.

Пока скажут к Петру гонцы с трофеями, а Карл озадачен остановкой армии, мы последуем за крайней правой колонной шведской пехоты, которой командует генерал Росс, и за крайней правой колонной кавалерии, которой командует генерал Шлиппенбах. С этими опытными генералами произошли большие неприятности.

Вместе со всей армией Росс и Шлиппенбах еще затемно повели колонны к русским позициям. Именно эти колонны и наткнулись на первые редуты. Выбив русских из двух недостроенных, они бросились на штурм третьего и четвертого. Русские ударили по атакующим из пушек картечью,

из ружей. Солдатам редутов помогли подоспевшие драгуны, и шведы, не выдержав губительного огня, откатились в лес, что правее дороги Полтава — Петровка.

Лавина шведской армии налетела на гранитную скалу. Скалой были продольные редуты. Левая часть и середина лавины остались западнее их, правая часть — Росс и Шлиппенбах — отскочила на восток. Опасения Карла сбывались — армия разорвалась. Пусть не пополам, чего очень боялся король, но тоже опасно.

Лес правее дороги Полтава — Петровка укрывал резервный отряд шведов. Резерв, войска Росс и войска Шлиппенбаха оказались в стороне от главных событий. На нашей карте эти бездействующие шведы обозначены фигурками конных и пеших воинов.

Петр, получив шведские знамена, опять не согласился с мнением Меншикова. Приказ Петра был почти прежний: русской коннице постепенно отходить к главной позиции. Новое же заключалось в том, что в командование конницей вступал Боур, а Меншикову надлежало с 5 конными полками и 5 пехотными батальонами разгромить Росс и Шлиппенбаха.

Генерал Боур незамедлительно начал исполнять приказ — отходить от редутов к правому флангу русского укрепленного лагеря. Отход Боура показан на карте тремя пунктирными линиями.

Вернемся к Меншикову. Движение его отряда показано красной стрелкой, которая идет от левого фланга русского укрепленного лагеря. Генерал от кавалерии князь Александр Данилович Меншиков со своими офицерами и солдатами действовал так вдохновенно и неудержимо, что в короткое время разбил несколько эскадронов Шлиппенбаха, а самого генерала взял в плен. Затем отряд Меншикова неожиданно для себя наткнулся на резерв шведов.

Петр I
в Полтавской
битве.
Фрагмент
гравюры
с картины
А. Коцебу
«Полтавская
битва», 1867 г.

В том резерве было 4 тысячи солдат. Но, разгоряченный удачами раннего утра, Меншиков без промедления налетел и на этого врага. «Московиты их мужественно атаковали. Шведы столь же стойко сопротивлялись, но были вынуждены податься, — писал впоследствии шведский историк. — Князь Меншиков совершенно уничтожил этот отряд, перебив одних и пощадив немногих».

Генерал Росс, чувствуя, что Меншиков скоро доберется и до него, отошел еще глубже в лес, ближе к Полтаве. Росса охватило отчаяние. Он не знал, как ему избежать гибели и соединиться с королем, которому нужен в эти решающие часы каждый солдат. Утро 27 июня кончилось. Начинался грозный день развязки. И невозможно было не ощущать этого.

Меншиков тоже чувствовал, что вот-вот грянет самое важное. Он приказал командирам отряда преследовать шведов, а сам поспешил к главным силам, зная, что его храбрость и умение будут нужны там.

Росс еще надеялся соединиться с Карлом. Надежда была такой сильной, что он перестал трезво оценивать обстановку. Увидев вдалеке преследователей, подумал, что это шведы, и послал на разведку некоего капитана Функа. Функ, приблизившись к всадникам, заметил среди них Шлиппенбаха и очень обрадовался — наконец-то появились свои! Капитан и представить не мог, что такой известный генерал в плену. Функ тоже был взят в плен. Войско Росса тем временем было окружено.

Остатки шведской пехоты во главе с Россом вырвались из кольца и побежали к Полтаве. Генерал надеялся спастись в укрепленном лагере, из которого шведы

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ. 27 июня 1709 г.

Разгром армии шведов.

ЛЕС МАЛЫХ БУДИЩ

ЛЕС
ЯКОВЕЦКИЙ

ЯКОВЦЫ

РУССКИЙ
ЛАГЕРЬ

всего несколько часов назад вышли «туда, куда их вела слава». Но и эта надежда Росса оказалась тщетной. Героический гарнизон Полтавской крепости в тот великий день нашел в себе силы, чтобы сделать вылазку и захватить лагерь. Генерал Росс, увидев в своем лагере русских, больше уже не пытался бороться и сдался в плен.

Итак, с двумя колоннами шведской армии и ее резервом покончено. Колонн было десять. Что делают теперь оставшиеся вои-семы? Смотри карту на стр. 170—171.

Мы, читатель, снова у редутов. Уже четвертый час Карл топчется перед ними. Конечно, это сказано не в буквальном смысле слова. У Карла болит раненая нога, и короля возят в коляске. Топчется — в буквальном смысле — шведская армия. Но вот замечено — русская армия отходит! Мы знаем, что Родиону Христиановичу Боуру приказал отходить Петр. Карл и Реншельд этого не знают. Им кажется, что конные полки русских отступают. Моментом отступления необходимо воспользоваться — гнаться за отступающими и, не отставая ни на шаг, ворваться за ними в русский лагерь.

Но как гнаться? Между шведами и русской конницей линия поперечных редутов. Одна за другой следовали атаки шведов на эти редуты. Атаки яростные, отчаянные. И безуспешные.

Армия Карла уже не в колоннах, она развернута фронтом к линии русских укреплений. И король, видя, что редуты еще долго не взять, приказывает своим солдатам идти между редутами, по трехсотшаговым промежуткам между ними.

Идут шведы коридорами смерти. Справа, слева бьют русские ружья — чуть ли не в упор. Страшная картина! Можно было бы восхититься этим отчаянным движением. Можно было бы, если бы держались шведы

такими молодцами в каком-либо правом деле. Мы восхитимся русскими. Восхитимся двумя батальонами — это 1200 солдат и 40 офицеров, из которых многие и многие погибли, захлестнутые лавиной врагов, но исполнили долг свой мужественно и самоотверженно.

Миновав линию поперечных редутов, шведская армия шла близко за русской конницей. Пыль, поднятая копытами лошадей, пушечный дым окружали шведов непроницаемой тучей. Скоро должен быть русский лагерь. Но где он? Неприятель не заметил, как приблизился к главным русским укреплениям. Шведы правым флангом оказались в ста шагах от них. И тогда русские пушки ударили по врагу свинцовой картечью. Огонь был такой губительный, смятение шведов так велико, что, повинуясь давлению правого фланга, вся армия бросилась в Будищенский лес. На карте этот панический бросок в сторону изображен широкой прерывистой стрелой. Прямоугольник с синими точками — это шведы стоят у леса и приводят себя в порядок.

Во всех больших сражениях Карл XII сам непосредственно командовал войсками. И не только в больших, но и в таких, как штурм крохотного Веприка. В этот раз армией командует фельдмаршал Реншельд, ибо король не может ходить. И сидеть на лошади не может. Но он, находящийся в коляске-кресле, получает все донесения и отдает распоряжения.

А какова роль Петра в битве, гремевшей у берегов Ворсклы? 26 июня, когда распределяли армию по начальникам, полковник гвардии Петр I взял под свое управление первую дивизию. «Фельдмаршал и генералитет просил его царское величество, чтоб в баталию не приобщаться, — записано в русской истории Северной войны, — на что Петр изволил сказать, чтоб о том более ему

не говорили». Забота о сохранении жизни Петра понятна. Петр подвергнется в бою смертельной опасности — одна пуля пробьет его шляпу, вторая — седло, третья ударится в крест на груди. А сколько пролетят совсем близко? Но Петр будет рисковать жизнью, как великий полководец: бывают моменты в битве, когда военачальник должен выходить в первые ряды бойцов.

Итак, Петр — командир дивизии. Он будет командовать и батальоном пехоты. Он же командующий всеми русскими войсками. Перед решающей схваткой со шведами Петр скажет фельдмаршалу Шереметеву:

— Господин фельдмаршал! Поручаю вам мою армию и надеюсь, что в начальствовании оною вы поступите согласно предписанию, вам данному, а в случае непредвиденном — как искусный полководец. Моя же должность надзирателя за всем вашим начальствованием и быть готовым на сикурс во всех местах, где требовать будет надобность и нужда.

В этих словах и роль Петра в битве, и весь его характер. Он опирается на своих даровитых помощников, но все видит сам, все знает и готов «на сикурс», то есть на помощь — делом, советом или приказом.

Вот и теперь, наблюдая за шведами, остановившимися на лесной опушке, Петр хочет определить, что предпримет противник. Вдруг Карл уклонится от сражения? Он же должен, наконец, понять, что за утренние часы шансы победить русских сильно уменьшились. Если шведы начнут сейчас уходить к Днепру, остановить их будет трудно. Русская армия в ретраншементе, в укреплениях за валом и рвом. Понадобится время, чтобы полки вышли оттуда, построились, приготовились к погоне за врагом. И вот мчатся посыльные к Скоропадскому — смотреть за перепра-

вами еще пуще. На усиление казаков послан Волконский с 6 драгунскими полками. Головин с 3 батальонами ушел через Яковцы к монастырю — держать дорогу на Полтаву. Самое же главное — армии приказано выйти из ретраншемента и строиться на поляне. Для охраны лагеря оставлено 8 батальонов пехоты и батальон grenadier, этот отряд можно будет при необходимости использовать как резерв главных сил.

Шереметев не одобрил приказов Петра. Он хотел сохранить всю армию в одном месте, а Петр значительные силы послал на второстепенные участки.

— Больше побеждает разум и искус-

Портрет Петра I.
Художник И. Никитин, первая четверть XVIII в.

ство, нежели множество, — оправдывался царь перед командующим.

А фельдмаршала тревожило не только уменьшение численности главных сил перед решающей схваткой, но и то, что схватка произойдет на чистом месте, — прежде предполагалось встретить атаку шведов в укреплениях.

Русские полки строились в прекрасном состоянии духа. Воины рвались в битву. Оставленные в резерве били челом Петру, чтобы взял их в дело. Все понимали великое значение предстоящего часа. И собственная жизнь казалась — командиру ли, солдату — не очень уж высокой ценой за право быть в грозном бою.

Зная силу полкового товарищества, Петр приказал построить армию в две линии, так, чтобы в первой линии был первый батальон, а во второй линии — второй батальон того же полка. Если передний батальон окажется в беде, помощь ему придет от своих же, из второго батальона.

Пехота — 42 батальона под командованием фельдмаршала Шереметева — образовала середину строя. На правом фланге разместились 18 драгунских полков под командованием генерала Боура. На левом — 6 драгунских полков под командованием генерала Меншикова. Впереди поставили артиллерию. Артиллерией командовал генерал Яков Вилимович Брюс; почти одноклассик Петра, он мальчиком был в потешных полках и, как многие сподвижники царя-полководца, прошел почти через все сражения новой русской армии.

Давай перечислим полки, вставшие перед шведами. Идет восьмой час утра. В восемь станет ясно, что шведы не думают уходить за Днепр. Обе армии сойдутся в яростной битве. Кто же из русских участвовал в ней?

Начнем с правого фланга, как на перекичке.

Конные полки: гренадерский Рожнова, гренадерский Роопа, Московский, Владимирский, Сибирский, Нижегородский, Вятский, Белозерский, Невский, Архангелогородский, гренадерский Кротопова.

Пехотные полки: гренадерский Бильса, Преображенский, Семеновский, Ингерманландский, Астраханский, гренадерский князя Репнина, Киевский, Шлиссельбургский, Нарвский, Новгородский, Бутырский, Московский, Сибирский, Псковский, Казанский, Вологодский, Нижегородский, гренадерский Буша.

И снова конные полки, левофланговые: Ярославский, Новгородский, Вологодский, Ингерманландский, Киевский, лейб-режимент.

Вот так они стояли рядом друг с другом — десять тысяч человек в первой линии, столько же во второй... Что такое лейб-режимент? «Лейб» по-немецки «тело», от этого слова происходит первая часть названия войск — телохранителей монарха; «режимент» — это «полк». А что за войска гренадеры? Сначала так называли пехоту, вооруженную гранатами, потом — вообще отборные войска; их, как правило, в бою ставили на флангах; фланг, край строя, наиболее уязвим при атаке противника, вот гренадерами и укрепляли их. В армии Петра это правило тоже соблюдалось.

На опушке Будищенского леса Карл строил свою армию, она заметно уменьшилась после боев у редутов. Середину шведского строя заняла пехота — 15 батальонов. На правом фланге встали 6 кавалерийских полков, на левом — 5. Вторая линия у шведов получилась тощей, всего 3 пехотных батальона. Еще раз телохранители проехали перед армией в коляске Карла. Он еще раз напомнил войскам их прошлые громкие победы, славу, известную всей Европе, и призывал к новым подвигам.

Прекрасной была речь Петра перед полками:

— Ведало бы российское воинство, что оный час пришел, который всего отечества состояние положил в руках их: или пропасть всем, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быть за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский.

...О Петре ведали бы известно, что ему житие свое не дорого, только бы жила Россия...

В восемь утра шведы двинулись от леса к середине поляны. Русская армия тоже, как только обнаружилось движение неприятеля, пошла вперед. Она остановилась, когда расстояние, отделявшее ее от шведов, сократилось до полета пули. Русские безмолвно стояли. Земля глухо гудела под ногами шагавших шведов. Гул заглушило грохотом — в противника ударили пушки. Картечь сбивала ряды неприятеля, ядра разбрасывали солдат в стороны. Тут же на смену убитым выходили вперед бойцы задних шеренг, и армия Карла, казалось, была неуязвима для русских снарядов. Шведы вскинули ружья для залпа. Одновременно взлетели дымки у русских ружей. Обе армии после густых залпов бросились друг на друга. Завязался рукопашный бой по всей ширине строя.

Дрались везде яростно — штыками, палашами; потеряв оружие — просто голыми руками.

Жесточайшая схватка кипела на участке Новгородского полка. Именно здесь, где должен был стоять полк новобранцев, шведы наметили прорвать русский строй и выйти сквозь брешь в тыл русской армии. Ты, читатель, помнишь: в кафтаны новобранцев оделись солдаты-новгородцы. Но и они, не новички в бою, не смогли сдерживать мощного натиска. Строй батальона

распался. Тогда Петр, зорко следивший за битвой, поскакал ко второму батальону новгородцев и повел его в контратаку. Неприятеля удалось остановить, затем отбросить. Строй русской армии был восстановлен и выровнен.

Это был важный момент, и вся русская армия перешла в наступление. Меншиков и Боур напали на фланги неприятеля, русская конница начала выходить в тыл шведского войска.

Ожесточение боровшихся еще больше возросло. Шеренги шведов прогибались, разваливались. Обе стороны, словно ветер судьбы пролетел над ними, ощутили близость развязки.

Нужно было совсем немного, чтобы чувство обреченности, охватывавшее шведов, превратилось в паническое желание выжить. Это немного случилось. Карла несли в носилках между шеренгами, как вдруг прилетело пушечное ядро и ударило в носилки. Карла вышибло на землю. Солдаты, видевшие это, решили, что король убит. Их охватил ужас. Карла не убили. Он был жив. Он велел, чтобы его подняли на скрещенных пиках. С высоты король кричал:

— Шведы! Шведы!

Эти крики отчаяния, заглушенные выстрелами, стуком и лязгом холодного оружия, воплями раненых, никто не слышал. Тут появился около короля фельдмаршал Реншельд.

— Ваше величество, наша пехота потеряна! — проговорил он. Что-то заставило его оглянуться назад. — Спасайте короля! — выкрикнул фельдмаршал.

Совсем близко он увидел русских. Реншельд ринулся к кучке шведов, еще державших порядок, но ничего уже нельзя было поправить. Русские солдаты пробились к фельдмаршалу и пленили его. Шведская армия побежала с поля боя к Будищенско-

му лесу. Там неприятель надеялся, как и ранним утром, найти спасение.

К 11 часам решающая битва была выиграна Петром. И это при том, что вторая линия русской пехоты (кроме батальона новгородцев) так и не обнажила оружия.

После полудня 27 июня по русской армии было отдано множество приказов: искать короля Карла XII (живого или мертвого), подобрать раненых на поле боя, рыть могилы для убитых, сосчитать пленных и трофеи — знамена, пушки, другое оружие и имущество, отнятое у шведов или брошенное ими при бегстве, готовить праздничный обед офицерам и солдатам, известить Москву и всю Россию о победе...

В Москву было отправлено и такое предписание: «По получении сего сделайте тотчас монету серебряную весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Июду, на осине повесившегося, и внизу тридцать сребреников лежащих и при них мешечек, а назади надпись против сего: «Треклят сын погибельный Июда еже за сребролюбие давится». И к той монете, сделав цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно». Монета, а точнее, медаль предназначалась изменнику Мазепе, который с отрядом запорожских казаков помогал шведам в отгремевшем сражении.

Как ни странно, среди множества разнообразных приказов, отданных по армии, не было только одного: преследовать бегущего противника. Посмотри карту Северной войны на стр. 151. От Полтавы к небольшой крепостце Переволочне, что на Днепре, проложена пунктирная линия — остатки шведской армии во главе с Карлом и Мазепой бегут по берегу Ворсклы. Остатки весьма немалые — 16 тысяч! До сих пор среди историков нет единого мнения, почему Петр и Шереметев не дали приказа на преследование сразу, как противник побежал. Мы, читатель, порассуждаем и об

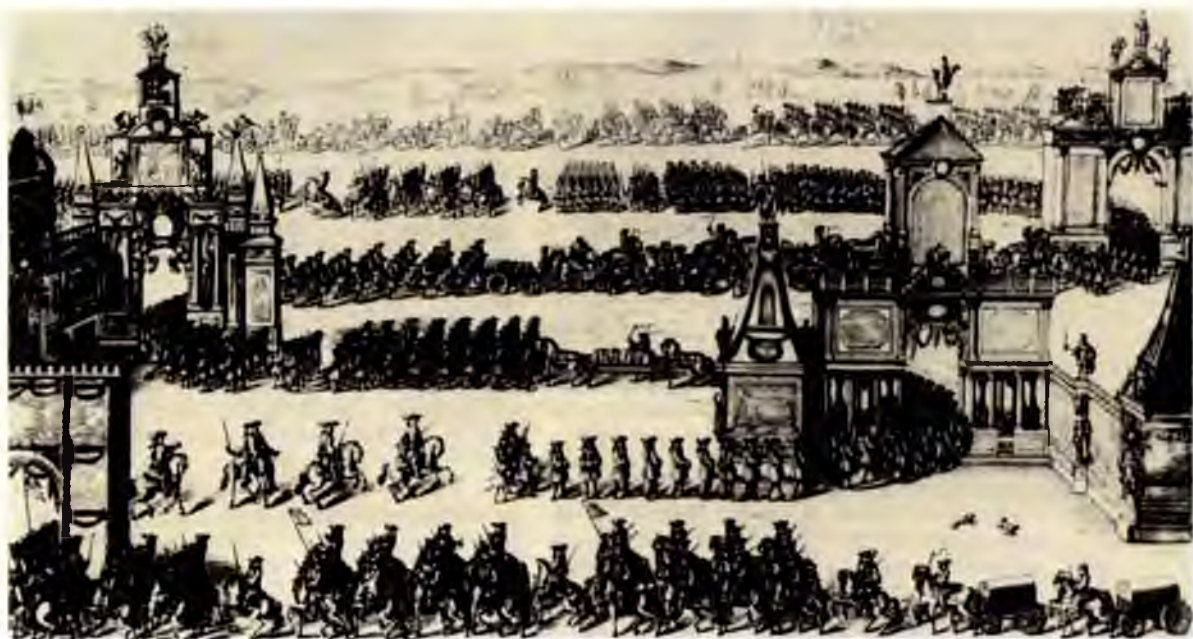
этом. А сейчас заглянем на пир победителей.

Пирь царя Петра обросли в истории легендами и анекдотами. Многие из них на самом деле были примечательны и удивительны... В третьем часу дня, после молебна, русские генералы и офицеры, возбужденные и счастливые, сели в палатках обедать. Петр за свой стол усадил не только доблестных помощников, но и знаменитых пленников: фельдмаршала графа Реншельда, генералов Шлиппенбаха, Росса и Гамильтона, был тут принц Вюртембергский, первый министр шведского государства граф Пипер, служивший еще Карлу XI. Петру было известно, что шведский король в канун битвы речь перед армией закончил приглашением всех «в шатры московского царя». Московский царь, конечно же, не упустил случая начать застольную речь возвращением в день вчерашний:

— Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер мой не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно

Медаль
«За Полтавскую
баталию».

желал, чтобы он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать.

Ирония Петра адресовалась не столько шведским военачальникам, сколько Карлу. Царь был великодушен к пленникам. Восхвалив Реншельда за храбрость и мужество, он подарил ему свою шпагу. Под праздничный грохот пушек Петр поднял тост за учителей воинского дела.

— Кто эти учителя? — спросил Реншельд.

— Вы, господа шведы! — ответил Петр.

— Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей, — горько отшутился плененный фельдмаршал.

На самом деле, «благодарность» учени-

ков учителям была страшной. В битве погибли 9234 шведских солдата и офицера. 2977 человек пленено. Захвачено 137 знамен и штандартов, в том числе 6 знамен королевской гвардии. К этим числам скоро прибавятся новые — вечером 27 июня генералы Боур с драгунами и Голицын с гвардией были посланы преследовать разбитого противника. 28 июня в погоню за уцелевшими шведами отправится с конными полками Меншиков.

Потери русской армии были намного меньше шведских. Убитыми она потеряла 1345 человек и ранеными 3290.

Русских воинов похоронили 28 числа на поле боя в двух братских могилах. Над могилами насыпали высокий холм, на вершукке поставили большой дубовый крест.

Триумфальное шествие в Москве 21 декабря 1709 г. — празднование Полтавской победы. Фрагмент гравюры А. Зубова, XVIII в.

16-тысячное войско шведов со всей возможной поспешностью бежало к Переволочне, чтобы там переправиться через Днепр. Карл долгое время был в обморочном состоянии. Когда он пришел в себя, то хотел повернуть войско назад и дать Петру новое сражение. Но король совсем скис, узнав о пленении лучших генералов.

— Делайте что хотите, — ответил он на разумное предложение отступить дальше.

Днепр, манивший шведов надеждой на спасение, открылся перед ними широким, спокойным, совершенно пустынным. Городок Переволочна лежал кучей дымящихся развалин. На реке ни лодки, на берегу ни бревна, ни доски, никаких средств для устройства переправы...

Запорожцы, бывшие с Мазепой, наконец отыскали в прибрежных кустах несколько спрятанных лодок. Повозку Карла поставили передними колесами в одну лодку, задними в другую, лодки связали, и этот катамаран двинулся, пересекая Днепр. Король шведов уплывал, забрав с собой серебряную столовую посуду и деньги, взятые у саксонцев после победы над курфюрстом Августом. Мазепа прихватил два бочонка золотых монет. Побитый король и бывший гетман нуждались в средствах — путь их лежал во владения турок, а турецкие вельможи даром ничего не делали и для титулованных особ.

Начальствовать над войском, оставшимся на левом берегу Днепра, Карл поручил генералу Левенгаупту. Приказ был такой: переправиться через реку и идти во владения крымского хана. Наладили жиденькое подобие моста, он рухнул, как скопились на нем солдаты, назначенные сопровождать короля. Опытный Левенгаупт, возможно, что-нибудь придумал бы для спасения войска, но времени для этого судьба отпустила ему крайне мало. Три часа спустя, как переправился король, на

приднепровских холмах показались русские всадники. Их было немного, они таяли в наступающих сумерках и совсем исчезли в ночной темноте. А на рассвете 30 июня всадники уже стояли по гребням всех холмов. С высот доносились до шведов звуки труб и барабанов.

Левенгаупт приказал шведам строиться, готовиться к бою. Несколько тысяч солдат встали под знамена. Но большая часть войска осталась безучастной к приказу: солдаты или лежали, или сидели на земле, или стояли в апатии, некоторые пытались переплыть через реку. Разнесся слух, что Меншиков прибыл с 30 тысячами и готовится саблями и пиками гнать шведов в воду.

Генералы, посоветовавшись, послали к Меншикову парламентаря с предложением о перемирии. Князь ответил, что говорить о перемирии уже поздно, и потребовал капитулировать, пригрозив в противном случае истребить всех.

И шведы сдались. 9-тысячный русский корпус без боя пленил 14 тысяч шведов. К знаменам, взятым у Полтавы, прибавилось еще 127. К 4 пушкам, захваченным в сражении, прибавилось еще 28.

Подытожим потери шведов. Убито 9234 человека. Взято в плен 18 794, в их числе офицеров 1160. Взято знамен и штандартов 264. Орудий — 32.

Сюда же надо добавить разгром 2-тысячного отряда, сопровождавшего Карла. Генерал-майор князь Григорий Семенович Волконский настиг его со своими конными полками у реки Южный Буг.

Итак, от 50-тысячной армии шведов, шедшей на Москву, не осталось ничего.

Нет, мы ошибемся, если скажем так. Армия уничтожена, пленена, но жив и на свободе ее полководец — король Карл XII. Ему удалось убежать от русских и на Днепре, и на Южном Буге. Этот факт надолго затянет войну России и Швеции.

...В числе петровских нововведений были пышные торжества, знаменующие победы в боях и сражениях. Если раньше Москва встречала победителей колокольным звоном и столами, на которых бояре и купцыставляли угощение и питье всем желающим, то теперь встреча войск превращалась в нарядное представление, в котором торжественное сочеталось с шуточным, реальное с аллегорическим, а действующими лицами представления были все — от царя до пленников.

Великую Полтавскую победу Москва праздновала в конце декабря 1709 года. Хлопот перед этим было великое множество. В окрестности Москвы свозили из других городов шведов, плененных у Лесной и Полтавы, — 22 085 человек. В слободах размещались полки победителей. На улицах строили триумфальные ворота — с золочеными украшениями, лентами, картинами и надписями, поясняющими значение картин.

21 декабря толпы москвичей увидели великолепный парад. Шествие открыли трубачи и литаврщики в нарядных мундирах. За ними доблестный генерал Голицын вел батальон Семеновского полка, отличившийся в битве при Лесной. Далее везли пушки и несли знамена, взятые там же. Затем шли пленные шведские офицеры. Закрыл шествие второй батальон семеновцев. Так закончилась часть парада, посвященная разгрому корпуса Левенгаупта.

Восторженными криками встретили москвичи гвардейцев Преображенского полка. Народ невольно притих, когда пошла длинная колонна офицеров, плененных у Полтавы и Переволочны. В ее середине везли шведские пушки, несли знамена и другие трофеи, в том числе носилки, с которых Карл произносил речь перед армией накануне битвы. Колонну замыкал первый министр Швеции граф Пипер, он был са-

мым высоким по чину пленником. Затем шли еще русские полки. А позади всех ехал полководец царь Петр I — в седле, простреленном шведской пулей, на том же коне, на котором в трудные минуты Полтавской битвы вел в атаку второй батальон новгородцев...

Триумф победителей продолжился новогодним празднеством — с угощением народа, с елками, с пушечной и ружейной пальбой, с фейерверком и пирами.

А до всех этих торжеств были отмечены различными наградами герои Полтавской битвы. Фельдмаршал Шереметев получил от царя «великие» деревни с крестьянами; деревень и ордена Андрея Первозванного удостоился генерал князь Репнин; генерал Брюс был награжден орденом; князя Меншикова объявили вторым фельдмаршалом... «Так же и иные многие повышены чинами и пожалованы вотчинами, и всех штабных и обер-офицеров жаловал государь золотыми портретами с алмазы».

Было награждение всех участников битвы памятной медалью. На ее лицевой стороне изображен Петр, на обратной — сражающаяся пехота на фоне Полтавы и надпись: «За Полтавскую баталию». Офицерам вручались золотые медали; солдатам серебряные. Солдаты были награждены еще деньгами — от месячного до полугодового жалованья.

Разгром шведов под Полтавой принес новые чины и Петру. В битве он был полковником гвардии, этот чин равнялся генерал-майору обычных войск. Теперь за «храбрые кавалерские подвиги и в делах воинских мужественное искусство» правительство присвоило ему армейский чин генерал-лейтенанта и флотский чин контр-адмирала (следующий за чином капитана, который был у Петра со второго Азовского похода).

Можно произвести в генералы каждого

Старинный
герб Нарвы.

офицера, но это не повысит боеспособность армии,— высокий чин должен быть обеспечен знанием военного дела, военного искусства и мужеством того, кому он дан. Раздача чинов и наград после Полтавской битвы с этой точки зрения не была расточительной. Армия заслужила их. Новые чины и награды соответствовали ее возросшей боеспособности. Было бы справедливо, если бы чин фельдмаршала дали и Петру. Петр I, готовя сражение с Карлом XII, сделал большое открытие в военном искусстве. Известный военный писатель того времени француз Роканкур так сказал о нем: «Сделанные Петром распоряжения не были ли предупреждением и уроком для других армий? Следует отметить в этом Полтавском сражении новую тактическую фортификационную комбинацию, которая была прогрессом и в тактике, и в фортификации. Петр, отбросив рутину, которая с древних времен принуждала армии оставаться неподвижными за ретраншементами в длинных линиях, прикрыл фронт своей пехоты редутами, раз-

деленными значительными интервалами. Этим именно способом, до тех пор не употреблявшимся, хотя одинаково удобным для наступления и обороны, должна была быть уничтожена вся армия авантюриста Карла XII...» Да, Петр был достоин высшего военного чина. Но существовал порядок, введенный самим Петром, по которому не разрешалось скакать через чины.

Известия о завершении Полтавской битвы долетели до стран Западной Европы. И ошеломили всех. Особо удивительной казалась капитуляция шведов у Переволочны. «Может быть, в целой истории не найдется подобного примера покорного подчинения судьбе со стороны такого количества регулярных войск» — так высказывались военные специалисты и государственные деятели на Западе.

Словно по мановению волшебной палочки, изменилось отношение к русским послам в европейских столицах. Им улыбались, навязывались к ним с дружбой. Восстановился противошведский союз: Дания, Саксония и Польша снова объявили войну Швеции; Станислав Лещинский бежал, польская корона вернулась Августу II.

Интересная подробность: на новых переговорах курфюрст нет-нет да и бросал взгляд на шпагу царя; то была шпага, которую Петр дарил Августу при заключении первого союза. Август потом отдал ее Карлу, подтверждая отказ от союза с Петром. Шведский король с петровской шпагой был в Полтавской битве и потерял ее там. Русские солдаты, собиравшие оружие после битвы, нашли знаменитую шпагу, вернули своему царю. Конечно, Петр не случайно взял на переговоры эту шпагу. Она была укором Августу, поспешившему примириться со шведским королем.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА. 1710—1721 гг.

Самому Петру шпага напоминала о необходимости надеяться на себя и не верить в прочность договоров. Теперь, после победы, задачи русской дипломатии усложнялись. У России прибавится врагов — явных и тайных. Великие державы зорко следят за соседями, не дают им набраться силы. Англия, Франция, Австрия примутся делать все возможное во вред России, чтобы ослабить ее, осложнить ее отношения с другими странами...

Однако все будет тщетно в этом старании. Удержать Россию в прежнем положении уже никто не мог. Она не бочком пролезала — твердым шагом выходила в великие державы. Очень точную запись об этом сделал герцог Луи Сен-Симон, приближенный французского короля: 1709 год «...принес полное изменение положения на севере Европы: упадок, чтобы не сказать уничтожение Швеции, которая так часто приводила в трепет весь север и не раз заставляла дрожать империю и австрийский дом, и необычайное возвышение другой державы, доселе известной лишь по названию и никогда не влиявшей на другие страны, за исключением своих ближайших соседей».

Мы с тобой, читатель, говоря о значении Полтавской победы, должны помнить, для чего Петр начинал Северную войну. Он начинал ее, чтобы пробить для огромной, многонациональной России выход к Балтийскому морю и тем двинуть вперед экономику и культуру страны. Все девять лет — у Головчина, у Старишей, у Лесной, у Батурина, у Веприка — русская армия с помощью казаков, партизан Белоруссии и Украины сражалась за право страны пользоваться своим древним торговым путем. В день Полтавской битвы, спустя несколько часов, как окончилась она, царь послал письмо генерал-адмиралу Апраксину на Неву с такими словами: «Ныне

уже совершенной победой камень в основание С.-Петербурга положен». Еще не остыв от боя, имея перед глазами страшные картины людской гибели, Петр определил создающее значение Полтавской битвы. В грохоте орудий, в свисте картечи, в сверкании штыков и сабель трудился камень. Он гранил гранитный монолит, чтобы положить его в основание мирной постройки.

Знаменитый философ и писатель Франции Вольтер спустя несколько десятилетий после Полтавской битвы, когда Петра уже не было в живых, начнет писать «Историю России при Петре Великом». Если Петру сразу после победы был виден только фундамент российской постройки, то Вольтер будет видеть многое из уже возведенного, и это даст ему право сказать о Полтаве вот что: «Из всех сражений, обогравших когда-либо кровью землю, это единственное, которое... послужило к счастью людей, потому что оно даровало царю свободу благоустроить огромную часть света. Ни одна война, бывшая между нынешними народами, не искупила хотя бы малым добром причиненное ею зло, а следствием Полтавского сражения было шестивековое расширение империи».

Девять долгих тревожных лет, мужественно пережив разгром под Нарвой, Россия шла к военной победе. И одержала ее.

Но война продолжалась. После двухнедельного отдыха войска под командованием Меншикова прямо от Полтавы двинулись в Польшу, чтобы изгнать шведов из этой страны, а войска под командованием Шереметева пошли в Лифляндию, чтобы изгнать шведов из Риги. Основные силы русской армии теперь сосредоточивались у Финского залива, на балтийских берегах.

Продумывая план военных действий на Балтике, Петр главной их целью считал не территориальные приобретения, а мир со

Швецией. Мир, который шведы в конце концов должны будут принять. Карл XII все еще надеется поправить свои дела и оставить за собой прежние владения. У Швеции могучий флот — хозяин Балтийского моря; военные действия идут не в Швеции, а вдали от нее; Карл рассчитывает на помощь великих держав, он надеется также склонить к войне с Россией Турцию... Зная надежды Карла, зная его сумасбродное упрямство, Петр решил изгнать шведов из всех восточных и южных портов Балтийского моря, занять Финляндию, которая тоже принадлежит шведам, и с территории Финляндии, опираясь на Аландские острова, высадить десанты в Швеции вблизи Стокгольма. Иными словами говоря, перенести войну на территорию врага. Дела предстоят нелегкие. Но иначе с войной не покончить.

Изгнанию шведов из Финляндии в плане Петра отводится особое значение. Первое, что мы уже знаем, — с территории Финляндии можно перенести военные действия в саму Швецию. Второе — Финляндия кормит шведов мясом и молоком; лишившись этого продовольствия, шведы станут сговорчивее. Третье — при заключении мира со Швецией можно будет вернуть ей финские земли и тем несколько успокоить самолюбие шведских правителей.

Военные действия 1710 года были успешные. Шведы были изгнаны из Ревеля, Риги, Чернова, Аренсбурга, а также из Выборга и Кексгольма. Найди, читатель, эти города и крепости на карте на стр. 193.

Выборг на северном берегу Финского залива, Кексгольм на западном берегу Ладожского озера (старинный город Корела). Изгнание противника из этого района обезопасило Петербург от нападения с севера. Не угрожает Петербургу и нападение с юго-запада: южный берег Финского залива, Моонзундские острова и Рижский залив

тоже под контролем русских войск. И еще очень важное — во всех перечисленных приморских крепостях, где стоял шведский флот, теперь находятся русские корабли.

«...Кампания нынешнего лета, — восторженно писал представитель союзной Петру державы датский посланник Юст Юль, — закончилась так счастливо, что о большем успехе нельзя было и мечтать. В самом деле, в одно лето царь взял восемь сильнейших крепостей... Ему больше ничего не оставалось завоевывать. Успех был тем беспримернее, что при взятии... крепостей было меньше расстреляно пороха, чем в ознаменование радости по случаю всех этих побед и при чашах в их честь».

Все шло хорошо, если не считать медлительных действий союзников — Августа и Фридриха. В конце концов, можно было

«Предестинация»
(«Предвидение») —
58-пушечный
корабль
построен
Петром I
«со товарищи»
в 1698—1700 гг.
в Воронеже.
Старинная
гравюра.

Старинный герб
 Петербурга.
 Красное поле
 щита
 напоминает о
 кровопролитных
 сражениях
 на берегах
 Невы: якоря
 двух видов
 объясняют,
 что город —
 морской
 и речной порт;
 скипетр
 означает,
 что город —
 столица России.

согласиться и с их медлительностью — войска саксонцев и датчан все же удерживали около себя шведские отряды, что облегчало действия русской армии. Все шло хорошо. 1710 год заканчивался внушительными итогами. Но вдруг в ноябре Турция объявила войну России. Первым вестником ее стали крымские татары, совершившие в ту осень набег на Украину и разорившие земли до Белой Церкви и Харькова. Карл XII, сидевший у турок больше года, с самого бегства от Полтавы, все-таки уговорил султана воевать с русскими. Пугал властителя турок тем, что Петр, уладив дела на Балтике, пойдет на юг, займет Крым, а потом доберется и до Константинополя. Узвлял душу султана напоминанием об отнятом русскими Азове. Обещал, когда турки в союзе со шведами осилят Россию, отдать Турции южные польские земли... Один Карл не подбил бы турок на войну. Подталкивали Турцию

к войне с Россией французы и англичане.

Поход Петра во владения турок — Прутский поход — был неудачный. С военной и политической точек зрения он очень интересный, поучительный, но говорить о нем у нас с тобой, читатель, сейчас нет возможности. Отметим лишь, что 50-тысячной русской армии противник противопоставил армию в 190 тысяч. Однако не столько численный перевес врага, сколько недостаток продовольствия принудили Петра отдать туркам Азов и тем, по существу, исчерпать войну. Карл тогда получил очень малое — обязательство не чинить препятствий шведскому королю, когда он поедет от турок через Польшу воссоединиться. Карл этой договоренностью не воспользовался, он еще несколько лет будет сидеть во владениях турок и подбивать султана к войне с Россией.

Война с турками на два года замедлила действия русских на Балтике. Самые боеспособные войска пришлось перебрасывать с берегов Балтийского моря на берега черноморские. Потом они возвращались обратно. И все это пешком.

Вот и вспомнишь промедление Петра с преследованием шведов, когда те побежали от Полтавы. Почти на сутки опоздал приказ. Почти сутки получил неприятель в подарок. Для короля Карла XII они оказались спасительными. А если бы погнались за шведами сразу, глядишь, и король был бы пленен.

Промедление Петра историки объясняют по-разному. Автор знаменитой «Истории России» С. М. Соловьев по этому поводу сто с лишним лет назад писал: «Почему король? Часть шведов ушла, не преследуемая. Неожиданное счастье так поразило, что забыли о необходимости преследования...» У одного из советских военных историков читаем: «Для того чтобы организовать преследование, Петру нужно бы-

ло пойти наперекор взглядам многих его помощников, в особенности иностранцев, проникнутых господствующими на Западе идеями предоставления врагу «золотых мостов» отступления, пришлось бы нарушить также и старинные традиции русских людей, которые привыкли пировать после боя; значит, это была известная дань духу времени».

Трудно согласиться и с первым объяснением — очень уж оно просто, и со вторым — очень оно мудрено. У Лесной были те же «русские люди, которые привыкли пировать после боя», однако там они не сели пировать, а пустились в погоню за уходящим противником. Нельзя поверить, что Петра смутили «традиции» русских и «идеи» иностранцев. Петр, когда

того требовал здравый смысл, пренебрегал любыми традициями и идеями. Яркий пример тому — переливка монастырских колоколов на пушки.

Термином «золотой мост» обозначался беспрепятственный путь, который предоставлялся победителем побежденному для отступления. Бывают в военных действиях и такие случаи, когда выгодно, чтобы противник убежал. Но Петр-то не хотел, чтобы шведы убежали. Если бы хотел, разве он приказал бы разрушить переправы на Днепре и сторожить броды? Промедление с приказом о преследовании, видимо, можно объяснить тем, что Петр понадеялся на огромное расстояние, которое отделяло бегущего Карла от турецких владений, — «далеко не убежит». Пленение казалось

54-пушечный корабль «Полтава», построен в 1712 г. в Петербурге. Старинная гравюра.

Адмиралтейство в Петербурге. Гравюра А. Зубова, XVIII в.

Петербург
еще строится,
но к нему
уже приходят
корабли.
Картина
В. Серова
«Петр I»,
1907 г.

таким очевидным, что для Мазепы приготовили иудину медаль. (Мазепа вскоре умер, медаль осталась без законного владельца.) Что еще могло подвести Петра в его расчетах? Он, верно, не допускал, что Турция после Полтавской битвы окажет дружелюбие шведскому королю и склонится к войне с Россией. Логика подсказывала ждать нападение турок, когда еще не были разбиты шведы. Султан же, как оказалось, мало считался с логикой...

Война всегда тяжела для народа. На войне гибнут люди — самые работоспособные, истощается хозяйство, не строится то, что должно быть построено. Петр, обладавший всеми качествами великого полководца и организатора вооруженных сил, рожденный, казалось, для войны, войну не любил. Он прибег к ней, как к крайнему средству, чтобы были у государства морские пути. Петр говорил: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственной славы, а не для обороны отечества...» Карл Маркс,

изучая историю России, сделает такую запись об итогах Северной войны: «Петр I завладел всем тем, что было необходимо для естественного развития его страны». Суждение Карла Маркса для нас очень важно, оно определяет военные усилия Петра как необходимые, справедливые.

Вся Северная война была справедливой для народов России. Справедливый характер войны не исключал военных трудностей, бед и лишений, они продолжались еще десятилетие и после великой Полтавской победы.

Если помнишь, читатель, царь за Полтаву получил новые чины — генерал-лейтенанта и контр-адмирала. Хотя сухопутный чин был выше морского, Петр велел над своей палаткой у Полтавы поднять флаг контр-адмирала. Во все стороны — на сотни, на тысячи километров — простиралась суша, а в потоках ветра вился и трепетал морской флаг. Он словно оповещал доблестных полтавских бойцов, что новым театром борьбы будет море. И вот борьба эта после возвращения русских войск с юга на север началась.

Двухлетний, по существу, перерыв, вызванный Прутским походом, не изменил военный план Петра. Конечной целью действий на Балтике оставалась высадка десантов в Швеции, а ближайшей — занятие северного берега Финского залива, овладение крепостями Гельсингфорсом и Або. Для достижения конечной цели и ближайшей одной армии было недостаточно, нужен был еще флот.

Все приморские крепости и порты на южном берегу Финского залива взяты сухопутными войсками. Северный же берег без содействия флота занять невозможно. Почему?

Южные и юго-западные берега Балтий-

ского моря плоские, песчаные. Они довольно густо заселены, и, значит, есть там дороги, по которым легко передвигаться войскам. Совсем иной характер берегов Финляндии и Швеции. Они высокие, гранитные. Дорог мало, а те, что есть, узкие, каменистые, неудобные. Их обступают густые леса со множеством речек и озер. Войскам, особенно обозам, в такой местности передвигаться крайне трудно. Поэтому самый простой способ достичь приморской крепости — доставить к ней войска, боеприпасы и продовольствие морем. А для этого, естественно, нужны корабли и суда.

Интересная закономерность: говорить о деле образно, афористично может лишь человек, который не просто знает, а вложил в то дело душу, живет им, им страдает и радуется ему. Слушая плоские речи, наборы стандартных слов, мы прощаем их говорящему, считая, что он не красноречив. А красноречие-то рождается в деле. Преданность делу рождает прекрасные слова о нем. Матери, лаская любимых детей, без труда говорят трогательно и нежно...

Петру принадлежит сравнение армии и флота воюющего государства с двумя руками человека. «Всякий potentat [владелец], который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет». Горе однорукому. С двуруким ему не справиться.

Швеция была двурукой. Руки ее были сильные. Минуло десять лет борьбы, и у России одна рука — сухопутная армия — палилась крепчайшей силой. Вторая рука — флот — наберет такую же силу во втором десятилетии Северной войны. Русский флот на Балтийском море к концу жизни Петра I станет самым могучим — 48 линейных кораблей и фрегатов, 28 тысяч моряков! Но мы в 1713 году. И русский корабельный флот по численности в три раза меньше шведского.

28-пушечный
фрегат
«Архангел
Михаил»,
1702 г.
Старинная
гравюра.

Бригантина,
1710 г.
Старинная
гравюра.

Адмирал
Франц
Яковлевич
Лефорт
командовал
флотом
во 2-м
Азовском
походе.
*Старинный
портрет.*

Линейные корабли в основном делает Адмиралтейская верфь в Петербурге. Главным строителем там Федосей Моисеевич Скляев, бывший подручный корабельного плотника, произведенный Петром в офицеры. Есть и другие русские мастера. Корабли их постройки не уступают лучшим иностранным. У первых балтийских кораблей звучные, победные названия: «Полтава», «Нарва», «Ревель», «Шлиссельбург»... Есть корабль с именем старой российской столицы — «Москва», есть с именем любимой жены Петра — «Екатерина». Но мало их еще. Они не могут пока рассчитывать на успешные действия в море — шведы уничтожат их. Петр посылает верных людей за границу, чтобы там прикупить корабли. Строительство своих, покупка чужих — все совершается медленно. И выходит, что вера Карла XII в свой флот обоснованная. Шведский флот — господин Балтийского моря. Он не допустит русские десанты ни к берегам Финляндии, ни, тем более, к берегам Швеции.

Бытует грубоватая, но верная поговорка: «Сила есть, ума не надо». Ощущение собственной силы очень часто притупляет ум, лишает осторожности, вызывает пренебрежительное отношение к действиям, придуманным другими. Уверенные в могуществе своих кораблей и фрегатов, Карл и его адмиралы не удосужились вникнуть поглубже в особенности Балтийского моря. А Петр, генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, другие русские морские начальники, располагая слабым корабельным флотом, над особенностями Балтики размышляли.

Одна из важных особенностей Балтийского моря — это шхеры. Гранитные массивы Финляндии и Швеции, спускаясь в море, словно разбиваются о волны — у берегов великое множество островков, островов, скал, подводных камней. Шхеры рас-

полагаются почти вдоль всего северного берега Финского залива, прерываясь лишь у Гангутского полуострова. Финские шхеры смыкаются с Абоскими шхерами в Ботническом заливе. Устье Ботнического залива как бы перегорожено Аландским архипелагом — несколькими большими островами и тысячами маленьких и совсем крохотных островков. Это тоже шхерный район, западная часть которого примыкает к берегу Швеции. Получается, что шхеры тянутся чуть ли не от самого Кронштадта и чуть ли не до самого Стокгольма. Фарватеры в шхерах мелководные, извилистые, похожие на лабиринты. Большие корабли там не могут плавать. Но малые корабли и суда — гребные и парусно-гребные — в шхерах ходят. Петр и Апраксин решили (в прибавку к корабельному флоту) построить галерный флот и с его помощью добраться шхерами до Стокгольма. Галеры

должны принудить короля Карла XII, шведское правительство к миру.

Галеры, как мы знаем, строили еще для второго Азовского похода. Эти суда длиной до 50 и шириной до 7 метров ходили на веслах и под двумя косыми парусами. Они имели от 16 до 24 пар весел; каждым веслом гребли несколько солдат. Галера вмещала 300 человек, а малая быстроходная галера — скампавея — 200. Вооружались эти корабли пушками: одной большой — 24-фунтовой и несколькими мелкого калибра. При таком слабом артиллерийском вооружении экипаж галеры мог победить в схватке с кораблями противника лишь абсордажным боем. Что такое 24-фунтовая пушка? В фунтах выражался калибр орудия. Определялся он весом чугунного ядра. Фунт равен 400 граммам. Значит, ядро самой большой галерной пушки — 24-фунтового калибра — весило 9,6 килограмма. А что такое абсордажный бой? Это бой на палубе корабля, когда корабли противников сцепляются и команды вступают в рукопашную схватку.

У русских корабелов был пятнадцатилетний опыт галерного дела. И к весне 1713 года шхерный флот был готов. Как только вскрылась Нева, он с десантом в 16 тысяч человек двинулся из Петербурга в Кронштадт, а оттуда к Гельсингфорсу. Петр намеревался за лето вытеснить шведские войска из всей Финляндии, в крайнем случае отогнать их в северные районы страны. Четко вырисовывались этапы кампании:

в то время как галеры движутся к Гельсингфорсу морем, по суше к этой крепости идет сухопутный корпус, вышедший из Выборга;

сухопутные войска вместе с галерным флотом овладевают Гельсингфорсом;

крепость превращается в морскую базу русских войск и флота; для ее защиты от

нападения шведов с моря устанавливаются на близлежащих островах артиллерийские батареи, в крепости создаются запасы продовольствия и пороха;

сухопутные войска и флот продолжают движение на запад и овладевают крепостью Або на берегу Ботнического залива;

в то время как продолжается вытеснение сухопутных войск неприятеля с территории Финляндии, русский галерный флот перебрасывает из Гельсингфорса в Або продовольствие и боеприпасы; в Або, таким образом, создается еще одна база русской армии и флота;

из Або русские переносят военные действия на территорию Швеции.

Многое из этого плана удалось. Гельсингфорс был занят. Або — тоже. Шведский корпус, насчитывавший 15 тысяч человек, терпел одно поражение за другим и все лето и осень отходил на север Фин-

64-пушечный корабль «Москва», 1715 г.
Старинная гравюра.

ляндии. Зимой произошло самое тяжелое для шведов сражение. У деревни Лапполы, недалеко от города Вазы, генерал Михаил Михайлович Голицын нанес сильнейший удар неприятелю: шведы там потеряли свыше 5 тысяч убитыми, 535 пленными; вконец деморализованные остатки корпуса ушли в безлюдные леса.

Почти все удалось из плана, намеченного Петром на 1713 год. Не удалось лишь одно: галерный флот не смог доставить в Або продовольствие и боеприпасы. Пришлось на зиму оставить в Або небольшой гарнизон, достаточный лишь для защиты самой крепости, а войска, предназначенные для действий на шведской территории, отвести в Гельсингфорс. Там находилось в достаточном количестве продовольствие, фураж и порох.

Почему галерный флот не дошел до Або? Потому что у Гангутского полуострова, где прерываются шхеры, путь галерам преградила шведская эскадра — 12 больших кораблей, почти тысяча орудий крупного калибра... Время было осеннее, близился ледостав в Финском заливе, пришлось бороться со шведской эскадрой отложить до новой навигации. Галеры ушли в Кронштадт. В шхерах остался небольшой отряд гребных судов под командованием опытного капитан-командора Матвея Змаевича: по приказу Петра капитан-командор исследовал — на будущее! — фарватеры.

Посмотри карту Северной войны на стр. 193. Найди Гельсингфорс, Або, город Вазу и деревню Лапполу. Проследи по красным стрелам движение русских войск. Война, гремевшая в дальних от Швеции краях, в полутора тысячах километров, что отделяли Полтаву от Стокгольма, теперь подошла к шведам очень близко: до шведской столицы от Або двести пятьдесят километров, от Вазы, занятой русскими, до шведского города Умео — всего сотня.

Население Швеции, многие годы страдавшее в тяготах непонятной войны, роптало и требовало мира. Шведское правительство решило собрать съезд представителей народа, чтобы он повелел начать мирные переговоры с Россией и передал бы правление страной сестре Карла XII Ульрике Элеоноре.

В это же время Петр обратился к шведам с универсалом — царским письмом, в котором говорилось о желании русских кончить войну, о несговорчивости короля — он не однажды отвергал мирные предложения. Заканчивался универсал предупреждением: если «оное наше великое доброжелательство презрено будет и от того зло королевству шведскому от приближающегося воинского пламени произойдет, то сим объявлением пред богом и светом будем оправданы».

Принцесса Ульрика Элеонора очень боялась брата, все еще обитавшего у турок, и отказалась делать что-либо помимо его воли. От Карла пришло грозное повеление сенату — не лезть в королевские дела. Вместо мира в Швеции объявили новый набор солдат. Война продолжалась.

Зима с 1713 года на год 1714-й прошла в приготовлениях обеих сторон к борьбе на море.

У шведского флота были две основные задачи:

одна — противодействовать флоту датчан, если тот предпримет высадку десанта на шведский берег;

другая — воспрепятствовать галерному флоту русских подвоза войск, продовольствия и боеприпасов в Або.

Шведские адмиралы поделили свой флот на две неравные части. Ту, что больше, отдали под командование вице-адмиралу

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАНГУТЕ. 26—27 июля 1714 г.

О. ПАДВА 20

РУССКИЙ ФЛОТ
24.8 27.7.

ПЕРВОУЧЕТКА

РУССКИЙ
ФЛОТ
25.7.

Лилъе
26.7.59

СТОРОЖЕВЫЕ

OTPA ABABE
25.7.55

Ватрангу, воевавшему против Апраксина.

Наступила весна 1714 года, и Ватранг, торопясь снова занять позицию у Гангутского полуострова, уже 25 апреля был на месте. Грозная эскадра — 17 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, несколько галер и шхерботов, — как и в 1713 году, перегородила дорогу русским галерам. В то же время отряд шведских кораблей — несколько галер и шхерботов — под командованием контр-адмирала Таубе занял позицию у Аландских островов. Это на случай, если какие-то русские галеры все же прорвутся через эскадру Ватранга и дойдут до Або.

Шведы поторопились с выходом в море. Восточная часть Финского залива освобождается ото льда гораздо позже западной, и шведы об этом знали. Поторопились потому, что очень уж боялись прорыва галерного флота.

Генерал-адмирал Апраксин вышел из Кронштадта только 20 мая, выйти раньше не позволили льды. 99 галер и скампавей двигались тремя отрядами: авангард, кордебаталия, или центр, арьергард — по 33 корабля в отряде. На буксире у галер и скампавей карбасы и «островские» лодки. «Провиантские суда» на буксире и у бригаantin. Великое добро перевозится по морю: продовольствие, боеприпасы, оружие, снаряжение, корм для лошадей. На галерах и скампавеях 15 тысяч десанта...

Правда ведь, есть некоторое сходство Апраксина с Левенгауптом? Не устроит ли шведы русским на море что-то похожее на Лесную? Датчане вывели в море только 6 кораблей, и шведы это знают. Они могут усилить Ватранга по крайней мере еще пятком линейных кораблей, оставив против датчан десяток... А галерный флот движется медленно: суда тяжело нагружены, дуют западные ветры и нагоняют лед,

чаще приходится идти на веслах, чем под парусами, скопления льдов приходится обходить, и прямой путь становится извилистым, требует больше сил и времени.

На охране галерного флота русский корабельный флот — 9 линейных кораблей, 4 фрегата и 4 шнявы. Но шведы не показываются. А показались наконец защитительные шхеры. Корабельный флот, отсалютовав на прощание, пошел в Ревель. Моряки Апраксина продолжали нелегкий путь. В Гельсингфорс флот прибыл 11 июня.

Получилось так, что в апреле и мае вице-адмирал Ватранг и генерал-адмирал Апраксин почти все знали друг о друге. Шведские фрегаты, посланные на разведку в залив, перехватили немецкие торговые суда, шедшие из Петербурга, на судах были очевидцы всех русских приготовлений и действий. А к Апраксину бежали с корабля самого Ватранга два матроса-датчанина. Но главное знание противников друг о друге было прежнее, прошлогоднее: русские будут идти мимо Гангута, а шведы будут там сторожить их. Больше того, что уже придумано обеими сторонами во взаимный вред, ничего пока не придумать. Все решится при тесном соприкосновении флотов.

Галерный флот с десантом после короткого отдыха в Гельсингфорсе, оставив там «провиантские суда», двинулся к Гангутскому полуострову. 25 июня он сосредоточился в бухте у селения Тверминне. Дальше дороги нет. Ее загородил Ватранг.

Посмотри карту полуострова Гангут (Ханко). Гангутом называется и мыс, которым полуостров заканчивается. Обрати внимание на узкий перешеек, которым полуостров соединяется с материком. Северо-западнее Гангута есть остров Падва, между ним и полуостровом множество островков — у западной стороны Гангута снова начинаются шхеры. Все эти детали

«Баталия
при мысе
Гангут».
Гравюра
А. Зубова,
XVIII в.

местности будут важными в предстоящих событиях, так что ознакомься с ними внимательно.

Федор Матвеевич Апраксин постоянно держит связь с Петром, который находится в Ревеле на корабельном флоте. У генерал-адмирала Апраксина несколько вариантов прорыва через шведский заслон:

дождавшись штилевой погоды, когда корабли шведов будут стоять неподвижно, с обвисшими парусами, обогнуть Гангут мористее неприятеля, то есть дальше от берега, со стороны моря;

установить батареи на мысу и отогнать от берега корабли неприятеля артиллерийским огнем; затем галеры обогнут мыс у самого берега;

ночью или в тумане напасть на шведскую эскадру, частью галер завязать абордажные бои, а частью в это время пройти мимо Гангута;

русский корабельный флот пусть «учинит диверсию» — завяжет бой с кораблями шведов, отвлечет их с позиции, тогда галеры пройдут опасное место;

корабельный флот и галерный флот об-

щими силами нападут на шведскую эскадру и уничтожат ее.

У всех этих соображений были явные изъяны. Беспрепятственно обойти шведскую эскадру в штиль не удастся, в ее составе 6 галер, которые крупнее русских и вооружены каждая десятком пушек, еще гребной 18-пушечный фрегат «Элефант» и шхерботы. Установка батарей на Гангуте — дело долгое, крупных орудий у Апраксина нет, их надо везти из Ревеля. Атака на шведские корабли галерами грозит русским большими потерями и в судах и в людях. Помощь корабельным флотом тоже не бесспорна: шведский флот в линейных кораблях на треть больше русского. К тому же шведы неоднократно вели разведку вблизи Ревеля, прощупывая возможность напасть на этот порт, а в нем стоят шесть еще не вооруженных линейных кораблей, они сделаются добычей шведского нападения, если боеспособные корабли уйдут к Гангуту. Да и отыщется ли фарватер для больших кораблей в шхерах у Тверминне? Иначе русский корабельный флот не сможет соединиться с галерным для совместного нападения на шведов.

Обстановка, как видим, сложилась для русских неблагоприятная. Любые возможные действия против шведов грозят большими жертвами. Будь Гангут последним звеном Северной войны, можно было бы — ради окончания войны — принести и жертвы, они были бы оправданны. Но проход галерного флота в Або — цель промежуточная: флот и десант должны прийти туда, не потеряв высокой боеспособности. От этого зависит вся последующая борьба.

Очень многое решалось в лето 1714 года у Гангутского плеса, у чистой воды, не засоренной шхерами. И 20 июля в Тверминне по просьбе Апраксина прибыл на галере Петр. На следующий день он сам произвел рекогносцировку неприятельского флота,

а днем позже осмотрел Гангутский полуостров.

С прибытием Петра спокойное течение событий у Гангута было прервано. 24 числа Ватранг объявил на своей эскадре тревогу — с полуострова в сторону моря полз густой дым, шведский флотоводец решил, что русские подожгли лес, чтобы в дыму прорваться сквозь строй его кораблей. Однако дым возник по другой причине.

Мы знаем, что капитан-командор Змаевич еще в минувшем году исследовал Гангут и прилегающие к нему районы. Теперь капитан-командор обратил внимание Петра на перешеек полуострова шириной чуть больше двух километров. Можно было замостить перешеек бревнами и перетащить по ним галеры с восточной стороны полуострова на западную сторону — спустить их на воду уже в шхерах. 23 июля полторы тысячи солдат десанта начали валить лес, выжигать кусты и пни на месте будущей «переволоки»; этот дым и встревожил шведов. Тогда же всего в милю от шведских кораблей, укрывшись за шхерными островками, встал сторожевой галерный отряд — 15 скамповей. А тут еще к Ватрангу пробрались через оцепление два местных рыбака и рассказали ему о строительстве помоста. Это сообщение усилило беспокойство шведов.

Ватранг знал, что галеры можно перетащить через перешеек. В прошлом, 1713 году, опасаясь именно этого, шведы стояли не у мыса Гангут, а напротив селения Тверминне, поблизости от перешейка, в той бухте, где теперь сосредоточился русский галерный флот. Ватранг очень жалел, что переменял стоянку, он счел это своей оплошностью. А почему шведский адмирал не поставил эскадру в 1714 году на старом месте? Узнав еще весной, что у русских сотни гребных кораблей и судов, Ватранг боялся их атаки в районе, где маневрирова-

ние больших кораблей затруднено шхерами. Вот и встал на широком чистом плесе.

Но у Ватранга был припасен ответ на попытку русских перетащить галеры по суше — он тут же направил отряд гребных кораблей под командованием контр-адмирала Эреншельда к тому месту, где галеры спускались бы с помоста в воду. В отряд Эреншельда входили парусно-гребной фрегат «Элефант», 6 галер и 3 шхербота. Корабли вооружены 120 пушками, их экипажи насчитывают около тысячи человек. Отряд вскоре подошел к перешейку с запада и приготовился расстреливать галеры при спуске их с помоста.

Чуть раньше гребного отряда от эскадры Ватранга отделился отряд под командованием вице-адмирала Лилье — 8 линейных кораблей, фрегат и 2 бомбардирских судна. Он получил приказ идти к Тверминне, запереть галеры в бухте и расстрелять их из орудий.

Сам Ватранг остался у мыса Гангут. Препятствия мощная стена шведского флота, загородившая плес, укоротилась больше чем на половину. Теперь проход у мыса сторожат 7 линейных кораблей, 2 фрегата и шхербот. Ватранга тревожило, что у него почти не осталось гребных судов. И он послал приказ на Аландские острова контр-адмиралу Таубе — немедленно идти к Гангуту. Напомню, Таубе стоял со своими галерами в районе Аландо-абоских шхер.

Отдав эти распоряжения помощникам, Ватранг остался доволен собою. Русский флот зажат в тиски. На западную сторону его не пустит Эреншельд. На восточной стороне грозный Лилье; закрыв выход из бухты, он побьет галеры ядрами.

Что же в это время делается у русских моряков и десантников?

На перешейке полным ходом идет сооружение «переволоки». Однако шведы ошибаются, думая, что русские хотят перета-

скивать свой флот по суше. Петр предполагал перетащить несколько скамповей, чтобы «учинить диверсию». Внезапно появившись в тылу у шведской эскадры, скампавеи должны были вызвать замешательство, привлечь к себе какие-то неприятельские корабли и тем ослабить главные силы шведов на плесе. И вот «переволока» еще не готова, а «диверсия» уже «учинена» — гребные суда шведов ушли с выгодного места.

Петр еще не знает об этом. Он вместе с Апраксиным и другими начальниками обедает на галере князя Голицына, командующего десантными войсками. Обедуют на галерах, что сгрудились в бухте Тверминне, капитаны и офицеры, матросы и солдаты. 25 июля, воскресный день. Хотя враг рядом, настроение у всех приподнятое, праздничное. Но вот над морем и берегом раскатились орудийные выстрелы. Стреляют пушки шведов, у русских таких крупных и басовитых нет. Вскоре прибыло донесение от сторожевого отряда: по сторожевым скампавеям стрелял шведский корабль из отряда Лилье. Отряд двинулся на юго-восток от Гангута. А куда? Это пока неизвестно. Не хотят ли шведы пересечь залив и напасть на русские корабли в Ревеле? Гораздо вероятнее другое: они хотят запереть галеры в бухте. Петр приказал Апраксину приготовить флот к уходу в шхеры, сам же поспешил к сторожевому отряду.

С высокого островка Петр увидел, как корабли Лилье медленно (ветер был тихий) движутся вдоль опушки шхер. Конечно же, они пошли к Тверминне... Не было около мыса гребных судов. Куда делись гребные суда? Позже Петр получит донесение о движении их к «переволоке».

Вот бы побыть в те часы с Петром, посмотреть на него! Мы увидели бы

Первые
военно-морские
флаги России,
учрежденные
Петром I.
Флаг военного
флота России
назывался
андреевским
по имени
св. Андрея
Первозванного,
который
считался
покровителем
государства.

флотоводца, энергичный ум которого напряженно анализирует перемену обстановки и находит в ней путь к победе. Мудрые приказы вице-адмирала Ватранга — на самом деле роковая ошибка. Шведский флотоводец ослабил силы в самом важном месте. И Петр, взволнованный близостью успеха, хочет проникнуть мыслью в будущие действия флотов, чтобы ничем не испортить выгоду момента: подобного момента может не быть весь остаток войны.

Шведские корабли перегораживают теперь только часть плеса. Ветер дует все тише и тише. Ночью будет полный штиль. Полное безветрие продлится до полудня. Петр, Апраксин, другие морские начальники русских благоприятно справились об особенностях погоды в здешних местах. А ничто так не зависит от погоды, как парусный флот...

Между сторожевым отрядом и главными силами флота с поспешностью ходят шлюпки — Петр советуется с Апраксиным, посылает распоряжения. Одно из них —

направить к стоянке сторожевого отряда авангардный отряд, еще 20 скампавей. Петр уже твердо уверен, что галеры и скампавей успешно пройдут мимо неподвижных кораблей Ватранга.

Если до вечера 25 июля действия и намерения сторон были неясны противникам, то с вечера противники все знали о намерениях друг друга, ибо все делалось на виду. «К вечеру ветер совершенно стих, — запишет Ватранг в корабельном журнале, — причем мы заметили, что много галер, числом около 20, надвигались с восточной стороны, по которым наши корабли открыли огонь». Шведы поднимают паруса на кораблях, попытаются приблизиться к галерам, чтобы отогнать их в шхеры подальше от плеса. Но ветра не было. Шведы во втором часу ночи встали на якорь. И если до этого их корабли были расположены линией, что благоприятствовало артиллерийской стрельбе, то теперь они стояли в беспорядке.

Мы ничего не говорим об отряде Лилье. Где он? Линейные корабли и бомбардирские суда не дошли до Тверминне. Заштилили на половине пути. Ветер и тут подвел шведов. Вернее, их подвело безветрие. Еще вернее — подвело незнание климатических особенностей района, в котором они властвовали веками. Русские галеры, во избежание неприятностей, начали вытягиваться из бухты, чтобы при опасности легко уйти в шхеры.

Петр в ночь на 26 июля не сомкнул глаз. В 6 утра к нему прибыл Апраксин. Был туман. В начале девятого часа видимость улучшилась. И тогда авангард двинулся на прорыв. Скампавей — одна за другой, строем кильватер — вышли из-за островков. Гребцы мощно работали веслами. Галеры неслись в середину шведских кораблей. Шведы поняли: русские жаждут абсорбционного боя. Артиллеристы приготовились

побить скампавеи до того, как они сблизятся с кораблями.

Движение авангардного отряда в середине шведского строя было хитростью. Хитрость была мала и непродолжительна. Но она все же сбила с толку неприятеля. Шведы бросились от пушек к шлюпкам с запозданием, лишь тогда, когда увидели, как скампавеи вдруг круто повернули к югу, обходя корабли мористее, то есть дальше от берега.

Сотни пушек стреляли с линейных кораблей по скампавеям. Но ядра не долетали до целей. Спущенные на воду шлюпки тянули на буксирах громады линейных кораблей, гребцы выбивались из сил, чтобы приблизить корабли к скампавеям, но все усилия были тщетными. Отряд, невредимый, уже выходил на западную сторону Гангута, где снова начинались шхеры.

Воодушевленный успехом авангарда, Петр двинул на прорыв сторожевой отряд — 15 скампавей.

«Мой корабль, — записано в журнале Ватранга, — был взят на буксир тремя шлюпками и одним шхерботом, а сбоку шла наша большая шлюпка, буксируя меня с возможной скоростью, но все же я не мог подвергнуть галеры серьезному обстрелу, хотя и стрелял в них из пушек. Чем ближе я со своим кораблем и другие наши суда подходили к ним, тем дальше они уходили в море и скрывались за островами, проходя мимо нас».

Сторожевой отряд, двигаясь мористее, чем двигался авангард, тоже благополучно прошел 15 миль чистой воды и вошел в шхеры.

«И хотя неприятель, — записано в журнале Апраксина о прорыве второго отряда, — более трудился — корабли свои буксировал, к тому же начался быть малый ветер, что более неприятелю дало способ,

и шли к нашим скампавеям и из пушек стреляли, однако ж наши, несмотря на то, шли на гребле зело порядочно и в шхеры вошли, и с первыми [с авангардом] соединились благополучно».

Было 11 часов дня. Петр и Апраксин хотели было пустить на прорыв основную часть галер. Но не решились. Ощутились дуновения ветра. Еще слабые и краткие, они после полудня должны были усилиться. Шведские корабли обретали способность двигаться. А это было опасно.

35 русских гребных корабликов из 99 миновали шведскую преграду. Чтобы представить обстановку, в которой будут прорываться остальные 64, посмотрим, что делали все шведские флагманы во второй половине дня 26 июля.

Мы говорили, что Ватранг вызвал к Гангуту с Аландских островов отряд гребных судов контр-адмирала Таубе. Галеры и шхерботы были невероятно нужны именно теперь, именно в этом месте. Таубе обладал всеми качествами показательного героя. Он

доносил правительству о своих победах над русскими галерами еще в апреле, хотя русские, как мы знаем, вышли из Кронштадта лишь во второй половине мая. Теперь же он, зная о великом числе апраксинских галер, не торопился присоединиться к Ватрангу. Шел медленно. Далеко вперед выслал шхербот для разведки. Случаю было угодно, чтобы с этого шхербота увидели отряд Змаевича. Скампавей капитан-командора несколько раз выстрелили, и шхербот повернул, унося с собой весть о прорыве русских. Храбрый Таубе со всем отрядом поспешил не на помощь к Ватрангу, а к Аландским островам. От островов вскоре перебрался к шведскому берегу, оправдывая себя тем, что его маленькому отряду все равно не справиться с русскими.

Контр-адмирал Эреншельд, как было приказано, дошел до места, где русские мостили «переволоку», и приготовился поражать галеры ядрами, людей — картечью. Ночь прошла спокойно для Эреншельда, а утром он был озадачен сильной артиллерийской стрельбой на Гангутском плесе. Галер на помосте не было, и Эреншельд, будучи настоящим моряком, беспокоился бездействием своего отряда. От Ватранга никаких приказов не поступало. Контр-адмирал сел в шлюпку и сам направился к командующему эскадрой, к Гангуту. Шлюпка Эреншельда, как и шхербот из отряда Таубе, тоже чуть не наткнулась на передовые скампавей. Видя вереницу русских кораблей, контр-адмирал понял, что совершилось худшее, что стоять у «переволоки» теперь нет никакого смысла и надо уводить отряд, чтобы шхерами выйти на чистую воду и соединиться с Ватрангом. Фрегат «Элефант», галеры и шхерботы двинулись на северо-запад, к острову Падве.

Самый сильный отряд шведов под командованием вице-адмирала Лилье, как мы

знаем, хотел заблокировать русский галерный флот в бухте Тверминне, но из-за штиля не дошел туда. Утром Лилье, слышав стрельбу на плесе, обратил взоры на запад и увидел на мачте флагмана сигнал — возвращаться к Гангуту. Исполнить приказ было непросто. Лишь с ветром корабли сдвинулись с места. К Ватрангу они приблизились только вечером.

Ватранг, чувствуя, что Лилье из-за наступающего штиля не сможет дойти до линии его кораблей, сам двинулся к Лилье. Но этот маневр был неудачен: легкие корабли выдвинулись вперед (им хватило ветра), а тяжелые остались почти там же, где стояли, — близко от берега. Шведским адмиралам рисовалась картина: русские галеры во тьме ночи подбираются к одиноким линейным кораблям, берут их на абордаж, поджигают, а затем огибают мыс... И Ватранг приказал отбуксировать корабли подальше от берега.

Петра и его помощников, следивших за действиями шведов, снова охватило волнение близкого успеха. Теперь открылась дорога у самого берега. 64 галеры могли обогнуть мыс прибрежным фарватером.

Ночь. Штиль. Линейные корабли, фрегаты и бомбардирские суда шведов до светлого времени, до первых дуновений ветра уже ничем не могут помешать русским галерам. Но есть отряд Эреншельда. Вот он способен изменить всю обстановку в корне — придет к мысу и загородит собой брешь между берегом и линейными кораблями. О том, что Эреншельд встал у «переволоки», Петр узнал утром, когда пошел на прорыв отряд Змаевича. Капитан-командор получил строжайший приказ Петра — заблокировать гребные корабли неприятеля и «чинить над ними воинский промысел».

Змаевич исполнил только первую часть приказа — загородил шведам выход из

шхер; сделать это было сравнительно легко, потому что Эреншельд у острова Падве попал в лабиринт, фарватер из которого был только на юг. Этот-то путь и перегородили плотной стеной скампаеви Змаевича. Капитан-командор отправил Петру донесение: шведы «уйти не могут». Чинить же воинский промысел, то есть сражаться, отряд не мог, в абордажном бою очень важен маневр, а гребцы невероятно устали.

Веря опытному моряку, Петр все же сам отправился к «переволоке». Там, увидев все своими глазами, он совершенно уверился в успехе всей операции.

Ночь на 27 июля выдалась темная. К тому же опустился густой туман. Галеры в тишине и осторожности подтянулись из бухты к месту, где прежде стоял сторожевой отряд. Все было готово к броску мимо шведского флота. Но Апраксин опасался, что в такой темноте трудно будет миновать подводные камни и скалы. В 3 часа на военном совете было решено: начать прорыв на рассвете, идти фарватером у самого берега.

Утро настало. Туман рассеялся. Галеры ринулись на запад. Авангардом командовал генерал Вейде, центром — сам генерал-адмирал Апраксин, арьергардом — генерал Голицын. Гребцы-солдаты знали, что от их работы зависит теперь успех всего дела и собственная жизнь зависит. Понукать никого не приходилось, все действовали на пределе человеческих возможностей. Надо было проскочить у мыса до того, как шведы прибудут туда корабли.

Повторилась картина вчерашнего утра. Бесперывно гремели пушки, ядра не долетали до галер. Шлюпкам опять пришлось тащить корабли — в этот раз к берегу. Гиганты с обвисшими парусами опять ничего не могли поделать с галерами. «...К нашему величайшему огорчению, — записано в журнале обескураженного Ват-

ранга, — и эта масса галер прошла мимо нас, несмотря на то, что наши корабли довольно близко подошли к ним и обстреливали их из пушек».

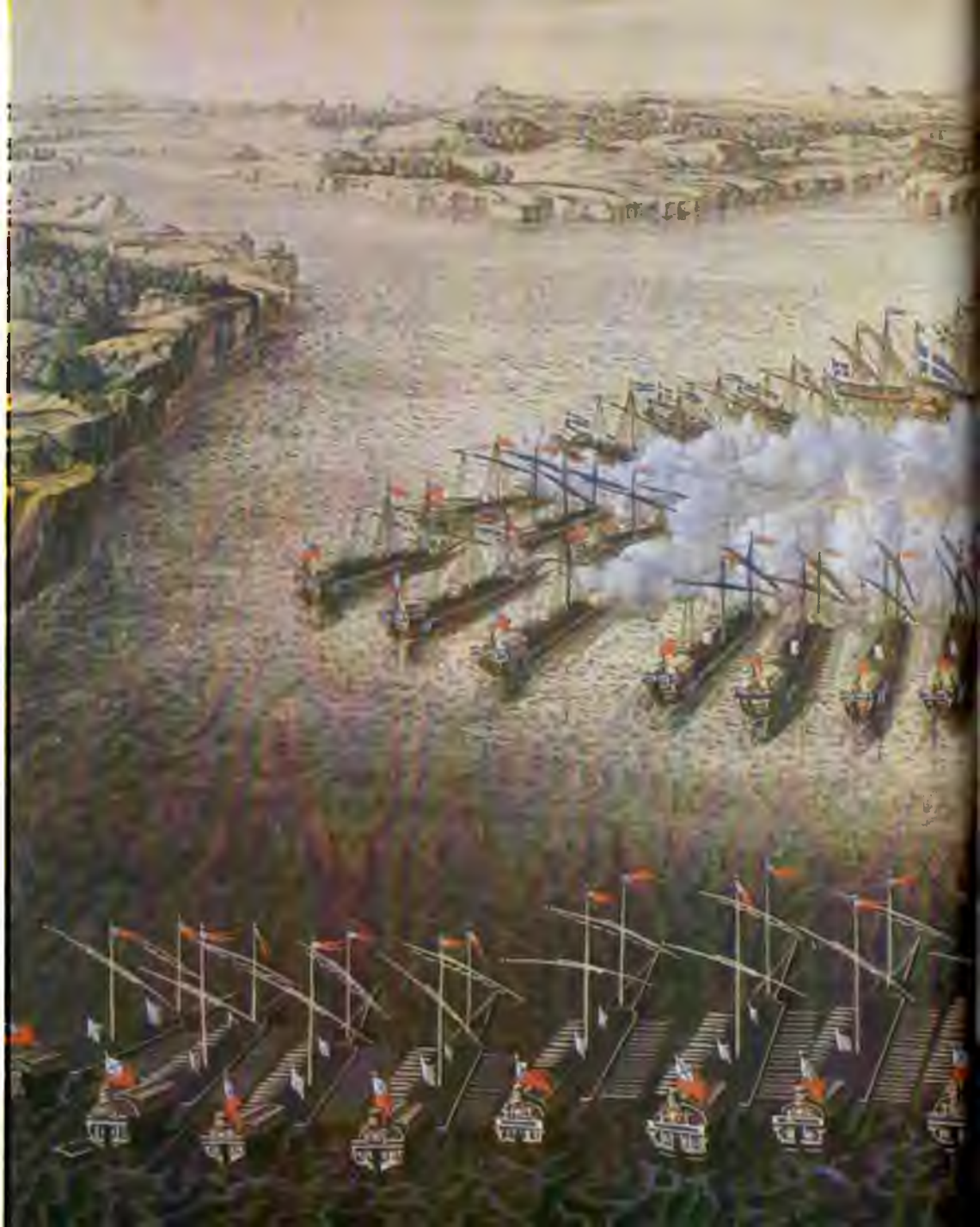
Несчастье постигло лишь одну галеру. Она села на камни. Половину ее экипажа сняли проходившие мимо суда. 186 человек попали в плен к шведам.

Это была микроскопическая плата за колоссальный успех — 98 галер с 15-тысячным десантом, продовольствием и боеприпасами вышли на беспрепятственную дорогу к крепости Або. План Петра и Апраксина был выполнен блестяще.

В ужасно горестном состоянии был флотоводец Ватранг. Четыре месяца простоять с эскадрой в море, запирая дорогу в Швецию, и так открыть ее противнику! Страх перед правительством заставлял искать способ к реваншу. И уже возникла в больной голове адмирала мысль о походе на Ревель, чтобы там уничтожить русский корабельный флот. Но мысль эта уступила место другой — пока шведы, с сомнительными шансами на успех, будут воевать у Ревеля, русские галеры захватят Аландские острова и высадят десант вблизи Стокгольма. 28 июля Ватранг снялся с якорей и поспешил к берегам Швеции. Перед этим он отправил в свою столицу донесение: «Какую глубокую душевную боль причиняют мне эти несчастные события, наилучшее знает всевышний, которому известно, с каким рвением и с какими усилиями я старался выполнить возложенные на меня обязанности и как я усиленно старался отыскать неприятельский флот. Но счастье не хотело улыбнуться нам, и мне, вместе со всеми другими, к нашему великому прискорбию и огорчению, пришлось видеть, как неприятель со своими галерами прошел мимо нас в шхеры, причем огорчение наше усугубляется еще тем, что мы находимся в полной неизвестности о судьбе

№ 56

«Итали
при мысе
Гангут».
Фрагмент
гравюры
М. Бакуа.
XVIII в.

Адмирал
Федор
Алексеевич
Головин,
участник
Азовских
походов.
Старинный
портрет.

эскадры шаутбейнахта [контр-адмирала] Эреншельда... Неприятель, по-видимому, уже овладел Абоскими и Аландскими шхерами, и так как вследствие недостатка лоцманов нам представляется невозможным занять позицию в Аландских шхерах, то я не вижу более осторожного исхода, как направиться со всей моей эскадрой в такое место в шведской стороне, откуда наилучшим образом было бы защитить себя от пагубных намерений противника против столицы государства». Попутно Ватранг известил жителей Аландских островов о приближении к ним русских. Население в панике побежало на материк. Да, мужество изменило шведскому флотоводцу. Русские, достигнув Або, при всем желании не могли сразу начать действия против Стокгольма — для подготовки их нужно было время. Слова о том, что шведский флот «усиленно старался отыскать неприя-

тельский флот», — неправда. Галеры месяца стояли в Тверминне, отделяло их от шведской эскадры всего несколько миль. Знал Ватранг и о горестной судьбе Эреншельда...

Вернемся к 27 июля. Отряд Змаевича накануне блокировал в шхерах отряд Эреншельда. Теперь к месту блокады подошли все галеры. Положение шведов сделалось совершенно безнадежным. Эреншельд, однако, не думал сдаваться. Решение было таким: драться до последней возможности.

Шведские корабли встали полумесяцем, уперев фланги в острова. В центре первой линии был фрегат «Элефант», справа и слева от него — по 3 галеры. Во второй линии были 3 шхербота.

Очень грамотно построил оборону мужественный Нильс Эреншельд. Фланговые галеры стоят у отмелей так, что преграждают дорогу в тыл отряда. Если русским все же удастся зайти в тыл, то их встретят там шхерботы — это полтора десятка пушек. Центральное положение «Элефанта» позволяет ему бить из своих орудий — 18 штук — по русским галерам, если они сблизятся с галерами шведскими. Шведские же галеры — на каждой 16 пушек — способны прикрыть артиллерийским огнем свой флагманский корабль. Самое же выгодное для шведов то, что они заняли позицию в узком месте, где может действовать лишь небольшая часть русских кораблей; основная часть флота будет пассивным наблюдателем боя.

Генерал-адмирал Апраксин выделил для боя авангард в составе 23 скамповей. Командует ими Петр I, контр-адмирал Петр Михайлов — так именовал себя сам царь, когда исполнял нецарские дела. Авангард построился тремя отрядами: в центре 11 скамповей и на флангах по 6 скамповей в двух линиях. Петр на своей галере находится непосредственно за центром.

У шведов 116 пушек. Одновременно

Генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин. Старинный портрет.

сопротивление шведских моряков, русские взбирались на галеры, схватывались врукопашную. Одна за другой галеры были заняты. Уцелевшие шведы перебрались с них на «Элефант» и продолжали сражаться там.

О беспощадности боя можно судить по тому, что контр-адмирал Эреншельд получил семь ран, в том числе тяжелую — в бедро. Русские солдаты карабкались на «Элефант» с обоих бортов. Задержав их на какие-то минуты, шведы спустили шлюпку, положили в нее своего адмирала и, отчаянно работая веслами, попытались уйти за острова и тем избавить храброго начальника от плена. За беглецами погнался в шлюпке капитан Ингерманландского полка Бакеев. Шведов догнали. Плененный адмирал был возвращен на корабль, с мачты которого уже спустили шведский флаг. Петр, руководивший тушением пожара на «Элефанте», отнесся к пленнику не менее великодушно, чем к пленникам, взятым у Полтавы. Ранями Эреншельда занялся врач самого царя...

«...Хотя неприятель, — записано в журнале Петра о Гангутском сражении, — несравненную артиллерию имел перед нами, однако ж, по zelo жестоком сопротивлении, перво галеры одна по одной, а потом фрегат флаги опустили; однако ж так крепко стояли, что ни единое судно без абординирования от наших не отдалось».

Из 941 человека шведы потеряли убитыми 361, ранено было 350, 230 взято в плен невредимыми.

У русских было убито 127 человек, ранено 342. (К этим потерям надо прибавить 186 человек, взятых в плен Ватрангом на галере, застрявшей в камнях у Гангута.)

Шведам в качестве трофея досталась одна галера. А в Петербург были отправлены 10 трофейных кораблей — весь отряд Эреншельда.

могут стрелять только 58, то есть пушки одного борта, того, который обращен к русскому флоту. На русских кораблях 23 пушки. Огневое превосходство — у шведов.

Желая избежать ненужных жертв, Петр послал Эреншельду предложение сдаться без боя. Швед отклонил его. И тогда, в третьем часу дня, на мачте галеры Апраксина поднялся синий флаг, а с палубы ударила пушка. Это были сигналы к атаке.

Шведы отбили две атаки скамнавей, нацеленные в центр. Тогда было решено атаку направить на фланговые галеры. Офицеры десанта плыли впереди скамнавей на шлюпках, стоя на носу с обнаженными шпагами, — готовился абсордаж.

Артиллерийский огонь неприятеля уже заметно ослаб: орудийная прислуга понесла потери в первых атаках, корабли от частой стрельбы окутались дымом, а дым мешал целиться. Преодолевая яростное

90-пушечный
корабль
«Лесное»,
1718 г.
Старинная
гравюра.

Памятная
медаль
(лицевая
и оборотная
сторона)
■ честь победы
при Гангуте.

Через неделю после победы у Гангута Апраксин начал занимать Аландские острова. Боев здесь не было. Жители, как мы знаем, бежали на материк. Еще раньше бежал из Аландских шхер гребной отряд Таубе. Ватранг к Аландам идти не решился...

Швецию охватила тревога. На защиту Стокгольма спешно стягивались войска. Собиралось и вооружалось ополчение. Чтобы королевское правительство отчетливее представило, какая беда грозит стране, Петр приказал высадить десант на территорию Швеции.

Генерал Головин с тысячным отрядом на 9 скампавах переправился через Ботнический залив из города Вазы в город Умео. Жители и гарнизон бежали, оставив

город подожженным. Головин в свою очередь сжег окрестности, перехватил в заливе несколько грузовых судов противника и вернулся в Або.

Была уже середина октября — с ненастной погодой, штормовыми ветрами. Боевые действия пришлось закончить. Заливы скоро замерзнут. До ледостава надо было подготовить к зиме базы в занятых городах Финляндии.

Зима 1714—1715 года как бы давалась шведскому правительству и королю Карлу XII для размышлений. Размышлять было над чем: десант в Умео — это только начало, а дальше будет горше.

Европа уже привыкла к победам русских в Северной войне. И все же она не смогла сдержать нового удивления, узнав

о сражении при Гангуте. Могущественный флот шведов, вековечный хозяин Балтийского моря, оказался бессильным перед искусством флотоводцев России и храбростью ее солдат. Хотя ни один линейный корабль шведов не был ни взят, ни потоплен, русские сделали, что хотели, — войска и флот России приблизились к Стокгольму, и впервые в истории Швеции солдаты противника вступили на ее землю.

Адмиралы приморских стран, изучая поход галерного флота, как бы впервые узнали о балтийских шхерах и боевых возможностях галер, способных перевозить войска, грузы, высаживать десанты, воевать с большими кораблями. Пренебрежительное отношение к галерам сменилось уважительным.

Люди военные и политики победу при Гангуте сравнивали с победой у Полтавы. В Полтавской битве была подорвана мощь сухопутных войск шведов, в Гангутском сражении звание непобедимого потерял шведский флот.

Петербург отметил первую викторию на море большими торжествами. Под грохот крепостных орудий, встреченные множеством яхт и лодок, в Неву вошли победители и побежденные. Впереди 3 русские галеры с отличившимися при Гангуте солдатами и моряками. За ними 10 шведских судов с плененными командами — шхерботы, галеры и фрегат «Элефант»; шведские флаги опущены, над ними подняты флаги России. За фрегатом следовала галера Петра и еще 2 скампавей.

Улицы города, украшенные арками с цветами, лентами и картинами, подчеркивали значение и суть праздника. Толпы людей высыпали на набережные смотреть приятное зрелище. Примечательна была картина, на которой орел держал в когтях слона. «Орел не мух ловит» — гласила надпись. Имелся в виду российский гер-

бовый орел и шведский фрегат, название которого «Элефант». «Элефант» значит «слон».

Суда подошли к пристани. Петр, солдаты-преображенцы, солдаты-астраханцы, затем и пленные сошли на берег. После того как шведские корабли были отведены на середину Невы и поставлены в том же порядке, как стояли в бою, началась вторая часть парада — сухопутная, славившая войска, разбившие шведов в Финляндии. Впереди шел отряд Преображенского полка, за ним несли шесть десятков неприятельских знамен и везли 18 пушек, за трофеями маршировали две роты Астраханского полка, затем шло около полутысячи пленных солдат и матросов, после рядовых пленников маршировали две роты преображенцев, а за ними двигались пленные офицеры, последним в этой группе был контр-адмирал Эреншельд. Замыкал шествие еще один отряд преображенцев во главе с Петром.

После парада был торжественный обед. Петр посадил рядом с собой за стол Эреншельда. Воевали Петр Михайлов и Нильс Эреншельд в одинаковом звании — контр-адмирала. А обедали в разных. Сенат присвоил Петру за Гангут чин вице-адмирала.

Как за Полтавскую битву, так и за победу у Гангута все офицеры получили памятную золотую медаль, а солдаты и матросы — серебряную.

Итак, Петр I торжествовал новую, на этот раз морскую победу. А где же Карл XII? Чем он занят осенью 1714 года?

С самого бегства от Полтавы шведский король сидел в турецких владениях, в городе Бендеры. Мы уже говорили, что этим сидением он все же ввязал турок в войну с Россией. Однако в итоге Карл не получил желаемого. Турция и Россия заключили мирный договор. По одной из статей договора, как уже говорилось, русские обе-

щали свободный проезд Карлу в Швецию по территории Польши. Шли годы, а Карл не торопился на родину. Ему все казалось, что он снова убедит султана воевать с Россией — и тогда возникнет обстановка, в которой можно будет взять реванш за Полтаву. И за Гангут тоже. Карлу хотелось вернуться к своим подданным в прежнем, не увядшем венке непобедимого полководца.

На султана давили дипломаты Франции, сторонники бежавшего из Польши Станислава Лещинского, бежавшего с Украины Мазепы. Все обещали султану легкую победу в новой войне. Все клялись осыпать турок — после поражения России — золотом и серебром, прибавить к их владениям многие и многие земли. И возник момент, когда недалекий турецкий властелин готов был начать новую борьбу с Петром. Но он вовремя одумался. И даже испугался Петра. А испугавшись, велел Карлу XII уезжать домой.

Смешно и нелепо, но Карл отказался ехать в Швецию. Началось трагическое выселение из турецкого дома скандального жильца. Султан отправил в Бендеры крымского хана — уговорить короля ехать. Но Карл сговорился с ханом, и тот стал убеждать султана оставить шведского короля при себе. Султан послал строжайшие указы и хану и королю. Король и хан продолжали гнуть свое. Султан послал совсем строгое повеление. Тут уж хан испугался и принялся собирать Карла в дорогу. А Карл не испугался, опять отказался ехать, набросился на турецких чиновников с обнаженной шпагой...

Что было делать туркам? Вязать королевскую особу не полагается. Тогда турки уничтожили продовольственные амбары шведов, сожгли запасы сена, а дом, в котором жил Карл, и прилегающую местность, где размещались несколько сот соотечественников короля, окружили 12-тысячным

войском. Расчет был на то, что голод и жажда сдвинут Карла с насиженного места.

Карл несколько не огорчился происходящим, он почувствовал себя в прекрасной обстановке войны. Король приказал застрелить лошадей, в том числе скакунов, подаренных султаном, и приготовить из них солонину. Вокруг дома были вырыты укрепления, установлены две пушки.

Из пушек, из ружей шведы побили множество турок. Турки после этого привезли свои пушки. Ядрами и картечью они выгнали Карла XII с его несчастными приближенными из окопов. Король отдал приказ отступать в дом. Пришлось туркам стрелять по дому, они подожгли его зажигательными снарядами. Но Карл не думал сдаваться — задыхаясь в дыму, отстреливался из окон. Когда огонь охватил все помещение, король хотел перебежать в другое, и тут его, перебежавшего, схватили янычары. Великий полководец король шведов Карл XII, потеряв в сражении четыре пальца, кусок уха и кончик носа, был посажен в тюрьму в Бендерах.

Верно, Карла пришлось бы силой отрывать и от тюремной решетки, чтобы отправить на родину, но, став узником, король совершенно лишился возможности травить султанскую душу своими советами. И в ноябре 1714 года Карл объявился в Штральзунде, городе-крепости на немецком побережье Балтийского моря. Штральзунд еще принадлежал шведам и был осажден датскими и прусскими войсками — союзниками русских. Оборону крепости возглавил теперь сам Карл. Тут репутация короля несколько поправилась, так как союзники сумели взять крепость лишь в конце 1715 года. Дело, правда, было не в мудром начальствовании Карла, а в том, что союзники русских воевали из рук вон плохо, хуже, чем в начале Северной войны...

Все имеет конец. Северная война тоже подходила к концу. Карл XII понял, что его дело безнадежно проиграно. Уполномоченные шведского правительства и уполномоченные русского правительства весной 1718 года встретились на Аландских островах, чтобы выработать мирный договор.

Этот факт взвинтил королей и министров Западной Европы. Испанское наследство уже было поделено, и они, свободные от ратных дел, еще азартнее ввязались в дипломатическую войну, которая была постоянной тенью Северной войны. Всем хотелось из мира России со Швецией извлечь выгоды для себя. Основное желание западных стран заключалось в том, чтобы не дать усилиться России, чтобы Швеция осталась значительной державой, чтобы Россия и Швеция постоянно соперничали и не имели бы ни сил, ни времени вмешиваться в спорные дела Европы. Союзники России, естественно, жаждали еще и территориальных приобретений. Причем готовы были получить их в ущерб России, вынесшей тяготы Северной войны на своих плечах. Карл XII, зная явные и тайные намерения ближних и дальних соседей, позволял себе затягивать переговоры, торговаться по каждому пункту будущего соглашения.

По сравнению с первым периодом войны у Петра союзников было теперь вдвое больше: к королю датскому Фридриху, а также к курфюрсту саксонскому и королю польскому Августу прибавился Фридрих Вильгельм — курфюрст бранденбургский и король прусский, да еще Георг — курфюрст ганноверский и король английский. Четыре короля (из которых трое немцы) представляли в союзе семь государств, восьмое государство — Россия. Вот какая сила была против Швеции! Но она никак не проявляла себя, связанная по рукам и по

ногам желанием союзников уберечь врага от полного разгрома. Правда, иногда все курфюрсты и короли дружно начинали замахиваться на шведов, но было это не всерьез, а ради того, чтобы не испортить на будущее отношения с Петром. В Европе было всеобщим желание остаться с Россией в дружественных отношениях, каждый монарх понимал, что если будет в союзе с Россией, то может жить спокойно. Вся Европа была заинтересована и в торговле с Россией, в ее хлебе, в ее, говоря современным языком, стратегическом сырье — лесе, пеньке и льне, в прекрасном уральском железе, без которых не построишь хорошего корабля и не сможешь оснастить его.

И все же, несмотря на противодействие влиятельных держав, переговоры продвигались вперед по русскому плану. Ожидалось, что осенью 1718 года мир будет подписан, — Карл уже согласился на присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и части Финляндии (с городами Выборгом и Кексгольмом — Корелой). Но тут произошло такое, что затянуло Северную войну еще на три года. При осаде Фридрихсгаля, норвежской крепости, Карл XII был убит ружейной пулей. Зачем король оказался в Норвегии? Норвегия была тогда владением Дании; воюя там, шведский король воевал с датчанами. Он рассчитывал преподнести своему народу Норвегию как компенсацию за территории, возвращенные и переданные Россией.

Известие о гибели Карла XII и об избрании его младшей сестры Ульрики Элеоноры королевой перечеркнуло многое в замыслах европейских дипломатов и задало им работу новую. Перечеркнутыми оказались переговоры русских и шведских дипломатов на Аландских островах — королева и ее новое правительство отказались

говорить о мире на условиях, согласованных ранее с Карлом XII.

Ульрика Элеонора держалась так, будто она, и никто другой, выиграла сражения у Полтавы и Гангута. Новые уполномоченные шведов, приехав на Аландские острова, предложили русским совершенно наглые условия. Королева не была бы храброй, если бы союзники России не склонились к сепаратному миру со Швецией; Англия пошла еще дальше — обещала шведам помощь деньгами и военным флотом, из союзника России стала ее врагом. Будущее вырисовывалось такое: Фридрих, Фридрих Вильгельм, Август и Георг получают от Ульрики Элеоноры земли и города на южных берегах Балтийского моря и выходят из войны; Швеция продолжает войну с одной Россией, получая денежную и военную помощь от Англии.

Дипломатический пожар, после того как плеснули в него масло, запылал еще жарче. Послы, вельможи, министры, сами короли сражались друг с другом во многих бескровных битвах, объединялись во временные союзы и разваливали их, перестреливались посланиями, секретными письмами, подкупали влиятельных лиц в чужих правительствах, подсылали друг другу ложные известия, чтобы сбить с толку соперника, — очень уж хотелось погреть руки на углях затухающей войны.

Между тем не без помощи русских дипломатов подо все козни врагов России начала подводиться могучая мина — наметилась женитьба гольштинского герцога Карла Фридриха на дочери Петра I Анне Петровне. Слухи об этом потрясли Ульрику Элеонору и ее сторонников как в Швеции, так и в других странах.

Герцог Карл Фридрих был сыном того самого Фридриха, с которым накануне Северной войны Карл XII во дворце рубил саблями головы телятам и за которого вы-

шла замуж старшая сестра Карла. Поскольку Фридрих умер, претендентом на шведский престол по мужской линии стал именно Карл Фридрих, племянник Карла XII. Претендент в шведские короли обещал своему будущему тестю Петру I, в случае овладения тронном, вечный мир и вечную дружбу, удовлетворение всех желаний России на берегах Балтики. Своясь, Карл Фридрих открывал перед Петром перспективу строительства канала на земле Шлезвиг-Гольштейна, по которому русские корабли плавали бы из моря Балтийского в море Северное и обратно, не выплачивая пошлин датчанам за пользование их проливами. Разумеется, Россия и Швеция, объединенные родственными узами, со своими армиями и флотами держали бы в своих руках всю Европу.

Династическая мина действительно была мощной. Но в сложившейся обстановке она еще не могла сработать. Тем более что вскоре Ульрика Элеонора уступила шведский трон своему мужу Фридриху, принцу гессенскому, который, как пишут историки, очень нравился шведам.

Ужасно много в те времена было коронованных Фридрихов. Это имя пришло из древнегерманского языка, «фрид» — «мир», «рик» — «богатый»; миромогатый, миролюбивый — так можно перевести имя нового шведского короля. Но и он не торопился оправдать свое имя и договориться с Петром об окончании войны.

Что же оставалось Петру? Ничего иного, как с присущей твердостью показать правителям Швеции пагубность их политики. Вот он-то оправдывал свое имя, которое произошло от греческого слова «петрос», что значит «камень». К этому времени корабельный флот Петра насчитывал 39 кораблей. (У шведов было на один меньше, 38.) По-прежнему шведы сильно уступали русским в численности гребных судов.

Объединив действия корабельного флота и галерного флота, Петр в течение трех навигаций нанес противнику ряд отрезвляющих ударов на его территории.

В 1719 году произошел первый бой русских и шведских парусных кораблей. Генерал-адмирал Апраксин получил сведения о том, что из Пиллау в Стокгольм вышел отряд неприятеля в составе линейного корабля, фрегата и бригантины. Генерал-адмирал послал наперехват семь кораблей во главе с капитаном 2 ранга Наумом Акимовичем Сенявиным. Русские обнаружили шведов недалеко от острова Эзель (теперь эстонский остров Саарема). Противник шел без флагов. Сенявин пустился вдогонку за ним и приказал на своих кораблях поднять флаги Швеции. Приняв русский отряд за свой, неприятельский командир капитан-командор Врангель поднял на мачтах шведские флаги. Тогда Сенявин у себя сменил флаги на русские и пошел на неприятеля в атаку. Началась артиллерийская стрельба ядрами и картечью. Вскоре шведы, потеряв почти полтысячи человек, сдались. У Сенявина погибло лишь 9 моряков. Пленные вражеские корабли были отведены в Петербург.

Петр очень обрадовался «доброму почину российского флота». На радостях произвел Сенявина через чин, сразу в капитан-командоры. Очередные чины получили все офицеры, бывшие в Эзельском сражении. К слову сказать, в числе первых русских адмиралов были Наум Акимович Сенявин и Иван Акимович Сенявин, братья, начавшие военную службу в бомбардирской роте Преображенского полка.

Англичане не только обещали помощь Швеции, но и прислали ее в Балтийское море — эскадру под командованием адмирала Норриса. Эскадра вместе со шведскими кораблями должна была оборонять побережье страны от русских десантов — то

есть должна была выбить из рук Петра средство, которым он понуждал шведское правительство к окончанию войны. Однако, как видим, ни сами шведы, ни англичане не смогли остановить русский флот.

В 1720 году Норрис со своими кораблями уже весной показался перед главной базой русского корабельного флота в Ревеле. Петру и Апраксину были известны новые намерения англичан — не только препятствовать высадке десантов в Швецию, но и уничтожить при случае русский флот. О том, что моряки России не боятся Англии, генерал-адмирал Апраксин уведомил адмирала Норриса письмом: «...Я надеюсь, что ваше высокоблагородие от здешних мест и крепостей их будет держаться в пристойном отдалении. Приближение ваше к укреплениям здешних мест может быть принято нами за явный знак неприязни и мы принуждены будем употребить надлежащие меры предосторожности».

Сражение
при Гренгаме
27 июля 1720 г.
Гравюра
А. Зубова,
XVIII в.

Пленные
шведские
фрегаты
в Неве, 1720 г.
Гравюра
А. Зубова,
XVIII в.

Норрис грозил русским у Ревеля, в Финском заливе. А через Ботнический залив, в Умео, шел 7-тысячный десант русских. Захватив два города и сорок деревень, десант затем без потерь вернулся в Вазу. Петр писал одному из своих соратников: «Партия наша под командою фон Менгдена в Швецию впала и паки счастливо через море перешла к своим берегам. Правда, хотя не гораздо великий неприятелю убыток учинен, только слава богу, что сделано перед глазами помощников их, и чему препятствовать ничего не могли».

«Помощники их» — англичане в том же году оконфузились еще раз, а русский флот вписал тогда в книгу своей славы новую блестящую страницу.

В начале лета большая часть русских галер ушла с Аландских островов в Гельсингфорс. Шведский вице-адмирал Шеб-

лат, стоявший с эскадрой на охране побережья, воспользовался этим и занял острова. Значение Аландского архипелага в действиях русского гребного флота было очень важным. Петр приказал Голицыну, а он в то время командовал галерным флотом, снова прогнать шведов из шхер.

Неприятельская эскадра — линейный корабль, 4 фрегата, 3 галеры, шнява и несколько шхерботов — стояли в довольно широком проливе между большими островами. Эскадра Голицына — 61 галера и 29 «островских» лодок — приближалась к противнику шхерным фарватером с северо-востока. Голицын намеревался атаковать шведов. Но атаке мешал сильный ветер. Пришлось остановиться. Во время стоянки военный совет решил, что будет лучше, если подойти к островку Гренгам — он в шести километрах от шведских кораблей — и атаковать из-за этого островка.

На рассвете 27 июля галеры и лодки пошли в назначенное место. В это же время к островку приблизились и шведы. На свежем ветру, на широкой воде неприятельские корабли легко маневрировали, их 156 орудий могли нанести большие повреждения галерам. И Голицын, который оказался таким же хорошим флотоводцем, как полководцем, приказал отходить в узкости. Шеблат, разгоряченный видом уходящих галер, ринулся со всей эскадрой за ними.

Пройдя несколько миль от Гренгама, галеры втянулись в узкий проливище между островами Бренде и Флисе. Туда же, можно сказать, протиснулись шведские корабли. Тут-то Голицын прекратил отход и велел галерам и лодкам контратаковать. Два фрегата были взяты на abordаж, когда пытались встать поперек пролива, чтобы бить в галеры бортовыми залпами. Еще два были взяты на abordаж на ходу: солдаты Голицына, невзирая на стрельбу из пушек, на

штыки и сабли шведов, перебрались на вражеские корабли с галер и опустили неприятельские флаги. Линейный корабль с Шеблатом и малые суда шведов воспользовались усилившимся ветром и оторвались от погони.

Но и так победа была блестящая. 4 фрегата и больше сотни орудий на них, четыре сотни пленных — этим можно было гордиться. Интересно, что Гренгамское сражение произошло в тот же день, что и Гангутское — 27 июля. А разделяли их шесть лет... В память о Гренгаме, как в память о Полтаве и Гангуте, все участники сражения были награждены медалями.

Над английской эскадрой, над ее адмиралом после Гренгама иронизировали во всей Европе. В самой Англии тоже иронизировали, припомнив Норрису, что весь

урон, который он смог нанести России, выразился в сожжении избы и бани на острове Нарген, что недалеко от Ревеля. Шведское правительство и королевская чета — Фридрих и Ульрика Элеонора — с грустью должны были признать, что от Петра им никуда не деться, что никто не спасет их в войне, уже много раз проигранной. Время, когда Петр довольствовался бы прибавлением к России небольших территорий у Финского залива, безвозвратно прошло. Огромной многонациональной России нужны многие гавани и порты, нужен протяженный берег как гарантия спокойного пользования Балтийским морем. Петр во главе русских солдат и матросов за два десятка лет войны приобрел право на мир, полезный своей стране.

В конце апреля 1721 года шведы сели за

Маскарад в Москве по случаю подписания Ништадтского мира, 1722 г. Фрагмент гравюры, XVII в.

стол переговоров в финском городке Ништадте (недалеко от Або). Опять королевские дипломаты начали тянуть время, выдвигая множество неприемлемых или просто странных условий. К примеру, предлагали записать в мирном договоре, что Швеция отдает России Петербург. Но как шведы могли отдать то, чего у них не было? Русские дипломаты терпеливо разъясняли шведским дипломатам тщетность их уловок и тщетность надежд выторговать что-то — все отвоеванное у Швеции (за исключением Финляндии) должно отойти к России, у Швеции и без того достаточно морского побережья.

К дипломатическим разъяснениям снова пришлось прибавлять десант генерала Ласси. 5 тысяч пехоты и полтысячи казаков на 60 галерах в середине мая достигли Швеции. Отряд прошел побережьем три сотни километров, в этой полосе он разогнал все гарнизоны, захватил 40 судов и множество других трофеев. В это же время готовился к выходу в море корабельный флот — 27 линейных кораблей, 12 фрегатов, 3 бомбардирских корабля и еще сотня галер и скампавей. Казаки уже в 1719 году были на окраинах Стокгольма, Ульрика Элеонора тогда просила Петра остановить их на пороге столицы, и Петр остановил. Но теперь — шведы поняли это — терпение царя иссякло, своими кораблями и галерами он потопит, сожжет, пленит шведский флот и высадит войска в Стокгольме. Для Фридриха и Ульрики Элеоноры все кончится — Петр, захватив Стокгольм, сделает королем Швеции Карла Фридриха, герцога гольштинского, и этим — за один раз — уладит все русско-шведские дела... Затягивать переговоры было смертельно опасно, и 30 августа 1721 года в Ништадте шведы поставили свои подписи под мирным договором.

Важнейшая статья договора гласила: «С шведской стороны уступаются царско-

му величеству и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные царского величества оружием провинции: Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с дистриктом [округом] Выборгского лена, со всеми... правами и доходами». Основная часть финской территории, занятая русскими войсками, возвращалась Швеции. Была в договоре статья, способствовавшая торговле между двумя странами, а следовательно, и миру между ними: «Королевское величество имеет право в вечные времена свободно закупать хлеб в Риге, Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50 000 рублей беспошлинно, кроме тех чрезвычайных случаев, когда вывоз хлеба из России будет запрещен всем народам». Для спокойствия Ульрики Элеоноры и Фридриха вписали в договор и такую статью: «Его царское величество накрепчайше обещает, что он в домашние дела королевства Шведского, яко в форму правительства, и в акт наследства, от чинов государства единогласно соизволенные и присягою укрепленные, мешаться не будет...»

Первым о подписании мира узнал в России Петр. Случайностью это не было. Заблаговременно он дал наказ уполномоченным в Ништадте: «Сие известие мне первому привезть в Петербург, понеже не чаю, кто б более моего в сей войне трудился...» Пакет с договором Петр получил на пути в Выборг. Это было 3 сентября. А четвертого числа Петербург охватили волнение и радость: в Неву вошла бригантина, каждую минуту с нее палили из трех пушек; на палубе стоял счастливый Петр и в промежутках между залпами объявлял людям об окончании войны... Двенадцать драгун с белыми перевязями через плечо, с белыми знаменами, украшенными изображением масличных ветвей и лавровых венков, предваряемые трубачами, повезли сообще-

ние о мире по всему городу. Толпы повалили к Троицкой пристани встречать царя.

От реки царь и знать, сопровождаемые бегущим народом, поехали в Троицкий собор на молебен. Там морские начальники России и министры попросили Петра принять чин адмирала.

По выходе из собора на площадь, запруженную людьми, Петр поздравил всех со «счастливым вечным миром», затем зачерпнул из кадки ковш вина и выпил его за здоровье российского народа. Толпа ответила криками «Да здравствует государь!», ударили в крепости пушки, стрельнули из ружей выведенные на площадь полки — началось чуть ли не месячное празднество и веселье. Самым довольным в эти дни — и веселым тоже — был царь Петр. «Сия радость, — говорил он о завершении войны со шведами, — превышает всякую радость для меня на земле».

В том же Троицком соборе, где Петру преподнесли чин адмирала, 22 октября было сделано новое подношение ему, но уже не как строителю флота и флотоводцу, а как главе государства, выведенного им на широкую дорогу истории. Сенат преподнес Петру титул Отца Отечества, Петра Великого, императора Всероссийского.

Титул «император» обозначает более высокую степень власти, чем титулы «король» и «царь». И многие европейские короли встретили возвышение Петра в монархическом чине неприязненно. При английском дворе говорили, что их монарх давно уже мог бы именоваться императором, а император Австрии не захотел признавать за Петром нового титула, долгое время именовал его устно и письменно по-прежнему царем. Но в конце концов монархи успокоились. Да и как было не успокоиться? Дело состояло не в титуле Петра, а в том, что есть Россия, к которой уже нельзя относиться без почтения.

Два века Русское государство было отгорожено от морей. Казалось, за это время можно было русским превратиться в сухопутный народ, проникнуться боязнью моря, страхом перед его стихией. Но народ хранил память о плаваниях предков по древнему пути «из варяг в греки», и родство россиян с морем восстановилось, чтобы уже не ослабевать в веках.

Летом 1723 года из Москвы, из самой середины России, на берега Невы был привезен ботик, в котором плавал Петр в юности. Ботик починили, обили медью; готовились торжества в честь Балтийского флота. Праздник начался спуском ботика на воду. И как коснулось днище невской волны, грянул оглушающий залп со всех кораблей флота. «...Он разразился в воздухе подобно страшному грому и молнии, потому что в течение одной минуты выпалено было из полуторы с лишком тысяч пушек». В ботик сели все знаменитые адмиралы России, в том числе и Петр. Адмиралы гребли веслами, Петр был кормчим. Когда ботик подошел к кораблям, те, в знак великого почтения и уважения, спустили перед ботиком флаги.

— Смотрите, как дедушку внучаты веселят и поздравляют, — сказал тогда Петр адмиралам. — От него... флот на юге и севере, страх неприятелям, польза и оборона государству.

Петр еще раз в тот день назвал ботик дедушкой русского флота.

— Здравствуй, дедушка! — обратился он к нему с тостом. — Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят!

Эти слова обращают и нас, советских людей, к истокам нашей силы на морях и океанах.

Есть у Петра Великого поучение, направляющее нашу деятельность и в будущее: «Надеясь на мир, не ослабевать в военном деле».

ПОЛКОВОДЕЦ СУВОРОВ И ФЛОТОВОДЕЦ УШАКОВ

двадцатое число октября 1696 года считается днем рождения русского военно-морского флота. В тот день Боярская дума слушала доклад Петра I о взятии Азова, о роли кораблей в том деле и постановила: для

блага России «морским судам быть».

Из-за неудачи в Прутском походе Петру пришлось вернуть Азов туркам, и военный флот развивался в основном на Балтийском море. На Черном море русский военный флот был официально провозглашен лишь в 1785 году. А черноморской державой Россия стала позже — в году 1791-м. Без малого целый век ушел на то, чтобы достичь черноморских берегов и вод.

Век — время протяженное. Много вся-

кого произошло после смерти Петра I — и на пользу петровским начинаниям, и во вред им. Прежде чем вести рассказ о том, как Россия стала черноморской державой, посмотрим хотя бы частицу событий того времени, происходивших вдали от черноморских вод.

...«Вечный» мир Швеции и России, объявленный Ништадтским договором, длился всего два десятка лет. Шведы, чтобы вернуть потерянные владения, в 1741 году начали войну. Петр Петрович Ласси, на этот раз в чине фельдмаршала, выступив против шведов, разбил их у Выборга, а затем у Гельсингфорса окружил неприятельскую армию и принудил к капитуляции. Шведы, однако, от мира уклонялись. Понадобилось, как во время Петра, послать из Кронштадта к шведским берегам корабли с десантом. Когда грозная эскадра

Кирасир
гатчинских
войск,
XVIII в.
Старинная
литография.

Гренадер,
мушкетер
и офицер
пехоты
прусской
армии.
*Старинная
акварель.*

Кирасиры
и офицер
прусской
армии.
*Старинная
акварель.*

миновала Гангут, шведы были вынуждены согласиться на русские условия примирения. К России отошли новые части финской территории, и сбылась мечта Карла Фридриха, герцога гольштинского, — Россия возвела его на трон короля Швеции.

В том же замирительном 1743 году закончилась Великая Северная экспедиция, длившаяся десять лет. Она проводилась по еще петровскому указу и на самом деле была великой: ее исследования охватили огромный район — побережье Северного Ледовитого океана от Архангельска до Чукотки, а на Тихом океане Камчатку, Аляску и Алеутские острова. Спускаясь по рекам в арктические воды на ботах и коках¹, морские отряды экспедиции плыли вдоль сибирских берегов, наносили на кар-

ты их очертания, острова, бухты, глубины, изучали рыб, зверей и птиц, наблюдали климат, познакомились с местным населением, с его обычаями и занятиями. Труд первых исследователей был так нужен России и был так нелегок, что их имена увековечила героическая карта суровых краев. Именем капитана-командора Витуса Беринга названы море, остров и пролив; именем лейтенантов — двоюродных братьев Дмитрия и Харитона Лаптевых — четыре мыса, пролив, морской берег и море; именем лейтенанта Степана Малыгина — пролив и мыс; именем Федора Минина — мыс, полуостров, шхеры, залив и гора; есть на той карте берег Прончищева и бухта Прончищевой. Василий Прончищев был начальником одного из отрядов Великой Северной экспедиции, тяготы Арктики с ним делила жена Мария, первая полярная путешественница. Оба они умерли, исследуя

¹ Кочи — небольшие парусные суда, приспособленные для плавания в северных водах.

Фридрих II,
прусский
король.
Старинный
рисунок.

временно Пруссия намеревалась отнять у поляков Поморье и Курляндию. Пруссия не сводила жадных глаз с балтийских владений России, но пока не посягала на них. России она откровенно побаивалась и вытеснение ее из Прибалтики откладывала на лучшие времена.

Пруссией правил король Фридрих II. Он лихо начал колотить саксонцев, французов и австрийцев. Англичане в это же время успешно отнимали у Франции Канаду в Северной Америке и Бенгалию в Азии. Фридриха II никто не мог сдержать. Он стал слыхать великим и непобедимым полководцем. Пруссия опасно усиливалась. И тогда в войну вступила русская армия. Несмотря на измены некоторых военачальников, русские солдаты одерживали над пруссаками одну победу за другой. Заняли столицу Восточной Пруссии город Кенигсберг, затем в битве при деревне Кунерсдорф полностью разгромили королевскую армию, после чего заняли столицу всей Пруссии город Берлин, была взята также морская крепость Кольберг (теперь польский город Колобжег). При Кунерсдорфе противник потерял около 20 тысяч человек. Фридрих был тогда в невиданном отчаянии и считал войну проигранной. Он писал родственникам в те часы: «Я несчастлив, что еще жив... из армии в 48 тысяч человек у меня не остается и 3 тысяч. Когда я пишу это, все бежит, и у меня уже больше нет власти над этими людьми... Жестокое несчастье. Я его не переживу. Последствия дела будут хуже, чем оно само. У меня нет никаких средств, и, сказать по правде, я считаю все потерянным».

Как это ни удивительно, Фридрих II ничего не потерял и продолжал впоследствии свое воинственное королевствование. Союзники русских — австрийцы, саксонцы, французы — сами не захотели окончатель-

берега Таймырского полуострова... России нужно было знать свои просторы, и эта потребность выдвинула из народной среды исследователей-героев.

Важнейшим событием в жизни не только Европы, но и всего мира стала Семилетняя война 1756—1763 годов. Англия и Пруссия договорились о взаимопомощи: пруссаки помогают Англии отнять у Франции колонии, англичане помогают Пруссии захватить Саксонию; при этом курфюрсту саксонскому дать в утешение Чехию, отняв ее до этого у Австрии; одно-

но усмирить поверженного врага и не дали сделать это русской армии. В случае ликвидации Пруссии усилится Россия! Фридрих оправился от поражения, успел нанять новых солдат (армия у него была наемная) и продолжал войну.

Франция, Австрия и Саксония потом горько жалели, что не добились Фридриха II, ибо Пруссия и Россия вскоре подписали «вечный мир» между собой. Фридриху была возвращена вся территория, занятая русскими войсками. Мало этого — король получил под свое командование 20-тысячное русское войско (как бы взамен побитого у Кунерсдорфа). А случилось следующее: умерла императрица Елизавета Петровна, и на российский престол вступил под именем Петра III ее племянник, Карл Фридрих Петр Ульрих, внук Петра I, сын Анны Петровны и Карла Фридриха, герцога гольштинский. Вот какой династический пируэт получился! Герцог гольштинский-отец стал королем Швеции, а герцог гольштинский-сын стал императором России.

Юный гольштинец вообще-то не собирався в Россию. Он готовился в шведские короли, но императрица Елизавета пожелала, чтобы племянник был при ней в Петербурге. Нашлась ему в столице невеста — жившая при императрице София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, дочка немецкого князька, прусского генерала. Так в 1761 году кончились в династии Романовых русские и начались немцы.

Петр III обожал Фридриха прусского, считал его великим, неподражаемым монархом. Российский император решил участвовать в Семилетней войне, но уже на стороне Пруссии. Было у Петра III также намерение послать русское войско против Дании, чтобы отнять у нее Шлезвиг, снова присоединить эту землю к родной Гольштинии.

Карл Фридрих Петр Ульрих, то есть Петр III, был так глуп и прямолинеен, что не скрывал презрения к стране, правителем которой выпало ему быть. Не задумываясь о последствиях, он совершал прямое предательство ее интересов.

Царствование Петра III не длилось и года. Возмущенные тем, что он начал переделывать армию на прусский манер, изгоняя традиции своего великого деда, а главное, потерей прежних привилегий и мест, гвардейские офицеры устроили дворцовый переворот. Петра III арестовали, императрицей провозгласили его жену Софию Августу Фредерику, получившую имя Екатерины II. С согласия жены-императрицы Петр III вскоре был убит все теми же гвардейскими офицерами.

Екатерина II не возобновила войну с Пруссией, но союз с ней разорвала. Умная и хитрая женщина понимала, что быть императрицей огромной державы она сможет, лишь опираясь на русское дворянство и действуя в его интересах. Формально Екатерина не имела права при живом восьмилетнем сыне Павле быть императрицей, она могла быть регентшей при нем. Властолюбивая мать и это обстоятельство учитывала: Екатерина постоянно подчеркивала свою верность России, она говорила, что, если было бы можно, выпустила бы из себя до капли немецкую кровь и наполнилась кровью русской...

Что касается крови чужой, то Екатерина II немало выпустила ее, подавляя восстание Емельяна Ивановича Пугачева; каратели, посланные императрицей, пролили реки не только русской крови, но и татарской, башкирской, чувашской, казахской, мордовской — всех тех, кто был бойцами крестьянской армии. Екатерина II в расправах с народом не отличалась от царей русского происхождения.

В правление Екатерины II Россия до-

стигнет высокого положения среди других держав мира. Но сделано это будет не мудростью законов, не рациональностью планов, а растратой народных сил и людских жизней, более страшным, чем когда-либо, закрепощением крестьян. «В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон, все части управляются дурно, порядок изгнан отовсюду... Кровь портится... при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий». Эти слова принадлежат не Александру Николаевичу Радищеву, великому революционному писателю, сосланному Екатериной II в сибирский острог, не Федору Васильевичу Кречетову, поэту и просветителю, посаженному Екатериной II в Петропавловскую крепость, не посаженному в Шлиссельбургскую крепость писателю-сатирику и книгоиздателю Николаю Ивановичу Новикову. Их сказал царь Александр I — внук знал, что говорил о своей бабке...

Семилетняя война, богатая сражениями в Европе, закончилась в 1763 году. Не вдаваясь в подробности ее итогов, отметим такие факты: сильнейшая морская держава Англия еще больше усилилась и приобрела новые колонии; Франция и Австрия ослабли; Пруссия не захватила того, что хотела, ее авторитет после сражений, проигранных русским, сильно упал. Естественно, что возрос международный авторитет России. Теперь поистине ничто не происходило в Европе без участия двора Екатерины II и русского правительства. И не только в Европе.

В 1775 году против Англии восстали ее североамериканские колонии — рождались Соединенные Штаты Америки. Боеиспособность североамериканских войск, сражавшихся с войсками англичан, в большой степени зависела от торговли Америки с Европой. Английское правительство по-

нимало это и возлагало надежды на морскую блокаду восставших; английский флот намеревался плотно перекрыть все пути к Северной Америке, перехватывать торговые суда любой страны, топить их или присваивать вместе с товарами. В ответ на это Россия провозгласила политику «вооруженного нейтралитета» — защиты своих торговых судов своими военными кораблями и в пути и в портах. Чуть ли не все страны, занимавшиеся мореплаванием, присоединились к русскому «вооруженному нейтралитету».

Морская блокада была сорвана. Английские войска были разбиты североамериканцами. Так Россия поспособствовала появлению на карте мира нового государства — США.

Сильная Россия, конечно же, не нравилась Англии, Франции, Австрии, Пруссии, Швеции. Они боялись ее и всячески старались ослабить. Самым больным местом России, настоящей открытой раной были черноморские дела. Эту рану противники России не уставали посыпать солью, чтобы она не заживала. Короли Западной Европы посылали своих послов в Турцию — с советами объявить войну России, с обещанием денег, оружия, офицеров, с предложениями военного антирусского союза. «Если две могущественные империи, Турецкая и Российская, будут в постоянной вражде, — рассуждали короли, — им обоим некогда будет вникать в дела Европы. Взаимно истощая друг друга в войнах, Турция и Россия будут слабее, чем были бы в состоянии мира».

Несомненно, черноморские споры русских и турок, если бы не вмешивались в них другие, закончились сравнительно скоро и не потребовали бы столько жертв. А так, если вести счет от второго Азовского похода Петра, было одиннадцать русско-турецких войн на протяжении 221 года —

Генерал-фельдмаршал
Петр
Александрович
Румянцев.
*Старинный
портрет.*

Памятная
медаль
в честь победы
при Кагуле.

в среднем, каждые двадцать лет черноморские берега и воды оглашались громом пушек и стоном раненых. Последнее столкновение султанской Турции с царской Россией было в первую мировую войну. Осенью 1918 года, когда уже была Советская Россия, турки вторглись в Закавказье — с резней и погромами...

Каждая русско-турецкая война имела свои характерные особенности — интересные и поучительные для занимающихся историей. Но говорить обо всех войнах у нас нет возможности. Мы посмотрим самую важную из них, войну 1787—1791 годов. Она знаменита не только итогами; в этой войне русскими вооруженными силами руководили два военных гения — Александр Васильевич Суворов и Федор

Федорович Ушаков; редко так бывало, чтобы на суше и на море одновременно были такие мудрые и бесстрашные предводители, во всем достойные друг друга.

Той войне предшествовала война 1768—1774 годов¹. Хотя бы несколько слов надо сказать и о ней. Чтобы была ясна последовательность звеньев в цепи русско-турецкого противоборства.

Влиятельные державы Европы готовились в то время к разделу Речи Посполитой, государства польских дворян — шляхты. Россия претендовала на значительные территории в предстоящем дележе, на за-

¹ Обе войны произошли в царствование Екатерины II, и принято называть войну 1768—1774 годов первой русско-турецкой, а войну 1787—1791 годов второй русско-турецкой.

хваченные ранее польскими магнатами Белоруссию и Правобережную (лежащую по правую сторону от Днепра) Украину. Чтобы связать России руки (Петр I, напомним, называл руками армию и флот), французы и австрийцы убедили султана начать против русских очередную войну. Австрия даже стала союзницей Турции.

Намерения турок были нешуточные. От крепости Хотин, что на Днестре, дойти до Киева. Из Азова — до Астрахани. Из самой Турции пройти на Кавказ.

Война началась лихо и многообещающе для султана. В земли Украины вторглась конница крымских татар, двинулись по своим направлениям пешие войска. Но после первых разбойничьих успехов на турок и крымских татар обрушилась лави-

на неудач: они потеряли крепости Хотин и Яссы, Азов и Таганрог; в Грузии русские войска выбили захватчиков из Кутаиси; самое страшное поражение в битвах на реках Ларга и Кагул, что в Молдавии, нанес турецкой армии Петр Александрович Румянцев. Русские войска, развивая успех, вошли в земли Болгарии. Тогда же русская эскадра пришла из Кронштадта в Эгейское море. Она блокировала Дарданелльский пролив и прервала сообщение Турции с ее средиземноморскими владениями; моряки России освободили от турок два десятка греческих островов, их жители объявили себя подданными России. Победным было сражение в Чесменской бухте. Адмирал Григорий Андреевич Спиридов сжег брандерами и разбил ядрами 15 линейных ко-

Победа русской армии при Кагуле. Старинная гравюра.

Адмирал Григорий Андреевич Спиридов. Под его командованием русские корабли в Чесменском бою уничтожили почти весь турецкий флот. Старинный портрет.

раблей турок, 4 фрегата и больше полусотни других судов.

Таковые несчастья и то, что союзница Австрия уклонилась от прямых военных действий против русских, вынудили султана согласиться на мир с Россией. По новому мирному договору Крымское ханство объявлялось независимым от Турции; Россия получала на Азовском море крепость Азов, в Крыму крепости Керчь и Еникале, на Черном море крепость Кинбурн с частью территории между Днепром и Бугом. Торговый флот России получал право свободно плавать в Черном море и проходить через проливы Босфор и Дарданеллы. Русским купцам в черноморском районе предоставлялись такие же привилегии, как турецким, французским и английским. Облегчалось по договору положение подвластных Турции народов. Молдавия и Валахия переходили под покровительство России. Западная Грузия освобождалась от жестокой дани людьми, все борцы против турецкой тирании — славяне, грузины, румыны, греки, — посаженные в тюрьмы, отпускались на свободу. За то, что Турция ввела Россию в большие военные расходы, султан обязался уплатить из своей казны 4 миллиона рублей... Вот тебе Киев и в придачу Астрахань! Турки никак не предполагали окончить войну подобным образом.

Самолюбие турецких вельмож горько страдало от уступок, сделанных России. В окружении султана зрели замыслы новой, удачной войны. Стремление к реваншу усилилось, когда потомок Чингисхана крымский хан Шагин-Гирей отрекся от трона, а Крым был присоединен к России. Триста лет Крымское ханство верно служило турецким правителям, было передовым отрядом турецкой агрессии против

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. 1787 — 1791 гг.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ОБЪЕДИНЕННАЯ
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ
АРМИЯ

АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКАЯ
НИКОЛАЕВСКАЯ
ЕРМОЛОВА

КРИВОРОДСКАЯ
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
ЗАКАРПАТСКАЯ
ПЕТРОВСКАЯ

АЗОВСКОЕ
МОРЕ

ЧЕРНОЕ
МОРЕ

ИМПЕРИЯ

русских, украинцев, поляков, и вот все в корне изменилось.

Заклячая договор с Россией, турецкие дипломаты уступили ей лишь крохотный участок черноморского берега у впадения в море Днепра, да и тот был под прицелом пушек своей, турецкой крепости Очаков. Теперь же, после отречения Шагин-Гирея, Россия имела огромный полуостров, обладая которым можно держать под контролем все Черное море. Для турок это было сверхужасное событие. И Турция предъявила России ультиматум: вернуть Крым, отказаться от защиты Грузии, согласиться на осмотр судов в проливах.

Само собой разумеется, сильные державы Европы были за новую русско-турецкую войну. Министерство иностранных дел Франции разослало во все столицы ноту: «Крым лишь первая станция русских на пути к Босфору, и потому нужно отстоять его [Крым], в крайнем случае не допускать русского военного флота в Черном море». Швеция, где сменился король, откликаясь на призыв Франции, начала готовиться к выступлению — одновременно с турками — против России на Балтике. Англия и Пруссия одобряли ход событий. И поскольку российское правительство не приняло ультиматум султана, в 1787 году новая война — вторая — началась.

Прежде чем мы, читатель, попадем в бой и сражения новой войны, совершим путешествие по берегам Черного моря и познакомимся с военным театром — так нам будет легче понять действия турок и противодействия русских. Да и сама история тех мест интересна. Помощником в путешествии будет карта.

Даже при беглом взгляде на карту видно множество башенок на возвышениях. Так обозначены крепости. Приморских крепостей у турок около двух десятков. Расположены они расчетливо — около проливов,

около устьев рек, впадающих в море. Устья рек и проливы — как узкие ворота, сквозь которые ни один корабль не пройдет незамеченным. Если это будет корабль неприятеля, турецкий гарнизон обстреляет его из крепостных орудий; под защитой крепостей стоят турецкие корабли, они выйдут на перехват чужих судов.

Очень и очень важен в мореплавании пролив Босфор. Он соединяет Черное море с Мраморным морем и открывает единственный водный путь из Черного моря в море Средиземное. На берегу Босфора стоит город Константинополь, столица Турецкой империи. Все это объясняет, почему пролив охраняется сразу тремя крепостями. Турки, захватив Константинополь, переименовали его в Истанбул (на европейский лад — Стамбул), христианские храмы переделали в мечети, без изменения оставили только цепь, перегораживавшую вход в бухту Золотой Рог. Помнишь, такой цепью византийцы намеревались остановить ладьи Олега? Цепь и теперь служит свою охранительную службу — вдобавок к береговым батареям и боевым кораблям.

У Константинополя и Босфора есть дальнейшее прикрытие. Это морская крепость Варна, на запад от нее крепость Шумла и дунайские крепости Русчук и Силистрия. Они образуют на пути с севера на юг четырехугольное пространство, которое легко оборонять и трудно пройти. (Раз уж мы вспомнили Олега, то как не вспомнить Святослава; крепость Доростол, у которой его дружина сражалась с византийцами, стояла на месте Силистрии.)

А севернее лежит еще один укрепленный район. Это цепь крепостей в низовьях Дуная: Браилов, Мачин, Тульча, Исакчи, Измаил и Килия. Все они имеют возможность получать помощь с моря — до Браилова вверх по реке ходят морские суда. Эти крепости непреодолимы, если у берущих

их нет высокого искусства и железного мужества. К началу войны, о которой наш рассказ, немецкие и французские инженеры помогли туркам сделать Измаил сильнейшей крепостью мира. Никто в Европе не сомневался в ее неприступности.

Передовыми форпостами турок, выдвинутыми к самым границам России и Польши, были крепости Хотин и Бендеры, расположенные на западном возвышенном берегу Днестра.

Выход в море из Днестра закрыт крепостью Аккерман. «Аккерман» в переводе с турецкого значит «Белая крепость». Так турки называли стариннейший город славян Белгород-Днестровский, завоевав его в конце XV века. (В VI веке город принадлежал антам, в IX—XI веках им владели тиверцы и уличи.)

Дальше на восток, у выхода из Днепровско-Бугского лимана, на двух берегах его, запирая устья сразу двух рек, стоят крепости Очаков и Кинбурн. Очаков строили крымские татары, у них крепость называлась Кара-кермен. Вскоре после того, как она была готова, ее взяли себе турки и переменили название. В те же времена, в XV веке, турки построили Кинбурнскую крепость. Как мы знаем, Кинбурн отошел по договору к России. Разделенные несколькими километрами воды, стоят друг против друга турецкая и русская крепости. («Кинбурн» — искаженное турецкое «кылбурун», в переводе на русский — «узкий нос»).

Рассказывая о черноморских берегах, мы пропустим русскую крепость Херсон. О ней, также и о Севастополе, разговор особый.

Крепости Перекоп и Арабат с присоединением Крыма перешли к русской армии. Еще раньше, по договору — мы говорили об этом, — к России отошли крепости Керчь и Еникале. По договору же вернулся к русским Азов в устье Дона. Уступка

Турцией Азова, Еникале и Керчи обеспечивала российским судам и кораблям второй выход в Черное море. (Первый — из Днепра.) Но как и у первого, турки здесь тоже не отказались от своего контроля: вход в Керченский пролив и выход из него они контролируют с помощью крепостей Анапа и Суджук-Кале.

На абхазском побережье турки превратили в крепость город Сухум. Из Сухум-Кале они постоянно грозят Западной Грузии.

Посмотри расположение крепостей на южном берегу, в самой Турции. Правда ведь, крепко прибрали турки к рукам Черное море?! На любое побережье они могут доставить десант, к любой крепости — подкрепления. Причем беспрепятственно. У русских флота на Черном море нет. Нет его и у других народов.

Русское правительство прекрасно понимало, что для решающей победы над Турцией мало сухопутной армии, нужен военноморской флот. И как только кончилась война 1768—1774 годов и Россия получила днепровский выход в море, Екатерина II повелела искать в низовьях Днепра место, где можно соорудить гавань на 20 кораблей и верфь для одновременного строительства 15 судов.

Место такое нашлось. Корабли Азовской флотилии пришли на его охрану. Начались энергичные работы: одновременно строились и корабли и новый российский город Херсон.

Русские черноморские корабли того времени в большинстве своем получали имена святых: «Св. Павел», «Св. Георгий», «Св. Андрей», «Св. Мария Магдалина», будут корабли «Рождество Христово», «Казанская богоматерь», «Сошествие святого духа»... Религиозной окраске войны придавалось значение немаловажное. Христианские народы Балканского полуострова,

Строительство
корабля
на Адмиралтей-
ской верфи
в Петербурге.
*Фрагмент
старинной
литографии.*

Грузии и Армении должны были увидеть в этом стремление России прийти к ним на помощь, освободить их от ига иноверных турок. Той же цели служили названия новых российских городов. На берегах Черного моря в древности было много греческих поселений. И теперь, подчеркивая духовную связь России с Грецией, русские возрождали старинные греческие названия.

Херсонесом, Херсоном называлась древнегреческая колония в юго-западной части Крыма. По преданию, там был крещен киевский князь Владимир, крестивший потом Русь. Вот и назвали первый новый город в Причерноморье Херсоном...

Севастополем, то есть городом славы (в переводе с греческого), назвали базу военного флота в Крыму. Город, построен-

ный на месте турецкой крепости Хаджибей, будет наречен Одессой — в память о древнегреческом городе Одиссее...

Придумать звучное название кораблю и даже городу — дело хотя и не простое, но и не очень уж трудное. А вот строить корабли и города на новом месте было трудно. Корабельный лес приходилось сплавливать по рекам к Херсону и Азову из середины России, из Белоруссии, Польши. Из средних областей страны, с Урала тянулись на юг обозы с плотницким и кузнечным инструментом, с гвоздями, скобами, с иным железным товаром. Следом за телегами тысячеверстным путем шли артели масте-ров.

Балтийский флот передал нарождающемуся черноморскому брату самое ценное — моряков. Летом 1783 года в Херсон прибыли четыре тысячи матросов с офицерами. Они разделились на семь команд — по числу строившихся кораблей, и каждая команда принялась достраивать свой корабль.

Достройкой корабля № 4 руководил капитан 2 ранга Федор Федорович Ушаков. Никто, конечно, не знал тогда, что он станет командующим Черноморским флотом, что под его руководством будут одержаны самые блистательные морские победы. Но каждый видел в нем моряка опытного, рачительного, мужественного.

До новой войны с Турцией оставалось четыре года. Что их точно четыре, тоже, конечно, никто не знал. Но все — от главнокомандующего князя Потемкина до рядового матроса и пехотинца — чувствовали приближение грозной поры. Работы велись на пределе сил. А тут началась по всему югу эпидемия чумы. Люди гибли во множестве. Пришлось прервать строительство кораблей. Матросские команды были выведены из города в степь и там ждали конца эпидемии. Только с наступле-

нием холодов возобновились работы на верфи.

В команде корабля № 4, благодаря стараниям и заботам Ушакова, чума не имела большой добычи. За сбережение матросских жизней Федор Федорович был награжден орденом Владимира 4-й степени, затем произведен в капитаны 1 ранга. К двум радостям вскоре прибавилась третья — сошел на воду 66-пушечный линейный корабль № 4, названный «Св. Павлом».

До «Св. Павла» были спущены 66-пушечный корабль «Слава Екатерины» и 50-пушечный фрегат «Св. Георгий». На ходу русские корабли были тяжелее турецких и уступали им в скорости, так как делались из сырого леса. Но даже с этим недостатком начинающийся Черноморский флот России уже представлял собой силу. Очаковские турки знали о строительстве в Херсоне, но были спокойны, считая, что больших кораблей у русских не будет. Большие корабли, по их мнению, невозможно было провести в море по мелководным участкам Днепра. И вот, как чудо, в Днепровско-Бугском лимане возникли громады кораблей. Пусть с неимоверными трудностями, но русские моряки буквально протаскивали корабли по речному руслу до глубокой воды.

От Кинбурна путь кораблей лежал в Крым, в Севастополь...

В годы, когда Крымское ханство стало независимым от Турции, а хан Шагин-Гирей ориентировался на прочные связи с Россией, турки, не желая терять влияния на крымские дела, неоднократно подходили к полуострову с военным флотом. Тогда, чтобы не допустить высадки турецкого десанта и захвата Крыма, на полуостров вошли русские войска, которыми командовал Александр Васильевич Суворов.

Опытным глазом генерал сразу опреде-

Русский линейный корабль времен 2-й русско-турецкой войны. Фрагмент картины А. Боголюбова, XIX в.

лил, где могут высадиться турки, и приказал поставить орудия и сделать укрепления на берегу бухты у деревушки Ахтиар. Бухта эта, названная вначале Ахтиарской, была известна и русским морякам. Как только Крым был присоединен к России, в бухту наведальась Азовская флотилия под командованием вице-адмирала Федора Алексеевича Клокачева, одного из героев Чесменского сражения. Вице-адмирал так отзывался о месте, избранном для главной базы будущего Черноморского флота:

«Подобной еще гавани не видал, и в Европе действительно таковой хорошей нет; вход в сию гавань самый лучший, натура [природа] сама разделила бухту на разные гавани, то есть военную и купеческую... Положение же берегового места

хорошее и надежно к здоровью, словом сказать, лучше нельзя найти к содержанию флота место».

Самая обширная бухта — Северная, — вдавшаяся длинным клином в гористую местность, как бы выдвинула из себя несколько меньших клиньев, обращенных на юг: Стрелецкую, Казачью, Южную, Карантинную, Камышовую бухты. В них хватало места кораблям и судам даже тогда, когда парусников сменили броненосцы, а броненосцев — линкоры...

За год до войны в Севастополе собралась довольно внушительная эскадра: линейные корабли «Слава Екатерины», «Св. Павел», «Св. Мария Магдалина», большие фрегаты «Св. Георгий», «Св. Андрей», а также двенадцать 40- и 32-пушечных фрегатов, прибывших из Таганрога, бомбардирский корабль «Страшный» и 14 меньших судов. Все вместе они имели 826 орудий. Полагалось же Черноморскому флоту быть в составе 12 линейных кораблей и 20 фрегатов, иметь около 2 тысяч орудий. Расчет этот делали, исходя из численности флота турецкого. Как видим, отставание в линейных кораблях было большое. А мирного времени оставалось совсем мало.

В начале 1787 года произошло событие, взбудоражившее Стамбул и все другие столицы Европы. В истории от того события осталось понятие «потемкинские деревни». Но не только и не столько теми деревнями было оно знаменито... Екатерина II, пригласив с собой австрийского императора Иосифа II, а также посла Англии и посла Франции, отправилась в путешествие по Новороссии и Тавриде. Тавридой, прежним древним названием, стал называться Крым и прилегающие к нему на севере земли; Новороссией — область, расположенная на побережье Азовского и Черного морей, широкая полоса от Астрахани на

востоке до польской границы на западе. Цель такого необычного путешествия заключалась в том, чтобы показать Европе, что Россия твердо обосновалась у Черного моря и никому не позволит изменить это положение.

Особые виды были на Иосифа II. Если в минувшей, первой русско-турецкой войне Австрия была в союзе с Турцией, теперь вырисовывалась картина иная — австрийцы в надвигающейся войне могли стать союзниками России. Они станут союзниками в том случае, если император Иосиф убедится, что причерноморские степи наполнились жизнью и деятельностью, что новые города и новые поселения существуют не только в рассказах русских дипломатов, а есть на самом деле. Иосиф и его правительство замыслили воевать в ближайшее время из-за польских территорий с Пруссией. Нужно было повернуть планы австрийцев, вернее, повернуть австрийскую армию на сто восемьдесят градусов.

Поезд с Екатериной и гостями, с пышной свитой выехал из Петербурга в январе. Он состоял из 14 карет и 120 саней. Везли их 560 лошадей. Ночами вдоль дороги через каждые сто шагов зажигались костры. Эти цифры дают представление о торжественности и праздничности всего мероприятия. А к ним надо добавить триумфальные ворота при въездах в деревни и города, толпы встречающих в нарядных одеждах, починенные заборы, подновленные крыши — российские правители демонстрировали довольство и благоденствие подданных императрицы.

В самом конце января путешественники добрались до Киева. Устраивая балы и пирры, задержались в нем до вскрытия Днепра и до приезда Иосифа II.

Весной у Киева собрались галеры. Их, покрытых парчой и иными убранствами и украшениями, было восемь десятков, почти

столько, сколько воевало при Гангуте. Флот императрицы двинулся вниз по Днепру. Екатерину везла галера «Десна». И на «Десне» и на других судах с вельможными путешественниками были сильные и красивые гребцы, кроме них — музыканты и певчие, которые по пути давали концерты.

Из селений, стоявших вдоль реки, созывались на берег люди, молодежь водила хороводы, степенные старики кланялись проплывающим. Когда флот достиг степной полосы, еще недавно невозможной для оседлой жизни, опасной набегами крымских татар, к стоянкам флота стали съезжаться депутации казаков и новых поселенцев Новороссии — русских, украинцев, армян, греков, сербов, венгров, немцев; всем желающим тут давались земли, жить было вольнее — в Новороссии еще не было крепостного права.

Послы Англии и Франции, другие многочисленные иностранцы — генералы и вельможи — были изумлены, император Австрии Иосиф был восхищен богатством своего союзника. Недоставало еще убедиться в военном могуществе России. Но князь Григорий Александрович Потемкин, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор новороссийский, азовский, астраханский, приготовил гостям и эту возможность. В городе Кременчуге путешественники увидели воинские учения.

В то время войсками, дислоцированными по обе стороны Днепра, командовал Александр Васильевич Суворов. Он имел высокий чин генерал-аншефа, славу храбрейшего участника Семилетней войны, славу победителя турок в минувшей войне при Туртукае, Гирсове и Козлудже, и было ему тогда без трех годов шестьдесят. За несколько месяцев до приезда Екатерины и Иосифа Потемкин поручил Суворову подготовить к смотру дивизию, расквартированную в Кременчуге. Суворов признавал

полезным для армии лишь то, что нужно в бою, и, поскольку характер подготовки к смотру не противоречил его принципам обучения и воспитания войск, с обычной энергией и ответственностью взялся за дело.

Смотр войск и показательное учение прошли как нельзя лучше. Иностранцы и русские вельможи были поражены внешним видом солдат: на них были удобные мундиры — короткие куртки, а не длинные кафтаны; шерстяные шаровары, а не штаны из лосиной кожи; легкие каски, а не огромные треугольные шляпы; не было ни буклей, ни кос — не было того, что при Петре III перекочевало из армии прусской в армию русскую. Но самым удивительным оказалась выучка. Многотысячные массы с четкостью и слаженностью маршировали, совершали перестроения — из линий в колонны, из колонн в каре... В заключение дивизия — пехота, конница и артиллерия — разделилась надвое. И две воинские линии пошли в атаку друг на друга. С двух сторон били пушки, гремели ружейные залпы. Затем солдаты, имитируя удар штыками, побежали, а кавалеристы, обнажив сабли, пустили лошадей в галоп. Из густых клубов порохового дыма донеслись раскаты «ура». Зрителей охватил невольный страх: еще мгновение — и тысячи людей, столкнувшись, умертвят друг друга. Но этого не произошло. Вдох облегчения и восхищения вырвался у всех, когда вдруг увидели на поле две линии, удаляющиеся от места неминуемого столкновения, — солдаты были научены в нужное мгновение поднимать штыки и делать полуоборот направо, пропуская встречных сквозь свой строй.

«Никогда не видели лучших солдат!» — так говорили иностранные генералы. Сама Екатерина, тоже понимавшая армейские дела, писала потом в письме из Кременчуга: «Мы нашли здесь расположенных в

Русские
гусары.
Старинная
акварель.

Русские
пехотинцы
и егеря
во главе
с офицером.
Старинная
акварель.

лагере 15 тысяч человек превосходнейшего войска, какое только можно встретить».

К императрице подъехал на коне Суворов. Вместо генеральского мундира на нем была солдатская куртка, украшенная орденami. Соскочив с седла, генерал дважды поклонился Екатерине.

— Чем мне наградить вас? — спросила императрица.

Ответ Суворова, вошедший во все книги, содержащие описание тех времен, приводем и мы, он стоит того.

— Ничего не надобно, матушка, давай тем, кто просит. Ведь у тебя и так попрошайек, чай, много?

— Но я хочу вас наградить, генерал! — настаивала Екатерина.

— Если так, матушка, — согласился Суворов, — спаси и помилуй — прикажи

отдать за квартиру моему хозяину. Покою не дает, а заплатить нечем!

— А разве много? — удивилась императрица.

— Много, матушка, три рубля с полтиною.

Чтобы сгладить неловкость, Екатерина из своего кошелька достала деньги и дала их Суворову. Потом императрица подарит генерал-аншефу за смотр в Кременчуге табакерку, усыпанную бриллиантами, ценной в семь тысяч рублей, и Суворов не откажется от подарка, будет благодарить Екатерину в самых пышных выражениях. Но этот диалог, случившийся сразу после демонстрации отличного войска, был расценен иностранцами как вера правителей России в победоносный талант Суворова и как обещание самого генерала разде-

латься с турками без снисхождения. Если Суворов мог позволить себе разговор, который был укором императрице, окружившей себя тунеядцами, льстецами и другими прихлебателями, и звонкой пощечиной всем им, значит, этот седой, низкорослый старик на самом деле способен уничтожить врага России. Так к впечатлению от грозного войска прибавилось впечатление от его чуть ли не колдовского предводителя.

В силе одной российской руки — армии — ни английский посол, ни французский, никто другой уже не сомневался. Надо было показать теперь вторую руку — флот. Постройка военно-морского флота вдали от моря, на реках, казалась делом невозможным. Чтобы опровергнуть такое мнение, путешествие, длившееся уже полгода, было продолжено. Галеры спустились по Днепру еще ниже и достигли Херсона.

Город с гаванью, верфями, с крепостной защитой, а главное, с морскими кораблями у причалов существовал на самом деле. Императрица, император, послы и прочие важные персоны стали свидетелями приуроченного к их приезду спуска на воду линейных кораблей и большого 50-пушечного фрегата. Фрегат назывался «Александром Невским», линейный 66-пушечный корабль — «Св. Владимир», а 80-пушечный не без умысла именовался «Иосифом Вторым». Иосиф-корабль, заскользив по бревнам, смазанным салом, как бы потянул за собой в днепровскую воду Иосифа-императора — такой многозначительный подарок нельзя было истолковывать иначе как приглашение Австрии к войне с турками. «Слава Екатерины» и «Иосиф Второй» в одном флоте — это ли не объявление о военном союзе России и Австрии!

Из Херсона, поменяв галеры на кареты, Екатерина с гостями и свитой двинулась в Крым. В Бахчисарае — Дворце садов,

Палам
кирасира.

в недавней резиденции крымских ханов, — путешественники отдохнули и развлеклись, а затем Потемкин предложил им отбыть в Севастополь и там продолжить знакомство с Черноморским флотом России.

В самом городе, в портовых постройках, как и в кораблях, опытный глаз видел много недоделанного или не так сделанного, но недостатки не затмевали главного — в краткие годы Россия создала свой военный флот на Черном море и он мог, пусть еще не на равных, сражаться с флотом Турции.

О выучке моряков новорожденного флота иностранцы тоже получили представление. На северном берегу бухты была специально построена деревянная крепость. Бомбардирский корабль «Страшный» подошел к ней на орудийный выстрел и открыл стрельбу брандсугелями — зажигательными снарядами. Морские пушки стреляли так метко, что сразу же подожгли крепость. Русские моряки — это отметили все — были подготовлены лучше турецких.

В Севастополе, как и в Кременчуге, начальники получали от Екатерины награды и повышения в чинах. Федор Федорович Ушаков, командовавший кораблем «Св. Павел» и одновременно второй эскадрой, а также руководивший боевой подготовкой всего флота, был произведен в капитаны бригадирского ранга — чин, предстоящий чину контр-адмирала.

Несколькими страницами раньше мы отметили губительное для врагов появление в вооруженных силах России двух удивительных военачальников. Посмотрим на их жизни, как на две линии, идущие рядом.

Федор Федорович Ушаков был моложе Александра Васильевича Суворова на четырнадцать лет. Когда семнадцатилетний Ушаков поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге, а было это в 1761 году, подполковник Суворов был в боях

Семилетней войны — во главе отряда гусар и казаков совершал дерзкие нападения на пруссаков; однажды даже ворвался в лагерь короля Фридриха и гнал саблями противника почти до королевского шатра.

В 1764 году гардемарин Ушаков совершил первое плавание на корабле «Св. Евстафий» по Финскому заливу от Кронштадта до острова Гогланд — путь, как мы знаем, совсем краткий. Полковник Суворов в то время был командиром старейшего в русской армии Суздальского полка, в нем он начал обучать офицеров и солдат своей знаменитой «науке побеждать».

Можно предположить, будь Ушаков в обучении у Суворова, полковник был бы доволен успехами ученика. Ушаков окончил Морской корпус четвертым по набранному баллам, опередив сотню сверстников, и получил в 1766 году первый офицерский чин — мичмана.

Памятным для Ушакова стал 1770 год, когда он был назначен командовать прамом — плоскодонным парусным судном, вооруженным большими пушками. Тихоходный, неповоротливый прам боялся крупной волны, он по сути был плавучей батареей, причем речной; но двадцатилетний лейтенант любил его, как любят все настоящие военные люди свое оружие. Вместе с другими кораблями и судами прам Ушакова охранял тогда реку Дон. Шла первая русско-турецкая война, противник мог напасть на донские верфи, а они были единственными, откуда Азовско-Донская флотилия получала суда и корабли. Суворов в том же семидесятом году командовал бригадой в войне с польскими конфедератами; за победы над ними он был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Анны.

1773 год свел Суворова и Ушакова на одном военном театре. Суворов постоянно

просил, чтобы его послали из Польши на турецкий фронт, и желание это исполнилось. Вскоре генерал одержал свою первую громкую победу над новым противником — взял на Дунае турецкую крепость Туртукай, захватив 6 знамен, 16 пушек и 19 судов. Суворову был пожалован орден Георгия 2-й степени — очень высокая военная награда.

Туртукай недалеко от Бухареста, и, когда мы говорим, что Суворов и Ушаков оказались на одном военном театре, это не значит, что они были близко друг от друга. Ушаков, командуя 16-пушечным кораблем «Модон», похожим на маленький фрегат, нес патрульную службу у берегов Крыма.

Командиром настоящего фрегата Ушаков стал в 1776 году. Его «Св. Павел», тезка будущего линейного корабля, сопровождал русские торговые суда в плаваниях по Средиземному морю. Около трех лет, до возвращения торговой экспедиции в Кронштадт, Ушаков всюду следовал с ними, много повидал за это время и многому научился. Как подтверждение прибавившихся знаний и опыта стал его новый чин — капитан-лейтенанта. Чин Суворова и должность за те же годы тоже выросли. Победитель турок у Туртукай разбил их еще раз у Козлуджи и стал генерал-поручиком, командующим войсками в Крыму и на Кубани.

Сравнивая службу Суворова и Ушакова, мы почти подошли ко времени прибытия Екатерины II в Новороссию и Таврию, то есть к времени, близком к началу второй русско-турецкой войны, в которой полководец и флотоводец сослужат бесценную службу России.

Судьба, однако, будто противилась тому, чтобы Ушаков служил на Черном море. В 1780 году его назначили командиром яхты «Штандарт». Яхта стояла на Неве в

Орден
св. Георгия.

Петербурге. Сделанная из дорогого дерева, обитая внутри бархатом, позолоченная и изукрашенная, она предназначалась для прогулок царской семьи по Финскому заливу. Командовать таким судном было нелегко и прибыльно — в шторм и близко ко вражеским орудиям на яхте не плавали, а за прислуживание царской родне полагались ордена, чины, деревни с крепостными крестьянами. Ушаков недолго был на новой должности. Он, настоящий моряк и патриот, добился возвращения на боевой корабль. Это был 64-пушечный «Виктор», способный плавать и воевать в любом море. Мы говорили, что Россия поспособствовала возникновению Соединенных Штатов Америки, не позволив английскому флоту прервать торговлю Европы с Америкой. Одним из русских кораблей, осуществлявших «вооруженный нейтралитет», и был «Вик-

Великий
русский
полководец
Александр
Васильевич
Суворов.
Старинная
гравюра.

тор» под командованием Ушакова. После двух лет плавания корабль пришел в Кронштадт. Из Кронштадта, в 1783 году, капитан 2 ранга Ушаков, как мы знаем, отправился с большим отрядом моряков в Херсон. Так Суворов и Ушаков снова оказались участниками одного и того же дела — укрепления России на берегах и водах Черного моря.

Если посмотреть на военные биографии полководца и флотоводца, нельзя не заметить, что начались они обе одинаково: первыми чинами Александра Суворова и Федора Ушакова был самый меньший в России чин капрала, он давался, как правило, лучшим солдатам из простых горожан и крестьян, а не дворянам. Капрал командовал капральством, десятком человек, по нашим понятиям — отделением. Начав с самого малого, Суворов достигнет не просто высокого, но почти невероятно огромного чина — генералиссимуса. Генералиссимусу подчиняются все войска государства. Поэтому обычно монархи и главы правительства оставляют этот чин для себя, в России он даже не входил в табель о рангах, и в табели военным чином 1 класса значился чин генерал-фельдмаршала. Генералиссимусом Александр Васильевич Суворов стал в 1799 году, после легендарного Альпийского похода и многих побед над войсками Франции. В том же 1799 году свой высший чин получит Федор Федорович Ушаков. За взятие крепости и острова Корфу, за победы над французами на море ему был пожалован чин адмирала. Выше в военно-морской службе был только генерал-адмирал, но в то время генерал-адмиралом мог быть лишь член царской семьи.

Суворов и Ушаков, начав службу командирами капральств, командуя затем тысячами и тысячами солдат и матросов, всю жизнь хранили уважение к нижним чинам. А это было непросто в скатеринские и

навловские времена. Тогда русские помещики торговали крестьянами не хуже, чем турки или крымские татары пленниками, доброе отношение к солдатам и матросам считалось предосудительным для офицера-дворянина, доброе отношение, по устоявшемуся мнению, портило армию и флот, разрушало дисциплину, подрывало субординацию, то есть служебное подчинение младшего старшему.

Суворов и Ушаков не просто уважали солдат и матросов — они верили им, видели в них бескорыстных и основных защитников России. Это тоже было непросто в те времена. Высокие чувства, в том числе чувство патриотизма, считались возможным лишь у людей благородного происхождения. У хундордных руководящим чувством, как тогда считали крепостники, был

страх, поэтому и надлежало дворянину постоянно устрашать солдат и матросов всякими карами — от норки до каторги. Многие офицеры не понимали, почему этот худородный, лишенный всех человеческих прав, должен с желанием и рвением идти на смерть. Его нужно бить кулаком, сечь розгами или шомполами за малейшую провинность.

В самые тяжкие, в самые мрачные времена простой народ России верил в свое лучшее будущее и отстаивал с храбростью и героизмом свою землю для лучшей будущей жизни. Воодушевление охватывало в бою солдат и матросов, удваивалось их мужество, удесятерялись их силы, когда с ними были хорошие командиры. А в таких командиров, как Суворов и Ушаков, вера нижних чинов была безгранична. Всегда в

гуще боя, всегда на самом лезвии опасности были и полководец и флотоводец, давая армии и флоту высочайший пример бесстрашного служения родине.

Сравнивая военную жизнь Суворова и Ушакова, отметим еще один сходный момент. Как уже говорилось, молодой офицер Ушаков отказался командовать царской яхтой и добился назначения на военный корабль. А Суворов в молодости, в Семилетнюю войну, имел чин обер-провиантмейстера, старшего мастера продовольственных дел, был интендантом. С этими обязанностями он справлялся хорошо, мог бы совершенствоваться на важном для армии поприще. Оно избавило бы его от многих ран, болезней, от нечеловеческих тягот, которые пришлось перенести Суворову в походах и сражениях, — над интендантами, как правило, пули не свистят. Суворов же сам добился, чтобы ему, продовольственному мастеру, дали отряд кавалеристов. Из рейда по коммуникациям прусских войск он вернулся воодушевленный дерзостью своих неожиданных ударов, яростью сабельных схваток и сладостным, ни с чем не сравнимым ощущением победы. И Ушаков и Суворов отдали безопасные должности другим, сами же ринулись в грозное пламя сражений.

Мы оставили Екатерину II и ее гостей в Севастополе. Куда же они двинулись из Крыма? В Полтаву. Там состоялись большие маневры. Во время учений кавалерия и егеря разыграли на памятных местах боев со шведами несколько эпизодов Полтавской битвы. Так, Потемкин, уже пожалованный титулом Таврического, поставил многозначительную, символическую точку в путешествии императрицы по югу России. (К слову сказать, корпусом егерей на учениях командовал генерал-майор

«Герб рода Князя Итальянского Графа Суворова Рымникского» Карта Италии на гербе означает победу над войсками французов в итальянском походе; перо, украшенное алмазами, и буква К — победу над турками под Кинбурном; туча и молния, бьющая в опрокинутый полумесяц, а также река Рымник — победу в Рымникском сражении.

Михаил Илларионович Кутузов, будущий победитель Наполеона.)

Итак, путешествие закончилось. Послы западных держав яснее ясного увидели возросшую мощь России. Турецкий султан и его окружение вознегодовали так, будто Екатерина побывала без спросу в самом Истанбуле. 12 августа 1787 года султанская Турция, опираясь на помощь Англии, Франции и Пруссии, на военный союз со Швецией, объявила России войну.

А какова позиция Австрии? Иосиф II, вернувшись из путешествия в Вену, колебался. Воевать с турками ему откровенно не хотелось. Император искал какой-нибудь повод, чтобы ускользнуть от военных действий. Но султан держался так надменно, повода к миру с австрийцами не давал и малейшего, и Австрия вынуждена была втянуться в войну.

Турецкие военачальники представляли действия, ведущие к победе над русскими, так: флот высаживает крупные десанты в устьях Днепра и Кубани и в Крыму, а 150-тысячная армия из Молдавии движется на Украину. Таким образом Турция возвращает себе все, что потеряла в минувшую войну.

Русское командование прикрыло Киевское направление 30-тысячной Украинской армией под командованием фельдмаршала Румянцева. Главные действия возлагались на 70-тысячную Екатеринославскую армию под командованием фельдмаршала Потемкина. Ей надлежало овладеть турецкой крепостью Очаков; очистив таким образом свой тыл от турок, двинуться на запад и перейти Днестр, выбить или изгнать турок из междуречья Днестра и Прута, там соединиться с австрийцами, вместе с ними выйти к Дунаю. Посмотри карту второй русско-турецкой войны — планы обеих сторон будут яснее.

Как видим, и турки и русские плани-

руют первые военные действия в районе Днепровско-Бугского лимана, или Лимана, как говорили тогда. Причина этого однообразия проста. Турки надеются закрыть днепровский выход в море и тем обречь на бездействие русские корабли и суда, построенные и строящиеся в Херсоне, затем захватить и сам Херсон с его верфью; не получая пополнения кораблями, севастопольская эскадра, малочисленная и без того, вовсе ослабнет. Захватом устья Кубани турки заблокируют русские корабли в Азовском море. Захватом Крыма лишат русский флот вообще какого-либо опорного пункта на берегу моря. Без военноморского флота, как уже говорилось, окончить войну решительной победой Россия не сможет.

После объявления войны и заточения русского посольства в страшный Семибашенный замок в Черное море из Константинополя вышла турецкая эскадра под командованием капудан-паши, то есть адмирала Гасана, прозванного за военные удачи Крокодилом морских сражений. В начале второй половины августа капудан-паша, оставив в Варне основную часть эскадры, с тремя линейными кораблями, фрегатом и тремя десятками других военных судов подошел к Очакову. Турки принялись за разведку Лимана и укреплений Кинбурна. В Кинбурне о начале войны еще не знали.

Одним из пяти корпусов Екатеринославской армии командовал Александр Васильевич Суворов. Потемкин поручил ему самое ответственное дело — охрану Херсоно-Кинбурнского района. Генерал-аншеф отчетливее других понимал значение Кинбурна и Херсона во всей начавшейся войне и еще до начала войны распорядился о строительстве укреплений и в крепости, и в городе, об установке батарей на угрожаемых участках; вся береговая линия была

Пистолет
конца
XVIII в.

укреплена, дозоры следили за поведением турок на суше и на море. И сам Суворов не спускал глаз с турок. «Вчера поутру, — доносил он 22 августа Потемкину, — я был на броне Кинбурнской косы. Варвары были в глубокомыслии и спокойны».

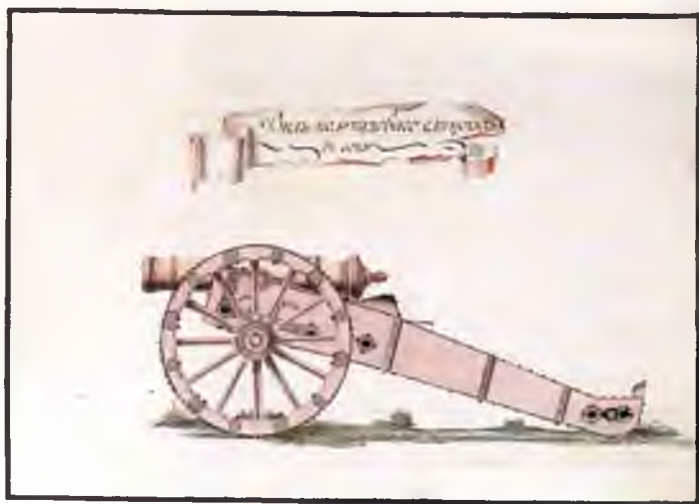
Гасан почему-то медлил с активными действиями, с высадкой десанта. Может быть, боялся севастопольской эскадры, которая могла его самого прижать к Лиману и запереть в нем.

Тем временем командующий севастопольской эскадрой контр-адмирал граф Войнович вел свои корабли — 3 линейных, 7 фрегатов — к Варне. Потемкин поставил перед эскадрой сложную и дерзкую задачу — напасть у Варны на корабли капудан-паши, истребить их и двинуться от Варны к Очакову; действуя совместно с кораблями херсонской эскадры, добить Крокодила морских сражений у Лимана и помочь сухопутным войскам в штурме Очакова. Очень хороший план, исполнение которого разрушало все замыслы турок. План мог бы осуществиться, если бы Войнович характером и умом оправдывал свою грозную фамилию. А был он откровенный трус.

Он долго оттягивал исполнение приказа Потемкина — «где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя б всем пропасть» — и вышел в море неуверенный, растерянный, уже обреченный на неудачу.

Неприятеля эскадра не увидела, а попала в жестокий шторм. Пять суток бушевало море. Ураганный ветер разметал корабли на большом пространстве, и они потеряли друг друга. На флагманском корабле «Слава Екатерины» сломало все три мачты и унесло в море. На всех кораблях и фрегатах порвало паруса, снесло реи¹. В корпусах под ударами волн разошлись крепления, в трюмы пошла сквозь щели вода. Три недели разрозненные корабли эскадры блуждали по морю. Фрегат «Крым» потонул со всем экипажем. «Марию Магдалину» ветром и течением отнесло к Константинополю, там ее пленили турки. В ужасном положении был «Св. Павел», которым командовал Федор Федорович Ушаков. Корабль лишился двух мачт,

¹ Реи — круглый брус, подвешенный за середину к мачте, служит для несения парусов.

Единорог
полупудовый.
Старинная
акварель.

Русские
артиллеристы.
Старинная
акварель.

все паруса и такелаж¹ были изорваны. Превратившись в беспомощную игрушку волн и ветра, он оказался у берегов Абхазии, то есть пересек все Черное море с запада на восток. Казалось, неминуем плен или гибель экипажа с кораблем — абхазские берега принадлежали Турции. Моряки «Св. Павла» сделали невозможное: с маленьким парусом на фок-мачте корабль пришел в Севастополь. Впоследствии Ушаков напишет об этом случае: «Одна только вернейшая их [матросов] ко мне доверенность спасла мой корабль от потопы, он был в крайней опасности».

В Севастополь вернулась вся эскадра, за исключением двух кораблей. Но из участия в боевых действиях она выбыла на год с лишком. Предстоял долгий ремонт, для которого пришлось доставлять корабельный лес на судах из Таганрога, а мачты на волах из Херсона.

¹ Такелаж — судовые снасти.

Русский Черноморский флот получил жестокий удар.

Капудан-паша Гасан после такого подарка, естественно, взялся за Кинбурн, выход из Лимана в море можно было заблокировать, лишь овладев Кинбурном. Турецкие корабли подходили к крепости и подвергали ее бомбардировкам, после бомбардировок турки пытались высаживать на Кинбурнскую косу десанты. Крепость отвечала неприятелю из своих орудий. Пехота и казаки принуждали высадившихся турок возвращаться на шлюпки и уходить с своим кораблям. Русским артиллеристам удалось так хорошо попасть в 54-пушечный корабль, что он взорвался и потонул с полутысячным экипажем.

В Лимане находилась русская херсонская эскадра (она же лиманская): 2 линейных корабля, 4 фрегата, 8 меньших кораблей, 2 плавучих батареи, несколько ботов

и транспортов. Командовал эскадрой контр-адмирал Мордвинов, имевший связи при царском дворе и не имевший желания воевать — на удачу в бою он не надеялся, так как считал, в соответствии с военноморскими правилами того времени, что победить можно, лишь имея численное превосходство в кораблях и орудиях; поскольку превосходства не было, можно было потерять привилегированное положение и расположение императрицы. Мордвинов ни разу не пришел на помощь Кинбурну, а командира галеры, который не выдержал бездействия и храбро повел свой кораблик против турецких кораблей, арестовал и отдал под суд за нарушение дисциплины.

Галера была та самая «Десна», на которой Екатерина плыла из Киева в Херсон по Днепру. Молодой отважный мичман Ломбард, уроженец острова Мальты, замаскировал галеру под брандер. Брандеры — суда-самоубийцы: сцепившись в бою с кораблем противника, они поджигают и взрывают себя вместе с врагом. Корабли Гасана, уклоняясь от встречи с «Десной», прекращали стрельбу по Кинбурну, а когда с галеры началась пушечная и ружейная стрельба, пришли в замешательство. Суворов потом доносил Потемкину: «Шевалье Ломбард атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей... и, по учинении варварскому флоту знатного вреда, сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами». На «Десне» после боя, длившегося два с половиной часа, все сто пятьдесят человек экипажа были живы и здоровы, только самому командиру турецкая пуля оторвала кончик уха. Суворов высоко оценил инициативу в бою и хлопотал о наградах для таких людей. Джулиано де Ломбард был освобожден из-под ареста уже не в чине мичмана, а в чине лейтенанта.

Зарядный ящик для перевозки зарядов и снарядов (вид сбоку и сверху). Старинная акварель.

12-фунтовая
пушка.
Вид сбоку
и сверху.
Старинная
акварель.

Действия турок у Кинбурна пока что были всего лишь разведкой боем. Решающие события начались 1 октября. Накануне, с полудня и до полуночи, противник непрерывно обстреливал крепость с кораблей, стараясь разрушить укрепления и подготовить условия для штурма. Семнадцать турецких кораблей и судов подошли к оконечности Кинбуриской косы и в нескольких верстах от крепости начали высаживать десант. Между берегом и кораблями сновали лодки, доставляя на косу все новые отряды янычар.

По случаю церковного праздника покрова, Суворов с офицерами был в церкви на обедне. Гонцы известили его, что турки высаживаются, роют поперек косы траншеи, делают брустверы из мешков с песком. На это Суворов ответил: «Пусть все вылезут» и запретил стрелять по неприятелю из пушек. Офицеры, которые еще не приходилось воевать под командованием Суворова, недоумевали: «Как же так? Дать неприятелю закрепиться в такой близости от крепости! Это же азбучная истина — противодействовать всеми средствами десанту, когда он только приближается к берегу...» Но Суворов знал что делал.

В числе его знаменитых афоризмов, а они все выражали военные или этические принципы полководца, есть такой: «Противник оттеснен — неудача, противник истреблен, взят в плен — удача»; и еще: «Недорубленный лес опять вырастает». Суворов хотел истребить десант, а не просто отогнать его. Отгонишь сегодня, турки начнут новую высадку завтра. Да еще войск прибавят — «Недорубленный лес опять вырастает!» Суворов не знал, что султан Абдул-Гамид пообещал отрубить голову командиру Очаковской крепости, если тот не овладеет Кинбурном, но с султанскими порядками был знаком и имел все

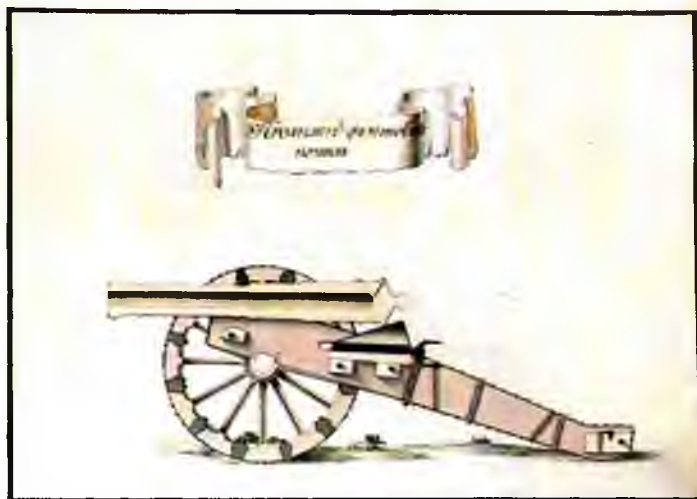
основания полагать, что турки подобру от Кинбурна не откажутся. Значит, пусть все высаживаются. К тому же, если атаковать турок при высадке, атакующие попадут под огонь корабельной артиллерии Гасана, а это 600 орудий — неминуемые большие потери. Атаковать янычар нужно, когда они пойдут к крепости и отдалятся от своих кораблей.

Обедня в церкви продолжалась. Она закончилась молебном «на победу врагов и одоление».

В полдень турки тоже молились своему богу и тоже просили даровать победу.

Обеспечив тыл 15 траншеями, прорывами поперек песчаной косы, янычары — более 5 тысяч — двинулись к крепости.

У Суворова было 3 тысячи пехоты и кавалерии. Почти половину своего войска — пехоту Муромского полка, кавале-

рию Мариупольского и Павлоградского полков — Суворов держал в резерве. Навстречу атакующим, после картечного залпа русских пушек, бросилась пехота Орловского, Шлиссельбургского и Козловского полков, два эскадрона легкой конницы и три полка донских казаков.

В первые же минуты схватки был убит командир янычар Эюб-ага. Противник не выдержал встречного удара и покатился к своим траншеям на оконечности косы. Русские с ходу заняли десять траншей. Но тут они попали под жестокий огонь турецких кораблей. Ядра и картечь косили солдат и казаков. Тяжелую рану получил командир Кинбурнской крепости генерал-майор Иван Рек. Были ранены почти все батальонные командиры. У лошади Суворова ядром оторвало голову. Пехота, состоявшая в основном из новобранцев, не выдержала напряжения и начала отходить.

Суворов со шпагой в руке отходил в последних рядах арьергарда. И тут чуть не случилось несчастье — несколько турок

12-фунтовая
пушка
в разрезе.
Старинная
акварель.

Спасение
Суворова
мушкетером
Новиковым
в бою под
Кинбурном.
Старинная
скульптура.

бросились на генерала, чтобы пленить его. Гренадер Шлиссельбургского полка Степан Новиков, оказавшийся поблизости, проткнул штыком одного янычара, застрелил другого, обратил в бегство остальных. Солдаты, бросившись спасать Суворова, увлекли за собой других. И янычары опять побежали к своим траншеям.

Был вечер. А бой не стихал. Картечью Суворова ранило в грудь. Засыпанный песком, он потерял сознание. А когда пришел в себя, увидел, что турки увозят к себе несколько русских пушек. Русские опять не выдержали огонь кораблей, опять отступали к крепости.

Если бы контр-адмирал Мордвинов попал со своей эскадрой на корабли капудан-паши! Пусть хотя бы отвлек на себя часть неприятельской артиллерии — как облегчилось бы положение защитников Кинбурна! Пусть хотя бы устроил демонстрацию атаки... Мордвинов преступно созерцал происходившее. И только лейтенант Ломбард, снова нарушив дисциплину, повел свою «Десну» на турецкие корабли. И чудо — семнадцать попятись от берега. Они не только «Десны» испугались, — галера была гирькой, качнувшей весы: до этого артиллерия крепости потопила два артиллерийских судна турок и подожгла две шебеки, имевшие каждая по 40 небольших пушек.

Уже в сумерках Суворов начал третью контратаку. Полководец имел редкий дар точно определять момент для решающего удара. Момент такой наступил: янычары устали, понесли потери, к крепости не сумели подобраться, им казалось, что бой на этот день закончен, предстоит ночлег в траншеях или возвращение на суда... Свежие силы русских — 400 отборных пехотинцев и 900 кавалеристов, резерв, который был сбережен Суворовым именно для такого момента, — ринулись в решаю-

щую схватку. На узкой косе противники перемешались, и корабли капудан-паши Гасана, чтобы не побить своих, не стреляли. Пользуясь этим, казаки отмелью вышли в тыл противнику. Началось истребление янычар. Командир Очаковской крепости Юсуф-паша пошел на крайнее средство — приказал кораблям отойти от Кинбурна, у янычар остались две возможности: победить или погибнуть, третья — отступление — исключалась.

Из всех траншей янычары были выбиты. Смерть носилась над их головами — свистела русская картечь, и не было спасения от русской сабли и штыка. Уже сопротивлялись лишь отдельные группы. Большинство убежало в море и, стоя в воде, просило пощады. В это время Суворова ранило еще раз — пулей в руку. Донской есаул Кутейников и гренадер Огнев промыли рану генерала морской водой, перевязали, и Суворов, взобравшись на лошадь, вернулся к бою.

Бой стихал. Из пяти с лишним тысяч янычар в Очаков вернутся лишь семьсот. Кинбурн не только устоял, но лишил неприятеля отборного войска. В будущем сохраненный Кинбурн огнем крепости и батарей, установленных на косе, не позволит туркам доставлять подкрепления в Очаков, и Очаков будет взят русскими войсками. Кинбурнская победа сделала неудачу севастопольской эскадры не такой горькой и не такой опасной для общего положения.

Мы говорили, что командование обеих сторон — и Турции и России — придавало Херсоно-Кинбурнскому району первостепенное значение. Важность происшедшего видна из реакции султана Абдул-Гамида и императрицы Екатерины. Султан повелел отрубить головы одиннадцати виновникам поражения, головы несчастных подняли на колья в Константинополе —

в наизидание живущим. Императрица отозвалась на известие о победе Суворова кокетливо и восторженно: «Старик поставил нас на колени, жаль, что его ранили». По городам России служили молебны в честь Кинбурнской виктории. И щедрые награды получали победители. Суворову были посланы из Петербурга знаки и лента высшего российского ордена Андрея Первозванного. Гренадер Степан Новиков, спасший Суворова, удостоился специальной серебряной медали. Отважный Ломбард вместе с орденом Георгия 4-й степени получил следующий чин — капитан-лейтенанта. Многие солдаты и казаки были награждены медалями.

Первый год войны — 1787-й не изменил положение воюющих сторон. Капудан-паша Гасан осенью увел свои корабли в Турцию. Русский флот тоже готовился к зимовке. Все осталось на своих местах.

...В благополучных обстоятельствах почти каждый человек выглядит благополучно. Когда же обстоятельства осложняются, особенно войной, тогда становится ясным, кто есть кто. Так, очередная русско-турецкая схватка, высветив ярким светом пороки крепостнического строя, показала и точную цену людям, стоявшим у руководства войной. Лыстецы и лизоблюды, высокотитулованные глупцы, в мирную пору увещанные боевыми орденами и занявшие важные посты, оказались в практических делах сурового времени не только бесполезными, но и вредными. Однако, поскольку победа в войне очень была нужна дворянству и царизму, все же под сильнейшим давлением обстоятельств происходила замена руководителей в армии и флоте. Черной завистью, клеветой, подсиживанием отозвалась именитая бездарность на такую замену. Почти вся армейская жизнь Александра Васильевича Суворова, почти вся флотская жизнь Федо-

ра Федоровича Ушакова — это череда не только побед над врагами России, но и череда душевных страданий из-за того, что они знали, как победить врага, а их начальники не знали...

Наступил второй год войны, 1788-й. Поскольку первый год почти ничего не переменил на военном театре, цели обоих противников оставались прежними. Русское командование вдобавок к прежним планам намеревалось послать из Кронштадта эскадру в Эгейское море. По примеру предыдущей войны русские корабли должны были блокировать Дарданелльский пролив и тем лишить Турцию помощи из Египта и Алжира.

Херсоно-Кинбурнский район снова готовился к встрече эскадры капудан-паша Гасана. Князь Потемкин, не надеясь добиться от контр-адмирала Мордвинова активных действий, перевел из Севастополя в Херсон Ушакова и поручил ему готовить к боям лиманскую эскадру. Ушаков ревностно принялся за новое дело. Однако встретиться с капудан-пашой в Лимане Ушакову не пришлось. Потемкин, сняв Мордвинова с командования эскадрой, дал ему другую должность, более высокую, и тот, пользуясь новой властью, отослал Ушакова обратно в Севастополь под предлогом, что там он нужнее. Мордвинов чувствовал, что Ушаков может победить турок, а победив, посрамит его перед всем Черноморским флотом. Все помнили, как он позволил туркам беспрепятственно стрелять с моря по Кинбурну и его защитникам.

Дули теплые ветры, не свирепые, как осенью и зимой, но сильные, и под их напором летела к Лиману, к Очакову и Кинбурну турецкая эскадра. Не эскадра даже. Султан вверил Крокодилу морских сражений целый флот. Тем временем армия фельдмаршала Потемкина по суше

стягивалась также к этим местам — планировался штурм Очакова.

Корабли Гасана прибыли к Очакову раньше войск Потемкина. 13 линейных кораблей, 15 фрегатов и 17 других — великая сила! Но у Очакова и до прихода Гасана уже стояло больше полусотни вооруженных судов. Чуть ли не круглая сотня в общей сложности собралась. В начале июня капудан-паша начал сражение в Лимане, намереваясь уничтожить в нем русские корабли и суда.

У русских было 2 линейных корабля, 4 фрегата и 8 других парусных вооруженных судов, к ним прибавились гребные суда: 7 галер, 7 дубель-шлюпок, 7 плавучих батарей, 7 палубных баркасов, 22 канонерские лодки и один брандер. Командовали ими адмирал Нассау и Поль Джонс, герой войны за независимость Соединенных Штатов Америки, поступивший на русскую службу. Сражение было жаркое. Оно длилось с утра до полудня. Несмотря на то что турки имели во много раз больше крупных орудий, от артиллерийской стрельбы русских два турецких корабля взорвались, один сгорел, многие суда и корабли получили повреждения. Не подчиняясь приказам капудан-паши, турецкие капитаны выводили корабли из линии и укрывались под защитой крепостных орудий Очакова.

Русские моряки были довольны итогами первой схватки. У турок удовольствия не было, и они готовились к новому бою. Прошло десять дней, и турецкий флот начал выстраиваться для атаки на русские корабли и суда. В этот раз Нассау и Джонс сами атаковали противника, не дав ему построить линию баталии. Наградой за смелость стали два уничтоженных 64-пушечных турецких корабля. Один из них был флагманский. Он дольше всех держался на месте, стараясь своим примером

остановить корабли, снова бежавшие под стены Очакова, и был окружен русскими гребными судами и подожжен. Хозяин корабля, Крокодил морских сражений, успел бежать на шлюпке, но флаг и вымпел капудан-паши стали трофеями лиманской эскадры.

Суворов, находившийся в Кинбурне и наблюдавший бой кораблей, думал о помощи морякам. Он приказал установить на самой оконечности косы замаскированные батареи и печь для каления ядер. (Раскаленное в огне ядро закладывали в пушку и стреляли; проломив борт или палубу, оно поджигало корабль.) Батареи оказались очень полезными. Ночью Гасан повел свой потрепанный флот из Лимана в море. Светила луна. Этого света было достаточно суворовским пушкарям, чтобы верно целить в проходившие совсем близко неприятельские корабли. Один за другим были разбиты 7 кораблей. Не сразу разобравшись, в чем дело, турки решили, что сбились с курса, вышли к Кинбурнской крепости и попали под ее орудия. Ошибочно поправляя курс, многие суда сели на мель и днем стали добычей русских гребных судов.

В общей сложности Крокодил морских сражений за две недели потерял у Очакова 26 кораблей и судов, в плен попал 54-пушечный корабль, да еще 5 фрегатов и другие суда были захвачены. Погибло свыше 6 тысяч турецких моряков, а около 1700 было пленено. Русский флот потерял всего три галеры. Потери русских убитыми и ранеными были во сто крат меньше турецких. Турки, следуя своим правилам боя, основную стрельбу вели по рангоуту¹ русских кораблей. Корабль с изломанными реями,

¹ Рангоут — круглые деревянные брусья, предназначенные для постановки и растягивания парусов (мачты, реи и др.).

с порванными парусами и такелажем лишился хода, и турки брали его, неподвижный, на abordаж. Но русские моряки сами были мастерами abordажного боя, поэтому турецкая тактика не давала желаемого результата.

Князь Потемкин, главнокомандующий русскими сухопутными и морскими силами, ужасно радовался. Как же! Храбрый Гасан-паша бежал... Но чрезмерная радость, как и чрезмерная печаль, плохие советчики в сложном деле, они мешают дать истинную оценку событию. Потемкину казалось, что теперь Очаков, окруженный на суше русскими войсками, блокированный на воде русскими кораблями должен сдаться. И фельдмаршал, отказавшись от намеченного штурма, стал ждать, когда турки принесут ему ключи от крепости. Время шло. Ключи не несли. Не зря султан повесил на кол голову прежнего очаковского коменданта — новый турецкий начальник сдаваться не думал. К тому же в погребах крепости пороха и продовольствия было достаточно на месяцы осады.

В дни, когда Лиман огласился грохотом корабельных орудий, в местах, отдаленных от него, произошли важные события. Австрия наконец вступила в войну; австрийские войска на своем участке фронта вели бои с турками — очень, к слову сказать, неудачные. Тогда же шведский король Густав III, угрожая взятием Петербурга, потребовал от русского правительства, чтобы Россия отдала Турции Крым и другие территории на северном Причерноморье, разоружила свой флот на Балтийском море и отвела войска от границ Швеции и Турции. Неумный Густав пекся о турках потому, что султан дал ему деньги на войну с Россией.

Вдобавок к войне с турками Россия получила войну со шведами. Балтийские ко-

рабли не пошли в Эгейское море, они вступили в сражения со шведским флотом. Солдат, моряков, боеприпасы, продовольствие теперь пришлось делить между двумя фронтами.

В новых обстоятельствах скорое взятие Очакова, главного опорного пункта турок на Черном море, было еще нужнее, чем прежде. А Потемкин все медлил. На предложение Суворова начать штурм князь ответил:

— Я на всякую пользу руки тебе развязываю, но касательно Очакова попытка неудачная может быть вредна... Я все употреблю, надеясь на бога, чтобы он достался нам дешево.

Один из самых могущественных людей екатерининского правления, может быть, самый богатейший, один из самых одаренных администраторов России, Потемкин не получил от природы полководческого таланта и боялся сам себе признаться в этом: ему все было возможно — купить или построить любой дворец, возвысить кого-либо или уничтожить, ему все всегда удавалось, так как же это он — и не полководец?! Армию и флот князь знал прекрасно, понимал по-своему и русского солдата. Суворов и Ушаков в своей новаторской деятельности опирались на его помощь. Готовясь к войне, о которой наш рассказ, Потемкин сочинил «Записку об одежде и вооружении войск». Только он мог получить согласие императрицы на свои удивительные для вельможи того времени предложения.

В «Записке» прослежено, как менялись одежда воина и амуниция со времен, когда еще не было огнестрельного оружия, а воевали копьем, мечом, луком, как новое оружие и новые приемы боя требовали смены одежды и воинского снаряжения. В каждом пункте «Записки» Потемкин делает упор на рациональность снаряжения, на удобство пользования им, на бере-

жение сил и времени солдата при одевании, на то, чтобы одежда не вредила здоровью. Конечно, любовью к простому русскому человеку тут и не пахло. Князю, представителю российского дворянства, нужны были боеспособные солдаты. И все же объективно нововведения были на пользу каждому, кто попадал на трудную солдатскую или матросскую службу. Они делали армию и флот сильнее. Прочтем кое-что из сочинения Потемкина. Из него мы увидим и тяжкие подробности солдатского быта тех времен.

«В прежние времена в Европе, как всяк, кто мог, должен был ходить на войну и, по образу тогдашнего боя, сражаться белым [холодным] оружием, каждый, по мере достатка своего, тяготил себя железными бронями; защиты таковые простирались даже и до лошадей; потом, предпринимал дальние походы и строясь в эскадроны, начали себя облегчать: полные латы переменялись на половинные; а наконец, и те уменьшились так, что в конце осталось от сего готческого снаряду только передняя часть и каскет на шляпе; а в пехоте знак, и то только у офицеров.

Тогда более сражались поодиночке; то защиты таковые немало обороняли, особливо же от копий, почему не напрасное имели к ним уважение, которое, превратясь в некоторое военное педанство, поставило цену и амуниции, вовсе не обороняющей, а как все казалось легко в рассуждении железного снаряда, то при перемене амуниции ввели множество вещей излишних и нескладных.

В Россию, когда вводилось регулярство [когда армия стала постоянной], вошли офицеры иностранные с педанством тогдашнего времени [с формальным соблюдением правил], а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда [снаряжению], почли все священным и как будто

таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и пр. Занимая себя таковою дрянью, и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте; а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдат, тем паче, что он, взят будучи из крестьян в 30 почти лет возраста, узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих...

Штаны в конце лосиные [из лосиной кожи]... Зимой от них холодно, а летом жарко, под ними же нельзя иметь полотняной одежды. Ныне лосиная одежда не нужна; в старину ее носили для того, что употребляли железные латы, и как лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги делают так узки, что и надевать трудно, а скидывать еще труднее, особливо когда намокнут...

Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело: у них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков: что встал, то готов. Если бы можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет?..»

В примечании к «Записке» Потемкин приводит такой расчет: «Сбережение сала и муки, которые тратились к убранству голов солдатских бесполезно, служило некоторым образом к дешевизне сих вещей; ибо, считая войска хотя двести тысяч, выходило бы на сие украшение того и другого

Голштинский
солдат.
Старинная
цветная
гравюра.

Обер-офицер
и рядовой
русского
гренадерского
полка.
Старинная
литография.

по сту тысяч пудов, которые при новом обмундировании обратились на употребление приличнейшее [пошли в пищу]».

Вот еще строки из «Наставления» Потемкина полковым командирам: «...Я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению... наблюдать опрятность, столь нужную к сохранению здоровья, содержание в чистоте амуниции, платья и обуви; доставлять добрую пищу и лудить почаству котлы. Таковыми попечениями полковой командир может отличаться [заслужить отличие], ибо я на сие буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тело».

Как видим, взгляды Потемкина на воспитание и обучение войск очень близки к взглядам Суворова. Но Потемкин Суворовым не родился. И никакое всевластие,

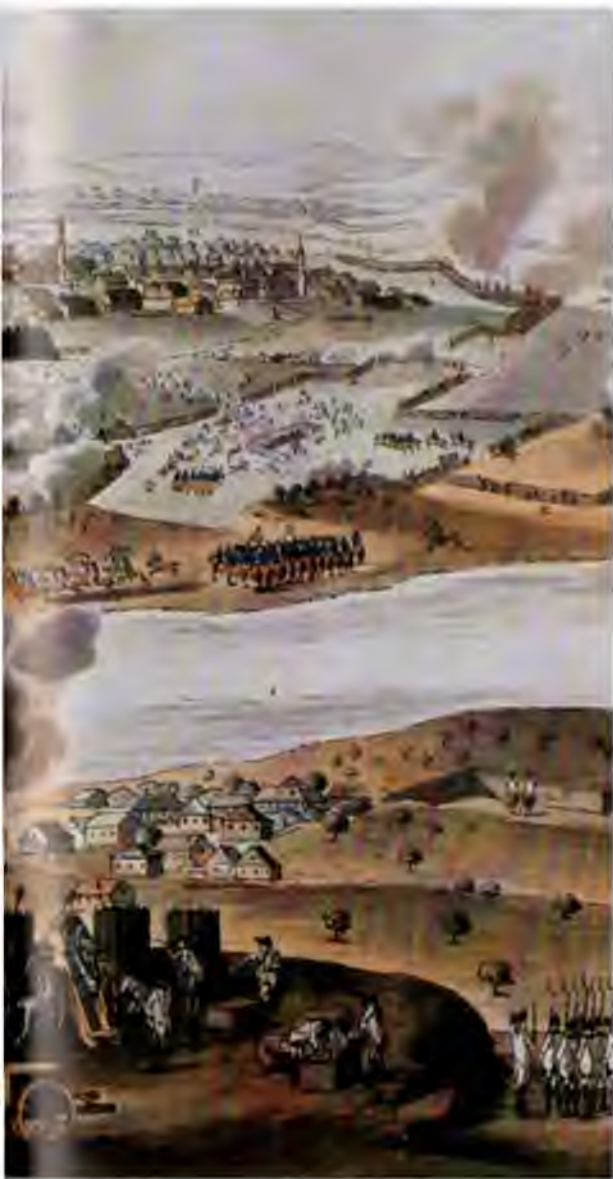
никакое знание армии не могли заменить дара истинного полководца — чувствовать тот день, тот час, даже минуту, когда, начав, можно разбить противника.

Была, пожалуй, лишь одна причина, оправдывавшая выжидание со штурмом Очакова (причина для очень осторожного полководца). Дело в том, что капудан-паша Гасан приходил к Очакову не со всем флотом. Часть его, и значительная — 8 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 бомбардирских судна и 20 шебек, — осталась около устья Дуная. Эти корабли могли усилить эскадру капудан-паши, и он получил бы хорошую возможность вернуться в Лиман и поддержать Очаков с моря.

Потемкин предполагал такое и выпро- водил Войновича из Севастополя — сражаться с Крокодилом морских сражений.

У стен
крепости
Хотин.
Русские войска
занимали
крепость
в 1739, 1769,
1788 г., но
по договорам
возвращали
туркам.
После взятия
в 1807 г.
крепость
окончательно
отошла
к России.
*Старинная
акварель.*

Эскадра в составе 2 линейных кораблей, 11 фрегатов и 22 мелких вооруженных судов, преодолевая встречный ветер, шла сначала на северо-запад курсом на Очаков, затем от острова Тендра повернула на юго-запад. В районе острова Фидониси (теперь остров Змеинный), против устья Дуная, обнаружился турецкий флот. У турок на этот раз было 15 линейных кораблей, 11 фрегатов и 22 других корабля. Силы очень и очень неравные. Турки только на линейных кораблях имели тысячу пушек, у русских же было пятьсот пушек на кораблях и фрегатах. Войнович привычно трусил, а тут, видя такую грозу, окончательно пал духом, но благо, что он во всем доверился Ушакову.

Ушаков командовал авангардом — передовым отрядом эскадры. Это были линейный корабль «Св. Павел», фрегаты «Борислав», «Стрела» и «Кинбурн». Накануне сражения контр-адмирал Войнович послал капитану бригадирского ранга Ушакову распоряжение: «Если подойдет к тебе капудан-паша, сожги, батюшка, проклятого». Всем кораблям было приказано следовать за авангардом. Так Ушаков оказался командиром не только передового отряда, но и всех кораблей эскадры.

Ушакова можно назвать Суворовым на море. Увидеть перед собой такую грозу и не испугаться! Не испугаться — это полдела. Он повел эскадру в сражение с намерением победить. И знал, как это сделать. Подобно Суворову, он воевал не по общим, устоявшимся правилам, а по своим, известным пока только ему одному.

Парусный флот существовал века. Возможности боевых кораблей были, казалось, так хорошо изучены и проверены в стольких сражениях, что непреложным считалось:

победа над противником возможна, если

батареи. Но когда кончилось поле, перед пехотой неожиданно открылся глубокий овраг. В этот момент из-за леса Каята налетела турецкая конница. На лошадях позади кавалеристов сидели янычары. Их было до трех тысяч. Спешившись, они открыли ружейный огонь. Положение русских осложнилось. Осложнилось и общее положение — русские могли не успеть вовремя соединиться с австрийцами для совместной атаки позиций у Крынгу-Мейлор. Но мужественные гренадеры быстрым броском преодолели овраг, ворвались в укрепления, бой закипел в самом лагере. Конница русских отбила налет турецкой конницы и обратила ее в бегство. Вслед за конницей стали отходить обозы, а потом и пехота. Открылась возможность преследовать беглецов. Но Суворов приказал дать им «золотой мост» — свободный путь для отступления. Гораздо важнее было теперь всеми силами продолжать стремительное наступление на противника, державшегося еще вокруг леса Каята.

В это время Юсуф-паша послал около 20 тысяч конников, чтобы прорвать боевой порядок союзников, разрезать его на две части. Крылья турецкой конницы налетели

на Суворова и Кобурга, а середина на Карачая. Австрийская пехота, построенная линиями каре, стойко выдержала атаку. Храбро бились кавалеристы Карачая. Русские к этому времени не только отбили конницу, но и очистили от неприятеля лес Каята. Много неприятельских солдат было порублено, застрелено из ружей и пушек. Союзники захватили несколько турецких знамен.

Натиск турок иссяк. Они откатились к укреплениям у леса Крынгу-Мейлор.

Был полдень. Суворов приказал дать войскам отдых. Ровно на полчаса они остановились в поле у колодцев.

После отдыха Суворов должен был повести свой отряд на север, чтобы соединиться с австрийцами. Так было в плане. Но тут обнаружилось, что к юго-западу от Крынгу-Мейлор у деревни Бокзы стоит сильная турецкая артиллерия. Она держит под обстрелом подступы к основным укреплениям неприятеля. Это была ключевая, главная позиция турок. И Суворов повел на нее свои войска. Он знал, что взятием батарей больше поможет Кобургу, чем если бы просто соединился с ним.

Турецкие артиллеристы почти в упор от-

крыли огонь по отряду русских. На фланги то и дело налетала конница. В один из моментов казаки были рассеяны, но пехота держалась стойко — каре успешно отбивали турецкую конницу. Казаки под прикрытием своей пехоты привели строй в порядок и отбили неприятеля.

Удачно действовали русские пушки. В завязавшейся дуэли они дважды принуждали турок увозить пушки с позиций. Наконец деревня Бокзы была взята.

В то время когда шел этот бой, Юсуп-паша бросил на войско Кобурга 40 тысяч конников, огромную массу, все сметающую на своем пути. Австрийцам пришлось невероятно трудно. Они держались доблестно. Особенно отличились гусары-венгры. Карачай неоднократно врубался с ними в полчища турок и рассеивал их.

Кобург слал к Суворову одного гонца за другим. «Пускай держится, — постоянно отвечал Суворов, — а бояться нечего, я все вижу». Русские в самое время поспели на помощь австрийцам. Неприятель теснил их по всему фронту, вот-вот они должны были дрогнуть. Русские ударили туркам во фланг, и они снова откатились к лесу Крынгу-Мейлор.

Войска Суворова примкнули к правому флангу австрийцев. Союзники охватили пространство перед укреплениями второго лагеря длинной дугой. С обоих флангов по неприятелю ударили пушки. Турецкие артиллеристы ответили ожесточенной стрельбой. Однако турецкие войска, попав под перекрестный артогонь (с двух флангов), вынуждены были отойти за линию укреплений. Теперь предстояло штурмовать укрепления.

Остается гадать, как проходил бы штурм, если бы начала его и вела пехота. А именно так предписывали поступить правила военной науки. Суворов поступил иначе. Он заметил, что турецкие укрепле-

ния не окончены: ров неглубок, насыпь невысока. И он решил штурмовать конницей.

Суворов послал к Кобургу полковника Золотухина с новым планом действий. По этому плану пехотные каре первой линии были раздвинуты и между ними разместились конные отряды. Конница встала и на флангах первой линии.

Союзники подошли к укреплениям у леса Крынгу-Мейлор на полкилометра. Около четырех часов дня 11 сентября кавалерия, оставив позади пехоту, ринулась на вал. В кратчайшее время всадники преодолели пространство, которое простреливалось из пушек и ружей, и ворвались в неприятельский лагерь. Началась схватка с янычарами. «Неможно довольно описать сего приятного зрелища, — доносил потом Суворов Потемкину, — как наша кавалерия перескочила их невозвышенный ретраншемент и первый полк Стародубовский, при его храбре полковнике Миклошевском, врубаясь, одержал [захватил] начальные 4 орудия...»

Ошеломленные такой неожиданностью, когда ждали пехоту, а дождались кавалерию, турки замешкались и не смогли своевременно открыть огонь по пехоте, которая уже переходила ров и торопилась на помощь своим кавалеристам. Суворовские чудо-богатыри ударили в штыки. Казаки и австрийские конники прошли в тыл неприятеля. Егеря рассыпались по лесу. В рядах турок началась паника. Бросив укрепления, турки побежали к лагерю в Мартинешти. До него было семь километров.

Великий визирь во время боя находился у Крынгу-Мейлорского леса. Обогнав отступавших, он встал на дороге с кораном в руках и заклинал свое войско остановиться. Заклинания ни к чему не привели. Тогда в бегущих стали бить из пушек, уста-

новленных у Мартинешти. Мост через реку Рымник, после того как по нему проскакал визирь, был взорван турками. Но все было напрасно. Конница и пехота бросались в реку, надеясь преодолеть ее вплавь. После сильных дождей Рымник был полон воды, люди и лошади тонули тысячами. Оставшихся на левом берегу уничтожала русско-австрийская конница. Множество турок разбежалось по окрестностям. Укрепленный лагерь у Мартинешти, третий по счету, был взят без особого труда.

Победителям достались 100 знамен, 80 пушек, несколько тысяч повозок с имуществом и продовольствием, верблюды, буйволы и мулы, палатки всех трех лагерей. Потери убитыми у неприятеля превышали 10 тысяч человек. Союзники потеряли убитыми и ранеными несколько больше тысячи.

Через несколько дней в отдалении от места катастрофы собрались остатки 100-тысячной некогда армии Юсуф-паши. Было всего 15 тысяч солдат. Визирь не выдержал позора, вскоре он умер.

В блестящем сражении при Рымнике все — от начала до конца — одна стремительность, одна быстрота. Скорый марш к позициям неприятеля. Не менее быстрое движение на поле боя: отряд Суворова с получасовым перерывом за двенадцать часов прошел в самом сражении двадцать километров! В быстроте движения, в быстроте решений, в быстроте удара — весь Суворов.

А справедливо ли отдавать Рымникскую победу русскому полководцу? Ведь австрийцев было больше, чем русских? Да, справедливо. Кобург сам говорил: «Счастье победы над врагами принадлежит Суворову». Принц называл Суворова своим «высоким учителем». Правда, как это ни огорчительно, ученик при всей храбрости и мужестве не был наделен полководче-

ским талантом. Через несколько месяцев, командуя самостоятельно теми же войсками, имея шестикратное численное превосходство над турками, он ухитрился потерпеть от них поражение.

Рымникская победа мало сказать изумила Европу, она потрясла ее. Турция оказалась на грани поражения. Султан Селим освободил из подземелья Семибашенного замка русское посольство, и это было доказательством того, что турки уже крепко думают о мире и ищут выход из войны.

После Рымника главнокомандующий австрийской армией барон Лаудон без особых трудов изгнал турок из Белграда (теперь столица Югославии), а принц Кобург овладел Бухарестом (теперь столица Румынии). Потемкин очистил от неприятеля все земли до левого берега Дуная. Русские вступили в Кишинев, Паланку и Аккерман, были взяты крепости Хаджибей и Бендеры; 16-тысячный гарнизон Бендер с тремя сотнями пушек сдался без единого выстрела — так грозно перекачивалось над Причерноморьем эхо суворовской победы.

Мы поторопились уйти от реки Рымник. Вернемся туда, посмотрим, чем заняты победители. Русские и австрийские воины в лагерях, расположенных у Мартинешти, отдыхали. Минувший день был тяжелый, а русским, как уже говорилось, пришлось накануне сражения совершить стокилометровый марш. С утра нового дня начали готовиться к молебну. Потери у союзников были сравнительно небольшие, настроение у всех было приподнятое. Суворов на торжестве обратился к войску с речью, благодарил солдат за храбрую службу отечеству. После молебна осматривали трофеи: пушки, знамена, шитый золотом шатер визиря; еще лежала груда цепей — несколько тысяч. Турки везли их в обозе, чтобы сковывать пленников...

На нервом
рисунке
в центре —
офицер-
гренадер.
На втором
рисунке —
русская
пехота.
В зеленой
куртке
и зеленом
кафтани —
егеря.
*Старинная
цветная
гравюра.*

Кавалергард.
*Старинная
акварель.*

Из Петербурга пришли распоряжения о наградах. Солдатам выдали по несколько рублей денег, а особо отличившимся еще и медали из серебра. Щедро были отмечены генералы и офицеры. Дождь наград пролился над самим Суворовым. Посылая награды для генерал-аншефа, Екатерина писала Потемкину: «Хотя целая телега с бриллиантами уже наложена, однако кавалерии Егорья большого креста посылаю по твоей просьбе, он того достоин». Речь шла об ордене Георгия 1-й степени, редкостной, как мы уже говорили, награде. Еще Суворов получил бриллиантовые знаки ордена Андрея Первозванного, шпагу с бриллиантами и надпись «Победителю визиря», бриллиантовый эполет, драгоценный перстень. Но это не все: Суворов был возведен в графское достоинство с прозванием Римникский, австрийский император пожаловал тоже высокий титул — графа Священной Римской империи.

В письме дочери Наташе Александр

Васильевич Суворов писал в те дни: «...от великодушной матушки [от императрицы] рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея, тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, первой класс св. Георгия. Вот каков твой папенька за доброе сердце! Чуть, право, от радости не умер!»

Рымникское сражение было главным событием третьего года русско-турецкой войны. Исследователи военных действий 1789 года — современные и прежних веков — считают, что война могла закончиться в том же году, если бы русская армия перешла Дунай. Правительство Турции, ее армия, командование вооруженных сил были в таком подавленном состоянии, что несколько новых ударов заставили бы Селима капитулировать. И снова нерешительность Потемкина — русская армия осталась зимовать на левом берегу реки. Турки обрели возможность собрать новые силы. Мало того, в феврале 1790 года умер

Иосиф II. Новый император Австрии — Леопольд — получил ультиматум от Англии и Пруссии — разорвать союз с Россией, кончить войну с Турцией. 200-тысячная армия Пруссии, угрожая вторжением, подошла к австрийской границе. В этих обстоятельствах Австрия заключила с Турцией перемирие.

Для турок снова сложились благоприятные возможности как в политике, так и в военных делах. Поскольку главные силы русской армии сосредоточились у Дуная,

турецкое командование опять планировало высадку мощного десанта на Крымский полуостров; отторжение Крыма от России снова стало для Турции одной из основных целей войны.

Потемкин намеревался в 1790 году взять целый узел турецких крепостей на Дунае, в том числе Измаил — неприступную твердыню, как считали в Европе. Не менее трудная задача вырисовывалась перед русским Черноморским флотом. В действиях на широкой реке сухопутным войскам

Разгром
турецкой армии
при Рымнике
11 сентября
1789 г.
Старинная
акварель.

Орден
св. Георгия
1-й степени,
крест и лента.

должны были помогать гребные суда. Парусные корабли, в свою очередь, должны были обеспечить безопасный переход гребной флотилии из Лимана в устье Дуная и затем прикрывать их, находясь поблизости в море, от нападения турецкого флота. Защита Крыма и всего русского побережья от неприятельских десантов и набегов неприятельских кораблей тоже входила в первейшую обязанность черноморских моряков. Потемкин понимал это отлично и в марте наконец-то расстался с Войновичем, отправил его командовать флотилией на Каспийское море. Командующим Черноморским флотом стал контр-адмирал Федор Федорович Ушаков.

Надо ли говорить, как обрадовался Ушаков, избавившись от вилкудышного начальника! Теперь-то у него был лишь один враг — капудан-паша Гуссейн. И никто уже не мешал контр-адмиралу поступить с врагом по обычаю военного времени...

В середине мая, необычно рано по условиям навигации, Ушаков повел из Севастополя к анатолийским берегам небольшую эскадру. На тех берегах, в Синопе и Самсуне, собирались войска турок для следования морем в Анапу. Непосредственно в Крым турецкий десант будет переброшен уже из Анапы. Поэтому было важно разведать эти крепости, снять планы бухт, у которых они построены, промерить там глубины, захватить пленных, знающих что-либо о состоянии турецкого флота, а заодно нагнать страху на купеческие суда и тем осложнить перевозку войск и военных грузов для неприятеля.

Трехнедельный поиск закончился успешно. Эскадра вернулась в Севастополь с двумя сотнями пленных, с восемью купеческими судами, груженными пшеницей; двенадцать судов были потоплены или сожжены. И что тоже важно, после поиска эскадры в городах, по берегам и на судах

Шпага с
бриллиантами —
военная
награда
полководца.

турок была «весьма заметна великая робость и тревога». Еще бы, тихие места, удаленные от войны, вдруг огласились громом русских орудий. Ни один турецкий корабль не осмелился показаться в море, пока эскадра не скрылась за горизонтом. Все прятались под защиту крепостных орудий, приткнувшись к берегам, рискуя сесть на мель. Русский Черноморский флот сказал о себе: «Я есть. Я готов добыть для отечества новую славу».

Поход эскадры встревожил турок. Султан, хотя его флот не был полностью подготовлен, приказал капудан-паше Гуссейну выходить в море.

У Крыма турецкие корабли были обнаружены 27 июня казаками сторожевого поста. Турки, идя без флагов, на запросы секретными сигналами «Кто идет?» отвечали двумя пушечными выстрелами, что в русских сигналах означало: «Свои». Но русских кораблей в тот день в том месте не должно было быть. Хитрость противнику не удалась. Ушаков тут же переменял сигналы и привел флот в боевую готовность. Стихший ветер не позволил севастопольским кораблям тотчас выйти в море. Ждали ветра. Не сомневались, что турецкий флот пошел в Анапу за десантными войсками.

Теперь очень многое зависело от моряков севастопольской эскадры. Если турки на этот раз высадят десант и он закрепится в Крыму, то, как стало известно из донесений разведки, последует и вторжение на Кубань 40-тысячного турецкого войска. Вся война неимоверно осложнится для России.

Как только подул ветер, русский флот взял курс к Керченскому проливу. Вероятнее всего турок можно было найти там. Во главе с флагманским 80-пушечным кораблем «Рождество Христово» (бывший «Иосиф II») шли еще девять линейных кораблей (66-, 50- и 46-пушечные), 6 фре-

гатов, репетичное судно¹, 2 брандера и 13 крейсерских судов. У русской эскадры было 1022 орудия. Число орудий внушительное, но крейсерские суда, или корсарские, принадлежавшие частным владельцам-грекам, были вооружены маленькими пушками, да и на фрегатах пушки были небольшие. Это обстоятельство заранее требовало от моряков Ушакова мужества и храбрости — стрельба из орудий малого калибра была действенной лишь на короткой дистанции, когда противника можно окликнуть громким голосом.

Утром 8 июля русская эскадра встала на якорь у Керченского пролива. Эта стоянка обеспечивала защиту и самого пролива и крымских берегов.

Крейсерские суда ушли в разведку.

В десятом часу крейсер, ушедший к Анапе, выстрелами из пушки сообщил: «Вижу посторонние суда». Шел флот Гуссейна: 10 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 бомбардирских корабля и 32 мелких судна — шебеки, бригантины, лансоны, кирлангичи. На кораблях и судах турок без малого полторы тысячи пушек, причем много крупных, это позволит неприятелю вести бой на длинных дистанциях. Гуссейн будет держаться как можно дальше от русских кораблей и потому, что на его кораблях и судах десантные войска, их надо беречь от картечи ушаковских пушек.

Увидев вражеский флот, Ушаков приказал эскадре сняться с якорей, кораблям и фрегатам строиться в линию баталии, остальным судам расположиться за линией.

Турки увидели русских и тоже изготовились к бою: в первой линии у турок встали линейные корабли, во второй — фрегаты, за фрегатами разместились мелкие суда.

---

¹Репетичное судно — судно, повторяющее сигналы флагмана для отдаленных кораблей эскадры.

Старинный герб
Севастополя.
Серебряный
гриф
на красном
поле говорит
о доблести
русских при
строительстве
и защите
морской
крепости
и города.

Оба флота начали сближаться и к полудню были друг от друга на расстоянии выстрела.

Турки, пользуясь наветренным положением, главный удар лучшими кораблями нанесли по русскому авангарду. Авангардом командовал капитан бригадирского ранга Гавриил Кузьмич Голенкин, товарищ Ушакова по Морскому кадетскому корпусу; он был во всем достоин своего командующего. Авангард отбил первый натиск турок. Тогда Гуссейн прибавил к атакующим другие корабли и бомбардирские суда с крупными пушками. При повторной атаке турецкие корабли начали огибать передовые русские корабли, намереваясь выйти в тыл русской линии и взять корабли Голенкина в два огня.

Ушаков увидел опасность, нависшую над авангардом, он ответил на ход Гуссейна более сильным ходом — всем русским фрегатам было приказано выйти из линии и образовать вторую линию рядом с авангардом. Фрегаты быстро исполнили приказ. Теперь, если бы турки попытались взять авангард в два огня, они сами попали бы одним бортом под огонь русских линейных кораблей, а другим — под огонь фрегатов. В это же время русские линейные корабли центра и арьергарда сократили дистанцию между собой и приблизились к передовым кораблям эскадры. Турецкие корабли, атакующие авангард, попали под огонь больших русских кораблей.

Уже несколько часов шло это маневрирование с артиллерийской стрельбой. Эскадра Ушакова стремилась сблизиться с противником на короткий картечный выстрел. Сделать это никак не удавалось, кораблям Ушакова приходилось идти против ветра, а флот капудан-паши, занимавший наветренное положение, постоянно удерживался на большом расстоянии от русской эскадры.

Но около трех часов дня переменился ветер. Наветренное положение оказалось у русских. Корабли Ушакова незамедлительно воспользовались этим и подошли к неприятелю совсем близко. Русские канониры буквально засыпали турок ядрами, картечью и зажигательными снарядами. Теперь и пушки малого калибра причиняли ущерб неприятелю. С каждым залпом росло число повреждений на турецких кораблях.

Перемена ветра и усилившийся огонь русских пушек, происшедшие внезапно, привели турецких моряков в замешательство. Турецкие корабли, пытаясь снова выйти на ветер, стали поворачивать — одни по ветру, другие против ветра. Несогласованное маневрирование привело к тому, что многие турецкие корабли проходили совсем близко к линии русских кораблей. А этим прекрасно воспользовались артиллеристы Ушакова. Командующий Черноморским флотом в донесении Потемкину так описывал этот момент боя: «Неприятель, приметя перемену положения, при-

шел в замешательство и начал прямо против моего корабля и передового передовой корабля «Преображение» поворачивать всю густую колонну чрез оверштаг¹, а другие, поворачивая по ветру, спустились к нам еще ближе. Корабль «Преображение» и находящийся под флагом моим корабль «Рождество Христово» произвели на всех столь жестокий огонь, что причинили великий вред на многих кораблях и самого капитан-пашинского; из оных весьма поврежденные два корабля в стеньгах² и реях и один из них в руле со сбитою бизань-мачтою³ упали [приблизились, сносимые ветром] на нашу линию и шли столь близко, что опасался я сцепления с некоторыми из наших задними кораблями. Вице-адмиральный корабль также весьма поврежден, паруса, фор-марсель⁴ и крьюсель⁵ упали вниз и были без действия, который потому, упав под ветер, прошел всю нашу линию весьма близко, и чрез то оный и помянутые два корабля остались совсем уж разбиты до крайности.

С некоторых кораблей флаги сбиты долой (из которых посланными с корабля «География» шлюпками один взят и привезен на корабль). Капитан-паша, защищая поврежденные корабли, со всеми прочими и многими разными судами спустился под ветер, проходил контргалсом⁶ параллельно линию нашу весьма близко, чрез что потерпел со всеми ими также немалый вред. Великое повреждение его кораблей

¹ Оверштаг — поворот парусного судна против ветра.

² Стеньга — продолжение мачты.

³ Бизань-мачта — мачта у кормы корабля.

⁴ Фор-марсель — один из парусов передней мачты — фок-мачты.

⁵ Крьюсель — один из парусов бизань-мачты.

⁶ Галс — положение судна относительно ветра. Контргалс — противоположный галс.

и множество побитого экипажа было весьма заметно».

Потери в людях и повреждения на кораблях еще заметнее были самому турецкому адмиралу. Гуссейн понял: сражение проиграно — и приказал флоту отходить.

Отступать с подветренной стороны проще, турецкие корабли и суда дружно спустились под ветер. И так «спускались» до тех пор, пока не скрыли их расстояние и наступившая ночь.

Потери турок в Керченском сражении неизвестны. Известно лишь, что на одном из линейных кораблей было убито около четырехсот человек. Но не это было главным в поражении турок. Они не смогли высадить десант в Крыму — вот что было главное.

Русская эскадра потеряла убитыми 29 моряков и ранеными 66. Повреждений на кораблях было мало: прострелено и разбито на всей эскадре восемь мачт. Так что на Черноморском флоте (и в сухопутной армии тоже) было торжество. Александр Васильевич Суворов, зорко следивший за всем, что происходит на военном театре, поздравил главнокомандующего Потемкина «с победой господина Ушакова». Сам Потемкин, воодушевленный тем, что туча, надвигавшаяся на Крым и Кубань, рассеялась, писал одному из своих корреспондентов: «Наши, благодаря богу, такого перца задали туркам, что любо. Спасибо Федор Федоровичу. Коли б трус Войнович был, то бы он стоял у Тарханова Кута или в гавани». Тарханов Кут, или Тарханкут, — западная оконечность Крымского полуострова, самое отдаленное от Керченского пролива место.

Екатерина за победу над капудан-пашой Гуссейном прислала контр-адмиралу Ушакову значительный орден — Владимира 2-й степени. Турки нарекли флотоводца

३३

N.B.

Фрагмент
рисунка
современника.

Ушак-пашой, выделив этим Федора Федоровича Ушакова из всех русских начальников на Черном море... Вот как много отзвуков вызвало сражение, решившее в течение пяти часов судьбу турецкого десанта.

Между тем оставалось не так уж много времени до нового морского сражения — у Тендры. Времени хватило, только-только чтобы сменить разбитые мачты, исправить такелаж, обновить паруса, получить на корабли запасы пороха, ядер, картечи.

Ушаков торопил и своих расторопных моряков, а еще пуще медлительных интендантов, от которых происходили многие задержки. Подошли дни, когда гребная флотилия из Лимана должна была идти к Дунаю. Парусному флоту, как уже говорилось, надлежало прикрывать ее на переходе морем. Сухопутные войска ждут флотилию, чтобы вместе штурмовать дунайские крепости турок. И все теперь смотрят на Ушакова — не задержит ли он ход событий?

Севастопольская эскадра заканчивала приготовления к походу на Дунай, как вдруг турецкая эскадра появилась снова у берегов Крыма — 32 корабля. Эскадра шла с запада на восток, вероятно, к Анапе. Не хотят ли турки еще раз попытаться счастья с десантом в Крым? Если это так, то Ушакову нельзя уходить из Севастополя. А кто скажет, так или не так? Обдумывая донесения береговых постов, Ушаков отметил две особенности той эскадры: в ней не было линейных кораблей, только фрегаты и различные крейсерские суда; эскадра шла мимо Крыма демонстративно-вызывающе, дразнила севастопольскую эскадру, провоцировала на бой, при этом турки не имели никаких шансов на успех, они же знали силу ушаковских кораблей по недавнему сражению. Значит, это только приманка, отвлекающая севастопольскую эскадру от главного дела. Так ре-

шил Ушаков, таким решением он взял на себя ответственность за безопасность Крыма. Верность расчета вскоре подтвердилось: генерал-майор Михаил Илларионович Кутузов, комендант крепости Аккерман, прислал контр-адмиралу сообщение о том, что новая и сильная эскадра турецких кораблей замечена в море в двадцати верстах против Хаджибея.

И еще одну большую ответственность взял на себя Ушаков в те дни. Командиром Дунайской гребной флотилии Потемкин назначил генерал-майора де Рибаса Осипа Михайловича. Уроженец Неаполя, он поступил на русскую военную службу, отличился храбростью и умом во многих сражениях, ему принадлежал проект строительства города и порта Одессы, он получит чин полного адмирала, так что авторитет этого человека и во времена описываемых нами событий был высок. Де Рибас и сам Потемкин считали, что гребная флотилия и севастопольская эскадра должны соединиться у выхода из Днепровско-Бугского лимана и вместе принять, если потребуется, сражение с турецким флотом; в Лимане были не только гребные суда, но и несколько парусных кораблей, которые тоже усилили бы эскадру Ушакова. Истина очевидная. Ушаков же настаивал на другом решении — до соединения с флотилией эскадра одна выступает против турецкого флота. Почему Ушаков предлагал такой план? Почему для него суждения Потемкина и де Рибаса не были истиной?

Первое. Севастопольская эскадра должна начать сражение с турками как можно скорее, пока к туркам не подошли несколько лучших линейных кораблей, которые все еще в ремонте; соединение с флотилией займет немалое время, и благоприятный момент будет упущен.

Второе. Чтобы соединиться с флотилией и защищать ее при этом от возможного

нападения турецкого флота, эскадре придется подойти близко к берегу, и она окажется на месте, избивающем мелями. У нее не будет простора для свободного маневрирования при любом ветре, и турки, если ветер в то время окажется благоприятным для них, прижмут эскадру к берегу.

Третье. Если соединение пройдет удачно и сражение с турками начнется после этого, то гребные суда могут стать обузой для эскадры, так как на их защиту придется отряжать корабли.

И четвертое. Турки не допустят соединения эскадры с флотилией, сделать это им чрезвычайно просто — неприятельский флот пойдет навстречу севастопольской эскадре и навяжет сражение восточнее Лимана.

Последнее соображение так очевидно, что нет смысла планировать соединение, оно неосуществимо. Действительность требует сосредоточить все силы и мысли на быстром, внезапном ударе севастопольской эскадры по турецким кораблям.

Ушаков не смог убедить в правильности своих суждений ни де Рибаса, ни Потемкина. Исполняя повеление главнокомандующего, он повел эскадру из Севастополя мимо Тарханова Кута к острову Тендре, что у выхода из Днепровско-Бугского лимана (Тендра, или Тендровская коса, — низменный, песчаный остров длиной около 65 километров, шириной до 2 километров). В условленное время вышла из Очакова и гребная флотилия.

28 августа перед морями Ушакова открылась Тендра и очаковский берег Лимана. И тут же был увиден турецкий флот; он стоял на якоре между Тендрой и Хаджибеем: 14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 других судна.

Турки, хотя и ждали Ушакова, момент появления русской эскадры проглядели.

И Ушаков, флотоводец решительного характера, дал приказ эскадре — атаковать! Сноситься с Потемкиным, чтобы тот разрешил атаку до соединения с флотилией, было некогда. Всю ответственность за исход сражения Ушаков взял на себя.

Он бросился в атаку не наобум. Турецкий флот стоял на якоре не в линии баталии, ему еще нужно выбрать якоря, построить линию, на все это уйдет время. К тому же у севастопольской эскадры навстречное положение. Как же не восполь-

Великий русский флотоводец Федор Фёдорович Ушаков. Старинный портрет.

зоваться такими преимуществами! Правда, эскадра была в походном порядке, шла тремя колоннами, а не одной, как нужно для боя. При трехколонном строе русские могли стрелять по туркам лишь с шести кораблей ближней к ним правой колонны, потому что десять кораблей и фрегатов средней и левой колонны были загорожены от противника своими же кораблями. Но эта временная слабость эскадры не могла быть причиной для промедления. Тримя колоннами на всех парусах русские корабли устремились к неприятелю.

Эскадра надвигалась так быстро, так грозно, что турки начали в спешке рубить якоря, то есть рубить якорные канаты, чтобы как можно скорее сдвинуться с места. Турецкий флот, освободившись от якорей, побежал в сторону Дуная. Капудан-паша Гуссейн резонно рассудил, что, когда Ушаков на ветре, а его собственный флот в беспорядке, нет никакого смысла принимать сражение. Корабль командующего шел впереди всех, увлекая своим примером других к скорейшему отрыву от русских.

Уже говорилось, что турецкие корабли были легче русских на ходу. А скорость — это тоже оружие. Но в этот раз у турок оно дало осечку. Несколько кораблей турецкого арьергарда оказались под угрозой того, что Ушаков отрежет их от основной массы. За потерю кораблей без боя по турецким правилам командующему отрубили голову, капудан-паша Гуссейн помнил об этом и, хотя был другом султана, счел за лучшее остановить бегство, повернуть всех на выручку отставших кораблей. Турецкий флот начал выстраивать линию баталии.

Ушаков, видя все это, продолжал сближаться с противником, при этом его эскадра из трех колонн тоже перестраивалась в линию боя. Если помнишь, читатель,

в Керченском сражении наш флотоводец в один из моментов боя все свои фрегаты вывел во вторую линию, которая встала напротив кораблей авангарда. Сделал он это потому, что русский авангард подвергся очень сильной атаке лучших турецких кораблей, фрегаты тогда помогли отбить атаку. А теперь, не дожидаясь атаки на авангард, но зная, что она непременно будет — такая уж тактика Гуссейна, — контр-адмирал загодя определил три фрегата во вторую линию, в резерв.

И вот оба флота сблизились. Было три часа дня. Русский авангард под командованием Голенкина, во главе с его 66-пушечной «Марией Магдалиной», открыл ураганную стрельбу по передовым кораблям турок. Вступили в бой центры и арьергарды. Корабли осыпали друг друга градом снарядов.

Такой характер боя обрекал турок на поражение, русские артиллеристы стреляли гораздо лучше артиллеристов противника. И капудан-паша, чтобы изменить бой, послал быстрый и сильный корабль своего вице-адмирала, своего командира авангарда, на русский передовой корабль. У вице-адмирала было намерение поставить корабли Голенкина в два огня. Но тут вступили в бой фрегаты резерва — 40-пушечные «Покров Богородицы», «Иоанн Воинственник» и «Иероним». Турецкий корабль получил такую порцию ядер и других снарядов, что бежал и укрылся за линией своего флота.

К самому горячему месту сражения подошли линейные корабли: флагманский «Рождество Христово» с 80 пушками, «Преображение» с 66-ю и «Александр Невский» с 50-ю. Огонь русской артиллерии усилился. Флагманский корабль один вывел из боя три турецких корабля, они вышли из линии с повреждениями. Каиудан-паша понял, что дальнейшее ничего

хорошего не сулит его флоту и ему самому, он поднял на мачте своего корабля сигнал к отступлению.

До темноты корабли Ушакова преследовали неприятеля. Темная ночь, усилившийся ветер остановили оба флота. Противники встали на якорь. Корабли Ушакова зажгли сигнальные огни, чтобы не терять друг друга из виду и держаться вместе; малые суда, поскольку ветер все крепчал и крепчал, были отосланы на стоянку к Очакову.

Ночь прошла. Ранним утром 29 августа взору русских моряков предстал в отдалении неприятельский флот. В темноте ночи, гонимые ветром, турецкие корабли разбрелись по округе и теперь стояли разрозненные; несколько неприятельских кораблей оказались совсем близко от русских. В опасном положении был и русский фрегат «Амвросий Медиоланский», он стоял, как его застала ночь, в гуще турецких кораблей. Гибель его или плен в таком положении казались неизбежными.

Ушаков поднял на «Рождестве Христовом» сигнал — сниматься с якоря, преследовать противника. Так же, как в утро 28 августа, турецкие моряки рубили якоря, под всеми парусами уходили к устью Дуная. (К слову сказать, в те времена якоря были поистине драгоценной вещью, выделка больших якорей в две-три тонны весом требовала от кузнецов высочайшего умения и искусства.)

«Амвросий Медиоланский», которого турки посчитали своим (флагов на фрегате не было никаких), тоже участвовал в бегстве, а потом, улучив момент, ушел в сторону и, подняв свои флаги, обратился в преследователя; мужество и выдержка командира фрегата капитана 2 ранга Михаила Николаевича Нелединского сохранили корабль для русского флота.

Снова, как во всех прежних сражениях,

турецкие корабли оторвались от погони. Лишь два корабля отстали от бегущих: 74-пушечный «Капитания» и 66-пушечный «Мелеки-Бахри» («Владыка морей»). Оба в бою прошлого дня были сильно повреждены, поэтому и шли тяжело.

«Капитания» пыталась идти за своим флотом до последней возможности. Ее отчаянное сопротивление объяснялось тем, что на ней находился трехбунчукный паша Сеид-бей, полный адмирал турецкого флота, старый и опытный, храбрый и мужественный. Сеид-бея султан послал для присмотра за Гуссейном и уже был, по существу, назначен вместо него капудан-пашой. К тому же на «Капитании» находились многие морские чиновники и хранилась вся флотская казна — деньги немалые. Сам же корабль был недавней постройки, в море вышел первый раз и считался лучшим во всем флоте.

На «Владыке морей» ни о чем хорошем не помышляли. «Владыка» был отрезан от своих. Он шел к мелям, разделяющим фарватер между Кинбурном и Хаджибеем. В погоню за ним Ушаков послал бригадира Голенкина с двумя кораблями и двумя фрегатами. Окруженный русскими кораблями, «Владыка морей» без боя сдался. Капитан его был убит еще в первом бою, было убито около ста человек команды, а пятьсот шестьдесят моряков сдались в плен.

До самой гибели не спустила флага «Капитания». Вот как о бое с ней писал сам Ушаков:

«В 10 часов пополудни передовые нашего флота догнали адмиральский неприятельский корабль. Из наших, находясь ближе всех к нему, корабль «Св. Андрей» первый вступил с ним в бой, и, гнавши, подходил еще к нему на ближнюю дистанцию, и подбил фор-марсель, причем оный неприятельский корабль ход свой

и прострелено парусов, а крупных повреждений мало: мачты пришлось менять лишь на «Рождестве Христовом», «Петре Апостоле» и «Александре Невском».

Победа в Тендровском сражении, более крупная, чем в Керченском проливе, вызвала и отклики громче и восторженнее. Александр Васильевич Суворов приветствовал ее словами: «Виват Ушаков!» Флотоводцу на этот раз был пожалован Георгий 2-й степени. Суворов такой же орден

получил в первую русско-турецкую войну, когда, будучи генерал-майором, разбил турок в Туртукае. Но самой большой наградой и Ушакову и всем морякам эскадры, находившимся в сражении, было всеобщее признание заслуг молодого Черноморского флота России.

В ордере (приказе) главнокомандующего Потемкина Черноморскому адмиралтейскому правлению об этих заслугах говорилось так:

«Знаменитая победа, одержанная Черноморскими ея и. в. силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день августа над флотом турецким, который совершенно разбит и рассыпан с потерей главного своего адмиральского корабля «Капитания», сожженного, и другого корабля, с иными еще судами в плен взятого, служит к особой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов».

Всего лишь семь лет прошло с того дня, когда Ушаков возглавил построшку корабля № 4 в Херсоне. И вот за такой короткий срок не только построено достаточно кораблей, но, одна за другой, одержаны флотом славные победы. Впервые за столетия Черное море показалось султану, визирю, пашам — от небунчужных до семибунчужного — весьма и весьма опасным...

Главным итогом Тендровского сражения был беспрепятственный поход гребной флотилии из Очакова в устье Дуная. Мешали только штормы в пути. Но, как доносил Адмиралтейскому правлению справедливый де Рибас, «все суда гребной флотилии благополучно, в стройном порядке и без малейшего повреждения вошли в Дунай. Бури, которые они претерпели, проходя море, ясно доказывают крепость

Звезда, крест и лента российского ордена св. Владимира 1 степени.

их состава, а сие свидетельствует полное искусство строителей оных, в чем и имею долг отдать истинную справедливость».

Федор Федорович Ушаков перекрыл подступы к Дунаю на море четырнадцатью линейными кораблями, четырьмя фрегатами, двумя десятками других судов. Таковой силы Россия еще не выставляла на Черном море, и флот Турции не осмелился показаться русским кораблям. Дунайские крепости турок лишились поддержки с моря, несмотря на стойкость гарнизонов, капитулировали одна за другой. 18 октября генерал-поручик Иван Васильевич Гудович, полководец храбрый и умный, будущий фельдмаршал, взял Килию, затем десант де Рибаса овладел Тульчей и Исакчей с главными складами турецкой армии.

Но оставался у турок Измаил — самая твердая крепость. Накануне войны по проекту французских инженеров и под их руководством турки перестроили измайльские укрепления, создали, как говорил Суворов, крепость «без слабых мест». В плане Измаил имел вид треугольника. Две стороны его обращены в поле, третья прилегает к Дунаю. По всем сторонам глубокие рвы и высокие валы. На одиннадцати бастионах крепости стояло 260 орудий. Гарнизон — 35 тысяч под командованием храброго Айдозле-Мехмет-паши. В крепость для искупления вины были посланы солдаты ранее сдавшихся Килии, Хотина и Аккермана; о них султан издал особый указ, по которому в случае отступления надлежало без разговоров рубить им головы. Впрочем, никто в Измаиле не думал о сдаче, сам паша поклялся умереть, но не сдавать крепость.

В войнах бывает так: какой-либо пункт на военном театре становится столь значительным, столь важным для обеих сторон, что все предыдущие победы теряют значение, если не одержана победа у этого

пункта, а все неудачи перекрываются удачей в том же пункте. Для русских и турок подобным местом стал Измаил. Удержатся в нем хозяева — Турция будет продолжать войну. Войдут в него грозные гости — Россия сможет рассчитывать на скорый мир и подтверждение прав на совладение Черным морем. Обе страны истощились в войне, на народ обеих империй война легла невыносимым грузом. Будут ли дальше продолжаться военные тяготы? Это решится при Измаиле. Екатерина, послав Ушакову Георгия за победой у Тендры, отправила Потемкину золотой кофейный сервиз — для питья кофе с пашами, когда они придут с переговорами о мире. Скоро ли понадобятся золотые чашки? Все зависит от Измаила.

К Измаилу стягивались русские войска. Сначала подошел генерал Павел Потемкин (однофамилец главнокомандующего), затем генерал Самойлов; привел свою флотилию генерал де Рибас, он тут же выбил турок с большого дунайского острова Чатал, что напротив крепости, и начал ставить на нем батареи; в конце ноября подошло войско генерала Гудовича. Это были хорошие генералы, но что было плохо — с одинаковой степенью ответственности за порученное дело. Когда отвечают все, значит, никто не отвечает: у семи нянек дитя без глазу. Осада Измаила была вялая, и турки в крепости посмеивались, спокойно ждали зиму, которая погонит русских прочь от крепости. Участник тех событий, русский офицер, писал, что за генеральским столом, накрытым на восемь человек, могли насытиться только двое. Что же говорить о положении солдат! Они голодали. От недоедания, от холода начались болезни, войско, обложившее Измаил, таяло. Уверенность турок в благополучном для них течении событий была не напрасной. Русские генералы, собрав-

шись на военный совет, вынесли согласное решение: осаду снять, войскам идти на зимние квартиры.

И тогда главнокомандующий светлейший князь Потемкин-Таврический, как бы опомнившись, послал ордер Суворову: «...Остается предпринять, с помощью божьей, на овладение города. Для сего, ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду... Боже, подай вам свою помощь!» Узнав, что войска уже начали отходить от Измаила, Потемкин послал к Суворову нового гонца: «Представляю вашему сиятельству поступать тут по лучшему вашему усмотрению, продолжением ли предприятія на Измаил или оставлением одного».

Суворов жил в Галаце. После Рымника у него в бездеятельности прошел целый год. И он обрадовался новому назначению, хотя ясно сознавал, что дело ему поручается труднейшее, почти невозможное. «Обещать нельзя, — писал он Потемкину в Бендеры, — божий гнев и милость зависит от его провидения».

Сто верст отделяли в минувшем году резиденцию Суворова в Бырладе от Рымника. От Галаца до Измаила тоже надо было скакать сто верст. На преодоление этого расстояния старый полководец затратил теперь меньше двух суток, он оставил далеко позади свой любимый Фанагорийский полк и, торопясь, прибыл к Измаилу с одним лишь казаком.

Возможно, Суворов физически ощущал движение времени, как мы ощущаем движение реки или движение воздуха. Дела и события были связаны для него со временем, как, к примеру, лист, несомый рекой, с ее водами. Если не успел к реке, то и листа не увидел на ее волнах. Течение унесло его. Так можно опоздать и к победе. А если говорить без метафор?

Ружье со штыком и гранатная сумка суворовского солдата.

Знаменитая суворовская формула победы — «Глазомер, быстрота, натиск!» — абсолютно конкретна. Глазомер — способность с одного взгляда увидеть поле боя, тут же оценить противника и принять решение. Быстрота — сделать за одинаковый отрезок времени больше, чем неприятель: преодолеть большее расстояние, произвести больше выстрелов из пушек. Натиск — соединить силу с быстротой и тем сделать удар сокрушительным.

У Измаила Суворов действовал, как всегда, без промедления. Он закончил подготовку к штурму всего за шесть дней. Штурм начался в 5 часов 30 минут утра 11 декабря. В тот же день, в 4 часа дня, крепость пала. А если бы Суворов помедлил, начал бы штурм сутками позже? Вероятнее всего, сутками позже он не отдал бы такой приказ: вечером победного дня густой, сырой туман окутал окрестности Измаила и саму крепость, земля осклизла; на крутой вал, высота которого была от 6 до 8 метров, взобраться было невозможно, тем более под ураганным огнем турок. Туман продержался долгое время... Конечно, туман — случайность. Он мог и не выпасть. Но выпал же! От сотен роковых случайностей спасала Суворова быстрота. Быстрота была могучим оружием полководца.

Мы забежали вперед больше чем на неделю. Вернемся к дням, предшествовавшим славной победе. Чем были они наполнены? Что делали войска в крошечный по сравнению с месяцами предыдущей осады кусочек времени?

Русские войска охватили измаильские укрепления на суше широкой дугой, концы дуги упирались в Дунай; в этих точках соприкосновения с рекой были возведены мощные батареи, они должны были показать туркам, что Суворов будет продолжать осаду, годились батареи и для подго-

товки штурма. В отдалении от Измаила построили копию крепостного вала и рва; ночами войска учились забрасывать ров фашинами — связками хвороста, переходить его, приставлять к валу лестницы и взбираться на вал; днем солдаты заготавливали фашины, делали лестницы и учились штыковому бою. Суворов и ночью и днем был среди солдат, заражая их верой в победу. Он все замечал, все видел, беспрестанно изучал поведение турок, особенности местности, расспрашивал своих разведчиков.

Перебежчики рассказали турецкому паше о всех приготовлениях в русском войске, о скором штурме. Это не обескуражило Суворова. Война есть война — не без предательства, не без шпионов. Но великий полководец велик и тем, что в его сокровенные мысли никто не может проникнуть — ни враг, ни даже соратники. Войско было разделено на три отряда с тремя колоннами в каждом. Колонне равноправно отводился свой сектор для штурма. И только один Суворов знал, какие колонны нанесут главный удар, а какие отвлекут на себя силы турок, растянут их по всему шестикилометровому валу. Две трети войска Суворов назначил для атаки приречной стороны.

И еще о времени. Еще о случайностях. Суворов опережал случайность, она, как запоздавшее на секунду ядро, пронеслась сзади, не причиняя вреда, — так выпал туман, когда Измаил уже был взят... Ну, а вдруг, поспешив, как раз на случайность и напорешься? Суворов не спешил. Спешка — не быстрота. В спешке дело делается комом, а в быстроте с точным расчетом. Стремительный Суворов кропотливо обдумывал все мелочи, на которые другой полководец пренебрежительно махнул бы рукой. Вот строки из «Распределения к штурму Измаила»:

«...2-я колонна под командой господина генерал-майора и кавалера Лассия, составленная из четырех батальонов Екатеринославского егерского корпуса;

за ними резерв в каре — один Белорусский егерский батальон.

Впереди оной колонны: 128 стрелков с их начальниками, за ними 50 человек рабочих, из них 30 с топорами, 10 с кирками и 10 с лопатами;

по флангам у рабочих нести восемь трехсаженных лестниц, потом 300 семифутовых фашин для наполнения ими рва по длине в две фашины, дабы по ним спуститься в восемь рядов».

Как видно, полководец совершенно ясно представлял действия, которые развернутся на укреплениях. Он рассчитал, что тридцати солдат с топорами будет достаточно, чтобы срубить колья палисада, а десяти кирок и десяти лопат — чтобы сровнять крутизну вала на пути егерей. Достаточно будет и ста двадцати восьми стрелков, у них задача — защитить своих рабочих

от выстрелов турок с вала. Поэтому-то стрелки идут впереди всех...

Чуть позже Суворов пишет «Прибавление» к отданному приказу. Какие-то детали, по его мнению, остались неучтенными, вернее, неуточненными. Штурм Измаила начинается на рассвете по сигналу ракетой. В «Прибавлении» говорится: «Ракетами приучать бусурман, пуская оные в каждую ночь во всех частях перед рассветом». Смысл дополнения ясен: сбить с толку неприятельских наблюдателей, не дать им установить начало штурма.

7 декабря в Измаил Айдозле-Мехмет-паше было передано письмо Потемкина с предложением сдаться. От Суворова была приложена записка: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя: штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение». Сераскир, турецкий командующий, 8 декабря попросил на ответ десять дней. Суворов не

Рядовой
Сумского
гусарского
полка.
*Старинная
акварель.*

Русские
гренадеры.
*Старинная
акварель.*

Русские
драгуны,
карабинер
(в центре).
*Старинная
акварель.*

Кирасир
(слева), драгун
и гренатеры.
*Старинная
акварель.*

Русские воины,
офицер-
гренатер
(в центре).
*Старинная
акварель.*

Гусары
русской армии
(слева направо):
венгерский,
молдавский,
грузинские
и сербский.
*Старинная
акварель.*

обольщался капитуляцией Изаила без выстрела и 9 декабря созвал военный совет — так требовал устав при принятии важного решения.

На совете Суворов напомнил, что в эту войну русские войска уже дважды подходили к Изаилу и оба раза уходили от крепости. В третий раз остается или взять крепость, или умереть. «Трудности велики: крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против русского оружия. Мы сильны и уверены в себе!» — такими словами закончил речь Суворов. На самом деле, с приездом Суворова войска словно переродились, все были охвачены отвагой, верили в победу, мужественно готовились к беспощадному, кровопролитному сражению.

Суворов вышел из палатки, где заседал совет. Пусть генералы напишут на чистом листе бумаги свое мнение не под взглядом начальника; в такой момент каждым должна руководить лишь собственная совесть. Первым, по обычаю, писал свое мнение

самый младший по чину. На совете им оказался бригадир Матвей Иванович Платов — генерал-майора он получит несколькими днями позже, за штурм Изаила; он станет потом героем войны с Наполеоном, атаманом Донского казачьего войска, генералом от кавалерии; военную службу Платов начал с тринадцати лет казачьим урядником, офицерский чин получил за боевые заслуги. Что же напишет этот безупречный воин? Платов написал: «Штурм!» Остальные участники совета — Потемкин, Самойлов, Кутузов, Тищев, Мекноб, Безбородко, Ласси, де Рибас, Львов, Арсеньев, Вестфален, Орлов — тоже высказались за штурм.

Удивительное дело, те же люди полмесса назад приняли совсем иное решение. Почему так? Почему круто изменилось их мнение? Потому что появился среди них человек, который взял всю ответственность в сложных обстоятельствах на одного себя, а не разложил ее на всех поровну. И еще — они знали, что старый генерал

уже принял решение и не отступит от него. Но самое решающее — Суворов на несколько голов возвышался над всеми ими, это было известно каждому и каждого делало сильнее; усилившись оттого, что ими руководил гений, они уже не сомневались, что преодолеют измаильские стены.

С рассветом 10 декабря русская артиллерия начала разрушать турецкие укрепления. Били батареи, недавно поставленные на флангах у Дуная, били пушки с острова Чатал, с больших речных судов — всего почти шесть сотен орудий. Канонада продолжалась до начала штурма — до рассвета 11 декабря.

Турки отвечали стрельбой. Одна их редкостная гаубица бросала на русские позиции пятнадцатипудовые ядра. К полудню турецкая артиллерия ослабила огонь, к вечеру и вовсе прекратила. Ночью из крепости доносился лишь глухой шум — турки делали последние приготовления к защите.

В три часа ночи на 11 декабря русские колонны пошли к крепости. Приблизилась к назначенным местам гребная флотилия. В 5 часов 30 минут войска с девяти направлений пошли на приступ.

«Небо было обложено облаками, — писал потом в донесении Суворов, — и рассланный туман скрывал начальное наше движение. Но вдруг с приближением первой и второй колонн неприятель открыл пушечную картечами пальбу, и ружейный огонь вокруг всего вала загорелся».

«Крепость казалась настоящим вулканом, извергавшим пламя, — писал другой участник штурма. — Мужественно, в стройном порядке, решительно наступали колонны, живо подходили ко рву, бросали в него свои фашины, по две в ряд, спускались в ров и слезили к валу; у подошвы его ставили лестницы, лезли на вал и, опира-

ясь на штыки, всходили наверх. Между тем стрелки оставались внизу и отсюда поражали защитников вала, узнавая их по огню их выстрелов».

Первыми оказались в жестокой схватке колонны отряда генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина. Вторая колонна этого отряда под командованием генерал-майора Ласси раньше других достигла вала. Под густым огнем солдаты Измайловского полка приставили к крутизне лестницы и, несмотря на ожесточенное противодействие, взобрались на вал. Солдат вели за собой мужественные офицеры секунд-майор Неклюдов и прапорщик князь Гагарин. Многие были сразу же убиты в упор, но этой ценой удалось выбить турок с бастиона и овладеть пушками, стоявшими на нем. Огонь уменьшился, на вал взобрались егеря и начали теснить турок вправо по валу. О жестокости начального боя можно судить по числу ран, полученных секунд-майором: сначала пуля пробила ему руку навывлет, две пули попали в ногу, в ногу он был ранен ударом кинжала, последнюю рану Неклюдов получил в грудь. Героя, первым вступившего на вал измаильский, понесли в лагерь. А других, безымянных, подбирала смерть...

Чуть позже взшла на вал первая колонна под командованием генерал-майора Львова. Ей пришлось овладевать валом под огнем каменной казематной батареи. Генерал сам был во главе атаки, он первым преодолел палисад и увлек за собой солдат Апшеронского полка и фанаторийских гренадеров. Сотня турок бросилась на атакующих с саблями, но не выдержала удара штыками и отступила. Турки, засевшие на батарее, принялись кидать гранаты; фанаторийцы и апшеронцы, пройдя сквозь завесу взрывов, потеряв многих, овладели батареей. Генерал Львов в это время был ранен, его сменил полковник князь Ло-

банов-Ростовский и тоже вскоре был ранен, командование принял полковник Золотухин, один из самых любимых командиров Суворова. Так начался штурм на правом фланге русских сухопутных войск.

На левом фланге действовали колонны отряда генерал-поручика Александра Николаевича Самойлова. Там, в те же минуты, что вторая и первая колонны, дошла на своем участке до рва шестая колонна под командованием генерал-майора Кутузова. Солдаты взобрались на вал, началась жесточайшая схватка. Дважды турки были готовы сбросить русских с вала. Кутузов донес Суворову, что продвижение по валу невозможно. Суворов впервые не был в гуще сражения. С возвышенности он наблюдал, как разворачивается сражение, и подкреплял атакующих по мере необходимости или отрядом солдат, или просто своим словом.

— Скажите Кутузову, что я назначил его комендантом Измаила и уже послал в Петербург известие о падении крепости.

Кутузов понял, что у командующего нет свободных частей и нужно обходиться своими силами. В резерве шестой колонны был Херсонский полк, его и бросил генерал в отчаянную атаку. Турки на этот раз не выдержали, начали отходить, устилая путь отхода своими телами.

«Все сии три колонны,— писал в донесении Суворов,— исполняя мужественно, храбро и с удивительною быстротою по данной диспозиции первое стремление, положили основание победе».

Труднее всех пришлось четвертой и пятой колоннам. В них было много казаков, которые, прекрасно сражаясь в конном строю, пеший бой знали хуже. Казаки несли большие потери, гибли сотнями под ятаганами янычар. Янычары перерубали древки казацких пик, казаки оказывались безоружными перед грозными врагами.

В один из моментов, когда передовые четвертой колонны входили на вал, турки сделали вылазку, открыв Бендерские ворота крепости. Двигаясь по рву, они внезапным ударом почти рассекли русскую колонну. Передовых пятой колонны турки сбросили с вала. Руководивший обеими колоннами генерал-майор граф Безбородко был в самом начале схватки тяжело ранен. Суворов послал на помощь казакам Воронежский гусарский полк. Кутузов, видя бедственное положение соседа — пятой колонны, которой командовал бригадир Платов, отрядил ей на помощь, хотя сам нуждался в помощи, батальон пехоты. Все это было сделано своевременно, и обе колонны укрепились на валу.

В начале схватки был тяжело ранен и командир третьей колонны генерал-майор Мекноб. Были ранены все батальонные командиры Лифляндского егерского корпуса. Суворову пришлось брать офицеров из других полков и подкреплять ими третью колонну. Ей достался самый неприступный бастион, одетый камнем. Ров перед бастионом оказался значительно глубже, чем в других местах; чтобы подняться наверх, приходилось штурмовые лестницы связывать по две. Все это делалось под залпами картечи, под густым ружейным огнем — сколько же нужно было отчаянной храбрости, железного мужества, чтобы по скользкому камню вскарабкаться на вал! А на валу — сразу рукопашная схватка с отборными янычарами, во главе которых сам Айдогле-Мехмет-паша... Но и третья колонна взшла на вал.

То, что колонна Львова на правом фланге, а колонна Кутузова на левом одновременно овладели валом и захватили бастионы, примыкавшие к Дунаю, сильно помогло войскам генерал-майора Осипа Михайловича де Рибаса. Огонь турок по десанту был менее губительным, чем мог быть. Пер-

выми подошли к берегу двадцать судов генерал-майора Арсеньева. Солдаты, а впереди офицеры мгновенно выскочили на берег. Укрепления на стороне реки были слабее, чем со стороны суши. Но сильнее была неприятельская артиллерия. Одна батарея стреляла вдоль берега, просекая все пространство снопами картечи. В жесточайшей рукопашной схватке батарея была взята, солдаты и черноморские казаки овладели валом и на своей приречной стороне.

В 8 часов утра вал, окружающий крепость, был очищен от турок на всей протяженности. Всего два с половиной часа ушло на то, чтобы штурмующие оказались в неприступном Измаиле. Однако это еще не была победа. Яростные, смертельные схватки начались в городе. Каждый дом являл собой маленькую крепость, будто Измаил разделился на тысячу мелких частиц и передал каждой прежнее мужество защитников.

И все же русские войска, высадившиеся с судов, неотвратимо продвигались к середине города. Шли туда батальоны и с других направлений.

В крепости было четверо ворот. Около полудня пешие казаки открыли Бросские ворота, фанаторийцы — Хотинские, были распахнуты Бендерские ворота. В них вошли гренадеры, гусары, карабинеры с полевыми пушками; пушки били вдоль улиц картечью, по постройкам — ядрами.

Подкрепление было как нельзя кстати. Потери русских к тому часу возросли. А турки, остававшиеся в живых, не надеясь на пощаду, сражались до последней возможности. Они не только оборонялись, но сами контратаковали. С несколькими тысячами турок и крымских татар Каплан-Гирей, хан в изгнании, победитель принца Кобурга, напал на отряд черноморских казаков, почти истребил его и

прорвался в тыл русских войск. Только помощь батальонов егерей и гренадеров восстановила положение. Каплан-Гирей был окружен, сдаться отказался, отбивался саблями и погиб со всем отрядом на штыках.

Дольше всех держался, укрывшись в каменном постоялом дворе, сераскир трехбунчужный паша Айдозле-Мехмет. С ним было две тысячи янычар. Полковник Золотухин со своими неустрашимыми фанаторийцами несколько раз атаковал отряд паши. Только после того, как ворота двора были выбиты пушечными ядрами, гренадерам удалось добраться до неприятеля. Ярость последней схватки была ужасная. Янычары почти все были перебиты, погиб и сераскир.

В четыре часа дня Измаил стих. Не слышалось криков «ура» и «алла». Жесточайшая схватка закончилась. Только носились по улицам многотысячные табуны испуганных лошадей, вырвавшиеся из коюшен.

В день 11 декабря обе стороны понесли огромные потери. Турки из 35 тысяч потеряли убитыми 26 тысяч, в том числе четырех двухбунчужных пашей и одного трехбунчужного. В плен сдались 9 тысяч. Из крепости удалось уйти лишь одному турку. Он переплыл Дунай, держась за бревно, и первый принес своим известие о падении крепости. Трофеями русских стали 345 знамен и 7 бунчуков, 245 пушек, 30 речных судов.

В русском 30-тысячном войске было убито 2037 человек, ранено 2933; из 650 офицеров было убито и ранено около четырехсот.

Неделя ушла на то, чтобы вывезти из города в поле мертвые тела и схоронить их.

Падение неприступной крепости, гибель целой армии вызвали в Турции состояние,

близкое к отчаянию. Растерялись и советчики султана в Англии и Пруссии. Селиму ничего не оставалось, как искать мира с Россией. Но он снова воздержался от благоразумного шага. Ограничился тем, что отрубил голову великому визирю Гасану и повелел привести несколько кораблей из Эгейского моря к Константинополю. Корабли эти пришли со спущенными русскими флагами — инсценировкой со взятием в плен русских кораблей султан пытался успокоить народ. Война, хотя и стихла на зиму, продолжалась.

Радость и ликование были в Петербурге. Отовсюду в Измаил везли Суворову поздравительные письма. Суворов и сам прекрасно знал, какой небывалый подвиг совершили он и его войска, — другого подобного примера в истории войн еще не было. Великий полководец впоследствии говорил, что на такой штурм можно было отважиться лишь раз в жизни.

Суворов ждал, что Екатерина теперь пожалует ему чин фельдмаршала, который сделает его равным с ее вельможами, избавит от необходимости подчиняться посредственным начальникам, даст возможность самому принимать важные решения. Он верил в справедливость императрицы и при встрече с Потемкиным в Яссах, куда приехал после штурма, говорил с фельдмаршалом, как уже фельдмаршал. Потемкин оскорбился тоном разговора и обычными чудачествами своего подчиненного. Этого было достаточно, чтобы сразу забылись великие деяния полководца и чтобы Екатерина изменила отношение к нему. В награду Суворову была выбита памятная медаль и пожалован чин подполковника Преображенского полка. Хотя сама императрица была полковником в том знаменитом полку, все это было изощренным оскорблением.

Суворов, как никто, умел проникать в

тайные мысли противника, на поле боя он всегда исходил в расчетах лишь из реального и точно выделял реальное из кажущегося, а тут ошибся. Ошибся потому, что ему казалось, что служба родине ценится превыше служения какому-либо лицу. В царское время это было не так. Суворов, возьми он десять Измаилов, одержи десять Рымников, никогда не сравнялся бы с Потемкиным. Екатерина и Потемкин, императрица и князь, были связаны между собой цепью дворцового переворота, они были сообщники.

Мы довольно подробно говорили о наградах того времени. В этом не было бы никакого смысла, если бы не касались при этом таких людей, как Суворов и Ушаков. Все царские ордена, все чины и титулы после Великой Октябрьской революции были упразднены, ибо давались они, за немногим исключением, за заслуги перед царями, перед помещиками и капиталистами, а не перед народом. Через семь лет после описываемых событий будет издан закон, по которому все члены царской фамилии мужского пола получали орден Андрея Первозванного сразу же по рождении; мало того, еще не умея самостоятельно сделать одного шага, царственный отпрыск, будучи андреевским кавалером, становился и кавалером ордена Александра Невского и Анны 1-й степени... Однако люди честные и прямодушные всегда отличали ордена Суворова от орденов Потемкина. Вспомни: Суворов получил Георгия 1-й степени за молниеносный разгром 100-тысячной армии противника, а Потемкин — за взятие Очакова в декабре, когда можно было взять его в апреле; престарелый полководец, знаменитый Румянцев язвительно называл потемкинскую канитель с Очаковым «осадой Трои», имея в виду десятилетнюю осаду столицы троянцев древними греками.

Когда Советская власть упразднила старые ордена, не были упразднены Георгиевские кресты — награда простых солдат и унтер-офицеров. Кресты эти — вначале серебряные, потом из простого металла — давались за истинную храбрость в бою; знаменитые наши военачальники Василий Иванович Чапаев, Георгий Константинович Жуков, Константин Константинович Рокоссовский, начинавшие военную службу еще в царское время, имели Георгиевские кресты за храбрость... Прошлое неразрывно связано с настоящим. Мы гордимся знаменитыми патриотами Отечества Александром Васильевичем Суворовым и Федором Федоровичем Ушаковым, у них была самая высокая и самая истинная награда — любовь и уважение народа. Потому-то в ряду орденов Советской страны есть ордена, названные их именами, — орден Суворова, орден Ушакова. Думали ли полководец и флотоводец, что далекие потомки удостоят их такой чести!

...Итак, Измаил был взят. Перед русской армией открылся путь к завершению войны. Деморализованную турецкую армию можно было гнать до самого Константинополя. Правители Турции этого опасались, начали собирать ополчение для защиты столицы. Потемкин и двинулся к столице, но не к турецкой, а к российской — в Петербург; армии было приказано располагаться на зимние квартиры.

Все командиры — участники штурма Измаила получили щедрые награды и повышения. Потемкину был подарен императрицей фельдмаршальский мундир, шитый алмазами ценой в 200 тысяч рублей. На конец апреля наступившего 1791 года назначался в Таврическом дворце роскошный пир в честь измаильской победы. Давал его петербургской знати Потемкин, владелец дворца и «победитель турок».

А Суворова на том пиру не было. Екатерина за два дня до торжеств повелела ему выехать в Финляндию для осмотра крепостей на русско-шведской границе... Полководец оказался за тысячи километров от краев, где продолжалась война и где он был совершенно необходим.

Между тем весна 1791 года поначалу ничего хорошего России не обещала. Англия и Пруссия готовились предъявить русскому правительству ультимативные требования, полезные Турции и спасавшие ее от разгрома. Обе державы грозились начать против России войну. В английском Портсмуте вооружались 36 линейных кораблей и 12 фрегатов. Они предназначались для захвата Кронштадта и Петербурга.

Грозу предотвратили русские дипломаты, убедив английских капиталистов в невыгодности для них столкновения Англии и России; Англия потеряла бы обширный рынок сбыта для своих товаров, разорвались бы традиционные торговые связи. Промышленники и торговцы крепко нажали на свое правительство, оно отказалось от намерения воевать с Россией; свидетельством изменений в политике Англии было то, что с кораблей в Портсмуте начали снимать пушки.

Князь Репнин, командовавший Дунайской армией в отсутствие Потемкина, уведомил Ушакова об изменении политической обстановки таким письмом: «По настоящему обороту политических дел уповательно [можно надеяться]: английский флот ни в Балтийское, ни в Черное море не будет. Итак, вам остается управляться только с одним турецким, с которым, надеюсь, вы скоро разделаетесь, и с тою же славою, которую вы уже себе приобрели».

Флот Ушакова был готов к боевым действиям. Он теперь насчитывал больше полусотни боевых единиц, в том числе

Наградной знак
участникам
штурма
Измаила.
На оборотной
стороне
надпись:
«За отменную
храбрость».

16 линейных кораблей. Дело оставалось за малым, за турецким флотом, который все еще не появлялся в Черном море.

Султан Селим, оставленный Англией и Пруссией в одиночестве, по-прежнему хорохорился. Он, конечно, понимал, что война проиграна, но надеялся нанести русской армии и флоту несколько внушительных ударов, чтобы паши, опираясь на эти победы, выторговали у русских дипломатов почетный мир. В турецких военных планах на 1791 год главное место отводилось флоту. На него, по сути, была вся надежда. Он должен был уничтожить русский флот и высадить десант на северном побережье Черного моря. Он же должен был помогать в обороне своих приморских крепостей. План не очень-то новый, в общих чертах повторяющий план прежних лет. Новым было то, что сам флот сильно увеличился. В Константинополь пришли корабли и военные суда из всех средиземноморских владений Турции. Теперь капудан-паше Гуссейну подчинялись восемь адмиралов и почти восемь десятков капитанов — свои турецкие, а также тунисские, алжирские, триполійские...

Самым серьезным среди помощников капудан-паши был алжирский адмирал Саид-Али, старый, опытный флотоводец, одер-

жавший победы над европейскими адмиралами, прозванный Грозой морей, Львом полумесяца. Саид-Али, уходя из Константинополя, пообещал султану привести Ушак-пашу с веревкой на шее.

А какие планы на 1791 год у русского командования? Обязательно закончить войну, создав условия для подписания выгодного России мира. Для этого нужно на правом крыле русско-турецкого фронта форсировать Дунай и разгромить главные силы турецкой армии, сосредоточенные в районе крепости Мачин. На левом крыле, восточнее Керченского пролива, нужно взять крепости Анапу и Суджук-Кале. Русский флот должен нанести поражение турецкому флоту.

Сухопутные войска России и на востоке и на западе действовали удачно. 22 июня генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович с 15 тысячами штурмом взял крепость Анапу, пленив 13 тысяч и истребив 8 тысяч неприятельских солдат. Вскоре он овладел и крепостью Суджук-Кале (Гудович воюет в новом чине, на Дунае он был генерал-поручиком; новые чины получили и другие командиры, у некоторых армейские чины поменялись на флотские). Почти в те же дни, 28 июня, другой генерал-аншеф, Николай Васильевич Репнин, при содействии гребной флотилии контр-адмирала де Рибаса, разгромил 80-тысячную армию турок в сражении у крепости Мачин.

После такого удара путь русской армии к Константинополю уже ничто не преграждало — ни медлительность Потемкина, ни сами турки. И великий визирь Турции начал мирные переговоры. Начать-то начал, но всячески затягивал их. Визирь и султан все ждали хороших вестей с моря, от капудан-паши Гуссейна, теперь только он мог поправить худые султанские дела.

Громоздкий флот Гуссейна истратил много времени на сборы. Он не успел помочь своим приморским крепостям. У крымских берегов турецкие корабли — в числе до полусотни — были замечены лишь 28 июня. Они прошли на далеком расстоянии от Севастополя, направляясь на восток, к Анапе. Гуссейн еще не знал о падении крепости. Его быстроходное судно-кирлангич, на котором он обходил корабли своего флота, отправилось в Анапу за овощами и было пленено там.

В те дни русский флот не смог выйти с рейда из-за неблагоприятного ветра. Ушакова это обстоятельство не очень тревожило. Он знал, что противник сам ищет встречи с русскими кораблями и встреча

непременно состоится — война закончится жестоким сражением на море.

12 июля турецкий флот снова появился вблизи крымских берегов: 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 22 других судна, всего 57. Как только Ушаков узнал об этом, он повел в море свой флот: 16 линейных кораблей, 3 фрегата, бомбардирский корабль, 23 крейсерских судна, 2 брандера, всего 45.

Русские корабли решительно шли на встречу неприятельским. Флоты сблизились. Надо было строить линии баталии. В это время турецкий флот отошел под ветер и боя не принял. Так было несколько раз в течение четырех суток: при подходе русского флота неприятельский отходил.

Штурм Имаила
11 декабря
1790 г.
*Старинная
гравюра.*

К ночи 15 июля турки, пользуясь лучшим ходом своих кораблей, оторвались от русских и исчезли из виду.

В поведении капудан-паши была некоторая странность. Его задача — уничтожить русский флот, а он не принял боя, будучи в численном большинстве; к тому же флот Ушакова из-за нескольких тихоходных кораблей растягивался по морю и, начнись сражение, русские корабли не все были бы в сборе. Чем же объяснить такое поведение турок?

Ушакову все время удавалось быть в наветренном положении. Турецкий флот оказывался каждый раз под ветром, в невыгодных для боя условиях. Неприятель же хотел действовать наверняка, непременно победить — и непременно с захватом русских кораблей. Средиземноморские паши-адмиралы были мастерами абсордажного боя, к абсордажам были готовы их корабельные команды. У них был большой опыт в захвате торговых судов. Топить купеческое судно, полное товаров, бессмысленно, его нужно взять целым — без проломов и пробоин в корпусе, иначе подмокнет содержимое трюмов; а что можно и нужно повредить — это оснастку корабля, перебить такелаж, порвать паруса, сбить реи и мачты, чтобы корабль остановился. Корабль стоит, тогда подходи к нему вплотную, высаживай на его палубу абсордажные команды.

Ушаков прекрасно знал тактические приемы неприятеля. Он догадывался, что именно замышляют паши.

Предположения русского флотоводца подтвердились показаниями турецких моряков, судно которых так неудачно плавало в Анапу за овощами. Ушаков доносил Потемкину:

«На всех кораблях неприятельских имеется великий комплект людей, а особо все большие и малые фрегаты и прочие из

лучших мелкие суда наполнены отборными людьми, и большей частью алжирцами для абсордажей, когда флот будет в бою, чтобы тогда с некоторыми отдельными начальниками, при больших кораблях находящимися, отделиться и абсордировать наши корабли, на флангах находящиеся. По сим обстоятельствам флот неприятельский и удаляется, чтоб, будучи под ветром, баталии не давать, опасаясь неудачи своего предприятия, что в построениях неприятельского флота и мною замечено; несколько сходно против таковых его предприятий я буду употреблять старание ко отвращению оных и до абсордажа не допускать их пушками, в чем и имею верную надежду на помощь божью».

Как видим, адмирал Саид-Али, Гроза морей и Лев полумесяца, помнил свое обещание пленить Ушакова.

В середине июля было установлено, что турецкий флот находится у мыса Калиакрия (на северо-востоке от Варны). 29 июля Ушаков отправил рапорт Черноморскому адмиралтейскому правлению:

«Черноморскому адмиралтейскому правлению донести честь имею: исправя корабли и фрегаты всеми потребностями, со флотом, мне вверенным, состоящим в числе 16-ти кораблей, 2 бомбардирских, 2 фрегатов, 1 репетичным, 1 брандером и 17-ю крейсерскими судами, сего числа с севастопольского рейда вышел на море и пойду к румелийским берегам искать флот неприятельский и употреблю всевозможное старание выполнить данные мне повеления».

Как и доносила разведка, неприятель оказался у Калиакрии. 31 августа с кораблей Ушакова увидели массу судов. Они стояли в шесть линий у берега. Мористее, дальше от берега, выстроились 18 линейных кораблей, в их числе шесть адмиральских. Под их прикрытием, ближе к берегу,

Генералиссимус
российских
войск
А. В. Суворов.
*Портрет работы
Н. Кройценгера,
1799 г.*

Орден Суворова.
Учрежден
Советским
правительством
в 1942 г. для
награждения
маршалов,
генералов
и офицеров.
Имеет три
степени.

стояли 10 больших фрегатов, три из которых тоже под адмиральскими флагами. В третьей линии было семь меньших фрегатов. За ними в три линии расположились другие суда, в числе 43-х. Стоянку флота с берега прикрывала многопушечная батарея, левым флангом она выходила на самую оконечность мыса.

Турецкий флот пребывал в спокойном состоянии. На этой позиции бояться ему было нечего и некого. Если Ушак-паша приблизится на выстрел, 18 линейных кораблей грянут таким могучим залпом, что разнесут русские корабли в щепки. Правда, русский флот может атаковать турок не в лоб, а во фланг, но тогда он попадет под огонь береговых пушек. Примерно так рассуждали девять неприятельских адмиралов и многих из корабельных команд отпустили на берег.

Что было делать Ушакову? Неприятель найден. В случае победы над ним окончится война — с выгодой для России. Но турок намного больше — 78 кораблей и судов против 39 русских. 2000 орудий против 1260, 25 тысяч неприятельских моряков против 11530. И ветер дует с берега в сторону моря. Мало того, что неприятель в выгодном наветренном положении, он к тому же уже в линии баталии. Может быть, пока не ввязываться в сражение с турками?

Ушаков, как и Суворов, обладал даром мгновенно оценивать позицию. Ушаков с мостика корабля увидел изъяны позиции капудан-паши и приказал своему флоту, как шел он тремя колоннами, так и идти, но быстрее — в довольно узкую щель между берегом и турецким флотом. Времени на перестроение из походных колонн в одну боевую не было; приходилось выбирать между внезапностью атаки и ослаблением огневой силы флота — при движении тремя колоннами две трети пушек смотрят на свои же корабли. Ушаков выбрал внезапность.

Но зачем лезть в щель под выстрелы береговой батареи? Только так можно занять наветренное положение, ветер-то дует с берега в сторону моря.

Орудия правого борта правой авангардной колонны, которой командовал Голенкин, уже капитан генерал-майорского ранга, несколькими залпами подавили турецкие береговые орудия. Эскадра заняла наветренное положение и ликвидировала угрозу с берега.

Внезапное появление русских кораблей, их проход в тыл турецкому флоту были так ошеломляюще неожиданны, что у неприятеля на кораблях поднялась паника. Рубили якорные канаты, в спешке поднимали паруса. Все бросились от берега в море. Несколько кораблей в суматохе столкнулись, один переломил бушприт¹, с другого упала бизань-мачта. Конечно, и речи не было, чтобы ждать возвращения на корабли матросов, отпущенных на берег.

Отходить с подветренной стороны просто, ветер сам несет корабли. Турки отошли и начали строить линию для боя. Капудан-паша Гуссейн никак не мог справиться с нервами. Он строил линию то на левый

¹ Б у ш п р и т — деревянный брус на носу корабля, служит для крепления треугольных парусов.

галс, то на правый, чем запутал капитанов. Кончилась неразбериха тем, что все пошли за кораблем Саида-Али, который шел левым галсом (ветер дул ему в левый борт). За алжирским пашой вынужден был пойти и корабль Гуссейна, иначе он остался бы в одиночестве.

Пока неприятельский флот так нерачительно терял время, Ушаков перестроил свой флот из трех колонн в одну — параллельно линии турок.

На мачте «Рождества Христова» взвился сигнал — всем спускаться на противника.

Саид-Али, будучи со своим кораблем «Капудание» во главе флота, с несколькими линейными кораблями и фрегатами устремился вперед. Алжирский адмирал намеревался обогнать русскую колонну, затем повернуть на сто восемьдесят градусов — выйти на ветер за русской колонной. Если бы этот маневр удался, то русские корабли оказались бы между двумя линиями турецких, то есть были бы взяты в два огня. Момент был опасный, неприятельские корабли ходили быстрее русских и могли выйти на ветер. Чтобы не случилось этого, Ушаков на своем быстром и сильном корабле вышел из линии и под всеми парусами пошел к «Капудание», который уже обогнал русскую линию, повернул и шел ей навстречу. Флоту был отдан приказ уменьшить дистанцию между кораблями, сблизиться с противником на картечный выстрел и только тогда открывать огонь.

Артиллерией на флагманском корабле командовал капитан 2 ранга Федор Иванович Юхарин. Он был храбрый и опытный в своем деле командир. От его знаний и распорядительности очень многое зависело в бою. На «Рождестве Христовом», как уже говорилось, было 80 пушек, пушки не одинаковые: 28 пушек на нижней палу-

Орден Ушакова.
Учрежден
Советским
правительством
в 1944 г. для
награждения
адмиралов
и офицеров
Военно-
Морского Флота.
Имеет две
степени.

бе (или деке) калибром 36 фунтов — стреляли почти пудовыми снарядами; на верхней палубе 26 пушек калибром 18 фунтов — стреляли полупудовыми снарядами; на шканцах, между средней мачтой и кормовой, между грот-мачтой и бизань-мачтой, стояли 15 пушек 12-фунтовых, стрелявших снарядами весом почти в треть иуда; на обеих палубах, на шканцах и баке были также единороги разного калибра — орудия с дальностью стрельбы до двух-трех километров; из единорогов можно было стрелять ядрами, разрывными и зажигательными снарядами, бомбами и картечью. Вот такими разнообразными орудиями надо было распоряжаться с наибольшей пользой для себя и с наибольшим вредом для противника. Пока мы говорили об орудиях флагмана, тот сблизился с кораблем Саида-Али «Капудание» и первыми же залпами сбил с его борта abordажные лестницы и убил множество людей, сгрудившихся у борта в ожидании, казалось, скорого abordаж.

«...Корабль под флагом моим «Рождество Христово», — доносил потом Ушаков, — приближаясь к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя несколько с носу...» В кабельтове 185,2 метра. Значит, Ушаков подошел к кораблю Саида-Али на 93 метра. По рассказам участников сражения, Саид-

Али и Ушаков видели друг друга. Русский адмирал крикнул алжирцу:

«Саид, бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!»

Угроза алжирского адмирала пленить Ушакова не была пустой: он смело шел на сближение с русским флагманом и даже приготовил все для абордажа — так был уверен в себе.

А залпы русских пушек следовали один за другим, и корабль Грозы морей, Льва полумесяца получал одно за другим повреждения. «...Прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота паши Саида-Али, — писал Ушаков, — который от производимого непрерывного жестокого на него огня тотчас остался поврежденным, без фор-стенги, без грот-марселя, с расстрелянными нижними парусами, и в прочих частях разбит до крайности».

Саид-Али сам со своим кораблем оказался перед гибелью или пленом. «Капудание» повернул, пользуясь оставшимися парусами, и с поспешностью пошел в середину флота. А на «Рождество Христово» бросились корабль вице-адмирала алжирской эскадры, два фрегата и еще один корабль. Флагман русского флота бил врагов пушками обоих бортов. На помощь Ушакову поспешили корабли «Александр Невский» капитана 1 ранга Языкова, «Иоанн Предтеча» капитана 1 ранга Баранова и «Федор Стратилат» капитана 1 ранга Селивачева. Огонь их был такой губительный, что алжирский вице-адмирал с линейным кораблем и фрегатами пустился следом за Саидом-Али, тоже в середину флота.

Поручив беглецов кораблям Голенкина, сам Ушаков снова погнался за Саидом-Али. Нагнал его, бил ядрами и увеличил и без того большие повреждения.

Яростный бой шел по всей линии. Русские корабли центра сильно повредили

корабль капудан-паши Гуссейна. В бедственном положении оказались все адмиральские корабли неприятельского флота. Противник «...был весьма разбит, замешан и стеснен так, что неприятельские корабли сами друг друга били своими же выстрелами. Наш же флот всею линией передовыми и задними кораблями совсем его окружил и производил с такой отличной живостью жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другого, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал от стесняющих его беспрестанно, стесненною кучею под ветер, оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал и непрерывным огнем бил его носовыми пушками».

Сражение, начавшееся в 2 часа 45 минут дня, закончилось в 8 часов 30 минут вечера. Победа была одержана великолепная. Потеряв убитыми 17 человек и ранеными 28, русские разгромили турецкий флот, вдвое больший. У турок потери в людях были очень большие за счет гибели абордажных команд, которые размещались на палубах в ожидании сцепления с русскими кораблями; если помнишь, в рапорте Потемкину Ушаков писал, что не допустит абордажа пушками, и он выполнил свое намерение. Только «Капудание» потерял около полутысячи человек.

Возникла возможность пленить несколько кораблей противника. Но туркам благоприятствовали обстоятельства: море до самого горизонта было затянуто густым пороховым дымом, ночь из-за этого дыма настала непроглядная, и ветер начал меняться, временами стихая до полного штиля. Все же флот Ушакова в густой темноте продолжал идти в сторону, где скрылся

Морское
сражение
при Калиакрии
31 июля 1791 г.
Рисунок
современника.

флот Гуссейна. Утром 1 августа северный ветер час от часу становился крепче, он «развел великое волнение» и, поскольку многие русские корабли имели повреждения, Ушаков прекратил преследование и повел флот на стоянку к берегу.

Пока флот исправлял повреждения, отряд крейсерских судов с фрегатом «Макроплия св. Марк» под командованием капитана 2 ранга Василия Великошапкина занялся поиском разбежавшихся неприятельских судов. За четыре дня крейсера потопили множество мелких судов и несколько пленили.

Пленные рассказали Ушакову, что часть турецкого флота укрылась в Варне. Русские корабли к тому времени были исправ-

лены, и Ушаков решил идти в Варну, чтобы добить избитых. Затем он намеревался идти к Босфору с той же целью и, если понадобится, дать новое сражение у самого Константинополя.

На подходе к Варне вернулись к флоту посланные в разведку крейсерские суда, они сопровождали два турецких кирлангича. Оказалось, турки везут Ушакову ордер Репнина о прекращении военных действий. Ордер был послан из Галаца, и то, что взялись за его доставку сами турки, говорило об их огромном желании как можно скорее утихомирить русского адмирала. Какие события предшествовали этому?

Разбитый турецкий флот, застигнутый сильным северным ветром в море, умножил

свои несчастья. Несколько кораблей потонуло. Капудан-паша, страшая султанского гнева, исчез с флагманским кораблем, шесть кирлангичей искали его несколько суток. В Босфор пришел лишь Саид-Али с частью эскадры. Ночью «Капудание» приблизился к турецкой столице и переполошил город пушечной стрельбой. Корабль тонул, выстрелами он просил о помощи. Но все были так растеряны и подавлены, что помощи «Капудание» не дождался и потонул. Израненного Саида-Али на носилках отнесли во дворец Селима III. Султан и его правительство, увидев Грозу морей в таком жалком состоянии, а также разбитые, обожженные корабли, без промедления отправили великому визирю повеление — заключить мир с русскими. О тех часах в султанском дворце Екатерина II писала одному из своих зарубежных корреспондентов: «...он, Ушаков, так хорошо отдал турецкий флот, что тот бросился в Константинопольский порт на глазах г. Селима. Испуганный при виде своих кораблей, лишенных мачт и совершенно разбитых, и экипажа, среди которого много убитых и раненых, он тотчас же отдал приказ кончать возможно скорее, и даже сами турки говорили, что его высочество, заносившийся двадцать четыре часа тому назад, стал мягок и сговорчив как теленок».

За победу при Калиакрии контр-адмирал Федор Федорович Ушаков получил орден Александра Невского, а позже — за всю войну — медаль; тисненая на ней надпись гласила: «Победителям. При мире декабря 29, 1791». Такие же медали получили все участники второй русско-турецкой войны — генералы и адмиралы, офицеры, солдаты и матросы.

Дата на медали — дата подписания мирного договора России и Турции. По новому согласию России безоговорочно, навсегда

отходило Северное Причерноморье от Кубани на востоке до Днестра на западе. Россия завершила многовековую борьбу за право пользоваться Черным морем и поселиться на его берегах.

Тысячи и тысячи людей в звании солдата и матроса совершили такое нужное для многонациональной России дело. В те времена историческая наука не утруждала себя сбором известий о героях простого звания. И мы не можем назвать их, вынесших все тяготы войны. Но есть два человека, воздавая почести которым мы воздаем почести рядовым армии и флота тех времен. Это полководец Александр Васильевич Суворов и флотоводец Федор Федорович Ушаков, они неотделимы от войск и кораблей, которые добывали победу России.

Книга наша кончается, мы расстаемся с этими знаменитыми военачальниками. А им в скором времени предстояли новые сражения, но уже с другим противником — с армией и флотом Франции. Наполеон Бонапарт еще не император, но уже рвется к господству над Европой и миром. Суворов в те годы добавит к славе Рымника и Измаила славу Альпийского похода. Ушаков к славе Калиакрии прибавит славу Корфу. Он совершит небывалое — атакой с моря возьмет сильнейшую крепость французов на острове Корфу. Потеряв при этом 36 человек убитыми и 55 ранеными, пленит 3 тысячи французов с тремя генералами, возьмет у них линейный корабль, фрегат, бомбардирский корабль, десяток других судов, 5500 ружей и 698 пушек. Александр Васильевич Суворов откликнется на этот подвиг вдохновенными словами: «Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом!»

И еще пройдут годы. Будут новые грозы греметь над могучим древом России, будут новые попытки иноземцев расколоть Россию на малые и слабые государства, отодвинуть от Балтийского моря, от Черного моря, от дальневосточных морей. Могучий дуб выстоит: все ураганы стихнут в его ветвях, все молнии погаснут у его корней...

Придет 1917 год с Великой Октябрьской социалистической революцией. Рабочие и крестьяне, руководимые В. И. Лениным, Коммунистической партией, обновят Россию для новой жизни. Освободившись от царизма, от капиталистов и помещиков, Россия станет ядром, вокруг которого сплю-

тятся многие-многие народы и народности — числом свыше ста! Возникнет Советский Союз, первое в мире государство трудящихся. Совершая дела поистине грандиозные, изумляя человечество подвигами во имя счастья всех людей, мы, советские люди, бережем то, что оставили нам предки: земли, кормящие нас, моря, связывающие нас с другими странами, небеса, сияющие солнцем. И бережем в себе, как залог вечной жизни, унаследованную от прежних поколений, укрепшую в нас самих любовь к Родине, постоянную готовность защитить Советскую Родину от любого врага.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга А. В. Митяева, с которой познакомился читатель, не может не вызвать интереса и содержанием, и формой изложения. Автор показывает широкую панораму героического прошлого восточных славян, русского и других народов нашего Отечества — примерно с середины первого тысячелетия нашей эры до конца XVIII века, то есть за четырнадцать столетий. Его произведение патриотично в самом высоком смысле слова.

Хотелось бы отметить интересный, хорошо подобранный иллюстративный ряд книги, дающий образное представление о высоком уровне материальной культуры и военного искусства России.

Русская военная история полнится фактами, действиями и именами, которыми мы, советские люди, вправе гордиться. Наш долг помнить о ратной доблести предков в их многовековой борьбе за независимость Отечества, за его могущество. По словам А. С. Пушкина, «гордиться славой своих предков не только можно, но и должно».

В художественной литературе немало сделано и делается для показа героической борьбы русского народа против чужеземных захватчиков за свое национальное существование. Но важно создавать произведения не только об отдельных эпизодах этой борьбы, но и о всех этапах ее, показывать борьбу в целом, как бы сверху, «с птичьего полета», вскрывать динамику развития событий, их роль в общем историческом процессе.

Книга А. В. Митяева охватывает многие важнейшие события истории, а названа «Ветры Куликова поля». Пусть это не удивляет читателей. Куликовская битва — событие всемирно-исторического значения — является нашим национальным символом, вобравшим в себя очень и очень многое. Ею завершился важнейший этап национально-освободительной борьбы, начатый со времени страшного Батыева нашествия во второй половине 1230-х — начале 1240-х годов. Это нашествие было одним из звеньев в длинной цепи набегов и разорений, которым славянские,

потом русские земли подвергались с незапамятных времен. Еще в первом тысячелетии до нашей эры на прикаспийские, приазовские, причерноморские степи волна за волной накатывалась с востока орды кочевников. Так продолжалось до первой четверти второго тысячелетия нашей эры. Кочевники-завоеватели разоряли не только приморские земли. Они доходили до лесостепей среднего Поднепровья и Подонья, добирались подчас и до местностей, расположенных дальше на север, до лесных районов. Борьба с восточной опасностью, отражение нападений, которые предпринимали византийские императоры на юге, варяги на севере, польские, литовские, венгерские правители, немецкие крестоносцы на западе, — характерная и постоянная особенность жизни славян, русичей на протяжении столетий. Ветры сражений непрерывно проносились, превращаясь временами в бури, то на восточных и западных, то на южных и северных рубежах.

В конце первой трети XIII века на смену половцам пришли — с того же востока — монголо-татары. Они установили на русских землях иго, которое продолжалось без малого два с половиной столетия. Национальное освобождение пришло на Русь в 1480 году — сто лет спустя после Куликовской битвы, в сражениях на реке Угре и ее окрестностях.

Борьба России с ханствами Казанским, Астраханским, Сибирским, Крымским, Большой и Ногайской ордами и др. была по существу тоже продолжением борьбы с Золотой Ордой, начатой на Куликовом поле. Эти ханства были преемники Золотой Орды; она распалась в 20—60-е годы XV века на самостоятельные государства, с которыми Россия вела борьбу еще в течение нескольких столетий, вплоть до конца XVIII века.

Одним из результатов «Батыева погрома» и установления монголо-татарского ига было отторжение от Руси ряда древнерусских земель и включение их в состав соседних государств — Великого княжества Литовского, Польши, Венгрии, Ливонского ордена, затем Швеции. Это территории современной Украины, Белоруссии, северо-западные земли в районе Чудского озера, южного и восточного побережья Финского залива. Борьба против Золотой Орды, Русь,

затем Россия одновременно потратила немало сил, чтобы вернуть эти утерянные земли. Их воссоединение происходило тоже в течение ряда столетий — с конца XV до конца XVIII века. Решающим фактором и здесь была победа над извечным врагом и поработителем Золотой Ордой.

В постоянном преодолении внешней опасности, отстаивая свое право на существование, ведя суровую и непрерывную борьбу, восточные славяне уже в V—VIII веках в полный голос заявили о себе как о могучей и грозной силе, с которой должны считаться воинственные и подчас весьма коварные соседи. Авторитет восточных славян возрос в эпоху Киевской Руси, или, иначе, Древнерусского государства со столицей в Киеве, возникшего в IX столетии.

Историки подсчитали, что во второй половине XI — начале XIII века, примерно за полтора столетия, великие князья киевские, все русские люди отразили почти пять десятков набегов и походов половцев. Как минимум один раз в три года пылали русские города и селения по южным и юго-восточным рубежам, а их жители брались за оружие, чтобы защитить свой очаг. Многие погибали, попадали в плен. Людские и материальные потери еще больше возросли в тяжкую годину Батыева разорения и монголо-татарского ига. Ко всему этому добавились нападения на северо-западе и западе. Редкий год проходил в те столетия мирно и спокойно. В борьбе с половцами и монголо-татарами закалилось мужество русских ратников, возросло воинское искусство. Народ выдвинул выдающихся полководцев, руководивших борьбой за национальную независимость. Святослав и Владимир Мономах, Даниил Галицкий и Мстислав Удалой, Александр Невский и Дмитрий Донской сумели, опираясь на народ, возглавить освободительную борьбу, внести большой вклад в строительство Руси, в укрепление ее государственности, в возрождение хозяйства и культуры.

Борьба Руси, русского народа против своих внешних врагов была как щит для всей европейской цивилизации. Русские необозримые равнины, по словам Пушкина, поглотили силы захватчиков — монголов и их многочисленных предшественников. На этих равнинах, в жестоких сечах, в постоянном противобор-

*Подбор иллюстративного материала,
макет и оформление книги художника
Б. КЫШТЫМОВА*

*Карты выполнены художником
Д. МАХАШВИЛИ*

*Фотосъемка экспонатов отдела оружия
Государственного Исторического музея
специально для этой книги
выполнена фотографом
Н. ЗИМИНЫМ*

*Издательство «Детская литература»,
автор и художник этой книги
выражают глубокую благодарность
отделу оружия Государственного Исторического музея
за содействие в подборе и фотосъемке
иллюстративного материала.*

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Анатолий Васильевич Митлев

ВЕТРЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ

ИН № 4622

Ответственный редактор
С. М. ПОНОМАРЕВА

Художественный редактор
М. Д. СУХОВЦЕВА

Технический редактор
Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректоры
Л. И. ДМИТРИУК и Э. Н. СИЗОВА

Сдано в набор 09.06.82. Подписано к печати 29.04.84. А02919. Формат 84×90¹/₁₆. Бум. семимат. № 1. Шрифтобыки. Печать офсет. Усл. печ. л. 28,0. Усл. кр. отт. 113,58. Уч.-изд. л. 27,06. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1140. Цена 3 р. 50 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Митлев А. В.

М67 Ветры Куликова поля: Рассказы /Художник
Б. Кыштымков. — М.: Дет. лит., 1984. — 319 с., ил.

В пер.: 3 р. 50 к.

Книга рассказов о важнейших битвах русской армии и флота, о роли в этих битвах полководцев и флотоводцев, о значении битв и сражений в истории России (середина первого тысячелетия нашей эры до конца XVIII в.).

4803010102—341
М М101(02):84 390—83

P2

3 р. 50 к.

